

Учреждения Российской академии наук
Институт философии РАН
Институт психологии РАН
Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН
Институт экономических стратегий ООИ РАН

Институт рефлексивных процессов и управления
Институт рефлексивных процессов творчества и гуманизации образования
Российский фонд развития высоких технологий
Клуб инновационного развития

Рефлексивные процессы и управление

Сборник материалов VIII Международного симпозиума
«Рефлексивные процессы и управление»
18-19 октября 2011 г., Москва

Под редакцией В.Е.Лепского

Издательство «Когито-Центр»
Москва - 2011

УДК 100
ББК 87.6
С 60

С 60 Рефлексивные процессы и управление. Сборник материалов VIII Международного симпозиума 18-19 октября 2011 г., Москва / Под ред. В.Е.Лепского – М.: «Когито-Центр», 2011. – 271 с.

ISBN 978-5-89353-353-8

УДК 100

ББК 87.6

Сегодня Россия пытается выйти из глубокого кризиса, охватившего политическую, экономическую, социальную и духовную жизнь страны. Для качественного изменения ситуации нужны новые высокие гуманитарные технологии, а также проекты формирования и соорганизации стратегических субъектов российского развития, что составляет суть ответа на вызов интеллектуальных сил страны.

Поэтому ведущие темы симпозиума связаны с социогуманитарными технологиями российского развития: организации рефлексивно-активных сред развития и сборкой субъектов развития. Интеграция этих технологий позволила разработать новые подходы к динамическому моделированию социальных систем на основе стратегических рефлексивных игр. Как и на предыдущем симпозиуме отмечается возрастание роли специалистов из области философии в решении методологических проблем организации российского развития.

Сборник материалов в основном отражает планируемые выступления на секционных заседаниях, материалы Круглых столов и Пленарных заседаний будут опубликованы в журнале «Рефлексивные процессы и управление».

*Сборник материалов симпозиума подготовлен и издан при поддержке РГНФ
грант № 11-03-14028г*

© Учреждение Российской академии наук Институт философии РАН

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Авдеева И.Н.</i> Рефлексивные аспекты педагогической фасилитации	7
<i>Аршинов В.И.</i> Синергетика сложности и рефлексивно-активные среды инновационного развития	9
<i>Аутенилюс Б.Р., Воронцов В.А., Левкович Б.Е., Левкович Е.Б., Ульянов И.А.</i> Рекуррентная модель на службе общества	13
<i>Ахромеева Т.С., Малинецкий Г.Г., Посошков С.А.</i> Инновационное пространство России: реальность, мифы, рефлексия.	15
<i>Бадалова М.В.</i> Интуитивная рефлексия практического психолога	18
<i>Баксанский О.Е.</i> Стратегии развития России: компетентностный подход и рефлексивные способности	21
<i>Балл Г.А., Мединцев В.А.</i> Рефлексия научно-коммуникационной деятельности	25
<i>Басимов М.М., Берхеева Р.Н.</i> Межнациональное рефлексивное исследование в рамках населенного пункта	28
<i>Басов Ф.А.</i> Возможности мировоззренческого лидерства Германии в международных отношениях (аспект этических систем В.А.Лефевра)	30
<i>Беленкова О.А., Краснова Е.В.</i> Социально-управленческая культура – стратегический ресурс модернизации российской экономики	35
<i>Белкин С.М., Байдаков М.Ю.</i> Рефлексивное управление развитием	37
<i>Бескова И.А.</i> Креативная сложность в рождении инноваций	40
<i>Бетильмерзаева М.М.</i> Ментальная детерминированность рефлексии	42
<i>Болдина Т.Г.</i> Оптимизация гимнастического образования на основе рефлексивно-деятельностной педагогики	45
<i>Борискина А.А.</i> Развитие рефлексивно-нравственной позиции подростков в поликультурной образовательной среде	47
<i>Борисов С.В., Богданова В.О.</i> Процесс «сборки субъекта» с позиции конструктивистского философствования	49
<i>Бреер В.В.</i> Информационное управление пороговым поведением толпы	52
<i>Буров В.А., Бурова Л.В.</i> Методологический интерфейс управления знаниями в рефлексивно-активных средах	55
<i>Бухарин С.Н., Малков С.Ю.</i> Моделирование альтернативного выбора в информационном поле	57
<i>Васютин Р.Н.</i> Рефлексивное управление удовлетворенностью клиентов	60
<i>Вафин А.М.</i> Культура - идентичность - образ как управленческая схема	64
<i>Водопьянов Д.А., Елисеенко А.С., Серегин К.С.</i> Взаимодействие подходов психологического изучения рефлексивности личностно-профессионального развития	66
<i>Войтик И.М., Алексеева Г. П.</i> Методологические основы коммуникативного типа рефлексии в профессиональном образовании менеджеров	68
<i>Войтик И.М., Самсонова А.О., Семенов И.Н.</i> Развитие интеллектуально-рефлексивных способностей в высшем профессиональном образовании	72
<i>Войцехович В.Э.</i> Гуманитарная математика как алгоритм производства моделей в полисубъектной инновационной среде	74

<i>Волков Е. Н.</i> Визуальная объективизация социальных и социально-психологических процессов как инструмент постепенной социальной инженерии	77
<i>Воронов М.В.</i> О проблемах проектирования рефлексивно-активной среды	80
<i>Горяинов В.П.</i> Теоретические основы отнесения ценностей к одной из двух этических систем по В.А.Лефевру	82
<i>Григоровская Л.В.</i> Психологический контракт как инструмент рефлексивного управления обеспечения развития компаний при слиянии	86
<i>Гришин Е.А.</i> Рефлексивная машина как основа «квазиживого» и «квазиразумного» виртуального агента	87
<i>Даниелян Н.В.</i> Принципы самоорганизации в управлении сложными системами	91
<i>Дметерко Н.В.</i> Проблема рефлексии в контексте ее предмета и содержания	94
<i>Дюков В.М., Шайхутдинова Р.В.</i> Возрастные особенности интеллектуально-рефлексивного развития дошкольников	96
<i>Евстифеева Е.А., Филиппченкова С.И.</i> Социально-психологическая модель врачевания: опыт использования рефлексивных технологий	97
<i>Журавлев А.Л., Нестик Т.А.</i> Групповая рефлексивность как социально-психологический феномен	99
<i>Иванов К.П.</i> Деятельность и самосознание в инновационном дискурсе	102
<i>Капелько О.Н.</i> Рефлексивное управление в общем контуре проблем управления	105
<i>Капустян В.М., Грязных В.Ф., Каменев Е.А., Табаков К.В., Филюшина А.С.</i> Особенности инновационного развития в направлении 7-ого социогуманитарного технологического уклада	107
<i>Кириченко В.В.</i> Технические приемы формирования игрового пространства в процессе ОДИ	112
<i>Князева Е.Н.</i> Инновационная сложность: ее эмерджентные свойства и риски управления	114
<i>Коврига А.В.</i> Капитализм и рефлексия: к проблеме институциональной инфраструктуры знания	117
<i>Колесников А.В., Сиренко С.Н.</i> Опыты компьютерного моделирования образовательного процесса с элементами рефлексивного подхода	120
<i>Комлева Н.А.</i> Концепция столкновения цивилизаций: прагматический аспект	123
<i>Кондрашихина О.А.</i> Ситуация неопределенности как предмет научной рефлексии	125
<i>Кононов А.А.</i> Рефлексивные технологии и идеологическая безопасность нации	128
<i>Корепанов В.О.</i> Стратегическая рефлексия: прогноз и оптимизация поведения агентов в задаче о диффузной бомбе	131
<i>Костюков Н.Н.</i> Рефлекпроектирование формирования профессиональных компетенций в медицинском образовании	134
<i>Котик И.А.</i> Личностная надежность в контексте рефлексии цивилизации и культуры	137

<i>Кузнецов В.Ю.</i> Перформативность коммуникации, метаданные и порядки рефлексии	139
<i>Лантева О. И.</i> Концепция развития рефлексивных способностей преподавателя ВУЗа	142
<i>Лебедев Ю.А.</i> Рефлексия как один из механизмов формирования холичности сложных квантовых систем	145
<i>Левинтов А.Е.</i> Современные проблемы нерелексивной школьной педагогики	147
<i>Лепская Н.А.</i> Релексивные представления в диалоге «художник – зритель» как основа творчества	150
<i>Лепский В.Е.</i> Стратегические релексивные игры – социогуманитарные технологии сборки субъектов российского развития	152
<i>Лепский В.Е., Наумов С.А.</i> Проект «Сколково»: социогуманитарные аспекты развития	157
<i>Лепский В.Е., Савельев А.М., Хамдамов Т.В.</i> Стратегическая релексивная игра «Россия в миропроектах»	160
<i>Лефевр В.А.</i> Теоремы о социальной свободе	168
<i>Лефевр В.А., Тарасенко С.С.</i> Установки. Консенсус	172
<i>Макушкин А.Г.</i> Сборка центров силы	175
<i>Моисеев В.И.</i> Образы субъектных сред развития в релексивной теории В.А.Лефевра и теории аутопоззиса	178
<i>Моркина Ю.С.</i> Понятие сложности в анализе художественного творчества	182
<i>Москалев И.Е.</i> Императивы сложности в управлении социальными изменениями	184
<i>Найденов М. И.</i> Фильтры групповой рефлексии в полисубъектной среде	186
<i>Найденов М.И.</i> Релексивное управление в обеспечении слияния конкурентов рынка	189
<i>Найденова Л.А.</i> Адсорбционная релексивная способность членов творческих сообществ в обеспечении организационных изменений	190
<i>Найденова Л. М.</i> Особенности репрезентации релексивных модальностей в различных средах у взрослых и юношества	192
<i>Наумчик Н.В.</i> Релексивно-психологические предпосылки реализации личностно-ориентированного подхода в образовании	194
<i>Никитаев В.В.</i> Релексивное управление и форсайт	197
<i>Никонов Ю.В.</i> Этические системы Лефевра в моделировании эволюции социальных сетей	199
<i>Норкин С.М.</i> «Генератор смысла». Технологии 7-ого уклада	202
<i>Петрунько О.В.</i> Релексивное управление образом инноваций в информационном обществе	204
<i>Пискунов А.А.</i> О методологических проблемах стратегирования социально-экономического развития	206
<i>Просандеева Н.В.</i> Социальный проект Эрнесто Че Гевары	211
<i>Радовель М.Р.</i> Перспективы борьбы с коррупцией в России в свете коммуникативно-диалоговой теории	213
<i>Райков А.Н.</i> Экспертные среды	215
<i>Реут Д.В.</i> В какой степени субъектно-ориентированный подход совместим с философией развития?	217

<i>Семенов И.Н.</i> Дизайн исследования рефлексивности личностно-профессионального целеобразования студентов	219
<i>Семенов И.Н., Хасямов Р.В.</i> Рефлексия представлений студенческой молодежи о человеческом капитале	222
<i>Сизикова Т.Э.</i> Рефлексивное психологическое консультирование	224
<i>Силов В.Б.</i> Идентификация когнитивных моделей систем предпочтений ЛПР в информационных рефлексивных системах	226
<i>Смирнов С.А.</i> Рефлексивная психотерапия кризисной личности в контексте поликультурного образования	229
<i>Смолян Г.Л., Солнцева Г.Н.</i> Рефлексивное управление в лабиринтах киберпространства	233
<i>Соловьёв О. Б.</i> Рефлексия и рефлексивность на финансовых рынках	237
<i>Солондаев В. К.</i> Выбор действий субъекта в комплексной ситуации	240
<i>Солоненко М.А.</i> Рефлексивный подход к восприятию времени (по материалам работ Гуссерля и Канта)	243
<i>Тарасенко С.С.</i> Рефлексивный анализ в политике: ядерный кризис в Японии	245
<i>Туркулец С.Е.</i> Философский смысл социальной проективности права	248
<i>Филимонов В.А.</i> Рефлексивный анализ и технологии ситуационного центра	
<i>Хамдамов Т.В.</i> Бессубъектная парадигма восприятия экономической реальности как причина замены инновационной деятельности на имитационную	253
<i>Хохлова Л.П.</i> Прикладная философия развития ризоморфных инновационных сред	256
<i>Цой Л.Н.</i> Рефлексивное управление конфликтами	259
<i>Чайковский Д.В.</i> Особенности сборки субъекта власти в современном обществе	262
<i>Чернявская В.С.</i> Рефлексия в проекте ситуационного центра для управления ВУЗом	265
<i>Ярославцева Е.И.</i> Проблема социального партнерства субъектов: синергия интерактивных коммуникаций	267

РЕФЛЕКСИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ФАСИЛИТАЦИИ

И.Н.Авдеева

(Гуманитарный университет, г. Севастополь, Украина)

Ключевой характеристикой гуманистического личноно развивающего образовательного процесса является его реализация как фасилитативного взаимодействия между участниками [1, 2]. Реализация фасилитативной педагогической позиции в деятельности учителя переводит эту деятельность на инновационный уровень [3].

Проведенное нами исследование влияния инновационной педагогической деятельности на психологические особенности её участников позволило заключить: участие в творческой инновационной работе обуславливает серьезные изменения в психической деятельности достаточно большой части учителей [4]. При этом позитивные изменения (усиление центрации на ребенке, повышение уровня саморегуляции и критического отношения к собственному творчеству) сопровождаются негативными психическими проявлениями невротического характера (уменьшение спонтанности, усиление склонности к стереотипизации, повышение тревожности, формирование негативной эмоциональной зависимости от учеников – вынужденной центрации).

В основе психотравматизации лежит подсознательный внутриличностный конфликт, обусловленный хроническими нарушениями зоны ожиданий в сфере актуальных отношений педагогов (отношение к результатам собственного творчества, отношение к ученикам). Традиционная педагогическая позиция и явно и неявно предусматривает нацеленность учителя на достижение четко определённого, заранее сформулированного результата педагогической деятельности (определенный уровень знаний, умений, навыков, определенные качества поведения, определённые позитивные личностные характеристики...). Стимулируемые инновационными изменениями в режиме обучения и общения многообразные (незапланированные, с точки зрения конкретных характеристик) реакции детей, не идентифицированные учителем в позитивном контексте в качестве желательных проявлений творчества самоактуализации, нарушают зону ожиданий педагога, вызывая разочарование, тревогу, а иногда агрессию. В пространстве индивидуально-специфических влияний школьники начинают восприниматься (в большинстве случаев неосознанно) учителем-инноватором как преграда, фрустрирующий фактор на пути к профессионально-личностной самореализации. Особенно это касается тех учеников, которые демонстрируют присущие творческим натурам поведенческую спонтанность, критическое отношение к привычному, чувствительность к побочным продуктам деятельности... Не осознавая вполне причин своего недовольства, учителя приписывают негативные характеристики детям, условиям труда, администрации, усталости... А исходная причина – неумение воспринимать неожиданное положительно, в фасилитативном контексте – остается вне рефлексивного анализа и, соответственно, не получает адекватной психологической отработки.

Конфликт в зоне ожиданий обостряется из-за противоречия, связанного с усилением контролирующей «взрослой» позиции (а, значит актуализацией педагогическоцентрической модели учебного взаимодействия) и необходимостью реализовать “равноправные” модели общения (которых требуют современные личностно ориентированные образовательные программы). Неудачные попытки согласовать на уроках эти модели приводят к углублению фрустрации.

Можно заключить, что в основе выявленных в нашем исследовании характеристик педагогов-инноваторов – неразвитая и нереализованная рефлексия психических изменений, сопровождающих инновационную педагогическую деятельность. Отсутствие или искажение процессов рефлексии инновационной деятельности может стать существенным препятствием для реализации учебного процесса как фасилитативного взаимодействия с учениками:

Во-первых, фасилитация предусматривает полное и безусловное принятие партнера. Но не может быть принятием человека, которого неосознанно воспринимаешь как оппонента, как препятствие, общение с которым, хотя и является самостоятельно избранным видом деятельности, но (при отсутствии адекватной рефлексивной отработки) приобретает вынужденный характер.

Во-вторых, фасилитативное взаимодействие предусматривает, что учитель предлагает, транслирует учащимся собственные образцы творческой жизнедеятельности, способы позитивных ценностных отношений к себе и окружению, к проблемам, которые возникают в процессе познавательной деятельности. Важнейшей характеристикой трансперсонального взаимодействия является актуализация в нём эмоциональных структур вовлеченных субъектов [5]. Чтобы транслировать способы позитивного отношения и самоотношения, нужно их иметь в достаточно развитом отрефлексированном виде, быть настроенным на распознавание и поддержку их проявлений у партнеров по взаимодействию (быть положительно центрированным на партнере). Но, состояния хронического нервно-психического напряжения (с которыми по большей части связана творческая деятельность, реализуемая в рамках традиционной педагогическоцентрической позиции) приводят к формированию негативного самоотношения, активизации непродуктивных (нетворческих) типов реагирования в повседневном общении, к негативной фиксации на партнерах. Доминирование таких негативных состояний в эмоциональном контексте взаимодействия учителя с учениками делает невозможной реализацию фасилитативной личностной позиции, как открытого конгруэнтного самовыражения в общении (и связанной с ним опосредованной позитивной стимуляции позитивных личностных изменений у учащихся).

В-третьих, фасилитативное взаимодействие – это деятельность, цель которой закономерно не может быть исчерпана конкретными характеристиками предварительно запрограммированного результата. Работа в таком режиме требует от педагога открытости новому опыту (источником которого выступают, прежде всего, ученики), готовности воспринимать ученика как фасилитатора – посредством рефлексии собственных личностных

изменений в процессе творческого сотрудничества. Важнейшим фактором позитивной открытости новому опыту является основанное на развитой рефлексии осознанное отношение к неопределенности как к потенциальной возможности развития всех участников педагогического взаимодействия.

Сказанное обуславливает необходимость соответствующей личностной подготовки учителя к творческой педагогической деятельности в режиме фасилитативного взаимодействия с учениками. Базовым средством такой подготовки должны стать рефлексивные технологии профессионально-личностного развития педагога.

Литература

1. Роджерс К., Фрейберг Д. Свобода учиться. – М.: Смысл, 2002. – 527с
2. Жижина И.Н., Зеер Э.Ф. Психологические особенности педагогической фасилитации // Образование и наука. – 1999. – т.2 (2).
3. Авдеева И.Н. О методологических основаниях фасилитативного взаимодействия в педагогическом процессе Горизонты образования. – 2005. – № 3. – С.7-19
4. Авдеева И.Н. Педагогическое творчество и педагогическая фасилитация Вестник Московского государственного областного университета, серия «Психологические науки». - №1. – 2007. – М.: Изд-во МГОУ. – С.114-120.
5. Васютинський В.О. Три джерела групової феноменології в педагогічній взаємодії// Проблеми сучасної педагогічної освіти. Сер.: Педагогіка і психологія. – Зб. статей: Вип.6. Ч.І. – Ялта: РВВ КДГІ, 2004. – С.129-134.

СИНЕРГЕТИКА СЛОЖНОСТИ И РЕФЛЕКСИВНО-АКТИВНЫЕ СРЕДЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

В.И.Аршинов (Институт философии РАН, Москва)

Понятие рефлексивно-активных сред инновационного развития было недавно введено в современный методологический обиход В.Е.Лепским в качестве интегративного инструмента «сборки» стратегических субъектов, формирующих образ будущего России и воплощающих его в действительность [1]. Предлагаемый Лепским подход, будучи сам по себе методологически инновационным, одной из своих отправных точек берет представления В.С.Степина о постнеклассической рациональности, опираясь, в частности, на его ключевой тезис о конструктивном расширении и усложнении сферы рефлексивной деятельности субъекта постнеклассической науки как одной из ее основных специфических характеристик [2]. В этом контексте представляет интерес соотнести средовую концепцию Лепского с представлениями синергетики второго порядка или синергетики сложности [3]. Понятие «сложность» естественным образом присуще синергетике, *сложностное мышление* ее основной атрибут. Это обстоятельство стало осознаваться в последние годы все более отчетливо так же в связи с осмыслением статуса синергетики в контексте вышеупомянутых представлений Степина о становлении постнеклассической науки. Однако отправная точка этого осмысления несколько иная. Конечно, синергетика изначально опиралась на понятие активных нелинейных самоорганизующихся сред. Этот акцент особенно характерен для

отечественной школы синергетики, ярко представленной работами С.П.Курдюмова, Е.Н.Князевой, Г.Г.Малинецкого, Д.С.Чернавского. Тот факт, что такого рода среды являются также и сложностными средами при этом, конечно, подразумевался, однако был, что называется, не в фокусе рассмотрения. В русле этого подхода самоорганизующиеся среды рассматривались преимущественно в рамках концептуальной оптики, ориентированной на объект. Синергетика сложностного видения, будучи изначально ориентированной на темпоральность, процесс, эмерджентность, предполагает переключение когнитивного гештальта на дополнительный к объектному видению субъектный полюс постнеклассической рациональности. Именно в процессе этого переключения от объекта к субъекту, в котором субъект становится фигурой, а объект-фоном и происходит «встреча» синергетики со сложностью. При этом, следуя традиции естествознания 20 века, по аналогии с фигурой квантово-механического наблюдателя как коммуникативного агента-посредника неклассического этапа познания, можно говорить о *наблюдателе сложности* как субъект-объектном посреднике, погруженном в рекурсивно организованное междисциплинарное поле постнеклассической науки. И здесь мы, так же как и в подходе Лепского, сталкиваемся с задачей «сборки» наблюдателя сложности. Дальше я выскажу лишь некоторые предварительные соображения по поводу «сложностного» решения этой задачи. Прежде всего, представляется необходимым ввести в наши рассуждения понятие интерфейса. Я использую это понятие, апеллируя к интуитивно ухватываемому его смыслу в тех случаях, когда мы говорим, например, об интерфейсе «человек-машина». Недавно, в связи с проблемой сложности и ее редукции Хельга Новотны—философ и социолог науки - ввела в обиход понятие эмерджентного интерфейса [4]. Она приводит множество примеров такого рода интерфейсов. В изначальном физическом смысле интерфейс – это поверхность раздела двух фаз вещества, которое может быть твердым, жидким, газообразным. Или - границей раздела живого и неживого и т.д. При этом существенно, что интерфейс порождает качественно новые свойства или эффекты, отличные от свойств ассоциированных с ним поверхностей. Кстати говоря, в этой эмерджентности интерфейсов кроется один из источников инновационного потенциала конвергентного нанотехнологического развития. Новотны распространяет идею интерфейса на ситуацию пересечения или конфронтации разных форм и/или областей знания. Эмерджентность говорит о незапланированности, неожиданности возникновения свойств, феноменов, или объектов, которые ведут себя как «граничные объекты», не имеющие отчетливо распознаваемой границы, а потому не поддающиеся категоризации и классификации. Поэтому вместо того, что бы играть роль коммуникативных медиаторов и порождать возможность консенсуса, они ведут к размежеванию и конфликту. Тем самым, они порождают рост сложности, вследствие трудностей интерпретации, поскольку они находятся между двумя взаимно несоизмеримых, взаимно непрозрачных, непонимаемых языков. И, тем не менее, отмечает Новотны, эти же «граничные», гибридные объекты могут

быть провозвестниками грядущих коммуникативных прорывов, снижающих уровень сложность, оптимизирующих ее, снижающих его временно, но не окончательно. Новотны апеллирует к Н.Луману, для которого коммуникация в социальных системах - это и редукция сложности. Уместно так же здесь упомянуть о его же концепции «двойной контингентности», исходной взаимной коммуникативной непрозрачности, неопределенности вошедших в «соприкосновение» автопоэтических систем. Итак, общим «контекстом» для ситуации возникновения эмерджентного интерфейса является ситуация «неожиданной встречи» разных областей знания. Она порождает рост сложности. Для редукции сложности в этой ситуации нужна коммуникация, причем такая коммуникация, при которой ситуация двойной контингентности сохраняется, как нечто «полупрозрачное», поскольку любая попытка ее элиминации, хотя и упрощает ситуацию, но таким образом, что блокирует ее дальнейшее креативное продолжение.

О какой же коммуникации идет речь? Здесь я, следуя Х.фон Ферстеру, исхожу из его ключевого тезиса его *кибернетики второго порядка*: «Коммуникация-это рекурсия» [5]. При этом я рассматриваю понятие рекурсия как синергично сопряженное с такими понятиями как рекуррентность, самоотнесенность, *«действительный цикл, становится рефлексивным и генерирующим сложное мышление»* (Эдгар Морен). Такой взгляд для меня в высшей степени конструктивен, поскольку позволяет *нередукционистски* соединить сложность в познании общества и те концепции сложности, которые возникли в последние годы в естественных науках. Это, конечно, синергетика Г.Хакена, теория диссипативных структур И.Пригожина, кибернетика второго порядка фон Ферстера, теория автопоэзиса Варелы и Матураны... Особое место в этом перечне принадлежит открытию так называемых странных аттракторов, которые чаще всего ассоциируются с понятием детерминированного хаоса, но в меньшей степени с динамически рекурсивным (фрактальным) процессом. А потому и процессом коммуникативным, лежащем в основе порождения новых смыслов, или «распаковывания» смыслового континуума по В.В.Налимову. И здесь я выдвину предположение, что вышеупомянутые «граничные объекты» в эмерджентных интерфейсах Х.Новотны есть по сути нечто иное, как фрактальные странные аттракторы. Однако для того, что бы превратиться из объектов с «нераспознанными границами» они должны быть не только идентифицированы в качестве объектов исследования, «имеющих фрактальные границы», но и реинтерпретированы в качестве символических средств коммуникативного объединения индивидуальных сознаний в сознание человечества. Концепция интерфейса подводит нас, таким образом, непосредственно к ключевому методологическому вопросу всего сюжета «встречи синергетики со сложностью» в рамках общей проблемы сборки сложностного субъекта. Это вопрос о субъекте-наблюдателе сложности, который сам по себе должен быть сложен, *приравнен* тому, что он «наблюдает» и с чем он «имеет дело». Процесс погружения наблюдателя в природу как констелляцию сложно-переплетающихся процессов должен быть продолжен. Это естественное продолжение метафизической

исследовательской программы Пригожина «нового диалога человека с природой», о которой уже говорилось выше. Именно, для нового диалога человека с природой, согласно И.Пригожину, требуется трансформация самого наблюдателя-субъекта таким образом, чтобы он был наделен способностью различать между будущим и настоящим. А для этого субъект – наблюдатель должен быть открытой, неравновесной, нелокализуемой диссипативной структурой, включенной в созидающую Вселенную. Но не только.

В контексте «встречи со сложностью», нам требуется не только расширение концептуального пространства диалога, но и качественная его трансформация. Переход к новой *синергийно-коммуникативной парадигме*. Нам необходимо заново войти в контекст «диалог человека с природой». По аналогии с кибернетикой второго порядка, я бы назвал его диалогом «второго порядка». Или диалогом двух наблюдателей. Внутреннего (эндо-наблюдателя) и внешнего (экзо-наблюдателя). И тогда интерфейсом становится пространство коммуникативно осмысленных событий-встреч «внешнего и внутреннего», субъективно-объективного и объективно-субъективного в общем контексте «самоорганизующейся Вселенной». Подходящей метафорой-образом здесь мог бы быть образ листа Мебиуса--поверхности, в которой различение внешней и внутренней сторон не имеет абсолютного значения [6]. В то же время аналогии с кибернетикой 2 недостаточно. Как недостаточно и общих рассуждений о синергетике 2, представление о которой я в свое время хотел ввести в обиход синергетической философии. Что бы продвинуться дальше в осмыслении нового субъект-объектного статуса сложности как синергийной темпоральности, нам надо расширить (или углубить, если угодно) наш темпоральный дискурс, включив в него образ «теперь-Now», а вместе с ним и сознание и самосознание в общую картину мира как самосознающей Вселенной и как активной инновационной среды.

Литература

1. *Лепский В.Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: «Когито-Центр», 2010.
2. *Степин В.С.* Теоретическое знание. -М.: «Прогресс-Традиция», 2003.
3. *Аришинов В.И.* Синергетика конвергирует со сложностью. // Вопросы философии. №4, 2011. С. 73-84.
4. *Nowotny H.* The increase of complexity and its reduction: emergent interfaces between the natural sciences, humanities and social sciences // Theory, culture and society. 2005-Vol.22 №5, p.15-31.
5. *Heinz von Foerster.* For Niclas Luhmann: How recursive is communication? //In: Heinz von Foerster. Understanding understanding: essays on cybernetics and cognition. Springer-Verlag. New-York, 2003, pp305-325.
6. *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры. // Лефевр В.А. Рефлексия. –М.: «Когито-Центр». 2003. С. 7-135.

Работа выполнена при поддержке РГНФ грант № 11-03-00787a

РЕКУРРЕНТНАЯ МОДЕЛЬ НА СЛУЖБЕ ОБЩЕСТВА

Б.Р. Ауteniлюс (ИТИГ РГУТиС)

В.А. Воронцов (НИЯУ МИФИ г.Москва),

Б.Е. Левкович (НИЯУ МИФИ Математический колледж г. Москва),

Е.Б. Левкович (Институт прикладной информатики и управления),

И.А. Ульянов (г. Москва)

Лефевр В.А. был основоположником математической психологии, в основу которой входит рефлексивный подход к представлению субъекта, описание морального выбора человека [1]. Человек – высокоорганизованный субъект, и описание его поведения в рамках теории морального выбора уже сложный процесс. Если же мы будем рассматривать общество и его события (в нашем случае это чрезвычайные события, совершаемые одним человеком или группой, которые повлияют на жизнь одного человека или часть общества) подобно одному организму, то можно попытаться описать этот процесс через «Мягкую» математическую модель [2]. События, которые мы определяем, входят только в область зла. В этой статье мы постараемся описать такую модель, которая уже апробируется нами шесть лет на базе открытых данных ГВД по городу Москва по чрезвычайным событиям (пожарам, нахождении взрывчатки, убийствам, авариям, взрывам, ДТП и т.д.), публикуемых в СМИ.

Область моделирования квадрат с площадью 40x40 км. Данная область разбита на элементарные квадраты размером 37x37 метров. В процессе прогнозирования происшествий каждый элементарный квадрат при расчете представляется точкой с координатами, соответствующими центру квадрата.

Созданная мягкая модель, при очевидной упрощенности, позволяет, однако, получать полноценные результаты. Оказывается, устойчивость «системы» можно определить, если заменить жесткий расчёт «обратной связью». Решение в любой точке для «системы» зависит от решения во всех точках системы, иными словами, о величине решения в точке мы можем судить только тогда, когда ВСЕ точки «системы» откликнутся на воздействие исходной точки. Точки с максимальными возмущениями и являются событиями, которые мы будем записывать в результат нашей работы.

В общем виде уравнение математической модели взаимодействия имеет вид:

$$F_{ij}^{tk} = \Phi \left(x_{ij}, y_{ij}, \Psi_{ij}^{t_{k-1}}, F_{ij}^{t_{k-1}}, t_k \right); \quad (1)$$

$$\Psi_{ij}^{t_{k-1}} = \sum_{nm} q_{nm}^{t_{k-1}} f_{nm}^{t_{k-1}} * \left(S_{ij}^{t_{k-1}} \right)^{-1} * \chi_{nm}^{t_{k-1}} \quad ; \quad (2)$$

где:

$$\chi_{nm}^{t_{k-1}} = \begin{cases} 1 & \|F_{ij}^{t_{k-1}} - F_{nm}^{t_{k-1}}\| < \varepsilon \\ 0 & \|F_{ij}^{t_{k-1}} - F_{nm}^{t_{k-1}}\| \geq \varepsilon \end{cases} \quad (3)$$

$$S_{ij}^{t_{k-1}} = \sqrt{(x_{ij} - x_{nm})^2 + (y_{ij} - y_{nm})^2} \quad (4)$$

При этом i, j, n, m – координаты сетки, $i, n = \overline{1, N}$, $j, m = \overline{1, M}$, $n \neq i$, $m \neq j$, t_k – момент времени ($t_0 = 0$), q и f – весовые функции, характеризующие среду, зависящие от координат точки и времени.

Схема развития филаментационного процесса в модели представлена в работе [3]. Результат наложения такого процесса на реальную среду, после работы мягкой рекуррентной математической модели получается файл прогноза событий в обществе. Файл состоит из записей. Запись – это категория (однородные по характеру события), плотность возмущения, время, повторяемость по времени и идентификатор файла (имя, дата и время, когда работала модель). На карте города Москвы высвечиваются точки, где в будущем появятся события с определенными свойствами. При этом они могут быть одной категории, что позволяет быстро определить характер события и выбрать нужное действие.

Статистическая проверка гипотезы о нормальном распределении ошибки координаты X прогноза по критерию Пирсона оказывается также несостоятельной.

Таблица 1.

Основные показатели статистической обработки результатов сравнения прогнозируемых и реальных событий.

Общее количество зафиксированных событий	5600
Общее количество спрогнозированных происшествий	5447
Среднее значение расстояния между точками прогноза и события (м)	269,41
Минимальное значение расстояния между точками прогноза и события (м)	1,00
Максимальное расстояние между точками прогноза и события (м)	942,56
Среднее значение времени между прогнозом и событием (дни)	9,3907
Минимальное значение времени между прогнозом и событием (дни)	0,0056
Максимальное значение времени между прогнозом и событием (дни)	38,0118

Представленные результаты позволяют сделать вывод, что «поведение» модели может точно описывать события общества и, на наш взгляд, подтверждает перспективность разрабатываемого метода и его больших возможностей. Дальнейшее усовершенствование модели и методики расчетов позволит повысить точность прогнозов событий и их достоверность.

На основании всего вышеизложенного можно сделать ряд выводов:

1. Предложенная методика построения модели действительно позволяет прогнозировать различные происшествия криминогенного и чрезвычайного характера.
2. Связь между информационными процессами, сопровождающими ЧП, имеет существенно нелинейный, рекуррентный характер.
3. Применение системного подхода в прекогностике является состоятельным и позволяет в принципе получать объективный научный прогноз.

Литература

1. *Лефевр В.А.* Алгебра совести. – М.: Когито-центр, 2003. – 426 с.

2. Аутенилюс Б.Р., Левкович Б.Е. О возможностях системного подхода в прекогнитивике, 2010, 8с;
3. Балашов А.Д., Пергамент А. Х. Математическое моделирование процессов филаментации в средах с кубической нелинейностью, М.: отпечатано в институте прикладной математики РАН, 2002.
4. Гилмор Р. Прикладная теория катастроф. Кн. 1. М.: Мир, 1984, 350 с.;
5. <http://news.yandex.ru/incident.html>

ИННОВАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ: РЕАЛЬНОСТЬ, МИФЫ, РЕФЛЕКСИЯ.

Т.С. Ахромеева, Г.Г. Малинецкий, С.А. Посошков

(Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН, Москва)

В настоящее время, с легкой руки В.Е. Лепского, начала активно разрабатываться теория инновационных сред [1]. В большой степени развитие этой теории стимулируется попытками найти выход из «инновационного тупика», в котором находится новая Россия.

Кроме того, в настоящее время в Министерстве образования и науки многие решения в области исследований и опыта конструкторских разработок принимаются, исходя из «либеральной инновационной теории». В этом подходе во главу угла ставятся экономический эффект от внедрения новых технологий, инновационные институты, соответствующие западным стандартам, а также обновление политической системы, которое должно дать простор частной инициативе.

Практическая реализация подобного подхода в течение 20 лет показала его несостоятельность. В самом деле, если доля России в мировом валовом продукте сейчас составляет 2,9%, то в ежегодно получаемых международных патентах она колеблется около 0,3%. Другими словами, на инновационной карте мира Россия находится в третьем десятке стран и занимает в 10 раз меньше места, чем на экономической. Инновационное отставание России уже стало серьезной угрозой для национальной безопасности. Требуется быстро и эффективно выправлять сложившуюся ситуацию.

Сейчас нужна междисциплинарная научная основа для того, чтобы анализировать, оценивать, выдвигать масштабные инициативы в инновационной сфере, в программах модернизации России.

До последнего времени в фокусе внимания гуманитарных дисциплин были отношения «субъект-объект» и взаимодействие «субъект-субъект». Однако на рубеже XXI века все более важной становится динамика в системе «субъект-среда». Анализ такой динамики и положен в основу *теории инновационных сред*.

Кроме того, повторение пройденного в инновационной сфере на историческом переломе в период смены технологических укладов, во время глубокого мирового социально-экономического кризиса не имеет перспектив в России.

Различные области исследований развивались в своем темпе, в разное время в них появлялись математические модели. Можно сказать, что сейчас,

говоря словами английского физика и писателя Чарльза Сноу, перебрасывается мост над «пропастью, разделяющей гуманитарные и естественные науки». Перенос концептуальных и математических моделей из естествознания в гуманитарную область во многом стал возможен благодаря *теории самоорганизации или синергетике* (термин, происходящий от греческих слов «совместное действие»).

Сам этот подход непосредственно связан с моделированием и управлением процессами в различных средах. Один из основоположников синергетики – директор Института прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН, член-корр. РАН С.П. Курдюмов – полагал, что синергетика – это, прежде всего, *инструмент для понимания процессов в нелинейных средах*. Нелинейность означает отсутствие принципа суперпозиции – совместное действие двух факторов может давать результат, который качественно отличается от действия каждого из них по отдельности. В нелинейных средах возможен парадоксальный антиинтуитивный ход процессов. Поэтому, обсуждая перспективы теории инновационных сред, естественно опираться на опыт и результаты исследования тех сред, которые изучены и хорошо поняты в синергетике.

Центральными проблемами создаваемой теории, на наш взгляд, являются две.

Социология достаточно хорошо представляет свойства социальных сфер, экономика – экономических, науковедение – научных. Однако новое, востребованное обществом (а не обязательно рынком) изобретение, открытие, технология связаны с взаимодействием процессов во всех этих средах, с их интерфейсом, переходом «элементов новой реальности» между средами. Заметим, что для многих обществ и, в частности, для нынешнего российского, гуманитарные инновации, обеспечивающие развитие, не менее важны, чем новые промышленные технологии. Поэтому и успех, и приложения теории зависят от того, насколько глубоко и конструктивно удастся прояснить процессы «на границах» социальных сред.

Вторая проблема связана с тем этапом, который теоретическая и математическая физика прошли в конце XIX века. К этому времени был создан аппарат для описания и моделирования процессов в сплошных средах (жидкости, газы, электромагнитные поля и др.). Однако множество процессов, описываемых с помощью этого аппарата, оказалось настолько широким, что пришлось формулировать и вводить ограничения (которые и отражают конкретную ситуацию), позволяющие определять единственное, наилучшее или оптимальное решение. В теории инновационных сред, по-видимому, в ближайшее время предстоит сделать нечто подобное.

Обратим внимание только на некоторые ограничения, без учета которых многие направления инновационного развития теряют смысл:

- Модели мировой динамики и системный мониторинг глобальных процессов показывают, что по многим направлениям своего развития человечество уже близко к пределам. Это касается добычи полезных ископаемых, выращивания сельскохозяйственных и промышленных культур, производства энергии, загрязнения окружающей среды.

Будущность человечества, как показали модели Дж. Форрестера, Д. Медоуза, Н.Н. Моисеева, В.А. Геловани и их развитие, определится в XXI веке тем, удастся ли перейти от «короткоживущих вещей» (культура одноразовых стаканчиков или консервных банок) к «долгоживущим» – качественным, добротным, «настоящим», передаваемым следующим поколениям изделиям. Нововведения в этом направлении, условно называемым «новым природопользованием», дают один из главных критериев отбора нововведений.

- Общим местом стало утверждение, о «несвоевременных инновациях». То, что сильно опередило свое время или отстало от него, не имеет шанса сыграть свою роль в развитии. Оно будет переоткрыто, забыто или отброшено. Не менее важным представляется принадлежность нововведений к некоей системной целостности. Например, теряют смысл и почти все шансы на успех инновации в авиационной промышленности, если руководством страны принято решение таковой промышленности не иметь. Поэтому целеполагание на государственном уровне задает «граничные условия» для национальной инновационной системы и направлений технологического развития. Торговля «инновационным сырьем», работа на чужую экономику, как правило, не дает удовлетворительных результатов и разрушает собственное инновационное пространство.
- Особого внимания заслуживают ограничения, «граничные условия» на региональном уровне. В настоящее время, когда разрушены или ослаблены экономические, научные и образовательные связи между регионами России, очень важной становится роль региональных инновационных систем. Большое значение приобретают изобретения и разработки, которые можно создать, внедрить и использовать в данном регионе. К сожалению, нынешнее российское законодательство блокирует разработку и реализацию региональных научных программ, деятельность по прогнозу и планированию на серьезном научном уровне. По сути дела, в большинстве субъектов РФ мы не имеем «региональной рефлексии» ни для лиц, принимающих решения, ни для участников инновационной деятельности. Например, для того, чтобы начать работать по созданию инновационного комплекса в «Сколково», российским законодателям пришлось отменить или внести изменения в 102 законодательных акта РФ. До весны 2011 года в российских законах не определялся сам термин «инновация». Эти ограничения могут и должны быть сняты, а сценарии их успешного «преодоления» (в Татарстане, Томской и Белгородской областях) взяты в качестве типовой схемы инновационного развития в регионах.

Остается надеяться на быстрые изменения к лучшему в ближайшем будущем. У России осталось очень немного исторического времени для

инновационного прорыва, и для всех нас важно его не упустить. Возможности для этого пока есть [1, 2].

Литература

1. *Лепский В.Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: «Когито-Центр», 2010.
2. Сценарий и перспектива развития России / Под ред. В.А. Садовниченко, А.А. Акаева, А.В. Коротаева, Г.Г. Малинецкого. М.: URSS. 2011. 320 с.
3. Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики / Под ред. А.А.Акаева, А.В.Коротаева, Г.Г.Малинецкого. М.: URSS. 2010. 352 с.

*Работа выполнена при поддержке РФФИ грант 11-06-00471-а
и РГНФ грант № 11-03-00787а*

ИНТУИТИВНАЯ РЕФЛЕКСИЯ ПРАКТИЧЕСКОГО ПСИХОЛОГА

М.В.Бадалова (Городской гуманитарный университет, г.Севастополь)

Общеизвестно, что рефлексивная компетентность во многом определяет профессиональную состоятельность специалистов самых разных профессий. Не является исключением и деятельность практического психолога. В самом общем виде под профессиональной рефлексией можно понимать комплексное образование, обеспечивающее формирование навыка систематического самоанализа с последующей творческой активизацией своей деятельности [1]. Не умаляя значения социального, личностного, кооперативного и интеллектуального видов рефлексии, и учитывая условность «чистого выделения» отдельной составляющей из структуры профессиональной рефлексии, основное внимание в данном сообщении уделяется интуитивной рефлексии. Предметным содержанием интуитивной рефлексии психолога являются осознание: интуитивного пространства профессиональной деятельности, степени развития своего интуитивного потенциала, процессуальных и результирующих характеристик интуитивного мышления, способов совершенствования собственной интуиции и мыслительной деятельности в целом.

Среди наиболее типичных ситуаций интуитивной деятельности практического психолога можно назвать:

1) *постижение субъективной реальности другого человека*, при котором консультант не только пытается понять мысли клиента, но и «войти в его ботинки» (К.Роджерс). «...субъективность столь же важна, сколь и неуловима; ее невозможно даже точно описать. Самый верный путь к познанию субъективности – опыт переживания»[3,с.3]. «...Проникнуть в жизненный опыт клиента, его чувственную окраску, воспринять смысл этого опыта, ощутить его вкус и привкус» [5, с.44], можно лишь прислушиваясь к «голосу сердца», шаг за шагом, «на ощупь» продвигаясь к «тайне» клиента;

2) *создание «помогающих отношений»* (К.Роджерс). Эмоциональная мимикрия клиент-центрированной психотерапии углубляет социальные интеракции консультанта и клиента, превращая акт активного слушания в акт намеренного эмпатического мышления и интуитивного понимания переживаний клиента. «Психотерапевт «работает собой», своим внутренним

миром, своей субъективностью и в первую очередь – своей чувствительностью к внутреннему миру Другого, способностью вступать с ним в глубинное общение, которое уже само по себе обладает целительной силой. ...Это предполагает развитие широкого спектра сензитивных способностей и интуиции психолога, позволяющих ему тонко чувствовать сложные, часто едва уловимые процессы субъективной реальности»(Д.Бюджентал) [3, с.4].

3) *распознавание невербальных проявлений человеческой природы*. В рамках консультативного взаимодействия сензитивность к невербальным маркерам приобретает особое значение. Интуитивное восприятие лжи, отчаяния, вины, страха, агрессии позволяет психологу избежать ошибок и определить адекватную наличной ситуации стратегию психологической помощи. Точность интерпретации значений невербальных сигналов определяется сопряжением когнитивных знаний и интуитивного мышления.

4) *профессиональные действия в ситуации риска*. Работа психолога на телефоне доверия, со сложными клиентами (например, агрессивными, склонным к насилию или депрессивным, с суицидными намерениями), экспертная оценка интеллектуальной состоятельности, прогноз психического развития и др. Подобные профессиональные задачи требуют от психолога умения управлять рисками – соотносить объективные показатели конкретной ситуации с интуитивными суждениями, основанными на внутренней мудрости;

5) *решение моральных дилемм*, с определенной периодичностью возникающих как перед самим психологом, так и в клиентских запросах. Сами моральные задачи, порой, настолько сложны и неоднозначны, что разобраться в их сущности, владея лишь когнитивно-процедурным аппаратом перехода от одной этической системы к другой практически невозможно. Всесторонний анализ морально-этической проблематики возможен лишь при условии тесной взаимосвязи интеллекта и нравственности, при этом, рациональный анализ ситуации должен быть дополнен чувственно-эмоциональным и интуитивным компонентами восприятия моральной дилеммы, что, с одной стороны, обогащает поиск ответа, но, с другой стороны, повышает вероятность субъективной оценки ситуации [2].

6) *«одухотворение» интеллекта*. Крайняя сложность окружающего мира и причудливость психического устройства человека подводят к необходимости дополнения рационального способа познания интуитивным. Глубинное понимание экзистенциальных конструктов человеческого бытия, движение от идентификации к эмпатии и пониманию способствует развитию интуиции и духовного интеллекта (Р.Эммонс) (открытость трансцендентному, приобщение к духовным и общечеловеческим ценностям, умение использовать духовные источники для решения повседневных проблем и т.д.) [4; с.211].

Выделенные рефлексивные контуры интуитивного пространства психологов позволяют говорить о бесспорном значении профессиональной интуиции и необходимости включения в процессуальный план деятельности

интуитивной рефлексии. Следует учитывать также и ряд трудностей, сопутствующих интуитивной деятельности практического психолога:

– вероятность интуитивных ошибок, обусловленных а) объективными (недостаточная валидность «интуитивных» методов психологической помощи, отсутствие кросскультурной согласованности в поведении человека, отсутствие четкой обратной связи, подтверждающей или опровергающей интуитивный прогноз, эффект «регрессии к среднему» (улучшение состояния клиента в ходе естественного хода событий), ситуации риска и т.д.); б) личностными (недостаточный уровень самопонимания и неразвитый эмоциональный интеллект, использование в профессиональном мышлении эвристик доступности, недостаточная рефлексивность); в) социально-психологическими (установка на «обязательное» подтверждение гипотезы, фундаментальные ошибки атрибуции, стереотипы и предрассудки) факторами;

– зависимость интуитивного мышления от профессионального опыта и степени систематизации неявных знаний, что приводит к существенным различиям в проявлении предсказательных способностей психологов - экспертов и психологов - новичков;

– спонтанное развитие интуитивного мышления и несформированные смысловые ориентиры интеллектуальной культуры психолога, среди которых особое значение имеют установка на получение профессиональной информации по рациональному, чувственному и интуитивному каналам восприятия; установка «эпистемологической умеренности» (термин А.Селигмана), сочетающей в себе открытый разум и научный скептицизм; установка на интуитивную рефлексия, возникающую в ходе процесса профессиональной деятельности и подлежащей всесторонней рациональной рефлексивной оценке на этапе результирующем.

Выступая в качестве инструмента регуляции «глубинной когнитивной деятельности» интуитивная рефлексия психолога способствует постижению внутреннего мира другого человека, включению творческой активности, управлению рисками и гармонизации профессионального интеллекта в целом.

Литература

1. Бадалова М.В. Профессиональная рефлексия практических психологов//Практична психологія та соціальна робота. – 2002. - №4. – С.28–31.
2. Балл Г.А. Психология в рациогуманистической перспективе: Избранные работы. – К.: Изд-во Основа, 2006. – 408 с.
3. Братченко С.Л. Экзистенциально-гуманистический подход Джеймса Бюдженталя// Практична психологія та соціальна робота. - 2001. - №5. - С.2-4.
4. Майерс Д. Интуиция. – СПб.: Питер, 2009. – 256 с
5. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека: Пер.с англ. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – 480 с.

СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ РОССИИ: КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД И РЕФЛЕКСИВНЫЕ СПОСОБНОСТИ

О.Е.Баксанский (Институт философии РАН, г. Москва)

Премьер-министр РФ Владимир Путин выступил с инициативой к осени 2011 г. сформировать Агентство стратегических инициатив (АСИ) с соответствующей региональной сетью, которая будет заниматься подбором проектов на местах. Глава правительства обозначил основную цель агентства - служить «социальным лифтом», дополнительным механизмом для того, «чтобы молодые перспективные люди могли бы реализовывать свои идеи и предложения, пробиться через бюрократические коридоры и барьеры».

В этой связи возникает проблема выделения необходимых компетенций, обеспечивающих практическую реализацию поставленных задач. Иными словами внимание в значительной мере должно сконцентрироваться на задачах образования, на развитии соответствующих рефлексивных способностей. А это ставит новые методологические задачи перед педагогическим корпусом образовательной системы страны на всех уровнях.

Требования к уровню подготовки преподавательских кадров возрастают с каждым годом. Сегодня профессионализм преподавателя выражается в его компетентности (competens с лат. – соответствующий, способный), которая позволяет ему эффективно осуществлять собственную индивидуальную деятельность.

Рефлексивная компетентность – необходимое условие повышения профессионализма, педагогического мастерства преподавательских кадров. Это сравнительно новое понятие в рамках рефлексивной психологии, которое представляет собой сложное образование, поскольку субъект может рефлексировать по разным основаниям. Рефлексивная компетентность – это профессиональное качество личности, позволяющее наиболее эффективно и адекватно осуществлять рефлексивные процессы, что обеспечивает процесс развития и саморазвития, способствует творческому подходу к профессиональной деятельности, достижению ее максимальной эффективности и результативности.

Рефлексия выполняет определенные функции. Ее наличие, во-первых, позволяет человеку сознательно планировать, регулировать и контролировать свое мышление (связь с саморегуляцией мышления); во-вторых, позволяет оценивать не только истинность мыслей, но и их логическую правильность; в-третьих, рефлексия не только улучшает результаты решения задач, но и позволяет решать задачи, которые без ее применения решения не поддаются.

Представляется важным отметить несколько моментов, которые акцентируют роль рефлексии в профессиональной деятельности:

- рефлексия необходима при освоении профессиональной деятельности;
- на ее основании осуществляется контроль и управление процессом усвоения;
- рефлексия необходима при изменении условий профессионально-образовательной деятельности;

– она является одним из основных механизмов развития самой деятельности.

В профессиональном образовании и обучении доминирующее положение занимает **компетентностный** подход. Функциональные и когнитивные компетенции все чаще добавляются к поведенческим компетенциям в США, в то время как в Великобритании когнитивные и поведенческие компетенции включаются в модели профессиональных функциональных компетенций. Франция, Германия, и Австрия, позже начавшие разрабатывать проблему компетенции, изначально приняли более целостный подход, но со своими отличительными особенностями. Сравнив эти подходы, можно утверждать, что целостная модель эффективна в идентификации комбинаций компетенций, которые являются необходимыми для специфических работ и обеспечения мобильности трудовых ресурсов. Вообще стоит отметить, что одномерные модели компетенций неадекватны и уступают многомерным.

Появление и развитие компетенций прошло через несколько стадий: после первого появления идеи внутри организаций, появился инструментарий для практиков и консультантов в области управления человеческими ресурсами, и затем формирование концептуального представления о компетенциях.

От академической перспективы, логика компетентностного подхода поляризуется в два отличных друг от друга направления:

- *индивидуальный подход*, сосредоточенный на индивидуальном поведении, и
- *коллективный подход*, сосредоточенный на построении модели необходимых в организации компетенций.

Большинство определений компетенций располагаются между двумя полюсами:

- (1) компетенции как универсальный признак, типа грамотности, и
- (2) компетенции в терминах индивидуальных способностей, которые проявляются только в контексте работы.

Стандартная типология компетенций теперь появляется в начале каждого нового учебного плана профессионального обучения, тщательно разрабатываются профессионально-технические «компетенции действия» в терминах сферы деятельности или предметных компетенций, личностные компетенции и социальные компетенции. Компетенции, относящиеся к сфере деятельности, описывают готовность и способность, на основе предметных знаний и навыков, выполнять задачи, решать проблемы и оценивать результаты последовательно и независимо в соответствии с целями.

Общие когнитивные компетенции, способность думать и действовать проциательным и решающим проблему способом, является предпосылкой для того, чтобы развить предметные компетенции, которые включают как познавательные, так и функциональные компетенции.

Личностные компетенции описывают готовность и способность, понимать, анализировать и оценивать возможные пути развития, требования и ограничения в личной, трудовой и общественной жизни, развивать собственные навыки так же успешно, как и выбирать и реализовывать жизненные планы. Включает такие свойства личности как «независимость»,

«критические способности», «уверенность в себе», «надежность», «ответственность» и «чувство долга», наряду с профессиональными и этическими ценностями. Личностные компетенции, таким образом, включают когнитивные и социальные компетенции. В некоторых случаях, самокомпетенции определяют, как способность действовать нравственно и независимо, что включает отстаивание положительного образа «Я» и развитие нравственности.

Социальные компетенции описывает готовность и способность создавать и поддерживать отношения, идентифицировать и понимать возможные выгоды и угрозу в отношениях, а также способность взаимодействовать с другими рациональным и честным способом, включающим развитие чувства социальной ответственности и солидарности. Социальные компетенции таким образом включают функциональные и социальные компетенции.

Когнитивные компетенции – знания, навыки и способности, которые могут использоваться в определенной, специфической деятельности, а также навыки и способности необходимые, для того чтобы справиться с задачами и выработать стратегии ориентированные на решение проблем. Социальные компетенции в значительной степени связаны с другими компетенциями и могут быть определены как способность и готовность, ответственно сотрудничать, взаимодействовать с другими, с группой способом, ориентированным на отношения. Личностные компетенции включают ключевые квалификации и могут быть определены в терминах, способности и готовности развиваться самому, так же как развивать навыки, мотивацию и отношения, чтобы не только эффективно работать.

Целостная типология значительно полезнее для понимания характера взаимодействия знаний, навыков и социальных компетенций, которые являются ключевыми для выполнения профессиональной деятельности. Компетенции необходимые для эффективной работы включают в себя *концептуальные* (когнитивные, знания и понимание) и *операционные* (функциональный, психомоторный и прикладной навык) компетенции. Компетенции связанные с индивидуальной эффективностью также включают концептуальные (*мета-компетенции*, включающие «learning to learn» (умение учиться)) и *операционные* (социальные компетенции, включающие поведение и отношения). Отношения между этими четырьмя измерениями компетенций показаны на рисунке 1.



Рис. 1. Типология компетенций.

Первые три измерения: когнитивные, функциональные и социальные компетенции, являются универсальными и совместимы как с французским подходом так и с традиционным ЗУН'ом (знания, умения, навыки в отечественной образовательной традиции с добавлением еще и качеств личности, или с *knowledge, skills and attitudes* (KSA) (знания, навыки и отношения, как принято зарубежом) в обучении профессии (для оценки степени достижения определенной профессиональной компетентности в процессе обучения используются European Credit Transfer System - ECTS). Таким образом, знания (и понимание) относятся к когнитивным компетенциям, навыки к функциональным, и собственно «компетенции» (поведенческие и отношений) к социальным компетенциям. Мета компетенции отличается от первых трех измерений, так как служат для облегчения приобретения других компетенций.

Целостную модель компетенций лучше представить в виде тетраэдра, отражающего единство компетенций и сложность разделения на практики когнитивных, функциональных и социальных измерений. На рисунке 2, целостная модель компетенций представлена как тетраэдр (четырёхгранник).



Рис. 2. Целостная модель компетенций

Мета-компетенции представлены в виде системного входа, который облегчает приобретение компетенций. Практические компетенции

расположены на сторонах четырёхгранника, комбинируя элементы измерений компетенций в различных пропорциях.

Многомерный (целостный) подход к компетенциям становится все более распространенным и предлагает более широкие возможности для синхронизации образовательного процесса с требованиями, а так же для синергии между формальным образованием и производственным обучением и профессиональной компетентностью.

РЕФЛЕКСИЯ НАУЧНО-КОММУНИКАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Г.А. Балл, В.А. Мединцев

(Институт психологии им. Г.С. Костюка Национальной академии педагогических наук Украины, г. Киев, Украина)

1. В условиях небывалого роста объёмов научной информации исследователь должен рефлексировать свою деятельность в широком проблемном контексте. Успешность научной деятельности существенно зависит от состояния *научной коммуникации*, под которой будем понимать совокупность происходящих в области науки и её применений *эндокоммуникации*, связывающей субъектов научной деятельности между собой, и *экзокоммуникации*, связывающей их с прочими социальными субъектами. Содержание требуемой рефлексии учёного, полагаем, хорошо отражает понятие «системная рефлексия» [1] (самодистанцирование, взгляд на себя со стороны, позволяющий охватить как полюс субъекта, так и полюс объекта).

2. Со всеобщим признанием возрастающей значимости научной коммуникации контрастирует её неудовлетворительное состояние. С одной стороны, эффективность использования существующих каналов научной коммуникации крайне низка. Как отмечает А.В. Юревич [2], почти половину статей, публикуемых в научных журналах, никто не читает, кроме самого автора и редактора, а более или менее значительный круг читателей находит лишь один процент статей. С другой стороны учёные испытывают всё большие трудности, когда необходимо: а) найти потенциально полезный научный продукт; б) ознакомиться с ним; в) понять дискурс автора и, на этой основе, значение и смысл указанного продукта; г) оценить этот продукт, в особенности с точки зрения перспектив использования в своей собственной научной или иной деятельности. Основная трудность состоит в том, что время на работу с новыми материалами всегда ограничено: чем больше его потрачено на «а» и «б», тем меньше остаётся на главное – «в» и «г». Очерченные обстоятельства становится основной причиной: поверхностного ознакомления с текстами; формальных ссылок (нередко и на работы классиков); пренебрежения логикой рассуждений и методологическим контекстом авторского дискурса, его доработками самим автором со временем; неоправданной критики.

3. Для перехода от рефлексии проблем научной коммуникации к разработке и использованию технологий разрешения указанных проблем целесообразно рассмотреть характеристики задач, которые должны системно

рефлектировать и решать лица, занимающие в научной коммуникации разные функциональные позиции. При этом можно опереться на положения *теории задач* [3], где, в частности, рассматриваются:

- задачи обогащения знания, которым обладает решающий задачу субъект (*познавательные*, в широком смысле, задачи);
- задачи обогащения знания, которым обладает другой субъект – *реципиент* (именно такие задачи названы в [3] *коммуникативными*).

Критерием решённости то ли познавательной, то ли коммуникативной задачи является достижение требуемой (т. е. соответствующей требованию задачи) полноты эксплицитной (явной) информации о некотором объекте; при этом в случае познавательной задачи обладателем такой информации должен стать решающий её субъект, а в случае коммуникативной задачи – другой субъект (реципиент).

Познавательные задачи могут решаться разными *путями* (при том, что в реальной человеческой деятельности они, как правило, сочетаются). Эти пути состоят:

а) в извлечении недостающей эксплицитной информации из объектов, такую информацию уже несущих (психологический аналог – процесс восприятия);

б) в генерировании недостающей эксплицитной информации (психологический аналог – процесс воображения);

в) в пополнении эксплицитной информации посредством преобразования имплицитной информации в эксплицитную (психологический аналог – процесс мышления; см. его трактовку С.Л. Рубинштейном [4, с. 15]).

В педагогике признано: для успешности обучающего воздействия учителю необходимо решить соответствующую *дидактическую* задачу (её можно считать частным видом коммуникативной), а для этого – организовать надлежащим образом деятельность обучаемых. Но хотя бы в силу обстоятельств, очерченных в п. 2, не только обучаемым, но **всем** потребителям научной продукции (включая коллег-исследователей) необходимо облегчать освоение нового материала. Стало быть, исследователь (производитель научных продуктов) должен антиципировать проблемы потребителей и, посредством решения коммуникативных задач, создавать предпосылки для их разрешения.

4. Обращаясь теперь к действиям исследователя по решению *научно-коммуникативных* задач, обратим внимание на необходимость включения в их состав *познавательных подзадач*, направленных на уточнение состава и выяснение характеристик реципиентов (адресатов) транслируемого научного продукта (а также путей учёта этих характеристик в организации процесса коммуникации). При решении не отдельной научно-коммуникативной задачи, а их системы, ориентированной на определённый круг реципиентов, особенно важна согласованность (мотивационная, содержательная и операционная) в деятельности коммуникатора и реципиентов.

5. В научно-коммуникационной деятельности участвуют, помимо исследователя (автора исходного научного продукта) и *конечных реципиентов*, также и *коммуникационные посредники* (термин «конечный

реципиент» употреблён здесь с большой долей условности, оправдываемой тем, что мы абстрагируемся от дальнейшей судьбы знаний, приобретённых т. н. конечными реципиентами в итоге рассматриваемого процесса научной коммуникации). Функции коммуникационных посредников выполняют и (как бы по совместительству) многие исследователи, и лица, занимающие специфические профессиональные позиции (редакторы, переводчики и др.). Каждый из коммуникационных посредников решает как научно-познавательные, так и научно-коммуникативные задачи. Важную роль играют также непосредственно не относящиеся к числу коммуникационных посредников, но примыкающие к ним *организаторы* научной коммуникации.

6. Рефлексия функций, реализуемых коммуникационными посредниками и организаторами, побуждает внести уточнения в характеристику деятельности автора научного продукта. Результат решения научно-познавательной задачи он, как правило, отправляет по нескольким информационным каналам – как ближайшим коллегам непосредственно, так и различным коммуникационным посредникам и организаторам. При этом в каждом случае он решает соответствующую познавательную подзадачу научно-коммуникативной задачи и на этой основе выбирает форму представления выработанного им знания. Требование обогащения знания, которым обладает конечный реципиент, исследователь способен более или менее надёжно реализовать только при непосредственной передаче своих результатов ближайшим коллегам. Решая научно-коммуникативную задачу по отношению к посредникам и организаторам, исследователь прежде всего обязан выполнить их требования, касающиеся формы представления своих научных результатов, а также и их качества. Однако требования к последнему, как правило, наименее чётки.

7. Системная рефлексия исследователями своей научно-коммуникационной деятельности (и форм коммуникации в науке в целом) может стать действенным инструментом совершенствования всего научного процесса.

Литература

1. *Леонтьев Д.А., Лаптева Е.М., Осин Е.Н., Салихова А.Ж.* Разработка методики дифференциальной диагностики рефлексивности // Рефлексивные процессы и управление: сб. материалов VII Междунар. симп., Москва, 15–16 окт. 2009 г. / под ред. В.Е.Лепского. – М.: Когито-Центр, 2009. – С. 145–150.
2. *Юревич А.В.* Публикуйся или гибни // Мир образования – образование в мире. – 2006. – № 4 (24). – С. 133–158.
3. *Балл Г.А.* Теория учебных задач. – М.: Педагогика, 1990. – 184 с.
4. *Рубинштейн С.Л.* О мышлении и путях его исследования. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 146 с.

МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЕ РЕФЛЕКСИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ В РАМКАХ НАСЕЛЕННОГО ПУНКТА

М.М.Басимов, Р.Н.Берхеева

(Курганский государственный университет, Курган)

В исследовании рефлексивных представлений участвовало 210 респондентов, проживающих в районном центре Альменево (со смешанным национальным составом) Курганской области. Состав выборки: 70 башкир, 70 русских и 70 татар.

Для оценки культур использовался культурно-ценностный дифференциал, разработанный Г.У.Солдатовой, И.М.Кузнецовым, С.В.Рыжовой и включающий следующие 4 основные шкалы: «Ориентация на себя – ориентация на группу»; «Соппротивление переменам – открытость переменам»; «Слабый социальный контроль – сильный социальный контроль»; «Отвержение взаимодействия – направленность на взаимодействие» [1].

Для трех этносов в результате перекрестного измерения имеем 36 прямых и рефлексивных оценок первого и второго уровня. Оценки разделим на три группы в зависимости от того какой этнос (русский (R), татарский (T), башкирский (B)) оценивается. Во вводимом для дальнейшего описания обозначении оценки NXYZ четыре позиции имеют следующий смысл: N – уровень рефлексии (0, 1, 2); X – кто оценивает (R, T, B); Y – кого оценивают (R, T, B); Z – с чьей точки зрения оценивают (R, T, B). В каждой группе (один столбец) имеем 12 оценок: по четыре оценки со стороны каждой из трех изучаемых культур: одна прямая оценка (обозначена по позиции Z символом «*») и три рефлексивные оценки с точки зрения каждой из трех культур. Для анализа рефлексивного исследования был использован авторский метод [2].

1. Ориентация на себя – ориентация на группу

В результате решения задачи одновременно для четырех параметров интервал сравнительных весомостей для параметра «Ориентация на группу» получился равным от (-83) до (+59).

Ориентация на группу		
Русские	Татары	Башкиры
1RRR (38)	2RTT (59)	1TBT (58)
2RRT (27)	1TTT (24)	2BBT (40)
2BRT (8)	2BTT (20)	1BBB (34)
1TRT (7)	1RTR (19)	2TBR (19)
2BRR (6)	2RTB (18)	2RBT (9)
0RR* (2)	0BT* (18)	2TBB (8)
0BR* (2)	2TTR (10)	2BBR (8)
1BRB (-11)	0TT* (9)	0BB* (-10)
2TRB (-23)	2BTR (1)	1RBR (-11)
2RRB (-27)	1BTB (-15)	0RB* (-39)
2TRR (-78)	0RT* (-39)	2RBB (-42)
0TR* (-82)	2TTB (-61)	0TB* (-83)

Наибольшая сравнительная весомость параметра «Ориентация на группу» наблюдается у оценки русскими татар с точки зрения других татар (+59), а наименьшая сравнительная весомость (-83) у оценки татарами башкир. Оценки русского этноса изменяются от (-82) до (38); оценки татарского этноса изменяются от (-61) до (24); оценки башкирского этноса изменяются от (-83) до (58).

2. Сопротивление переменам – открытость переменам

В результате решения задачи одновременно для четырех параметров интервал сравнительных весомостей для параметра «Открытость переменам» получился от (-65) до (+80).

Открытость к переменам		
Русские	Татары	Башкиры
0RR* (35)	0RT* (49)	2RBT (80)
1TRT (27)	0TT* (16)	1RBR (62)
0TR* (8)	2RTB (11)	2TBB (41)
2TRB (4)	0BT* (-2)	1BBB (26)
2RRT (-6)	1BTB (-6)	2RBB (22)
2TRR (-7)	2RTT (-6)	0RB* (19)
2RRB (-18)	2BTT (-7)	0TB* (7)
2BRT (-20)	1TTT (-9)	2BBT (5)
2BRR (-29)	1RTR (-14)	0BB* (2)
1BRB (-29)	2TTR (-19)	1TBT (-1)
1RRR (-37)	2TTB (-35)	2TBR (-10)
0BR* (-65)	2BTR (-62)	2BBR (-21)

Наибольшая сравнительная весомость параметра «Открытость к переменам» наблюдается при оценке русскими башкир с точки зрения татар (80), а наименьшая сравнительная весомость (-65) – у оценки башкирами представителей русского этноса. Оценки русского этноса изменяются от (-65) до (4); оценки татарского этноса изменяются от (-62) до (49); оценки башкирского этноса от (-21) до (80).

3. Отвержение взаимодействия – направленность на взаимодействие

Результаты исследования показывают, что в ходе решения задачи одновременно для четырех параметров интервал сравнительных весомостей для параметра «Отвержение взаимодействия» получается равным от (-18) до (+31). Данный параметр характеризуется наименьшей дифференциацией оценок, поэтому таблицу мы не приводим.

Наибольшая сравнительная весомость параметра «Ориентация на взаимодействие» наблюдается при оценивании башкирами башкир с точки зрения татар, а наименьшая сравнительная весомость (-18) – у оценки русскими башкир с точки зрения русских. Оценки русского этноса изменяются от (-15) до (14); оценки татарского этноса изменяются от (-15) до (16); оценки башкирского этноса изменяются от (-18) до (31).

4. Слабый социальный контроль – сильный социальный контроль

В результате решения задачи множественного сравнения одновременно для четырех параметров интервал сравнительных весомостей для параметра

«Слабый социальный контроль – сильный социальный контроль» получился от (-83) до (89).

Социальный контроль		
Русские	Татары	Башкиры
1BRB (34)	1BTB (89)	1BBB (77)
2RRB (7)	2RTB (21)	0BB* (45)
1TRT (4)	2TTB (20)	2TBV (19)
2TRB (3)	1RTR (6)	2RBB (16)
2BRT (1)	1TTT (6)	2BBT (11)
2BRR (0)	2RTT (1)	0TB* (8)
0BR* (-7)	2BTT (0)	0RB* (3)
2RRT (-8)	0BT* (-1)	1TBT (2)
1RRR (-12)	0RT* (-5)	2BBR (-4)
2TR* (-35)	0TT* (-6)	2TBR (-6)
2TRR (-47)	2BTR (-14)	2RBT (-43)
0RR* (-83)	2TTR (-19)	1RBR (-54)

Наибольшая сравнительная весомость параметра «Социальный контроль» наблюдается у оценки башкир татарского этноса с точки зрения башкир (+89), а наименьшая сравнительная весомость (-83) – у прямой оценки русскими своего этноса. Данный параметр оценивается наиболее несогласованно и это касается каждой из трех рассматриваемых культур.

Анализируя данные 4 шкал, мы можем установить степень соответствия - несоответствия рефлексивных представлений друг о друге изучаемых национальностей.

Литература

1. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология: Учебник для вузов. 2-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 320с.
2. Басимов М.М. Математические методы анализа рефлексивных представлений в кросскультурных исследованиях // Рефлексивные процессы и управление (Международный научно-практический междисциплинарный журнал). – 2005. - Том 5 №1. – С. 59-70.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 11-06-00174-а.

ВОЗМОЖНОСТЬ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА ГЕРМАНИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ (аспект этических систем В.А.Лефевра)

*Ф.А. Басов (Институт мировой экономики и международных отношений
РАН, Москва)*

В работе с помощью этической концепции Лефевра делается попытка рассмотреть возможности мировоззренческого лидерства Германии в международных отношениях. Перспективы становления Германии как ведущего субъекта в международных отношениях в условиях постбиполярного миропорядка и глобализации очень интересны. Особенно важен этот вопрос для России, так как «восточная политика» Европейского

Сообщества и Европейского Союза воспринималась и воспринимается странами-участниками этого объединения как особое дело Германии. Германия на протяжении своей истории часто проходила периоды трансформации. Поэтому именно этот пример интересно попробовать понять с помощью концепции этических систем.

Что же есть мировоззренческое лидерство в международных отношениях, и каковы его условия и предпосылки?

Мировоззренческое лидерство (оно же этическое, духовное) в международных отношениях означает возможность субъекта, актора МО привлекать остальных участников мировой политики и международных отношений для оказания авторитетной посреднической поддержки в разрешении проблемных и кризисных явлений (в.т.ч. управление кризисами, миротворчество). В условиях постбиполярного миропорядка – быть потенциальным центром притяжения людей и стран для образования союза (не против кого-либо, а для чего-то), сборки субъекта, определения вектора развития в процессах глобализации и региональной интеграции; являться примером в чем-либо.

Условиями для мировоззренческого лидерства в международных отношениях можно считать:

1. «Экзистенциальную чистоту», то есть – принадлежность к первому типу этических систем /ЭС 1/.
2. Саморефлексию, возможность признать собственные ошибки.
3. Наличие в социальной системе доминирующего количества индивидов с высоким этическим статусом.
4. Последовательность в политике, наличие определенных принципов, «кодекса поведения», являющихся традицией, частью политической культуры.

Важным является также наличие определенных политических, социальных, культурных, исторических, экономических, геополитических предпосылок для реализации своего лидерства.

Существенным преимуществом в мировоззренческом лидерстве является наличие некоего «своего» пространства, которое шире, чем пределы самого государства. У Германии такое пространство есть. Это – немецкий мир, большое немецкое пространство. Оно находится не только в географическом, но и в человеческом измерении. К немецкому миру можно отнести немецкоговорящие страны и регионы. В географическом плане сюда следует отнести и бывшие территории Германии, где немцы уже не составляют доминирующей группы или вообще почти не проживают. В человеческом измерении немецкое пространство дополняют немецкие национальные меньшинства, в том числе – компактно проживающие в странах бывшего Советского Союза, бывшей СФРЮ, в Южной и Северной Америке. Помимо наличия немецкого пространства у Германии есть сфера влияния, традиционно ориентирующаяся на нее. В первую очередь, это – Хорватия и Словения.

Следует проанализировать некоторые аспекты общественно-политической жизни Германии с помощью концепции этических систем.

Важным показателем возможности лидерства в международных отношениях является способность кого-либо интегрировать в какую-либо структуру, вывести из изоляции. Так, например, в 1922 г. Германия сделала важный шаг, чтобы преодолеть изоляцию Советского Союза со стороны стран Запада. После того, как более-менее ощутимые цели на Генуэзской конференции достигнуты не были, произошла так называемая «встреча в пижамах», увенчанная подписанием германо-советского договора в Рапалло. Таким образом, Германия стала первой страной Запада, признавшая Советское государство и установившее с ним дипломатические отношения в полном объеме. Стороны урегулировали спорные вопросы путем отказа от взаимных претензий [См.: Дипломатический словарь. М., 1986. Т. II. С. 449], чтобы проблемы прошлого не мешали позитивному развитию отношений в настоящем и будущем.

ФРГ с самого начала своего существования (1949 г.) представляет собой ЭС 1, хоть и с тяжелым наследием ЭС 2, которое постепенно изживалось. Противники тоталитарного государства и ЭС 2 - представители немецкого сопротивления, эмиграции, отстранившиеся после краха гитлеровского режима стали воссоздавать государственность и определять курс развития обоих немецких государств во второй половине XX века. Среди них – такие политики, как В. Брандт, К. Аденауэр, К. Шумахер и другие. Моральным авторитетом были деятели искусства, науки и немецкого сопротивления, являющиеся образцами, ориентирами и для современной Германии – Марлен Дитрих, Альберт Эйнштейн, Зофи и Ханс Шолль и многие другие. Они принадлежали либо к статусу «героя», либо к статусу «святого». Так отчетливо появляется важнейший элемент ЭС 1. Важнейший рубеж в переходе большей части Германии от ЭС 2 к ЭС 1, май 1945 г., называется в немецкой истории «часом ноль». Руководство ФРГ считало, что успешная интеграция в западный мир (ЭС 1) и существование в нем важнее, чем возможность немедленного объединения всей Германии в едином государстве. Переход к ЭС 1 должен был стать окончательным. Открытым врагам демократии Основной закон предусмотрительно объявлял войну – вплоть до лишения их основных прав и запрета враждебных конституции партий Федеральным конституционным судом. Важным условием мировоззренческого лидерства и принадлежности системы к ЭС 1 является рефлексия, возможность признать собственные ошибки. И в ГДР, и в ФРГ была проведена жесткая грань между ними и эпохой национал-социализма. «Час ноль» и «первый час» в истории ФРГ явились не только разрывом с прошлым, но и осознанием ответственности за него. (ФРГ является правопреемницей всех государств, существовавших когда-либо на ее территории).

Важно для возможности мировоззренческого лидерства еще и последовательности, политической традиции, определенной политической культуры, принципов, по которым живет и развивается общество. Принципами существования Германии стали демократия, федерализм, парламентаризм, рыночное (социальное рыночное) хозяйство, самоуправление, развитая многопартийная система (на всех уровнях). На

международной арене определяющим принципом немецкой политики стал принцип «never again, never alone». «Never again» означает, что Германия не намерена возвращаться к военной экспансии, неразборчивому применению военной силы и авторитарной внешней политики. «Never alone» означает, прочную привязку к сообществу западных демократий, широкое участие в международных организациях. Последовательность и твердость позиции Западной Германии проявляется в ее полной поддержке Западного Берлина.

Доктрина Хальштейна, которая предусматривала для ФРГ разрыв дипломатических отношений с любым государством, признающим ГДР, появилась и оставалась одной из основных внешнеполитических установок государства, когда у власти находилась коалиция, возглавляемая союзом ХДС/ХСС. Инициирование германо-германского диалога и интенсификация сотрудничества с Польшей и СССР произошли в годы правления социал-либеральной коалиции во главе с канцлером от СДПГ Вили Брандтом. То есть, из двух народных партий, играющих определяющую роль в политике Германии, к жертвенному компромиссу более склонна СДПГ, а не ХДС/ХСС. Значит, каких-либо шагов, связанных с мировоззренческим лидерством, следует ожидать скорее от представителей СДПГ.

1990 г. стал еще одним рубежным годом в немецкой истории. В конце 1980-х – начале 1990-х Германия пережила еще одну серьезную трансформацию, связанную с вхождением 5 новых федеральных земель и Восточного Берлина в зону действия Основного Закона. Государство ГДР перестало существовать, а его общественно-политическая система трансформировалась, влившись в общественно-политическую систему ФРГ. Произошел переход Восточной Германии от ЭС 2 к ЭС 1. Этот довольно гармоничный переход в условиях объединения является хорошей предпосылкой для выполнения условий мировоззренческого лидерства.

Политики и общество из бывшей ГДР привнесли в немецкую политическую (и общественную) жизнь множество новых концептов. Больше число «отцов» партии «Союз 90 - Зеленые» (одна из 5 ведущих партий страны) являлись политиками новой волны в ГДР. В руководстве партии «Левые» также преобладают выходцы из Восточной Германии. Электорат НПП тоже представлен, в основном, на Востоке. Именно эти три партии являются среди шести ведущих партий Германии. Значительное количество «восточных немцев» среди своих ведущих политиков демонстрирует также одна из народных партий Германии – ХДС. 5 крупнейших партий страны, представленных на федеральном уровне, согласны с конституционным строем (тем самым общественным договором ЭС 1) и поддерживают его.

В условиях постбиполярности и после того, как объединенная Германия обрела совершенно иной, значимый, вес в международных делах, эта страна является одним из потенциальных лидеров в международных отношениях. Она также является центром притяжения, как для этнической, так и для неэтнической иммиграции.

С самого начала процесса европейской интеграции, Германия стояла во главе этого процесса. Именно Германия играла особую роль в последнем,

пятом, расширении ЕС на восток и юго-восток и имеет самый большой вес в общеевропейских делах как крупнейшая страна Евросоюза по численности населения. Германия является ведущей экономикой ЕС.

Серьезную роль Германия играла во время антивоенного движения 2003 г. (война в Ираке) («сборка» антивоенной коалиции). Все возрастающее участие Германия демонстрирует в ООН и других международных организациях.

Современная Германия является одним из лидеров в инновационном развитии.

В условиях постбиполярного миропорядка страна, преодолевшая свой раскол, имеет хороший опыт и идеи для преодоления раскола всего континента и мира, сборки мирового субъекта. Политики и представители общества, возможно, будут иметь лучшие способности для понимания разных сторон в международных делах, в том числе и России, так как Россия до сих пор переживает трансформацию. Векторы российского развития пока не определены. Германия заинтересована в переходе России от ЭС 2 к ЭС 1 и будет пробовать оказывать влияние на этот процесс своей политикой развития и своим собственным примером. Прагматический интерес Германии: энергетика, рынок сбыта, научная кооперация, военное сотрудничество и миротворческие проекты; показывают для Германии важность России. Сотрудничество, как показывает опыт последних лет, легче осуществлять, если интегрировать партнера в структуры со своим участием, а не позволять ему изолироваться. В программных документах всех ведущих политических партий Германии отмечена линия на интеграцию России и стратегическое партнерство. Более того, в новом европейском или евроатлантическом проекте Германии и Франции Россия необходима как еще один мощный партнер, помимо США. Исторически левый спектр немецкой политики (СДПГ, Левые) ориентированы на постоянное улучшение отношений с Россией. ХДС/ХСС также не может игнорировать пожелания части электората, репатриировавшегося из бывшего СССР. Пережив во многом схожую трансформацию, Германия и Россия могут демонстрировать концептуальную близость позиций по важным вопросам мировой политики.

Литература

1. Дипломатический словарь. М., 1986.
2. *Левеев В.А.* Просчеты миротворчества // Рефлексивные процессы и управление. Том 2, № 2, 2002.
3. *Мягков М.Ю.* Вермахт у ворот Москвы. М., 2005.
4. Роль образа России в формировании общеевропейского политического пространства. Отв. ред. д. полит. н. Н.К. Арбатова. М., ИМЭМО РАН, 2009.
5. *Шредер Г.* Решения моя жизнь в политике. М., 2007.

СОЦИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА – СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

О.А. Беленкова, Е.В. Краснова

(Уфимский государственный нефтяной технический университет, г.Уфа)

Согласно плану Президента Д.А. Медведева, озвученному в Послании Федеральному Собранию РФ в ноябре 2009 года, программа модернизации российской экономики должна быть стратегически ориентированной и включать: 1) сферу *науки*, призванную разрабатывать на основе развития фундаментальных отраслей научного знания высокие технологии и социально-гуманитарные механизмы их внедрения; 2) модернизацию на основе инновационных технологий *производственно-технологической сферы*; 3) реформирование всей системы *образования* и, в первую очередь, *высшей технической школы*, задачей которой должно стать формирование у будущих специалистов наряду с профессиональными, также организационно-управленческих и социально-гуманитарных знаний и навыков, необходимых им для модернизации техносферы; 4) демократизацию организационно-управленческой деятельности на основе развития у субъектов управления знаний о закономерностях стратегического управления и рефлексивных способностей, позволяющих им находить оптимальные решения в рискованных ситуациях процессов модернизации.

Социальное управление – это вид деятельности функционально ориентированной на обеспечение координации действий людей в ходе совместно выполняемой работы. Охватывая всё общество, оно носит системный характер. Это позволяет рассматривать социальное управление в широком плане как деятельность, интегрирующую государственно-административное, политико-правовое и морально-этическое регулирование социальных процессов. А в узком плане как непосредственное воздействие субъектов управления на работников с целью адекватного выполнения ими поставленных задач.

Исторический опыт свидетельствует, что в основе всех видов человеческой деятельности лежат последовательно сменяющие друг друга исторически сложившиеся фундаментальные технологии (аграрно-ремесленные, индустриальные, постиндустриальные), определяющие прямо или опосредованно характер общественного производства. Технологии отражают техническую логику производственных процессов с позиции имеющихся в обществе технических средств, но они обладают также социогенными функциями. Это происходит потому, что между технологиями и нормативно-регулятивной средой их формирования и развития имеет место диалектическая взаимосвязь. Формирование каждого исторического типа технологии осуществляется во взаимосвязи с определенными социально-экономическими и духовными условиями жизни общества, определяющими специфику организационно-управленческой деятельности и меру участия в этой деятельности непосредственных субъектов производства. И хотя эта среда формируется под воздействием развивающихся технологий,

инструментом её формирования является культура, социокультурные результаты которой используются субъектами управления в решении стоящих перед обществом задач хозяйственно-экономической деятельности. А.И. Ракитов подчёркивает, что культура, обладающая механизмами и нормами гибкой адаптации к технологическим инновациям, стимулирует технико-технологический прогресс, обеспечивая тем самым устойчивость социума к социальным изменениям. При отсутствии этих механизмов внедрение технологических инноваций блокируется, что ведет к стагнации социума и, при определенных условиях, к его гибели [1, с. 7].

Культура общества – это не что иное, как система информационных кодов, закрепляющих в знаковых моделях исторически накапливаемый социальный опыт, считает В.С. Степин. В соответствии с этими кодами «воспроизводится организация социальной системы как целого и особенности её основных реакций на внешнюю среду» [2, с.3]. Использование социокультурных, информационных кодов в практике управления в качестве инструментов воздействия на сознание и поведение людей формирует феномен культуры управления. Мы считаем, что социально-управленческая культура – это системоорганизующий компонент социума, охватывающий сложившиеся в обществе и обладающие управленческим потенциалом ценностно-нормативные представления, использование которых субъектом управления в качестве целеориентирующих ценностей управленческой деятельности, а также её методов и средств обеспечивает управляемость социальных объектов в соответствии с закономерностями и стратегическими перспективами развития общества.

Выступая как системное образование, управленческая культура включает два уровня: *программно-целевой* и *организационно-практический*. Их диалектическая взаимосвязь в социально-управленческой практике определяет целевую направленность управления и механизмы его практической реализации. На программно-целевом уровне, который является *теоретико-методологической* стороной управленческой культуры, определяются цели и задачи управленческой деятельности, а также проектируются ее механизмы. Теоретико-методологическим обоснованием решения этих задач являются такие феномены духовной культуры как научные знания о законах и механизмах функционирования социохозяйственной сферы, достигнутом уровне развития технологии, а также представления о ценностных ориентациях и мотивационных механизмах социальных субъектов. Интегрирующим элементов программно-целевого уровня является его *идеологический компонент*, который, объединяя цели управления и ценностные ориентации социальных агентов, ориентирует их деятельность на осуществление программы управления. Основой новой российской идеологии, по нашему мнению, должны стать: 1) идея социальной справедливости, которая отвергает призыв российских олигархов к получению прибыли любой ценой и ориентирована на адекватную оценку труда представителей всех социальных групп, вносящих свой вклад в процветание страны; 2) идея нового коллективизма, которая формируется на основе коллективного менталитета всех российских этносов, создающих

совместными усилиями будущее России; 3) идея ответственности общества и государства за своих граждан, которые с чувством долга выполняют свою работу.

Реализация этих идей будет способствовать снятию отчуждения в сфере социального управления и, благодаря этому, оздоровлению всей системы общественного производства на основе включенности широких слоев общества в организационно-управленческую деятельность. Это позволит гражданам России почувствовать себя хозяевами своей страны и будет способствовать блокированию различных форм коррупции на всех уровнях организации социума, а также стимулировать в обществе модернизационные процессы.

На втором – *организационно-практическом уровне управленческой культуры* решаются две задачи: а) формирование у акторов (социальных субъектов, включённых в управленческие процессы) ценностно-мотивационных ориентаций, адекватных целям и задачам социального управления; б) проектирование таких организационных форм хозяйственно-трудовой деятельности, которые позволяют акторам реализовывать в процессе труда свои творческие возможности. Интегрирует оба эти уровня в системное целое в условиях формирующегося в современной России информационного общества рационально-научно-технологическая деятельность, выступающая в этом контексте также как культурный компонент социохозяйственной сферы. Эта высокотехнологичная деятельность является связующим звеном между культурой общества и социальными отношениями, единство и взаимосвязь которых и выступает условием формирования и функционирования социально-управленческой культуры как стратегического ресурса модернизации российского общества. Однако реализация этого ресурса возможна лишь при наличии социальной ответственности за будущее России у представителей всех социальных слоев нашей страны и, в первую очередь, представителей власти, принимающих стратегические решения.

Литература

1. *Ракитов А.И.* Цивилизация, культура, технология и рынок / А.И. Ракитов // Вопросы философии. 1992. № 5.
2. *Степин В.С.* Культура / В.С.Степин // Вопросы философии. 1999. № 8.

РЕФЛЕКСИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ

С.М.Белкин, М.Ю.Байдаков (Постоянно действующий Форум «Запад-Восток: интеграция и развитие», Москва)

В работе предпринята попытка выявить критерии развития общества и установить управляющие параметры процесса. Проанализирована многофакторность процесса развития, проведен сравнительный анализ категорий «прогресс» и «развитие». Показана ошибочность сведения критериев общественного развития к экономическим категориям. В качестве управляющего развитием параметра предложены общественные ценности, формирующиеся в виде ценностных ядер.

Рефлексивный анализ происходящего со страной и народом дают основания для разных вариантов опасений: а) страна и народ развиваются «в неверном направлении»; б) страна и народ остановились в своем развитии; в) страна и народ деградируют, вырождаются и, в конечном счете, идут к гибели. Этими вариантами возможные сценарии не исчерпываются: народ может деградировать до стадии одичания, может быть поработан и уничтожен или ассимилирован, при этом на той же территории возникнет другая страна другого народа. В этой связи вопрос – «что есть развитие» – далеко не отвлеченно-теоретический. Политики, каких бы взглядов они ни придерживались, каковы бы ни были их истинные цели, говорят о «развитии» и предлагают не только свои пути и методы, но и свои признаки, критерии развития. Часто в результате применения этих методов, обществу приходится пожинать печальные плоды: распад государства и деградацию всех сфер жизни, политическую, экономическую и духовную зависимость от чужих и чуждых интересов. Опасность состоит и в том, что смысл слова «развитие» кажется всем одинаково понятен. Это заблуждение приводит к тому, что огромные массы людей вовлекаются в губительные для них же процессы, не отдавая себе отчет в том, что роют себе могилу, а не возводят фундамент будущего благополучия.

Российское общество отличается высокой неоднородностью по ценностным, национально-религиозным, имущественным и многим другим параметрам. Может ли неоднородное общество обрести стратегическую субъектность [1] общего развития? Какова мера неоднородности общества, в каких категориях она должна оцениваться и измеряться, и где предел неоднородности, при которой совместная общая стратегия становится недостижимой?

Говоря о развитии общества, мы имеем в виду не просто изменение структуры, а появление каких-то новых форм упорядоченности, новых свойств рассматриваемой системы. Если эти новые формы и новые свойства обеспечивают лучшие условия для выживания и дальнейшего воспроизводства жизни, для реализации чего-то, что воспринимается как «предназначение», мы воспринимаем такие изменения как развитие общества. При этом очень важно при анализе столь сложной системы, как социальная, учитывать все сложившиеся в ней взаимосвязи и взаимозависимости, включая и те, которые существуют в мире идеального, метафизического. Мы придерживаемся целостного восприятия процесса взаимовлияния человека, общества и природы, в котором ничто не является главным или второстепенным. Наш взгляд на общество и на экономику, тесно связан с концепциями и методами, возникшими в современных направлениях научных исследований, таких как синергетика и теория системного понимания жизни [2], в том числе, социальной – словом, с комплексом подходов, с которым в отечественной философской науке ассоциируют новейший период развития современного знания: постнеклассическую науку [3].

Мы рассматриваем социум как живую систему и, соответственно, экономику как один из процессов, присущих живой системе, то есть как

процесс жизнедеятельности. Понятие «жизнедеятельность» охватывает более широкий круг явлений, нежели «деятельность, связанную с обеспечением материальных условий жизни». Жизнедеятельность человека и общества включает в себя всю палитру: и материальную, и духовную, и взаимодействие с окружающей средой – как природной, так и общественной. Жизнедеятельность человека и общества – это совокупность процессов, протекающих в них, как живых организмах, служащих поддержанию в них жизни и являющихся проявлениями их жизни. При этом полное осмысление социальных феноменов должно подразумевать рассмотрение с четырех точек зрения – формы, содержания, процесса и смысла.

Взгляд на историю и культуру народа, длящуюся столетиями, являющуюся цельной и непрерывной, позволяет предположить, что народ передает из поколения в поколение какие-то важные «смыслы» [4]. На интуитивном уровне мы ощущаем, а на рациональном уровне осознаем факт их существования, однако затрудняемся представить их в виде перечня. Практическая работа со «смыслами» затруднена, в то время как их производные (вопрос о первичности и вторичности «смыслов» и ценностей остается дискуссионным) – ценности, поддаются рациональному осмыслению, измерению, воздействию и т.д. Мы предлагаем в качестве практического базиса «корневого ядра» народа рассматривать его «ценностное ядро». Категория «ценностное ядро» как социологический параметр уже находится в стадии формирования, но как политологическая категория, как параметр и критерий практической политики – пока не существует. Мы его предлагаем как политологический концепт, понимаемый частично интуитивно, частично опирающийся на социологические категории и методы. Возможности социологии позволяют с уверенностью ожидать, что это понятие может из метафоры стать измеряемым, рабочим параметром. Ценностное ядро, являющееся источником и опорой развития, содержит в себе стремление к лучшему будущему, в нем имеются идеалы будущего, к которым следует идти. В конечном счете, непонимание процессов, происходящих в «ценностных ядрах», выливается в неудачи реформаторских попыток, опирающихся на несуществующие или малозначительные для нашего народа ценности. Вот почему, исследование проблемы развития общества и, в частности, соотношения развития общества с экономическим развитием является актуальным. При выработке критериев развития и прогресса общества, необходимо самым тщательным и самым глубоким образом исследовать его ценностное ядро и его динамику в происходящих, планируемых и ожидаемых процессах. В этой связи признаком развития и прогресса может и должно служить движение общества к наиболее полному воплощению и практической реализации системы ценностей, выработанной социумом на протяжении всего своего существования, и осознаваемой как историческое предназначение. Если процессы духовной и материальной жизни общества вынуждают его к полному или частичному отказу от своей системы ценностей, то повреждается ценностное ядро, возникает риск гибели общества.

Литература

1. *Лепский В.Е.* Проблема субъектов в прогнозировании технологического развития // «Экономические стратегии», №7-2005, стр. 30-33.
2. *Капра Ф.* Паутина жизни. М.: ИД «София». 2003. — 336 с.
3. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003.- 744с.
4. *Остроменский М.П.* Смыслы, язык и ценности народа. // Война и мир. Аналитика. 09.03.10. <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/45057/>

КРЕАТИВНАЯ СЛОЖНОСТЬ В РОЖДЕНИИ ИННОВАЦИЙ

И.А. Бескова

(Институт философии РАН, г. Москва)

1. Процесс рождения инноваций принято считать не поддающимся управлению. Тем не менее, это верно лишь в первом приближении. Иными словами, когда говорят, что рождение творческого продукта – спонтанный, нерегулируемый процесс, подразумевают, что в обычных условиях, если человек не применяет никаких специальных приемов, способствующих повышению вероятности совершения творческого шага, дело именно так и обстоит. Это не означает, что таких возможностей не существует в принципе. Каковы же они? Коснусь лишь одного из потенциально возможных средств эвристической переориентации мышления, и оно будет связано с особой структурной организацией сложных процессов, которую назову феноменом интегральной сложности.

2. Под интегральной сложностью я буду понимать свойство системной организации событий, процессов, явлений, проявляющееся в том, что человек, обращенный к анализу этих феноменов, оказывается вынужденным констатировать, что точнее всего специфика функционирования данной системы может быть передана выражением «В ней в одном и том же отношении верно Р и не-Р».

3. Последнее утверждение в рамках классической логики представляет собой суждение, нарушающее принцип непротиворечия, в соответствии с которым в отношении одного и того же объекта допускается приписывание лишь одного из противоположных свойств («Имеет место Р или не-Р, но не оба вместе»). Что же в данном случае происходит: нарушение законов формальной логики, выход за ее пределы в сферу неклассических построений или же изменение базовых параметров сознания, обращенного к восприятию сложных феноменов, происходящее в рамках некоторых особых форм взаимодействия <человек-мир>?

4. На самом деле все эти варианты не исключают друг друга, а отображают разную степень глубины нашего проникновения в существо проблемы. И я полагаю, что главное, что в данном случае имеет место, - это именно изменение базовых характеристик сознания человека, происходящее в условиях стопроцентной его вовлеченности в процесс, привлечший внимание. Остальные два момента (нарушение законов классической логики и выход в сферу неклассических построений) будут вытекать из такого положения вещей.

5. Что происходит, когда человек все 100% своего внимания отдает заинтересовавшему его явлению? В буддистской традиции это выражается понятием: «человек теряет себя в объекте» [1], человек и объект его интереса как бы сливаются, становясь одним целым. Главное, что в этом сложном взаимодействии происходит, – исчезает позиция наблюдателя, выражающаяся в вынесении человеком себя за скобки процесса и позиционировании по принципу «Вот я, а вот оно (событие, процесс, явление)».

6. Сложные феномены по своей природе целостны, недואльны, т.е. не содержат составляющих, которые – с использованием двойственных средств естественного языка и категориального мышления – могут быть представлены как взаимоисключающие компоненты («Р и не-Р»). Именно и только обращенность к их восприятию двойственного ума человека, пережившего диссоциацию, обуславливает то, что они *видятся* поделенными надвое, наполненными борьбой и конфликтами [2]. Если к восприятию тех же феноменов будет обращен ум человека, преодолевшего двойственность (это, в частности, выразится в отказе от позиции наблюдателя), они предстанут как недואльные. Таким образом, объекты из области определения, передаваемой выражением «рефлексивно-активные среды» [3], обладают следующим принципиальным свойством: позиция субъекта, обращенного к восприятию феномена, *влияет* на характеристики феномена. Последний предстает таким, каким человек готов его видеть: двойственный ум – *с достаточным на то основанием* – увидит мир как двойственный, поделенный на противоположности, наполненный борьбой и конфликтами; недвойственный – *те же* процессы, *в то же* самое время и *в том же* самом отношении – воспримет как целостные, гармоничные, лишённые противоположных начал. Но каковы же они, так сказать, «на самом деле»?

7. Как ни странно, подобного рода вопрос продиктован спецификой двойственного ума, который воспринимает происходящее с позиции наблюдателя («Вот я, а вот процесс»). Именно в этом случае для выявления сущности заинтересовавшего требуется анализ, выдвижение гипотез, проверка следствий, создание разного рода теоретических реконструкций, потому что, заняв позицию наблюдателя по отношению к объекту (процессу, явлению), человек отделяет себя от него барьером инаковости. В результате для него становится невозможным получить соответствующее знание в прямом непосредственном усмотрении, которое оказывается инструментом постижения в том случае, если отсутствует позиция наблюдателя. Итак, сложные феномены, областью определения которых выступает понятие «объекты рефлексивно-активных сред», могут представлять и как двойственные, и как недвойственные *в зависимости от* характеристик ума человека, обращенного к их восприятию.

8. Поскольку феномены, являющиеся интегрально-сложными таковы, что их характеристики меняются принципиальным образом в зависимости от параметров обращенного к ним сознания (представляя то как дуальные, то как недואльные), использование аппарата категориального мышления,

двойственного по своей природе, приведет к тому, что их свойства верно будут описываться суждением «Оправданно утверждать, что по отношению к ним верно Р и не-Р». Но это означает, что если мы в нашем теоретическом построении выявили, что исследуемая интегрально-сложная система обладает свойством Р, то на самом деле в отношении нее верным будет утверждать, что она обладает свойством не-Р.

9. Данный вывод носит полностью **методологический** характер, т.е. может быть сформулирован *до* всякого конкретного эмпирического или теоретического исследования конкретного события, явления, процесса, только на основе базовых исходно принятых постулатов, и служит мощным инструментом эвристической переориентации мышления. В частности, мы получаем очень важную подсказку, где, в какой сфере и что именно мы должны дальше искать, если хотим, чтобы полученный нами результат достаточно полно и точно передавал подлинную сложность интересующего нас феномена. Ярким примером эффективности действия такого рода методологического приема может служить логика рождения геометрии Лобачевского-Римана, в основании которой лежало отрицание постулата евклидовой геометрии, о том, что параллельные прямые не пересекаются.

10. На основании вышеизложенного полезно ввести понятие креативной сложности. И тогда мы скажем, что построенная исследователем модель является креативно-сложной в том случае, если позволяет видеть и понимать моделируемый феномен как компонент сложной системы <человек-мир>, демонстрируя, что способность обладать или не обладать неким свойством, по сути, не атрибутивна, а производна от позиции субъекта, обращенного к исследованию данного феномена.

Литература

1. Судзуки Д.Т. Мистицизм: христианский и буддистский. Киев, София, 1996. С. 43-44.
2. Бескова И.А. Эволюция и сознание: новый взгляд. И.: Индрик, 2002. – 255 с.
3. Лепский В.Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: «Когито-Центр», 2010. – 255 с.

Исследование поддерживается грантом РГНФ-БРФФИ № 11-23-01005 а/Bel

МЕНТАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ РЕФЛЕКСИИ

М.М. Бетильмерзаева

(Чеченский государственный университет, г. Грозный)

Мышление, будучи высшей когнитивной функцией, в основе которой лежит способность человека оперировать внутренними ментальными репрезентациями и «проигрывать» предстоящие действия в своем воображении, стало результатом необходимой адаптации к условиям, в которые он заброшен. В основе мышления лежит акт понимания. Мышление – не процесс копирования, отражения или воспроизведения каких-то внешних, «онтологически первичных» механических воздействий, сигналов, их корреляций и зависимостей, а природный, направляемый нашей когнитивной системой процесс извлечения сигналов, порождения и

переработки информации в соответствии с определенными, генетически контролируруемыми стратегиями. Мышление обеспечивает информационный контроль окружающей среды, нашу адаптацию и выживание. Сознательное управление мыслительными процессами по своей природе носит ограниченный характер, но, как и другие высшие когнитивные функции, оно эволюционирует в ходе биологической, когнитивной и культурной эволюции человеческих популяций. Сознательный контроль несоизмеримо увеличивает эффективность нашего мышления, но этот контроль, конечно же, не в состоянии «отключить» работу направляющих мышление природных генетических механизмов.

Сегодня в когнитивной науке стало общим мнение, что на бессознательном уровне человек осуществляет множество разнообразных видов мыслительной деятельности: выдвижение и опробование гипотез, рассуждение, интерпретация и т.д. Важно иметь в виду, что речь идет не о бессознательных физиологических процессах, происходящих в нейронах, а именно о мыслительных процессах, в принципе таких же, как сознательно осуществляемые акты мышления. В этой связи становится ясным, что вообще осознанной может быть лишь часть мышления. Ибо высказывание «Я мыслю» означает лишь рефлексия первого порядка, т.е. осознание предмета мысли и самого факта мышления, но не означает рефлексия способов мышления. Последнее возможно, пишет В.А. Лекторский [1, с. 146], на основе высказывания «Я мыслю, что я мыслю». Рефлексия второго порядка возникает лишь в особых ситуациях, когда субъект ставит под сомнение те способы мышления, которые до сих пор были для него самоочевидными и потому не сознавались. Рефлексия над мышлением возможна лишь на сознательном уровне.

Мыслители разных эпох обращались к вопросам о природе и сущности рефлексии, ее необходимости и способах применения в познании. В истории эволюции понятия «рефлексия» прослеживаются следующие этапы: эмпирический, логический, трансцендентальный, абсолютный. Одно из первых четких определений рефлексии мы встречаем у Джона Локка, для которого рефлексия есть «наблюдение, которому ум подвергает свою деятельность и способы ее проявления, вследствие чего в разуме возникают идеи этой деятельности» [2, с. 155]. Как мы видим, рефлексия, по Локку, носит эмпирический характер и описывает внутренний опыт мыслящего субъекта.

Понятие «рефлексия» за долгие годы употребления в рамках философского и в целом научного дискурса приобрело множество значений, которые в целом могут быть объединены пониманием рефлексии, как типа философского мышления, направленного на осмысление и обоснование собственных предпосылок, требующего обращения сознания на себя [3, с. 828]. Рефлектировать можно с разной степенью глубины: найдя одни предпосылки, из которых исходит мышление, искать «под ними» какие-то другие, еще более глубокие, пока, в конце концов, не окажется, что достигнут некоторый предел, дальше которого мысль продвинуться не в состоянии. Естественной формой проявления рефлексии является дискурс. Любой

дискурс, с одной стороны, предполагает, *volens-nolens*, наличие одной или нескольких рефлексивных позиций, а с другой стороны, любая рефлексивная позиция немислима без включения ее в «контекст» того или иного дискурса.

Состояние современного социокультурного пространства и перспективы его дальнейших трансформаций, будучи обрамлены рефлексивно-дискурсивным текстом, позволяют не только описать, но и управлять процессами, происходящими в обществе. Текст дискурса соответствует уровню рефлексии субъекта. В свою очередь, содержание рефлексивно-дискурсивного текста имеет несколько уровней рефлексирования в зависимости от контекста, количества и качества субъектов и объектов дискурса. «Рефлексивно-дискурсивный контекст» простейшего текста может оказаться намного богаче, чем это казалось бы на первый взгляд. Становится ясным, насколько более сложны системы репрезентаций (представлений), логика и мотивация коллективных этнических субъектов в свете структурно-рефлексивного подхода, а также исторически сложившихся традиций межэтнических и межкультурных отношений между ними в сравнении с общепринятыми взглядами [4, с. 48].

Анализу текста в рефлексивно-дискурсивном контексте способствует экспликация ментально-концептуального пространства объекта. Осмысление и осознание субъектом своих собственных форм, естественно, будучи причинно обусловлено его воспитанием и образованием, способствует первоначальному определению границ собственного место- и времяположения. Повседневная речь людей таит в себе историю многовековой рефлексии. По Г.Д. Гачеву[5, 9], мы разговариваем на языке сверхценностей, используем философские идеи и принципы, но не осознаем того, употребляя их бессознательно. Многие фундаментальные категории и понятия глубоко залегают в неосознаваемых слоях психики. Осознание этих понятий дает важное средство проникновения в арсенал архетипов и принципов, в шкалу ценностей, что формируют национальную ментальность данного этноса, его культуру.

Ментальность, будучи одним из аспектов собственно психического и психофизического взаимодействия, который относится к частично доступным факторам человеческого бытия, онтологически присутствует человеческому бытию как фактор наличного предпонимания, позволяющий быть. Осознанность и деятельность человеческого бытия детерминируются существованием объективного мира, объективной заданностью того или иного взаимодействия онтологического мира психического и мира физического. Реальное взаимодействие человека с человеком и окружающим миром предполагает использование информации об этом мире как средстве регуляции и управления собственным поведением, что обеспечивает адекватные взаимоотношения с действительностью. Рефлексия второго порядка, а именно: «Я мыслю, что я мыслю» демонстрирует, что субъект как материальная система включается в такую форму активности, в которой потенциальная информация превращается в актуальную. И только на этом уровне рефлексивно-дискурсивный текст в контексте приобретает

социокультурную ценность, становясь механизмом позитивного информационного взаимодействия.

Литература

1. *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. – М.: Эдиториал УРСС, 2006. – С.256.
2. *Локк Д.* Опыт о человеческом разуме // Локк Джон. Сочинения в 3-х томах. – М.: Мысль, 1985. – Т. 1. – С.78–582.
3. Новейший философский словарь. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – 1280 с.
4. *Боршевич В.И.* Национальный вопрос и межкультурный диалог в свете рефлексивно-дискурсивного подхода. – С. 47-48 // Рефлексивные процессы и управление. Сборник материалов Международного симпозиума 15–16 октября 2009 г., Москва / Под ред. В.Е. Лепского – М.: Когито-Центр, 2009. — 272 с. [http:// www.reflexion.ru/Library/Lepsky2009s.pdf](http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky2009s.pdf)
5. *Гачев Г.Д.* Ментальности народов мира. – М.:Алгоритм Эксмо, 2008. – 544 с.

ОПТИМИЗАЦИЯ ГИМНАЗИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ОСНОВЕ РЕФЛЕКСИВНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ ПЕДАГОГИКИ

Т.Г. Болдина (Гимназия N 1526, Москва)

Рефлексивно-деятельностная педагогика – одна из новаций человекознания рубежа 20-21 вв. (Н.Г.Алексеев, Ю.В.Громыко, В.В.Давыдов, В.В.Рубцов, И.Н.Семенов, В.И.Слободчиков, Г.П. Щедровицкий и др.). Она возникла во взаимодействии общей педагогики, педагогической психологии, психологии рефлексии и рефлексивной педагогики. Каждая научная школа внесла свой вклад в развитие основных положений рефлексивно-деятельностной педагогики. Так, в школе В.В.Давыдова с позиций деятельностной педагогики созданы принципы и методы диагностики и развития рефлексии как важнейшего компонента теоретического мышления, а в школе рефлексивной психологии творчества И.Н. Семенова – принципы организации творческого мышления и развития креативной личности. В школе педагогического проектирования Н.Г.Алексеева предложены средства организации инновационного образования. В школе рефлексивной дидактики П.А.Оржековского созданы рефлексивно-деятельностные принципы и реализующие их учебники на материале инновационного обучения химии, которое осуществляется в 8-9 классах и нашей гимназии. На этих научно-рефлексивных основаниях в педагогической практике столичного образования (в т.ч. и в гимназии N 1526) используются: 1) рефлексивно-педагогическое проектирование в организации учебно-воспитательного процесса; 2) диагностика развития рефлексивно-творческих способностей и социорефлексивных компетенций, в т.ч. компетенции решения проблем и личностного совершенствования; 3) рефлетехнологии развития мышления и личности учащихся и педагогов. Развитие моделей и технологий рефлексивно-деятельностной педагогики стало важным направлением научно-методической работы нашего педагогического коллектива. При этом высокий уровень рефлексивно-педагогической

культуры служит необходимым условием для выбора оптимальных средств взаимодействия учителей с учащимися. Мощным фактором мотивации совершенствования для учителей стало овладение рефлексивной культурой взаимодействия как способности к анализу собственной деятельности и общения с различных позиций. Формы рефлексивно-деятельностной работы с учителями разнообразны. Цель профессионально-рефлексивной деятельности педагогического коллектива – выпускник, обладающий функциональной грамотностью и интеллектуально-рефлексивной способностью к продуктивной творческой деятельности. Нами изучены и отрефлексированы результаты международных исследований PISA по определению функциональной грамотности в школах РФ. Оказалось, что функциональная грамотность российских школьников ниже средних результатов по развитым странам (Финляндия, Япония, Канада). Исследователи исходили из того, что функциональная грамотность – понимание и высказывания суждений, способность к их осмыслению и использованию для достижения поставленной цели. С учетом этого содержание наших программ обучения удовлетворяет следующим 4 позициям. 1) Содержание образования носит деятельностный характер (например, освоение основ охраны окружающей среды – в геоэкологических экспедициях) и развивается на основе рефлексивно-деятельностной педагогики. 2) Научно-методическими кафедрами ведется работа по обогащению содержания образовательных программ исследовательской, рефлексивной и проектной работой. 3) Учебный материал трактуется как образовательная среда для деятельности учащихся по созданию и рефлексии личностного содержания образования, которое выступает образовательным продуктом учащихся. 4) Под личностным содержанием образования – образовательным продуктом учащихся – понимается рефлексивное освоение учащимися различных способов деятельности, специфических для наук и областей, а также способов общеучебной деятельности, которые могут быть перенесены в любую образовательную область (работа с текстом, приемы обработки информации, работа с таблицами и диаграммами и т.д.). Способы общеучебной деятельности осваиваются учащимися (помимо учебных занятий) в разработанных педколлективом организационных формах: интеллектуальные и рефлексивные игры, научно-практические конференции, единый школьный проект, День психолога, День здоровья. В опытной работе нами осуществлен выбор технологий (реализующих деятельностное содержание образования) на основании того – присутствуют ли аспекты рефлексии в их алгоритме. Итак, педагогическая рефлексия может стать механизмом построения образовательной технологии как школы в целом, так и отдельного учителя. Об эффективности рефлексивно управляемой педагогической деятельности коллектива нашей гимназии свидетельствуют следующие достигнутые им результаты. 1) Так, наблюдается положительная динамика по диагностике сформированности рефлексивных умений учителей, 2) Уровень сформированности рефлексивного мышления учащихся оказался, в основном, средним и он выполняет функцию оценки учеником собственных мыслительных действий, что создает возможность учитывать свои ошибки;

3) Большинство учащихся имеют средний и высокий уровни сформированности компетенции решения проблем, успешно ориентируются в проблемных ситуациях. Развитие рефлексивной культуры личности – главная идея современного образования, о конструктивности которой свидетельствует конструктивный рефлексивно-деятельностный опыт педагогического коллектива нашей гимназии по развитию инновационного школьного образования.

Литература

1. Деркач А.А., Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Психолого-акмеологические основы изучения и развития рефлексивной культуры госслужащих. М. 1998.
2. Семенов И.Н., Болдина Т.Г. (ред.). Рефлексивно-организационные проблемы формирования мышления и личности в образовании и управлении. М. ИРПТиГО. 2003.

РАЗВИТИЕ РЕФЛЕКСИВНО-ПРАВСТВЕННОЙ ПОЗИЦИИ ПОДРОСТКОВ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Борискина А.А. (Институт рефлексивной психологии творчества и гуманизации образования, Москва)

В современных условиях обострения межнациональных конфликтов необходимо развитие этнической толерантности учащихся в поликультурной образовательной среде, в т.ч. путем формирования у них рефлексивно-нравственной позиции. Исходя из этого, с позиций этнопсихологии и рефлексивно-деятельностной педагогики нами было выделено несколько принципов. Один из них – формирование нравственной позиции на основе гуманизации поликультурной среды. Второй принцип связан с отбором содержания, способствующего творческому развитию личности. Третий принцип основан на организации занятий, реализуемый на идеях сотрудничества. Вместе с тем, определились и главные подходы в организации поликультурного образовательного пространства. Ценностно-ориентированный подход направлен на решение проблемы формирования рефлексивно-нравственной позиции подростков, основанного на приоритете духовно-нравственных ценностей. Личностно-ориентированный подход ориентирован на удовлетворение потребностей и интересов ребенка, реализация личностно ориентированного подхода осуществляется за счет учета индивидуальных особенностей каждого школьника. Интегративный подход проявляется в сплочении коллектива, установлении межличностных отношений. В широком смысле интегративный подход направлен на самораскрытие, саморазвитие. Интеграция способствует гуманизации поликультурной среды. Интеграция – это средство социальной защиты подростка. Интегрируя в пространство школы, подросток должен быть уверен, что его здесь поймут и примут. Системный подход дает возможность глубже понять воспитательный процесс. В условиях сетевого взаимодействия системный подход в воспитательной работе предусматривает анализ всех аспектов конкретной проблемы. Системный подход позволяет выбрать критерии оценки при решении конкретной задачи. При системном подходе

формирование нравственной позиции наполняется логически содержанием, способствующему переходу от поликультурной среды к поликультурному образовательному пространству. Мы выделили следующие группы психолого-педагогических условий реализации этой модели. 1) формирование рефлексивно-нравственной позиции подростков в поликультурной среде школы будет успешным при личной позиции учителя, его компетенции в области культуры, религии (межкультурная компетенция), морали, нравственности (ценностно-смысловая компетенция), а также его понимании этнопсихологических особенностей учащегося. 2) Воспитательная работа в поликультурном пространстве школы должна быть ориентирована на семейное просвещение, работу с родителями – в противном случае формирование качеств, способствующих общению на принципах поликультурности, может подвергаться в семье учащегося сомнению. 3) Формирование рефлексивно-нравственной позиции подростков в поликультурном пространстве школы будет эффективным при создании следующих педагогических условий: формирование толерантного сознания учащихся; формирование диалогового мышления учащихся; ориентир на самоопределение и самовоспитания подростка в поликультурном пространстве школы; организация воспитательной и дополнительной образовательной работы школы с учетом интересов всех этносов, обучающихся в поликультурном пространстве школы; просветительская работа педагогического коллектива, направленная на адекватное восприятие учащимися современной картины мира; интеграция основного и дополнительного образования; подготовка и реализация программ, способствующих межличностному общению подростков в поликультурном образовательном пространстве. Формирование рефлексивно-нравственной позиции подростков в поликультурной среде является специально организационной деятельностью между группами подростков, которая может приобрести исследовательский характер: использование творческих проектов с целью формирования межличностных отношений учащихся в поликультурной среде школы; использование новых информационных технологий в реализации творческих проектов: организация видеоконференций и телемостов. В поликультурном образовательном пространстве школы родители, педагоги, дети взаимодействуют друг с другом. Экспериментальное обучение по дополнительным образовательным программам помогает поддерживать доверительные отношения между детьми и взрослыми, что меняет отношение родителей к школе. Формируя рефлексивно-нравственную позицию подростков в блоке дополнительного образования, мы обратились к таким видам творчества, которые развивают речевую деятельность, а следовательно, способствуют коммуникационной культуре. Технологические проблемы воспитания мы решали с помощью разработки специальных и элективных курсов, подготовки дополнительных образовательных программ. Работа над программой помогает создать условия для становления и проявления нравственности в подростке. В этих условиях подросток эффективно использует возможности поликультурной среды. Гуманизации поликультурной среды служит и сетевое

взаимодействие. Сетевой характер взаимодействия способствует равноправному общению, в котором процессы образования и воспитания выступают как процессы регулярных контактов с культурными явлениями и живыми людьми. Образовательная сеть – это среда, в которой любое образовательное учреждение или педагог могут рефлексивно взаимодействовать с любым другим учреждением или педагогом по вопросам совместной работы и включать в это взаимодействие ученика. В сетевом взаимодействии, как в событийной педагогике (П.В.Степанов) первичным элементом объединения выступает прецедент взаимодействия, сетевое событие (семинар, конференция, встреча, обмен информацией). Результатом сетевого взаимодействия может быть новый интеллектуальный продукт (проект, доклад, статья, электронное пособие и др.). Поскольку проблема проекта должна быть социально-значимой, то, работая над проектом, подросток начинает ориентироваться в поступках, давать оценку происходящим событиям, т.е. формируется его рефлексивно-нравственная позиция в отношении добра и зла, нравственного выбора и нравственного чувства. Таким образом, интеграция науки и творчества стимулирует саморазвитие подростков в поликультурной среде школы, гармонизирует чувства, гуманизирует межличностные отношения. Взаимодействие подростков, основанное на групповом и индивидуальном интересе, создает определенное проблемное поле, в котором жизненные проблемы и сотрудничество определяется самими подростками, а посредниками такого взаимодействия становятся материальные или идеальные артефакты (книги, картины, коллекции, доклады, презентации и др.).

Литература

1. *Борискина А.А.* Моделирование в школе: от поликультурной среды к поликультурному образовательному пространству // Среднее профессиональное образование. 2008. №11/2.
2. *Семенов И.Н.* Рефлетехнологии развития личности в поликультурном образовании // Известия АПСН. Вып. XII. 2008.

ПРОЦЕСС «СБОРКИ СУБЪЕКТА» С ПОЗИЦИИ КОНСТРУКТИВИСТСКОГО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ

С.В. Борисов, В.О. Богданова

*(ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный педагогический университет»,
г. Челябинск)*

С точки зрения конструктивизма субъект никогда напрямую не контактирует с окружающим миром. Его контакт с реальностью представляет собой сложную систему опосредования. Поэтому то, что носит название реальности, является, по сути, результатом творческой активности субъекта, его продуктивной деятельности, миром его опыта и коммуникации с другими, подобными ему «социокультурными монадами». Такое освоение реальности представляет собой скорее процесс ее субъективации, нежели объективации. Поэтому сознание в конструктивизме наделяется онтологическим статусом, т.е. выступает в роли «первой» и «последней»

инстанции. Однако имманентные сознанию когнитивные конструкты нельзя обнаружить и исследовать непосредственно, напрямую. Они свидетельствуют о своем существовании опосредованно через познавательный процесс и его результаты. Субъект-объектное отношение представляет собой систему взаимоотношающихся и взаимоотношающихся друг к другу конструктов, среди которых, например, наиболее известными являются: априорные формы сознания (И. Кант), архетипы коллективного бессознательного (К.Г. Юнг), устойчивые познавательные привычки (Д. Юм), научные парадигмы (Т. Кун), социокультурные установки-«пред-рассудки» (М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер), структуры языка (Ф. де Соссюр), социокультурные знаки, символы, тексты (структуралисты) и др.

Генезис когнитивных конструктов, «собрание» субъекта обусловлено адаптивной функцией познания, обеспечивающей приспособление и выживание организма. Поэтому с точки зрения конструктивизма ценность познания определяется его жизнеспособностью, прагматикой языка и действия, служащих интересам субъекта. Когнитивные конструкты дают возможность предсказаний, предвосхищения и применения результатов опыта в будущем. Когнитивные конструкты обеспечивают устойчивость жизненного опыта субъекта, и как следствие этого, устойчивость структур «внешнего» мира, опосредованных данным опытом.

«Конструктивистский проект» «сборки субъекта» начинается с Канта, с его априорных форм чувственного созерцания, рассудка и разума. Предоставленный самому себе одинокий субъект Декарта (тождественный своему сознанию), отъединенный от внешнего мира и мира других людей, по сути, не может осознать своего существования. Ведь осознание себя в качестве существующего означает превращение самого себя в объект собственной интроспекции. Следовательно, единый субъект раскалывается надвое, возникает принципиальный вопрос о самой возможности интроспекции: кто мыслит мое Я как существующее? Поэтому субъект и объект (мир внутренний и мир внешний) должны представлять собой неразрывное единство. Человек познает мир, исходя из априорных структур сознания.

Чем обусловлено возникновение этих структур, можно ли проследить их генезис? Ответ на этот вопрос дает эволюционная эпистемология. С ее точки зрения априорные формы мышления следует рассматривать как «наследственные рабочие гипотезы», которые прошли естественный отбор, адаптацию. Адаптивные врожденные структуры мышления соответствуют реальности лишь в той мере, в какой обеспечивают выживание организма. Адаптивность означает способность упорядочивать мир опыта субъекта, выявлять его закономерности и на основе этого предугадывать будущее. Врожденные механизмы, являясь «закрытыми программами», представляют собой готовые приспособительные структуры, априорно заложенные в бессознательном.

Однако что собой представляет сама познавательная способность субъекта? Согласно феноменологии, процесс самоконструирования субъекта осуществляется с помощью «усмотрения сущности» и априорного синтеза

(«нахождения горизонта смысла»). Конструирование феноменальной реальности осуществляется посредством телесности человека, – «сознание-тело» (М. Мерло-Понти) – определяющей горизонт экзистенциального пространства-времени и опыта человека.

Средством субъективации содержания индивидуального сознания являются «универсальные языковые структуры» (Ф. де Соссюр). При этом сам субъект становится «децентрированным» (Ж. Лакан), растворенным в формах языкового порядка. «Интерсубъективность» обуславливается интенсивными процессами «хабитуализации, реификации и легитимации» (П. Бергер, Т. Лукман) в ходе коммуникативного взаимодействия. Поскольку субъект всегда находится в процессуальном единстве с социокультурной средой, даже реифицированные им социальные институты являются, по сути, продуктами его творческой активности, но это, как правило, им не осознается. Социальные же институты оказывают непосредственное влияние на его мировоззрение через преобладание «схем типизации». Человек научается (привыкает) истолковывать социокультурные символы согласно «сетке предпочтений» (П. Рикер), характерной для определенной общепринятой теоретической системы или научной парадигмы.

Осмысленность интерсубъективной реальности объясняется погруженностью субъекта в контекст «языковых игр» (Л. Витгенштейн). Целью языковой игры является устранение «ловушек» естественного языка путем постоянного «перевода» непонятных предложений в более понятные с точки зрения установленной «сетки предпочтений». Поскольку социокультурная реальность погружена в языковые игры, понятия, отсылающие к предметности (в том числе и само понятие «субъект») являются носителями «утопической денотации» (Р. Барт). Во всеобщем опосредовании они утрачивают онтологический гарант семантической определенности, естественную связь между означающим и означаемым. Так как все проявления реальности, одним из которых является сам субъект, с точки зрения конструктивистской герменевтики можно рассматривать как своего рода социокультурные тексты, понять эти тексты становится невозможно, не разрушив прежние стереотипы, т.е. не проведя «деконструкцию» (Ж. Деррида). Реальность социокультурного текста представляет собой «ризому» (Ж. Делез, Ф. Гваттари) – децентрированную систему, которая развивается в разных направлениях в соответствии с разными интерпретациями смысла.

Переход к конструктивистской модели «реальность-текст» осуществлен нами не случайно. В мире современных коммуникаций такая важнейшая функция субъекта как самоидентификация, получает широкое воплощение в разнообразных текстах-сообщениях (файлах). По сути, субъект обрел новую «телесность» в текстах-файлах, которые благодаря средствам телекоммуникации, могут обладать одновременно разными пространственно-временными координатами, а потому лишаться своей субъективности в традиционном понимании. Кроме того, субъект, находясь в телекоммуникационной сети, открывает свою сущность, выражает свой жизненный опыт посредством определенных сетевых установок-нарративов.

Они представляют собой специфические акты интерпретации, посредством которых определяются смыслы понятные для определенного сетевого сообщества, возможности самоидентификации и самопознания его участников. Таким образом, современный концепт субъекта, по словам В.А. Лекторского, это «хрупкое образование, возможное лишь в определенных культурных и исторических условиях» [1, с. 182].

Литература

1. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. – М.: Эдиториал УРСС, 2009. – 256 с.

Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ и ЧГПУ в рамках проекта № 2011-1.3.2-303-013-018 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы и в форме гранта ЧГПУ № УГ-05-11-А.

ИНФОРМАЦИОННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПОРОГОВЫМ ПОВЕДЕНИЕМ ТОЛПЫ

В.В.Бреер (Институт проблем управления РАН, Москва)

Рассмотрим модель толпы – множество $N = \{1, 2, \dots, n\}$ агентов, каждый из которых выбирает одно из двух решений – "1" (действовать, например, принимать участие в беспорядках) или "0" (бездействовать). Агент $i \in N$ характеризуется, во-первых, своим решением $x_i \in \{0; 1\}$. Во-вторых – своим порогом $m_i \in \{1, 2, \dots, n\}$, определяющим, будет ли агент действовать при той или иной обстановке (векторе x_{-i} решений всех остальных агентов). Формально, действие x_i i -го агента определим как наилучший ответ (BR – best response) на сложившуюся обстановку:

$$(1) \quad x_i = BR_i(x_{-i}) = \begin{cases} 1, & \text{если } \sum_{j \neq i} x_j \geq m_i, \\ 0, & \text{если } \sum_{j \neq i} x_j < m_i. \end{cases}$$

Поведение, описываемое выражением (1), называется *пороговым* [5]. *Равновесием Нэша* будет вектор x_N действий агентов, такой, что $x_N = BR(x_N)$ [3].

Рассмотрим следующую *модель динамики коллективного поведения*: в начальный момент времени все агенты бездействуют, далее в каждый из последующих моментов времени агенты одновременно и независимо действуют в соответствии с выбором (1). Перенумеруем агентов, упорядочив пороги $m_1 \leq m_2 \leq \dots \leq m_n$. Обозначим через $m = (m_1, m_2, \dots, m_n)$ – вектор порогов агентов. В соответствии с (1) начинают действовать агенты с нулевыми порогами. Множество этих агентов обозначим через:

$$(2) \quad Q_0 = \{i \in N \mid m_i = 0\}.$$

Далее действуют агенты с порогами, не превышающими числа нулевых агентов и т.д. Всю процедуру можно обозначить

$$Q_k = Q_{k-1} \cup \{i \in N \mid |Q_{k-1}| \geq m_i\}, \quad k = 1, 2, \dots, n-1.$$

Очевидно $Q_0 \subseteq Q_1 \subseteq \dots \subseteq Q_{n-1} \subseteq Q_n = N$. Вычислим следующий показатель:

$$(3) \quad p(m) = \min \{k = 0, n-1 \mid Q_{k+1} = Q_k\}.$$

Равновесие коллективного поведения x^* (РКП) определим следующим образом:

$$(4) \quad x_i^*(m) = \begin{cases} 1, & \text{если } i \in Q_{p(m)} \\ 0, & \text{если } i \in N \setminus Q_{p(m)} \end{cases}, \quad i \in N.$$

В работе [2] показано, что для любых порогов агентов m РКП (4) существует, единственно и является одним из равновесий Нэша для игры с наилучшим ответом (1).

Итак, зная пороги агентов, можно вычислить РКП. Рассмотрим теперь задачи управления – если имеется возможность изменять пороги агентов, то, как это следует делать, чтобы добиться реализации требуемого РКП, причем исходя из содержательных интерпретаций рассматриваемой модели, будем считать, что цель заключается в уменьшении числа агентов, выбирающих решение «действовать».

Агрегированным показателем состояния толпы будем считать число действующих агентов $p(m)$.

Обозначим вектора начальных значений порогов агентов m^0 соответственно. Пусть заданы множества допустимых значений порогов агентов M , а также заданы выигрыш $H(p(m))$ управляющего органа – центра – от достигнутого состояния толпы K и его затраты $C(m, m^0)$ на изменение репутаций и порогов агентов.

Критерием эффективности управления будем считать значение целевой функции центра, равной разности между выигрышем $H(\cdot)$ и затратами $C(\cdot)$. Тогда задача управления примет вид:

$$(5) \quad H(p(m)) - C(m, m^0) \rightarrow \max_{m \in M}.$$

В работе [2] рассмотрено управление со стороны центра – воздействие на пороги агентов. Проанализируем возможности информационного управления, в котором центр воздействует на представления агентов о параметрах друг друга, на представления о представлениях и т.д. [4]. В качестве предмета управления выберем так же пороги агентов. Рефлексивным управлением будет формирование у агентов структур информированности вида: θ_{ij} – представления i -го агента о пороге j -го (структура информированности второго ранга или глубины два); θ_{ijk} – представления i -го агента о представлениях j -го агента о пороге k -го агента (структура информированности третьего ранга или глубины три) и т.д. Обладая той или иной структурой информированности, агенты выбирают действия, являющиеся *информационным равновесием*, в котором каждый агент выбирает свои действия как наилучший ответ на те действия, которые в рамках его представлений должны выбрать оппоненты.

Воспользовавшись результатами [2], характеризующими величины порогов, приводящих к требуемому РКП, можно условно считать, что любой результат, достижимый за счет реального изменения порогов, может быть по аналогии реализован информационным управлением (изменением представлений агентов о порогах друг друга). С этой точки зрения информационное управление порогами эквивалентно просто управлению порогами, являясь при этом, наверное, более мягким, чем последнее.

Однако при реализации информационного управления в задачах управления поведением толпы существует одна проблема. Одним из свойств «хорошего» информационного управления является его *стабильность* [4] – свойство, заключающееся в том, что все агенты наблюдают в реальности те результаты, которых ожидали.

Предположим, что в рассматриваемой модели толпы каждый агент апостериори наблюдает число агентов, принявших решение «действовать» (отметим, что это достаточно слабое предположение по сравнению с взаимной наблюдаемостью индивидуальных действий). Тогда стабильным будет информационное управление, при котором каждый агент увидит, что реально действует ровно столько агентов, сколько он и ожидал увидеть действующими. Требование стабильности существенно при длительных взаимоотношениях управляющего центра и агентов – если (при нестабильном информационном управлении) агенты один раз усомнятся в достоверности сообщаемой центром информации, то и в дальнейшем они будут иметь все основания в ней сомневаться.

Утверждение. В анонимном случае не существует стабильного информационного равновесия, при котором действуют строго меньше число агентов, чем в РКП.

Доказательство утверждения 3. Обозначим через Q_{\square} множество агентов, действующих в стабильном информационном равновесии. Предположим, что их число не превышает числа действующих в РКП $|Q_{\square}| \leq |Q_{p(m)}|$. В силу стабильности информационного равновесия для каждого агента $i \in Q_{\square}$ должно быть выполнено $|Q_{\Sigma}| - 1 = \sum_{j \neq i} x_j \geq m_i$. Значит $|Q_{p(\theta)}| - 1 \geq m_i$, из чего следует, что $i \in Q_{p(m)}$. Таким образом, $Q_{\square} \subseteq Q_{p(m)}$. Если существуют бездействующие агенты в $Q_{p(m)} \setminus Q_{\square}$, то для них это равновесие нестабильно. Поэтому $Q_{\square} = Q_{p(m)}$ для стабильного информационного равновесия. Утверждение доказано.

«Негативный» результат утверждения свидетельствует о сложности осуществления долгосрочного информационного управления пороговым поведением толпы.

Литература

1. Бреер В.В. Теоретико-игровые модели конформного коллективного поведения // Автоматика и телемеханика (в печати).
2. Бреер В.В., Новиков Д.А. Модели управления толпой // Проблемы управления (в печати).
3. Губко М.В., Новиков Д.А. Теория игр в управлении организационными системами. – М.: Синтег, 2002.
4. Новиков Д.А., Чхартушвили А.Г. Рефлексивные игры. – М.: Синтег, 2003.
5. Granovetter M. Threshold Models of Collective Behavior // AJS. 1978. Vol. 83. № 6. P. 1420 – 1443.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНТЕРФЕЙС УПРАВЛЕНИЯ ЗНАНИЯМИ В РЕФЛЕКСИВНО-АКТИВНЫХ СРЕДАХ

В.А.Буров (Институт философии РАН, Москва),

Л.В.Бурова (Росатом, Москва)

Опыт развития сетевой архитектуры рефлексии и формирования рефлексивно-активных сред [1] переводит социальные системы в состояния настолько сложные, что они для вертикальных технологий управления производят впечатление полного и непредсказуемого хаоса, когда актуализируются цели и ценности субъектов, отношения становятся более напряженными, сформированные образованием и практикой специальные перцептивные базы управленцев оказываются недостаточными, производительность специальных управленческих знаний падает. Для управления в рефлексивно-активных средах нужны знания и интерфейс управления знаниями соответствующего этой сложности нового качества, который не может предоставить элиминирующая эту сложность и способные с ней работать субъектные структуры знания классическая (картезианская) модель научного знания и образования. Развитие сетевой рефлексии и рефлексивно-активных сред требует выхода менеджмента на соответствующий уровень методологического интерфейса в управлении знаниями — постнеклассическую методологию.

Инструменты постнеклассического методологического интерфейса управления знаниями разрабатывались нами [2] с позиций теории сложности (представление сложности субъектными структурами знания - В.И.Аршинов) и постнеклассической методологии (введение целей и ценностей субъекта в скобки научной рациональности - В.С.Стёпин).

Знания о знании - результаты философии и методологии науки - структурировались в обеспечивающую этот интерфейс буферную дисциплинарную область с точки зрения их приложений — прикладную философию. Особое внимание уделялось выделенной М.Хайдеггером [3] проблеме онтологических оснований. С этих позиций онтологическая парадигма образования и онтологические парадигмы отраслевого научного знания были рассмотрены как гуманитарные и социальные технологии современного инновационного развития и как сложившиеся нормы менеджмента знаний. Была поставлена задача разработки на основе концепта постнеклассической науки новой онтологической парадигмы образования для более эффективного управления развитием в современных условиях. Определены задачи, методы и гуманитарные технологии прикладной философии для менеджмента образования человека 21-го века - субъекта рефлексивно-активных сред.

При разработке вопросов становления в образовании постнеклассического типа научной рациональности - нового системного уровня организации знания, изменяющего отраслевые онтологические парадигмы и вводящего в онтологию научного знания сложность и представляющую эту сложность его субъектную структуру, были определены происходящие изменения в субъектной структуре знания:

развитие оснащенной специальными знаниями рефлексии, изменение норм познавательного и коммуникативного поведения, формирование новой системы управляющих культурных кодов, управляющих культурных образцов жизни, перцептивных баз субъекта, изменение референтных групп и типов социальной и личностной идентичности.

Изменение детерминант развития общества (факторы коммуникации и образования) и формирование нового основного социальноантропологического типа человека 21-го века нарушают сложившийся социально-гуманитарный баланс актуальных управляющих целей и ценностей и становятся фактором снижения эффективности суммы (разработанных без их учёта) гуманитарных, социальных и политических технологий. Потеря эффективности управления проявляется как системный кризис управления (распад Советского Союза, депопуляция, социальная нестабильность и др.). Такой опыт показывает, что отраслевые знания и практический опыт управленцев в новых социально-гуманитарных условиях попадают в институциональные ловушки полученного ими образования и их практики и недостаточны даже для структурирования необходимых здесь постановок задач.

С позиций привлечения в управление нового ресурса знания (знания второго порядка) нами осуществлялось постнеклассическое структурирование образовательных практик. В качестве основного инструмента был разработан операционализированный конструкт субъектной структуры становящегося постнеклассического знания. На его основе была структурирована сумма задач (задач второго порядка), лежащих за скобками отраслевых онтологий и призванных вывести из сложившихся институциональных ловушек развитие отраслевого знания: работа с управляющими культурными кодами субъекта научного знания, работа с перцептивными базами наблюдателя, выделение собственных онтологий субъектных миров субъекта знания, производство присутствия и решение отраслевых задач (задач первого порядка) в этих онтологиях, выделение типов идентичности и работа с типами идентичности наблюдателя, работа с управляющими культурными образцами жизни и их производством и воспроизводством образованием и наукой, сборка наблюдателя и сборка наблюдаемой реальности, формирование многопозиционной сетевой архитектуры знания и многопозиционной сетевой архитектуры идентичности наблюдателя, выделение и перенос структурирующих конструктов из других областей знания для создания новых гуманитарных технологий педагогики, психологии, права, социального управления, медицины, технических наук и др.

Для решения этих задач нами применительно к конкретным отраслям разрабатывались гуманитарные технологии управления субъектной структурой знания как отраслевые гуманитарные технологии второго порядка.

Как такие отраслевые технологии второго порядка нами строились конструкт и метод методологического мониторинга образования, конструкт и метод формирования коммуникативных и жизненных (онтологических)

компетенций образования и социальных практик, конструкт и метод работы с культурными медиаторами, конструкт и метод работы с нейробиологическим резонансом и нейрональным форматом знания в педагогике, психологическом консультировании и реабилитационной медицине, управление культурными кодами и конструкт и метод использования гештальтной структуры для организации знания в курсе права (Л.В.Бурова), конструкт и топологический метод механики машин второго порядка как событий порядка в хаосе, получен опыт работы с соответствующими гуманитарными технологиями управления знанием. Эти опыты были определены нами как методологический интерфейс управления знаниями, практика прикладной философии и опирающиеся на неё практики второго порядка педагогики, психологии, реабилитационной медицины, теории механизмов и машин и других отраслей.

Были разработаны и прочитаны университетские учебные курсы с включёнными средствами разрабатываемого методологического интерфейса для управления знаниями.

Нами был сделан вывод, что такая сумма задач, методов и технологий управления субъектной структурой знания в рефлексивно-активных средах на основе результатов философского и методологического знания является необходимым для современного развития интерфейсом и может быть выделена как по отраслевому признаку их использования, так и как дисциплинарная область прикладной философии и менеджмента второго порядка.

Литература

1. *Лепский В.Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: «Когито-Центр», 2010.
2. *Буров В.А., Прохоров В.П., Пищулин Н.П.* Методологические вопросы создания «школ будущего»: Прикладная философия. Компетенции. Культурные коды. Управление знаниями. Москва-Александров, 2011.
3. *Хайдеггер М.* Бытие и время, СПб, 2006.

МОДЕЛИРОВАНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНОГО ВЫБОРА В ИНФОРМАЦИОННОМ ПОЛЕ

Бухарин С.Н. (Институт проблем управления РАН, г. Москва),
Малков С.Ю. (Центр проблем СЯС Академии военных наук, г. Москва)

Учет субъективных факторов при принятии решений является важной, но трудно формализуемой задачей. Решать эту задачу целесообразно с использованием концепции «информационного поля».

В работе [1] была предпринята попытка формализации понятий «информационное поле», «информационное взаимодействие», было предложено математическое выражение для силы воздействия F , с помощью которой информационный источник A (например, СМИ, агитатор, соперник в споре и т.п.) пытается изменить локализацию объекта воздействия B (представителя целевой аудитории) в информационном поле (говоря обычным языком, пытается его переубедить, заставить его изменить взгляды,

поменять жизненную позицию).

Будем считать, что информационное поле задано, если для каждого элемента поля задана функция $F(X)$, где X - радиус-вектор (координата элемента информационного поля), $F(X)$ - интенсивность внешнего информационного воздействия на этот элемент. В качестве элементов информационного поля будем рассматривать людей, тогда координаты X_i поля характеризуют их ценности (убеждения).

При условии евклидовости информационного пространства расстояние между R элементами **A** и **B** будет определяться следующим образом:

$$R(X_A, X_B) = \sqrt{(X_{A1} - X_{B1})^2 + (X_{A2} - X_{B2})^2 + (X_{A3} - X_{B3})^2} \quad (1)$$

Введение понятия информационного поля позволяет расширить возможности учета субъективных факторов в теории принятия решений. Если для анализа проблемы выбора и принятия решений использовать теорию игр, то можно разделить утилитарный и деонтологический (моральный) аспекты принятия решений, описывая их двумя отдельными платежными матрицами: одна матрица отражает материальные выигрыши и убытки лица принимающего решение (ЛПР) при различных вариантах выбора, другая – «моральную оценку» им этих решений. По существу, вторая – деонтологическая – матрица отражает позиционирование принимаемых решений в координатах описанного выше «информационного поля» и близость этих решений к точке X_B , которая отражает моральную позицию ЛПР¹: чем ближе X_{P_j} (где X_{P_j} - позиция рассматриваемого решения P_j в координатах информационного поля) к X_B , тем выше моральная оценка соответствующего варианта решения. Такое разделение позволяет выделить деонтологическую составляющую решений в чистом виде и оперировать с ней в терминах и понятиях «информационного поля», используя введенную для него аксиоматику.

С учетом вышесказанного, деонтологическая «полезность» j -го из возможных решений P_j может быть охарактеризована выражением типа:

$$U_{P_j}(R_B) = \begin{cases} M_B \frac{\Delta X^s}{R_B^s}, & R_B > \Delta X \\ M_B, & R_B \leq \Delta X \end{cases} \quad (2)$$

где $R_B = R(X_{P_j}, X_B)$ – расстояние в информационном пространстве между точками X_{P_j} и X_B ; s – параметр, имеющий положительное значение ($s > 0$) и характеризующий степень уменьшения полезности решения P_j при увеличении значения R (величина s определяется на основе социологических

¹ Расположение точки X_B отражает понятия ЛПР о «добре» и «зле», о «достойном» и «недостойном», о «правильном» и «неправильном», характеризует его морально-нравственную самоидентификацию. Поэтому в дальнейшем будем называть точку X_B точкой самоидентификации ЛПР.

исследований); M_B – коэффициент, ΔX – параметр безразличия (он отражает тот факт, что ЛПР при небольших отклонениях ΔX считает точки X и $X+\Delta X$ примерно равнозначными, соответственно $U(0) \approx U(\Delta X)$).

Из (2) видно, что чем дальше расположена точка X_{P_j} от точки X_B в информационном пространстве, тем сильнее моральное неприятие решения P_j субъектом B , тем ниже в его сознании полезность этого решения, тем с меньшим желанием он его выберет (даже если оно будет выгодным по утилитарным соображениям). Пример совместного использования утилитарной и деонтологической платежных матриц при принятии решений ЛПР приведен в работе [2].

С помощью данного подхода возможен количественный анализ и прогноз смещения «точки самоидентификации» ЛПР X_B в информационном поле в результате внешних воздействий как кратковременного (импульсного), так и длительного характера (например, когда ЛПР попадает в несвойственную ему социальную среду, где успешными являются поступки на основе решений P_A с локализацией в точке X_A , не совпадающей с X_B) [3].

Предложенный подход позволяет рассматривать совместное воздействие различных факторов, влияющих на локализацию точки самоидентификации индивида. Основными из этих факторов являются следующие:

- 1) личный жизненный опыт индивида;
- 2) особенности социальной среды, окружающей индивида;
- 3) культурные особенности социума, к которому принадлежит индивид.

Первый фактор характеризует особенности личности; второй фактор характеризует социальный слой (социальную группу), членом которого является личность; третий фактор характеризует особенности самосознания народа, к которому причисляет себя индивид. По существу, речь идет о взаимодействии трех самоидентификаций: личности, социального слоя, народа.

Самоидентификация личности наиболее мобильна, она может относительно быстро трансформироваться под влиянием внешних обстоятельств.

Самоидентификация народа, которая формируется в ходе его исторического развития, наиболее консервативна. На нее влияют исторические, природно-климатические, геополитические факторы, которые достаточно медленно изменяются во времени. Поэтому этот вид самоидентификации выступает как относительно стабильный культурный фон, который действует на личность незаметно, но постоянно.

Самоидентификация социальных слоев может постепенно изменяться при наличии социальных трансформаций в обществе, но скорость этих изменений, как правило, невысока. Поэтому члены социальных слоев воспринимают эту самоидентификацию как некий постоянный фон, с которым приходится считаться (то есть они вынуждены поступать так, как принято в данном социальном слое, как считается приличным и правильным: «назвался груздем – полезай в кузов»).

Достаточно типичной (и комфортной для личности) является ситуация, когда все три точки самоидентификации совпадают или близки друг к другу в

информационном поле. В этом случае, когда ЛПР принимает решение P_B , согласующееся с его личными принципами, у него не возникает внутреннего дискомфорта, он чувствует себя уверенно, не сомневается в своей правоте, чувствует моральную поддержку коллектива, с которым себя отождествляет.

Проблема взаимодействия различных видов самоидентификации возникает, например, когда:

личность переходит из одного социального слоя в другой;

личность меняет одну культурную среду на другую (например, эмигрирует в другую страну – это проблема диаспоры);

самоидентификация различных социальных слоев в одной стране существенно отличается друг от друга (то, что одобряется представителями одного социального слоя, осуждается представителями другого социального слоя, и наоборот).

Данные (и многие другие) ситуации могут анализироваться с помощью предложенного методического аппарата. Пример анализа влияния особенностей социальной самоидентификации на исторические события приведен в [3].

Литература

1. Бухарин С.Н., Ковалев В.И., Малков С.Ю. О формализации понятия информационного поля // Информационные войны, 2009, № 4(12), с.2-9.
2. Анисимова С.А., Малков С.Ю. Учет рефлексивных аспектов принятия решений при анализе рациональных стратегий сдерживания военных конфликтов // Рефлексивные процессы и управление, 2006, т.6, №2, с.41-53
3. Бухарин С.Н., Малков С.Ю. Информационное поле и проблема выбора // Информационные войны, 2011, №2(18), с.36-45.

РЕФЛЕКСИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬЮ КЛИЕНТОВ

***Р.Н. Васютин** (Киевского отделения ИРПТиГО, г. Киев, Украина)*

Важной рефлепрактической проблемой является овладение противоречием между позитивной тенденцией сбалансированности спроса и предложения на товары и услуги с одной стороны и отсутствием таковой в связи с обслуживанием клиентов и их удовлетворенностью, с другой. Актуальность и важность проблемы рефлепсихологического обеспечения удовлетворенности клиента обуславливается следующим: 1) Производителю и продавцу крайне необходимо удержать клиента; это главная маркетинговая цель, поскольку привлечение новых перспективных потребителей — более сложный и ресурсоемкий процесс; 2) Очевидно, что удовлетворение клиента — это залог его удержания; 3) В формировании удовлетворенности клиента основная роль принадлежит качеству товара или услуги, а также их соответствию ожиданиям клиента. Один из современных подходов к управлению удовлетворенностью клиента имеет акцент на продолжении оценки потребителем (клиентом) альтернатив приобретенному им продукту (услуге) после принятия решения и совершения приобретения. При этом процесс оценки выбора не прекращается сразу после совершения покупки и

использования изделия, особенно в случае высокой степени заинтересованности товаром. Альтернатива после покупки состоит в выборе - удовлетворен или неудовлетворен покупатель. Человек совершает покупку, имея определенные представления о том, что он хочет получить от продукта или услуги, рассчитывает на удовлетворение своих потребностей. Удовлетворенность традиционно определяется как *положительная оценка выбранной альтернативы; суждение потребителя о том, что приобретенный им продукт, по меньшей мере, соответствует ожиданиям или даже превосходит их*. Противоположный результат соответственно приводит к неудовлетворенности. В исследованиях данной проблемы часто встречается использование так называемой «модели оправдания ожиданий» Ричарда Оливера. Согласно его теории (доказанной эмпирически), удовлетворение или неудовлетворенность есть итог сравнения предварительного ожидания от изделия с реальным результатом его использования. У клиента формируются представления о том, каким должен быть купленный товар, и эти ожидания делятся на три категории: 1) *Адекватное качество* — нормативная оценка, отражающая то качество товара или услуги, которое соответствует цене и усилиям, затраченным на покупку; 2) *Идеальное качество* — оптимальный или желанный «идеальный» уровень качества; 3) *Предполагаемое качество*—качество, которое ожидает получить потребитель. Рефлексивное суждение об удовлетворенности/неудовлетворенности формируется в трех различных формах: А) *позитивное неподтверждение*—качество выше ожидаемого; Б) *простое подтверждение*—качество соответствует ожидаемому; В) *негативное неподтверждение*—качество ниже ожидаемого. Удовлетворенность есть следствие позитивного неподтверждения, а при негативном имеет место неудовлетворенность. Простое подтверждение вызывает более нейтральную реакцию и никогда не вызывает крайних оценок. Рассмотрим ряд рефлексивных приемов, при помощи которых специалисты по маркетингу могут повысить уровень удовлетворенности клиентов и усилить их лояльность. *Политика тотального контроля качества*. Тотальный контроль качества (ТКК)—это концепция коммерческой деятельности, возникшая в конце 1970-х гг., когда японцы всерьез восприняли уроки У. Эдвардса Дэйминга по этой принципиально важной теме. Дэйминг призывал к тотальной, начиная с высшего руководства, ответственности за качество. Если отойти от глобальных тенденций и отвлеченных примеров, то можно представить данный подход в виде комплексного обеспечения постоянного усовершенствования организации. Определенными достижениями в этой области могут заслуженно гордиться украинские предприятия, чьи контрольные пакеты акций были приобретены передовыми зарубежными компаниями и холдингами. *Введение «системы заблаговременного предупреждения» (профилактики)*. К тому времени, когда клиент потерян, обычно уже поздно что-либо предпринимать. Эффективный способ сохранить клиента—«система заблаговременного предупреждения», с помощью которой можно выявлять проблемы со значительным опережением, и на основе этого знания осуществлять корректирующие действия. В основе этой упреждающей системы лежат текущие исследования удовлетворенности

покупателя. Основным правилом данного подхода является изучение ожиданий клиентов в отношении качества и регулярные наблюдения за его реакцией. Для этого существует множество путей, начиная от участия высшего менеджмента в регулярных опросах потребителей и до использования референтных «фокус-групп». В целом данный подход состоит в систематическом отслеживании, учете, обобщении и профилактике типичных факторов неудовлетворенности клиентов. В нашем арсенале, есть ряд эффективных рефлетехнологий, одна из которых, к примеру, заключается в регулярном опросе персонала, задействованного в продажах на предмет критических возражений клиентов. Возражения формулируются, рефлексированы, редактируются, классифицируются и фиксируются. Затем коллегиально формулируются эффективные контраргументы (действия), после чего они отрабатываются в рамках мероприятий по повышению квалификации и внедряются в повседневную практику продаж. Обновляемые результаты этой работы формируют специальный раздел корпоративного «Пособия для финансового консультанта». *Рефлепрограммирование реалистических ожиданий клиентов.* Удовлетворенность клиента основана на реализации его «предпокупочных» ожиданий. Для наглядности сразу рассмотрим конкретный и типичный пример. Что может произойти, если клиент приобрел пакет мобильной связи, исходя из рекламных заявлений оператора о том, что он обеспечивает «четкую уверенную связь на всей территории Украины», и вдруг обнаруживает, что существуют географические ограничения приема. В случае, если услуги других операторов мобильной связи имеют точно такие же проблемы со связью, эта компания через свою рекламу создала предпосылки для ошибочных ожиданий клиента. Вполне естественно, что клиенты выражают свою неудовлетворенность, не исключены и обвинения в обмане и недобросовестной рекламе. Как быть в таком случае? Ответ прост: избегать преувеличений - клиент может буквально поверить тому, что вы обещаете, и тогда придется нести ответственность за «безобидный рекламный ход». В конкурентной борьбе решающим и определяющим в конечном итоге является не степень яркости обещания, а адекватность реальности его выполнения. Очевидно, что при невозможности удовлетворить все потребности клиента, необходимо создать оптимальный баланс, исходя из наиболее типичных либо ярко-выраженных ценностей. Причем особо важным в данном случае является обеспечение стабильности поддержания удовлетворения потребностей и наращивание их числа вместо поочередной выборочной и временной активности в этом направлении. *Рефлепрогнозирование и учет всех возможных ситуаций использования продукта.* Разработчики продукта/услуги должны отдавать себе отчет в том, как он вписывается в образ жизни клиента. Как товар будет потребляться? При создании и продвижении продукта должны быть учтены условия реального его применения клиентом. Например, потребители бытовой компьютерной техники часто используют ее в качестве мультимедийного устройства для воспроизведения музыкальных и видео записей. Если компьютер не достаточно приспособлен для этих целей, то ожидания потребителя не

оправдаются и, вероятно, он будет неудовлетворен, не смотря на стереотипное критическое мнение по этому поводу IT-специалистов. *Рефлексивная организация обратной связи с клиентом.* Обратная связь с клиентом абсолютно необходима. Как уже отмечалось выше, большинство испытывающих неудовлетворенность клиентов никогда не выражает открыто своего недовольства. Поэтому клиента необходимо уведомить о том, что вы заинтересованы в установлении обратной связи. Классическим и наглядным примером может послужить пресловутая «Книга жалоб и предложений», находившаяся на самом видном месте в любом советском общественном заведении. Сегодня эта задача может успешно решаться всеми технологически доступными средствами коммуникации с клиентами: от «горячей телефонной линии» до оплаченного почтового отправления на адрес компании. Важно также, чтобы обратная связь достигала всех уровней рефлексивного управления и полученная с ее помощью информация стала отправной точкой для совершенствования качества товаров и услуг. Целесообразно создать службу, куда клиент может обратиться, чтобы высказать свои жалобы и предложения. В работе такой службы главное—избегать недооценки жалоб клиентов. *Формирование и стимулирование лояльности клиентов.* Стимулирование лояльности является одним из самых эффективных инструментов управления удовлетворенностью клиентов. Поддержание и укрепление убежденности клиента в правильности своего выбора и решения о приобретении продукта—это не просто «дело чести» солидной торговой марки, это также способ стимулирования продаж: в плане повторения приобретения, а также в плане расширения ассортимента потребления. Лояльность клиентов, к примеру, страховой компании можно усилить периодическими напоминаниями, что компания заинтересована в них, а также регулярным информированием о растущей надежности, повышении уровня выплат страхового возмещения, росте числа клиентов, развитии представительской сети, акциях, клубных скидках и т.п., в общем, обо всем том, что клиент ассоциирует с достоинствами идеальной страховой компании. Также важен индивидуальный подход к расчету страхового тарифа. Все, что для этого необходимо технически—регулярная почтовая персонифицированная рассылка плюс периодическое личное общение клиента с финансовым консультантом/ страховым агентом. Итак, в рефлексивном управлении удовлетворенностью клиентов можно выделить несколько уровней рефлексивно-профессионального мастерства: 1)Удовлетворение определенных потребностей клиента, обеспечивая соответствие между ними и характеристиками продукта; 2)Повышение уровня удовлетворенности и ее стимулирование за счет развития продукта и дополнительных маркетинговых коммуникаций; 3)Профилактика неудовлетворенности клиентов за счет предварительного учета негативных факторов и управления ними; 4)Формирование удовлетворенности за счет культивирования иллюзорного идеального соответствия продукта потребностям клиента; 5)Формирование и развитие потребностей клиента, управление ожиданиями клиента и регулирование его удовлетворенности в зависимости от жизненного цикла продукта. Выделенные уровни

рефлексивного мастерства по возрастающей требуют соответствующей профессиональной подготовки маркетологов, адекватной технологической базы, финансовых ресурсов и рыночных условий. «Высшим пилотажем» в управлении удовлетворенностью клиентов можно назвать систему, в которой мы, помимо удовлетворенности, формируем способность клиента самостоятельно рефлексивно управлять собственной удовлетворенностью с помощью нашего продукта. В перспективе отечественного маркетинга эта система станет одной из наиболее эффективных и ресурсосберегающих.

Литература

1. Васютин Р.Н., Семенов И.Н. Игрорефлексика развития профессионализма менеджера средствами рефлексивного видеотренинга. М. - Сочи. ИРПТиГО. 2000.
2. Семенов И.Н. Творчество и человеческий капитал: рефлексивно-психологические аспекты развития // Мир психологии. 2010. N 2.

КУЛЬТУРА – ИДЕНТИЧНОСТЬ – ОБРАЗ КАК УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ СХЕМА

А.М. Вафин (Институт философии РАН, г. Москва)

...понятие индивидуальности может быть применимо как к инертным корпускулам, так и к живым организмам: это понятие в то же время может относиться и к обществам. Слово индивид не может служить обозначением для иерархии форм. С другой стороны слово организм иногда применяют и к клетке. Очевидно, необходимо избавиться от такой огромной неточности. Атомы, молекулы, мицеллы и клетки достаточно хорошо определены; но термин организм должен быть сохранен для обозначения совокупности клеток и заменен в этом отношении термином индивид [1].

Жорж Батай

Но не только термин «организм» способен заменить «индивида». Последний вполне замещает собой некоторые слова, начинающиеся на букву «г» (государство), «к» (корпорация), «о» (общество), в т.ч. термин «организация». «Телесность – это антропное проявление корпоральности, – пишет О. Генисаретский, – а идентичность – социально-культурное. И поскольку они тем самым созначны, одно из них может быть взято за основу и объяснено через другое» [2]. Таким образом, индивидуальность объясняет общество (группу, организацию), а общество – индивидуальность. Примерно в таком же ключе рассуждал о социологии знания К. Манхейм, предлагавший погрузиться во вселенную политических идей с помощью попытки мыслить так, как не мыслишь ты (к примеру, экологист), а как мыслит другой, другие (либерал(ы), консерватор(ы) или социалист(ы)). Развивая эти суждения, можно предположить, что любая организация почти всегда сопоставима с антропным корпусом.

В качестве дополнения и наполнения этой идеи, мне бы хотелось сделать шаг в сторону модернизированного символического интеракционизма Г. Мида (подобные шаги возможны и с позиций психоанализа). Я сошлюсь на работу М. Хэтч и М. Шульц «The dynamics of organizational identity» [3].

Авторы двигаются по следующей схеме: культура – идентичность – образ. Идентичность рождается на стыке культуры и образа. Надо сделать небольшое примечание: образ – это образ других. Как отмечают авторы: идентичность конструируется во взаимодействии с другими.

Ссылаясь на Дженкинса, социальную теорию Мида Хэтч и Шульц опрокидывают в организацию. Схема усложняется: получается, что идентичность – это то, что находится на стыке между мидовским *I* и *Me* (термины Мида *I* и *Me* редко переводят как «Я» и «Меня», оставляю право перевода и понимания за читателем).

Me – это результат членства в организации. В этом плане, *Me* конструируется Другими, т.е. *Me* создают. В тоже время, *I* создает себя само и сходится с *Me* в точке идентичности. Собственно, здесь и возникает приверженность к организации, которая укрепляет свои силы за счет власти, порождая при этом организационный нарциссизм.

Через культуру и *Me*, через образ и *I*, сливающихся в идентичности (= индивидуальности, антропному корпусу, организму), аналитик, психолог или бизнес-консультант могут умозрительно диагностировать организацию [Обратную сторону вопроса см. в: 4]. Это не так фантастично, как могло бы показаться на первый взгляд. Скорее это фантазийно, но не фантастично. Под фантазией в данном случае следует понимать высокую ноту абстракции.

Эта схема применима к анализу глав организаций и их подчиненных – для них и против них, например: анализ идентичности – индивидуальности конкурентами для понимания внутренних дел организации.

Иногда стоит взглянуть на свою или чужую структуру по-новому. Воображение способно дорисовать на чужой картине наши образы, а это путь к изменениям, к новшествам, представив которые можно вводить на практике или не вводить (оставить работы художника в покое) [5]. То, что мыслимо, то осуществимо.

Литература

1. Коллеж социологии. – СПб., 2004. С. 36.
2. Генисаретский О.И. Две метафоры корпоральности // Корпоральность и развитие. – М., 2007. С. 106.
3. Hatch M.J., Schultz M. The dynamics of organizational identity // Human Relations. 2002. Vol. 55(8). PP. 989-1018.
4. Вафин А. Организационная культура: взгляд изнутри // Relga. 2009. №18. <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2520&level1=main&level2=articles>.
5. Вафин А. Да поможет воображение! // Управление персоналом. 2010. №18. <http://www.top-personal.ru/issue.html?2558>.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОДХОДОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РЕФЛЕКСИВНОСТИ ЛИЧНОСТНО- ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

*Д.А.Водопьянов (РАНХиГС при Президенте РФ, Москва) А.С.Елисеенко
(НИУ-ВШЭ, Москва), К.С.Серегин (НИУ-ВШЭ, Москва)*

Одним из достижений современной науки является рефлексивная парадигма (В.А.Левефр, В.Е.Лепский, Г.П.Щедровицкий и др.), которая реализуется [1] в конкретных социальных и психологических исследованиях посредством системы взаимодействующих подходов [2] – как обще-, так и частно-научных. Рассмотрим потенциал тех из них, которые содержат рефлексивные компоненты и служат предметно-методологической основой для изучения актуальной в современной психологии проблематики рефлексивности личностно-профессионального развития человека. Во-первых, это – общенаучный системно-методологический подход (Л.Берталанфи, А.А. Богданов, В.А.Левефр, В.Н.Садовский, Г.П.Щедровицкий, Э.Г.Юдин и др.), который предоставляет средства для описания и анализа сложноорганизованных явлений или систем, каковыми являются, например, объекты, включенные в систему современного профессионального образования. В психологии и педагогике его развивают Н.Г.Алексеев, Б.Г.Ананьев, В.П.Зинченко, А.В.Карпов, Б.Ф.Ломов, Л.И.Новикова, И.Н.Семенов, В.Д.Шадриков и др. Во-вторых, социально-проектный подход (Н.Г.Алексеев, И.В.Бестужев-Лада, В.Е.Лепский, В.М.Розин, Г.П.Щедровицкий и др.), обеспечивающий методологическими средствами конструктивной разработки социальных проектов, исходя из их целевых функций, ценностных установок, перспективных прогнозов, а также организационных, экономических, инфраструктурных, информационных и т.п. возможностей. Применительно к проблемам психологии образования его развивают Н.Г.Алексеев, О.С.Анисимов, Ю.В.Громыко, В.В.Рубцов, И.Н.Семенов, В.И.Слободчиков и др. В-третьих, инновационно-ресурсный подход (В.И.Дудченко, И.С.Ладенко, Н.И.Лапин, В.Е.Лепский, А.И.Пригожин, Д.И.Фурман и др.), который позволяет определять информационно-ресурсное обеспечение для выдвижения инноваций в многообразный социум и планировать их целевое внедрение – при модернизации различных сфер социальной практики – в экономику, управление, медицину, образование и т.п. В организационно-экономической психологии (А.Л.Журавлев, Н.Л.Иванова, Н.М.Лебедева, А.Н.Поддъяков и др.) данный подход применен к рефлексивно-ресурсной трактовке человеческого капитала (И.Н.Семенов, 2003, 2007) и творческого потенциала менеджеров (И.В.Байер, Р.Н.Васютин, Н.Б.Ковалева, А.В.Лосев, И.Н.Семенов). В-четвертых, предметно-деятельностный подход (Г.С.Батищев, Э.В.Ильенков, С.Л.Рубинштейн, В.С.Швырев, Г.П.Щедровицкий, Э.Г.Юдин), акцентирующий деятельностную природу человека как социализированного субъекта – носителя и создателя в общественной практике ценностей, норм и средств предметной деятельности по преобразованию окружающего мира. Этот подход в педагогической

психологии развивают П.Я.Гальперин, В.В.Давыдов, В.П.Зинченко, А.Н.Леонтьев, А.В.Петровский, В.В.Рубцов, И.Н.Семенов, С.Д.Смирнов, В.Д.Шадриков и др. В-пятых, ориентировочно-развивающий подход (П.Я.Гальперин, А.В.Запорожец, Д.Б.Эльконин), акцентирующий развивающих характер действенных взаимодействий человека с окружающей средой и миром, адекватная ориентировка в котором определяет успешность поведения и деятельности в нем. В педагогической психологии этот подход развивают Л.Ф.Обухова, З.А.Решетова, Н.Г.Салмина, И.Н.Семенов, Н.Ф.Талызина и др. Реализующие этот подход психолого-педагогические технологии формирования умственных действий и понятий – как компонентов усваиваемых знаний – показали свою эффективность в практике различных ступеней непрерывного развивающего образования: дошкольного (Л.Ф.Обухова, Н.Н.Поддъяков), общего школьного (Н.Г.Салмина, В.П.Сохина), высшего вузовского (И.П.Колошина, Н.Н.Нечаев, Н.Н.Костюков), а также послевузовского повышения квалификации (И.И.Ильясов, Н.Н.Костюков). В-шестых, рефлексивно-творческий подход (Я.А.Пономарев, И.Н.Семенов, Е.Б.Старовойтенко), акцентирующий роль рефлексии – как переосмысления содержания сознания – в самоорганизации творческого мышления и социокультурной деятельности, в проблемно-конфликтных ситуациях которой осуществляется саморазвитие личности и обретение ею своей индивидуальности. В педагогической психологии этот подход развивают В.Г.Аникина, В.К.Зарецкий, О.И.Лаптева, И.Н.Семенов, С.Ю.Степанов, Д.В.Ушаков, С.В.Кузнецов, А.Б.Холмогорова и др. Реализующие этот подход рефлетехнологии (И.Н.Семенов, 1991,2008) показали свою эффективность в профессиональном образовании студентов (И.А.Савенкова, И.Н.Семенов, 2005) и управленцев (И.М. Войтик, И.Н.Семенов, 2001; А.А.Деркач, И.Н.Семнов, С.Ю.Степанов, 1998; О.Д.Ковшуро, И.Н.Семенов, 2005). В-седьмых, личностно-гуманистический подход (А.Маслоу, К.Роджерс, К.А.Абульханова, Л.С.Выготский, М.М.Рубинштейн, С.Л.Рубинштейн), акцентирующий гуманистическую направленность изучения и развития человека как самоценной, самостоятельной, ответственной и толерантной личности, обладающей правом выбора путей самоопределения, саморазвития, самообразования и самореализации в социокультурном пространстве. В педагогической психологии этот подход развивают А.Г.Асмолов, М.Н.Берулава, И.В.Дубровина, М.В.Кларин, В.А.Петровский, И.Н.Семенов и др., а в медицинской психологии и психотерапии – Б.С.Братусь, Б.В.Зейгарник, Н.И.Непомнящая, А.Б.Орлов, Е.Т.Соколова и др. В-восьмых, личностно-профессиональный подход (В.Г.Асеев, Е.М.Борисова, В.А.Бодров, А.А.Деркач, А.Л.Журавлев, И.Н.Семенов, Г.В.Суходольский, В.Д.Шадриков и др.), акцентирующий личностное развитие человека в профессиональной деятельности – вплоть до акмеологического достижения им акме-расцвета своих физических, умственных, творческих и духовных возможностей (А.А.Бодалев, И.М.Войтик, А.А.Деркач, Н.А.Рыбников, Е.В.Селезнева, И.Н.Семенов, Ю.В.Синягин, Е.А.Яблокова и др.). В педагогической психологии этот подход развивают Н.В.Кузьмина, Л.М.Митина,

А.К.Маркова, В.Н.Марков, И.Н.Семенов, Н.Ю.Синягина, С.Ю.Степанов, Л.А.Степнова и др. В-девятых, субъектно-рефлексивный подход (В.Е.Лепский, И.Н.Семенов, Е.Б.Старовойтенко и др.), акцентирующий активную роль человека как свободного и ответственного субъекта самосознания, смыслообразования, самоопределения и самодеятельности (рефлексирующего изменения как во внешней окружающей природно-социальной среде, так и во внутреннем мире своего сознания), который, рефлексивно ориентируясь в возникающем проблемном поле своего бытия, проектирует и реализует собственное экзистенциальное поведение и продуктивную деятельность, развивая как собственную личность, так и окружающий социум. В педагогической психологии этот подход развивают Р.Н.Васютин, Г.И.Давыдова, М.Ю.Двоеглазова, О.И.Лаптева, Г.Ф.Похмелкина, Ю.А.Репецкий, И.Н.Семенов, С.А.Смирнов, И.А.Слободянюк и др. Доминирование именно этого подхода – во взаимодействии с вышевыделенными – является конструктивным для проводимых нами исследований [3; 4] роли рефлексии в личностно-профессиональном целеобразовании человека как субъекта жизнедеятельности в современном социуме (При поддержке гранта Научного фонда НИУ ВШЭ «Учитель – ученики» N 11-5004 «Рефлексивное развитие личностно-профессионального целеобразования студенческой молодежи»).

Литература

1. *Лепский В.Е.* (ред.). Рефлексивный подход: от методологии к практике. - М.: «Когито-Центр», гриф ИФ АН. 2009.
2. *Семенов И.Н.* Методология проектирования последипломного образования и его рефлексивно-психологическое сопровождение // Горизонты образования. 2009. N 3.
3. *Семенов И.Н., Аткишкина Е.В., Елисеенко А.С., Серегин К.С.* Роль рефлексии в личностно-профессиональном развитии целеобразования // Акмеология. 2011. N 3. Приложение.
4. *Семенов И.Н., Водопьянов Д.А.* Типология образовательных сред личностно-профессионального развития молодежи//Организационная среда XXI века. - М. МЭСИ. 2011.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОММУНИКАТИВНОГО ТИПА РЕФЛЕКСИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ МЕНЕДЖЕРОВ

И. М. Войтик, Г. П. Алексеева
(ФГОУ ВПО СибАГС, г. Новосибирск)

В соответствии с изменениями в законодательстве в области образования отечественная высшая школа переходит на двухуровневую систему высшего профессионального образования (ВПО) «бакалавриат – магистратура» и федеральные государственные образовательные стандарты третьего поколения (ФГОС). Это очередной шаг России, как участницы Болонского процесса, предусматривающего создание в Европе единого образовательного пространства и стремление согласовать цели и результаты образования с

реальными потребностями общества, вузов, студентов, выпускников и работодателей.

В основу ФГОС ВПО третьего поколения лег компетентный подход к обучению. *Компетентный подход* – методология проектирования педагогического процесса, основанная на представлении цели и задач обучения в виде перечня компетенций, обобщенно представляющих знания, умения, навыки, опыт деятельности, личностные качества, которыми должен обладать обучающийся по завершении образовательной программы. *Компетенция* – способность личности успешно выполнять деятельность определенного вида на основе сформированных знаний, умений, навыков, опыта деятельности и профессионально значимых личностных качеств. *Компетентность* – сочетание психических качеств, психическое состояние, позволяющее действовать самостоятельно и ответственно, обладание человеком способностью и умением выполнять определенные трудовые функции [1].

Стандарт третьего поколения определяет требования к результатам освоения основной образовательной программы, как обладание компетенциями универсальными (общенаучными, инструментальными, а также социально-личностными и общекультурными) и профессиональными (в соответствии с видами профессиональной деятельности, например: научно-исследовательская, организационно-управленческая, проектная и пр.).

Главная цель деятельности вузов по подготовке управленческих кадров - выращивание современных кадров инновационного типа, как для сферы государственного и муниципального управления, так и для социально-экономической сферы. Подготовка управленческих кадров ведется по направлениям: 081100 Государственное и муниципальное управление (ГМУ), 080400 Управление персоналом (УП), 020200 Менеджмент и др., включающим требования ФГОС ВПО к организационно-управленческой, информационно-методической, информационно-аналитической, коммуникативной, проектной, социально-психологической видам деятельности [2]. Все они требуют развития коммуникативной компетентности, что невозможно без осмысления и переосмысления обучающимися собственных коммуникативных способностей, т.е. коммуникативного типа рефлексии.

На выявление специфики коммуникативного типа рефлексии направлены преимущественно социально-психологические исследования Н. И. Гуткиной, И. Е. Берлянд, К. Е. Данилина, А. В. Петровского и др. В них рефлексия рассматривается как существенная составляющая развитого общения и межличностного восприятия, которая характеризуется А. А. Бодалёвым как специфическое качество познания человека человеком. Давая социально-психологическое определение понятия «рефлексия», Е. В. Смирнова, А. П. Сопиков отмечают, что «размышление за другое лицо, способность понять, что думают другие лица, называется рефлексией». Вместе с тем Г. М. Андреева, ещё более конкретизируя понятие «рефлексия», подчёркивает, что «в социальной психологии под рефлексией понимается осознание действующим индивидом того, как он воспринимается партнёром

по общению». Кроме того, рефлексия рассматривается ею как механизм взаимопонимания партнеров по общению [3].

В современных исследованиях нет однозначного определения понятия «коммуникативный тип рефлексии». В работах И. Н. Семенова, С. Ю. Степанова под *коммуникативным типом рефлексии* предлагается понимать представления субъекта о внутреннем мире другого человека и причинах тех или иных его поступков.

Рефлексия как условие становления компетентного специалиста анализируется в научно-исследовательской работе С. Пеняевой (2007). Автор выделяет в структуре компетентности следующие компоненты: когнитивный, регулятивный, индивидуальный, коммуникативный и рефлексивный [4].

Научные работы А. Р. Садыковой (2005), Е. А. Смирновой (2005), Т. А. Матвеевой (2010) и др. показывают, что развитие коммуникативной рефлексии повышает профессионализм менеджеров.

Актуальность темы позволила определить цели исследования:

1) провести сравнительный анализ требований ФГОС ВПО третьего поколения по управленческим направлениям и уровням подготовки в контексте коммуникативных компетенций будущих менеджеров;

2) построить модель развития коммуникативного типа рефлексии в профессиональном образовании менеджеров;

3) дать определение понятия «коммуникативный тип рефлексии».

Сравнительный анализ видов профессиональной деятельности и компетенций менеджеров показал, что коммуникативная рефлексия необходима для развития общекультурных и профессиональных компетенций будущих менеджеров по рассматриваемым направлениям подготовки (табл.). Однако, в направлении подготовки Управление персоналом число коммуникативных компетенций в 1,5-2 раза превышает по сравнению с ГМУ и Менеджментом соответственно. Кроме того, сравнительный анализ компетенций внутри направлений показал, что рефлексия общекультурных компетенций будет являться базой для освоения профессиональных компетенций.

Все компетенции по обозначенным в стандартах профессиональным видам деятельности управленческих кадров охватывают три стороны профессионального общения – собственно *коммуникативную*, как процесс передачи вербальной и невербальной информации; *интерактивную*, рассматриваемую в социальной психологии как организацию взаимодействия, включая выполняемые роли, занимаемые статусы, позиции и стили; а также *перцептивную*, отражающую восприятие партнеров по общению и их взаимопонимание [3]. По мнению авторов, профессиональная коммуникативная рефлексия должна разворачиваться в образовании менеджеров по всем вышеуказанным сторонам общения. Следовательно, в определении понятия «коммуникативный тип рефлексии», необходимо включить смыслы не только «представления субъекта о внутреннем мире другого человека и причинах тех или иных его поступков», но и переосмысление эффективной организации процессов передачи информации и взаимодействия сторон – участников профессионального общения.

Сравнительный анализ компетенций по уровням подготовки менеджеров показал, что бакалавры, обладая полным набором общекультурных и общепрофессиональных компетенций, представляют культурного, профессионального и перспективного исполнителя сложных исследовательских и производственных работ. Магистры же предназначены для самостоятельной научно-исследовательской и научно-производственной деятельности и готовы к преподаванию и научному руководству исследовательской работой студентов и научно-производственных коллективов. В контексте коммуникативных компетенций в процессе обучения менеджеров от бакалавриата до магистратуры, студент должен пройти путь от способной личности до субъекта профессиональной деятельности на уровне навыков эффективного профессионального общения. Это превращение требует использования рефлексивных технологий в обучении менеджеров, способствующих развитию более глубокой профессиональной, в том числе коммуникативной и личностной, рефлексии [5].

Таким образом, подготовка менеджеров на разных уровнях высшего профессионального образования требует развития их коммуникативной компетентности. Овладение коммуникативными умениями и навыками происходит посредством коммуникативной рефлексии. *Коммуникативный тип рефлексии* – это осмысление и переосмысление субъектом эффективности передачи информации, организации взаимодействия и представлений о внутреннем мире другого человека и причинах тех или иных его поступков. Развитие коммуникативного типа рефлексии в профессиональном обучении менеджеров на уровне бакалавриата позволит качественно подготовить их к магистратуре и реализовать требования ФГОС ВПО нового поколения.

Литература

1. *Маркова А.К.* Психология профессионализма / А. К. Маркова. – М., 2001. – С. 31-39.
2. Государственные образовательные стандарты, примерные учебные планы и программы высшего профессионального образования // http://www.edu.ru/db/portal/spe/archiv_new.htm
3. *Андреева Г.М.* Социальная психология: Учеб. пособие / Г. М. Андреева. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 378 с.
4. *Пеняева С.* Рефлексия как условие становления компетентного специалиста / С. Пеняева. // Высшее образование в России. – 2007. - № 4. – С. 30-34.
5. *Войтик И.М.* Психологическая культура госслужащих: рефлексивные технологии развития персонала / И. М. Войтик. // Совершенствование стратегического планирования в системе государственного управления: материалы I Акад. симпозиума (Астана, 20 ноября 2009 г.). – Астана: Акад. гос. упр. при Президенте Республики Казахстан, 2009. – 382 с. – Том 3. - С. 237-241.

РАЗВИТИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-РЕФЛЕКСИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ В ВЫСШЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

И.М.Войтик (СИБАГС, Новосибирск), *А.О.Самсонова* (СИБАГС, Новосибирск), *И.Н.Семенов* (НИУ ВШЭ, Москва)

Рефлексивные способности относятся как к теоретическим, так и к практическим способностям, так как рефлексия охватывает и абстрактно-теоретические размышления (философский вид рефлексии), и конкретные практические действия (элементарная и научная рефлексия). Основопологающими элементами рефлексивных способностей обучающихся являются следующие: 1) уверенно ориентироваться в излагаемом материале и оценивать степень достоверности предлагаемой учебной информации, соотнося ее с тем, что известно; 2) планировать и корректировать свою деятельность; правильно выбирать средства достижения цели; 3) оценивать границы и значение знаний и поступков; 4) контролировать свою деятельность и поступки; 5) понимать то, как тебя оценивают и понимают окружающие люди.

Поиск средств, способов, методов, актуализирующих и инициирующих рефлексивные процессы, содействующие профессиональному становлению, продуктивной деятельности и личностному росту, является насущным требованием настоящего времени. Приемы развития рефлексивных способностей обучающихся самые разные: устное обсуждение, письменное анкетирование, рисуночное или графическое изображение изменений, происходящих с ним в течение урока, дня, недели, месяца. В целом технология обучения рефлексивному поведению, основана на специфике ведущего вида деятельности обучаемых на разных этапах онтогенетического развития. Студенты, основным видом деятельности, которых является профессиональное познание, продуктивно работают в когнитивном режиме, т.е., в режиме обсуждения и аргументации. Обучаемые, в ходе дискуссий ощущают себя участниками единого процесса, что мотивирует их к разработке новых конструктивных стратегий предметной и не предметной деятельности, а также адекватных технологий взаимодействия, обеспечивающих благоприятную возможность и психологическую безопасность совместного осознания эмоциональных отношений к себе, к окружающему миру, к деятельности. Такой подход к образовательному процессу в конечном итоге приводит к очевидному повышению рефлексивности. Обучающийся достигает наилучших успехов тогда, когда находится в процессе самостоятельного поиска и построения тех знаний, которые ему лично необходимы. Это процесс расценивается как непрерывный и бесконечный, не ограниченный институционально заданными рамками. Это особенно важно сейчас, когда профессиональные знания обновляются каждые несколько лет. В результате возникает рефлексивный тип взаимодействия преподавателя и студента, когда рефлексия происходит не только в сознании преподавателя, но также и в сознании обучающегося. На основе обобщения результатов изучения психологии интеллектуальной

рефлексии (1,2,3 и др.) в социокультурном контексте современного профессионального образования развитие интеллектуального типа рефлексии рекомендуется проводить в рамках дисциплин федерального и регионального компонентов учебного плана по специальности или направлению Психология. Так в цикле общепрофессиональных есть дисциплины Общая психология и Общий психологический практикум. Анализируя рабочие программы вышеназванных дисциплин учебного плана по специальности, можно констатировать, что интеллектуальные особенности изучаются в 3-м и 4-м семестрах второго года обучения. Поэтому целесообразно дополнить их изучение дисциплиной Рефлексивный практикум, где составной частью программы будет проводиться интеллектуальная рефлексия. Современный этап развития высшего образования предполагает качественное изменение подходов к определению его содержания, а также форм учебно-познавательной деятельности студентов. Новая парадигма произрастает на традиционной почве, но обращается к иным проблемным аспектам профессионального обучения, в частности профессионально-личностного развития (профессиональные компетенции). Именно рефлексия выступает в роли механизма регуляции профессиональной деятельности и общения, фактора личностного роста и профессионального становления. Благодаря развитым рефлексивным способностям обучающийся приобретает статус активного субъекта, способного к осмыслению и управлению своей образовательной деятельностью, что обеспечивает ему обогащение и объективацию индивидуальной «картины мира». Необходимость развития интеллектуального типа рефлексии заключается в формировании способности к управлению мышлением. Данная способность является ключевым звеном на пути к самопознанию и самосовершенствованию. В качестве одного из основных методов развития интеллектуальной рефлексии в контексте профессионального обучения выделяют разработку и проведение рефлексивных тренингов методами игрорефлексии и рефлепрактики.. Их преимущество заключается в двусторонней направленности развивающего воздействия. Помимо целенаправленного влияния на рефлексивные способности обучающихся, рефлепрактикум способствует их развитию у самих преподавателей. Это обусловлено высокой динамичностью процесса и включенными в него элементами импровизации.

Литература

1. *Войтик И.М.* Оценка и развитие рефлексивного мышления: Учеб. пособие /И. М. Войтик, И. Н. Семенов. – Новосибирск: СибАГС, 2001. – 144 с.
2. Мысли о мыслях. Том 2. Рефлексия в обучении и консультировании. Часть 1. Рефлексия в обучении / под ред. И.С. Ладенко, И.Н.Семенова и др. – Новосибирск, 1996. – 175 с..
3. *Степанов С.Ю.* Проблема формирования типов рефлексии в решении творческих задач / С. Ю. Степанов, И. Н. Семенов. // Вопросы психологии. – 1982. – № 1. – С. 99 - 104.
4. *Янович К.Т.* Я-концепция в соотношении к уровням развития рефлексии / К. Т. Янович // Рефлексивные процессы и управление. – 2008. – № 1. – С. 57 - 69.

ГУМАНИТАРНАЯ МАТЕМАТИКА КАК АЛГОРИТМ ПРОИЗВОДСТВА МОДЕЛЕЙ В ПОЛИСУБЪЕКТНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СРЕДЕ

В.Э. Войцехович (Тверской государственный университет, г. Тверь)

Инновационная система страны (ИСС) базируется на нескольких основаниях: 1) **власть** (исполнительная (правительство и госбанки), законодательная, судебная), которая ставит задачи и главные направления обновления страны, юридически оформляет их и контролирует деятельность субъектов; 2) **наука** (академии наук, высшая школа (университеты), отраслевая наука, внесистемные учёные и изобретатели), которая открывает новые знания, разрабатывает средства применения этих знаний в управлении, производстве, потреблении; 3) **бизнес** (банки, производство средств производства, предметов потребления, торговля), который наряду с властью участвует в постановке задач обновления, а также использует новые технологии для собственного обновления.

До сих пор власть (элита) и бизнес остаются на консервативно-статической стадии мышления, не осознавая важности постоянного научно-технологического обновления.

Важнейшими сторонами ИСС являются ИС Российской академии наук, ИС высшей школы (университетов, учебных академий и т.п.), ИС отраслей (НИИ, КБ).

Все они погружены в **инновационную среду**, состоящую главным образом из 1) людей, 2) организаций, 3) всевозможных отношений между ними. Кроме того в среду в широком смысле входят условия существования человека – общество, биомир, физический план бытия (объекты и процессы неживой природы, пространство-время).

Среда является единством хаоса и порядка, саморазвивающимся множеством субъектов, ценностей, отношений между ними, а также сверхсистем и пространства-времени. Главная ценность среды для ИС – это огромное потенциальное знание-информация-энергия, заключённое в среде: хаотическое скопление идей, образов, ощущений, мыслеформ, носителями которых являются индивиды, коллективы, отношения между ними, а также миры, в которые погружены люди, т.е. общество и природа, а также онтологии и виртуальные миры, в которых живут и мыслят субъекты. В широком смысле среда – это вселенная. Именно среда и есть хранитель бесконечно ценного знания, вселенских «баз знаний» и поставщик принципиально новых идей. Об этом писал ещё С. Лем в «Сумме технологий».

Это **потенциальное знание-информация-энергия как возможность актуализации вещи** имеет формы, подобные тем, что описаны ещё Аристотелем в учении о форме и материи: материя (первичный хаос без формы-души), камень (минимально оформленная вещь, примитивная форма-душа), растение («растущий камень» с душой, способной к росту), животное («бегающее растение» с душой, способной накапливать знание), человек («разумное животное», способное к внутренней трансформации, к

перепрограммированию, обладающее разумной душой), Бог (форма форм, творящая все иные формы).

Человек же (и как индивид, и как коллективное существо) погружен в среду, насыщенную энергией разных уровней сложности: 1) первично-хаотической и 2) «каменной», которые обычно называют физической, 3) «растительной» и 4) «животной», называемой биоэнергией, 5) «человеческой», или разумно-психической энергией. Человек способен извлекать энергию разных уровней сложности и переводить из потенциального состояния в актуальное, производя работу по производству вещи, необходимой для человека.

Трансформация энергии, перевод из потенциального состояния в актуальное, из статического в кинетическое и есть переход с нижнего уровня на верхний, с каменного на растительный и животный, с животного на человеческий (разумный). Осуществляет перевод субъект, представитель одного из верхних уровней. Таким субъектом может быть камень по отношению к первично-хаотической энергии. Растение по отношению к хаотической и каменной энергии. Человек по отношению ко всем нижним уровням. Так, человек переводит энергию химической связи в углеводородах (уголь, нефть, газ) в механическую и электрическую энергии, а затем на основе идей, образов, знаний производит множество предметов потребления, строит здания и т.п. Аналогично деньги – это «социальная» энергия (разновидность разумно-человеческой), с помощью которой хаотическая энергия, биоэнергия используются для производства предметов потребления и услуг.

Отсюда субъект (в широком смысле) – это любая вещь, обладающая душой (по Аристотелю формой) и способная воспринимать, перерабатывать информацию, энергию, вещество с целью выживания и удовлетворения собственных потребностей. Субъектом может быть не только человек или коллектив по отношению к живой природе, но даже растение по отношению к физическому плану бытия.

В контексте инновационного процесса главной проблемой становится **полисубъектная высокохаотическая среда**, в которой действует множество возникающих и исчезающих, часто меняющихся правила игры свободных индивидов и коллективов. Такого рода среду нельзя назвать системой (даже саморазвивающейся), скорее это «хаосо-порядок», в котором могут возникнуть саморазвивающиеся системы, а могут и не возникнуть.

Как описать такого рода такую среду как часть инновационной системы (ИС)? В ИС есть главный субъект, который ставит задачу и стремится к её разрешению при помощи других субъектов. На уровне университета это обычно доктор наук (технических, физико-математических, химических), профессор, заведующий лабораторией, который сотрудничает с производственной фирмой или департаментом региона, при взаимодействии с которыми и поставлена важная задача. Наряду с главным субъектом есть и другие, совместно образующие полисубъектную среду.

В сознании главного субъекта и в полисубъектной среде возникают и исчезают идеи, образы, формы, возможно, разрешающие задачу,

поставленную перед ИС. Проходя ряд предварительных проверок, одна из перспективных догадок обростает следствиями, становится гипотезой. Повышается вероятность принятия её в качестве искомого решения. В этом процессе проявляется своеобразный «алгоритм» – сеть из многоходовых, как бы кольцевых цепочек образов, идей, проверок, которые могут вести к решению задачи. В сети цепочек взаимодействуют субъекты, объекты, высокохаотическая среда.

Многие традиционные общенаучные средства решения задач плохо работают в полисубъектной среде. Субъект-объектная парадигма классической науки, 2-значная логика, жёсткие, однозначные рассуждения, методы индукции и дедукции, интерпретация, дифференциальное и интегральное исчисления и другие теории, - все они малоэффективны. В то же время субъект-субъектная парадигма, большой опыт учёного, интуиция, художественное мышление, оперирование «мягкими», образными формами, неклассические логики, вероятностные методы дают результат в условиях хаотической среды, неполной и противоречивой информации. В таких условиях и возникла постнеклассическая наука 20-го в., далеко ушедшая от научной парадигмы 17-го столетия (В.С. Стёпин).

Постнеклассическая наука (ПНК-наука) вырастает из синергетики, виртуалистики, антропного принципа, теории сложности. Её предметом являются человекомерные сложные системы. Она основана не столько на субъект-объектной парадигме, сколько на субъект-субъектной, не на материалистической философии, а на конструктивной философии и выражает современную тенденцию эволюции науки – её гуманитаризацию, понимаемую в широком смысле - как антропность, субъектность, конструктивность.

Наука перестраивается, а это противоречивый процесс. Отдельные разделы науки пока далеки от новых веяний. В частности, логика, математика и другие метанауки пока плохо приспособлены к особенностям ПНК-науки, к идее самоорганизации и субъект-субъектной парадигме. Отсюда необходимость **гуманитарной математики**, способной выразить субъект-субъектные отношения на формальном уровне.

Выдающиеся математики XX века называли свою науку «теорией всех возможных форм» (Д. Гильберт, А.Н. Колмогоров, С. Маклейн и другие). Это наиболее общее определение, выражающее главную, многовековую тенденцию развития математики.

Однако есть и принципиально иное направление, открытое Л.Э.Я. Брауэром в 1908 г., – интуиционизм. По словам самого Брауэра, это математика гуманитарной деятельности, это теория форм для истории, психологии и других наук о человеке. В интуиционизме появляются понятия «творящий субъект», «выбор», «свободно становящиеся последовательности», характерные для «наук о духе». Сам Брауэр сближал математику, искусство, жизнь. Глубоко изучал восточные философские учения, в частности, буддизм. К сожалению, за прошедшее столетие мало кто из математиков понял Брауэра. Интуиционизм так и остался малоразвитым направлением, хотя от него пошёл математический конструктивизм.

Тем не менее с 1986 г. в философском сообществе России возродилась идея о принципиально новой – «гуманитарной математике» [1]. За 25 лет появился ряд публикаций, развивающих эту идею в направлении ПНК-науки.

По замыслу Брауэра, его математика должна выражать свободную деятельность творящего субъекта, поэтому в математическом интуиционизме соединены и творящий субъект, и результаты его деятельности (формы, разрешающие задачу). Иными словами, сущность гуманитарной математики сводится к алгоритму как потоку творческого сознания, производящего мыслеформы. Такое знание подобно живому разумному существу, движущемуся к цели – решению проблемы.

В последующем (на мой взгляд) гуманитарная математика способна породить «математику духа», поскольку не только объект, но и **субъект также описывается математикой**, или метафорически выражаясь, существует «число человека» [2]. В чем-то сходные идеи о **духовной математике** высказывали о. Павел Флоренский, А.Ф. Лосев, В.В. Налимов и другие. Конечно, в последнем случае под математикой понимают уже не науку о числах и фигурах и даже не науку о бесконечности (Г. Вейль), а скорее учение о свободной игре мыслеформами, что ближе к Г. Кантору, говорившему, что сущность математики в свободе, Д. Гильберту, писавшему об формально-игровой природе математики, и Э. Брауэру, писавшему о внутреннем единстве математики, искусства, жизни.

Литература

1. *Войцехович В.Э.* Математика накануне перемен // XI Всесоюзное совещание по логике, методологии, философии науки. Тез. докл. (дополнительный выпуск). Киев: Наукова думка. 1986. С. 45 – 46.
2. *Войцехович В.Э.* Антропный принцип как философско-математическая проблема: существует ли число человека? // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». № 3 (31). 2007. С. 23 – 32.

Работа выполнена при поддержке РГНФ грант № 11-03-00787а

ВИЗУАЛЬНАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОСТЕПЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ

Е. Н. Волков

(Нижегородский филиал НИУ «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород)

Идея постепенной социальной инженерии (piecemeal social engineering) в духе Карла Поппера [1] может лечь в основу конструктивного подхода к решению социальных проблем и совершенствованию современного социума. Развитие же самой постепенной социальной инженерии в огромной степени зависит от наличия адекватного инструментария, методического обеспечения и стандартизации. Плодотворная результативность инженерного подхода в мире неодушевленных предметов должна бы, вроде, побуждать социогуманитарных специалистов к обоснованной и зовущей к деятельности зависти и к максимально возможному заимствованию инструментария и

опыта коллег из другого цеха. Вместо этого возникли тенденции к почти полному разрыву с естественными науками, не говоря уже о технической инженерии, в виде концепций о неких принципиально особых методах исследования человека и общества.

Гипотезой является также предположение, что развитие социальной инженерии по следам инженерии технической неизбежно должно войти в сильнейшее противоречие со сложившейся системой политической и экономической власти, особенно в странах с авторитарно-клановыми структурами, слабыми демократическими институтами и неразвитым гражданским обществом. Господствующие группы в таких странах вряд ли способны заинтересоваться созданием сильной отрасли научной постепенной социальной инженерии. Максимум потенциала представителей таких групп — поддержка только манипулятивных социальных проектов с целью фиксации их фаустовского «мига счастья», т. е. поддержка частичной утопической социальной инженерии, способной в лучшем случае лишь временно оттягивать наступление крайних кризисных ситуаций и ухудшать готовность к их преодолению.

Названные выше препятствия, однако, не лишают никого из желающих и умеющих возможности всё же заняться разработкой и реализацией подлинно инженерных социальных проектов, вполне сравнимых по инструментарию и эффективности с уровнем НИОКР в «неодушевлённых» сферах. Самым главным, на мой взгляд, барьером на этом пути являются традиции социогуманитарной безграмотности негуманитарных специалистов и технико-инженерной безграмотности гуманитариев.

Существенной составной частью этого барьера являются различия в используемых инструментах фиксации (описания) и рефлексии анализа (разборки) и сборки объектов и продуктов исследования и конструирования. У гуманитариев тотально господствует линейный текст, тогда как в другом лагере формулы, модели, чертежи, схемы нередко сводят линейный текст на второстепенные, а то и третьестепенные роли.

В этой связи востребован современный язык когнитивного картирования (концепт-карты, майндмэппинг, диаграммы связей и т. п.) — язык узлов, связей (отношений) и слоёв, пространственная (топологическая) нелинейная форма текстов и моделей, которая в последнее десятилетие уже интенсивно поддерживается развитием соответствующего программного обеспечения [2].

Поле применения визуального когнитивного и модельного картирования сразу стало чрезвычайно широким — от органайзера до управления проектами, от визуального представления и менеджмента знаний до мозгового штурма и группового принятия решений, от перевода линейных учебных текстов в структуры концепт-карт до предполагаемой постановки концепт-карт в центр любого образовательного процесса.

Модельно-когнитивное картирование - подлинная материя объективированной рефлексии. Современные пионеры этого метода проводят аналогии между концептами (узлами) и атомами материального мира, а их совокупность с высказываниями (связями, отношениями) предлагают рассматривать как молекулы [2]. Если продолжать эти аналогии, то на самом

деле концепт-карты способны воплотить в своих иерархиях и слоях любые элементарные микрочастицы и любые сложносоставные объекты, как материального мира, так и мира идей. Картирование, получившее электронную инструментальную реализацию, потенциально способно стать новым уровнем письменности и основным средством обучения и профессиональной коммуникации, поднимая одновременно общий уровень мышления и творчества на новые высоты соразмерно растущему количеству и сложности проблем социальной жизни.

До сих пор недостаточно внимания уделяется социоинженерному аспекту языка картирования, а он вполне может сыграть роль «канального» фактора, т. е. элемента, кажущегося незначительным в сравнении с решаемыми задачами и при этом во многом обеспечивающего успех всего дела [3]. Картирование имеющихся знаний о структуре и механизмах социальных явлений, процессов и институтов с масштабированием от «кваркового» микроуровня до глобального макроуровня позволяет не только достичь нового качества организации, стандартизации и конвенциональности этих знаний, но и открывает новые возможности получения нового знания. А также создаёт удобный банк деталей и устройств, как для ясного оценивания текущей социальной реальности, так и для контролируемой, проверяемой и понятной деятельности социальных инженеров [4,5].

Картирование социальных знаний при соблюдении определённой методологии, методики и технологии даёт в руки социологов, социальных психологов и собственно социальных инженеров способ объективированного описания и проектирования.

Литература

1. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. Пер. с англ., под ред. В.Н. Садовского. / К.Р. Поппер. — М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. — 448 с.
2. *Novak, J. D., & Cañas, A. J.* The Theory Underlying Concept Maps and How to Construct and Use Them. Technical Report, IHMC CmapTools, 2006-01. Rev. 01-2008. — Florida Institute for Human and Machine Cognition, 2008. — 36 pp. <http://cmap.ihmc.us/Publications/ResearchPapers/TheoryUnderlyingConceptMaps.pdf>
3. *Росс Л., Нисбетт Р.* Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии / Пер. с англ. — М.: Аспект Пресс, 1999. — 429 с.
4. *Волков Е. Н.* Стратегии и технологии социального воздействия в превенции девиантного поведения // Феноменология и профилактика девиантного поведения: материалы IV Всерос. научн.-практ. конф., 28-29 окт 2010 г. Т. 1. — Краснодар: Краснодарский университета МВД России, 2010. — С. 5-11.
5. *Волков Е. Н.* Консультирование и психотерапия как социальная инженерия // Здоров'я України — XXI сторіччя. Неврологія. Психіатрія. Психотерапія. № 2, июнь 2011. — С. 66-67.

О ПРОБЛЕМАХ ПРОЕКТИРОВАНИЯ РЕФЛЕКСИВНО-АКТИВНОЙ СРЕДЫ

М.В.Воронов

(МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва)

Выбранный современной Россией курс есть не что иное, как реализация модели догоняющей модернизации на основе либерально демократических ценностей с акцентом на политику экстраполяции заимствованных макроэкономических решений, возможно и проявивших когда-то свою эффективность, но в совершенно иных условиях. Результаты такого курса весьма плачевны. Иного трудно было и ожидать, ибо Россия не Запад и в качестве равноправных партнеров стран «золотого миллиарда» нас не жаждут видеть. В этой связи уместно напомнить, что в основе «Японского чуда» лежал отказ от либерализма и обращение к коллективной продуктивности.

Крайне важным компонентом в происходящих в нашей стране негативных изменениях представляется процесс формирования так называемого «современного человека», девиз которого «Живи проще!». Важно отметить, что в основу воспитания «современного человека» положено внедрение в сознание наших людей протестантской этики - этики формирования образа абсолютно рациональной личности, смотрящей на свою жизнь как на путешествие. Рынок труда перенасыщен полуобразованными пиарщиками, юристами, экономистами, которые получали своё образование в надежде на беззаботную жизнь. Огромные массы «универсальных менеджеров», для которых управление в любой отрасли сводится к управлению финансовыми потоками, не обеспечивают задач развития ни собственно производства, ни науки и культуры [1]. Вместе с тем налицо отставание уровня так называемой отраслевой компетентности. Под лозунгом свободы в направлении упрощения «модернизируются» и все основные институты общества, при этом в стране сворачивается всё, что требует заметных интеллектуальных усилий. И такого рода «контуров деградации» в современной России можно отметить несколько.

Создается впечатление, что пагубные тенденции не результат какого-то недопонимания, а следствие целенаправленного сознательного разрушения России, ибо происходящие у нас процессы не могут быть признаны разумными с позиции даже простого обывателя, причем на каких бы социально-политических позициях он не стоял. Ситуация в стране усугубляется вследствие крайнего разобщения и социальной пассивности основной массы нашего населения стремительно деградирующего в целом, как нация. Причем оба эти процесса связаны между собою положительной обратной связью и раскачивают друг друга.

Следует четко осознавать, что имеющий место кризис в стране допущен нами (при какой степени «помощи» извне – не столь важно), следовательно можно констатировать, что наш уровень осознания того, что такое хорошо и что такое плохо для страны в целом у населения крайне низок. Нам же и находить пути выхода из сложившейся ситуации.

Именно поэтому преодоление тенденций дальнейшего разрушения страны следует искать в формировании нового качества нашего социального разума в целом и определенной (критической) массы творческих людей обладающих рефлексивным мышлением в частности, ибо только они способны проектировать созидательную субъект-субъектную коллективную деятельность направленную на спасение своей страны.

Уже предложены многочисленные модели и механизмы решения такого рода задач. Один из них, заслуживающих по нашему мнению внимания заключается в том, чтобы в условиях современной России осуществлять преобразования в условиях внутренней мобилизации по принципу: мобилизация – для элиты, либерализация – для остального общества (что может выражаться, например, в добровольном отказе от неприкосновенности частной жизни и ряда других прав частного лица при замещении определенных должностей, в случае с бизнесом – в сниженной норме потребления и повышенной норме инвестирования и т.д.) [2]. В целом близкую позицию высказывает и Н.С.Розов [3]: соединить отвлеченные идеалы «говорящей и думающей» оппозиции с жизненными социальными потребностями большинства населения страны, ибо, по его мнению, оптимально, когда в группе есть и люди, жизненно заинтересованные в решении той или иной социальной проблемы, и люди с видением главных институциональных преград и способов принципиального разрешения соответствующих трудностей правового, административно-бюрократического, финансового характера.

Красиво. Но кто же будет подобного рода идеи воплощать в действительность? Пока никому. Подавляющая масса наших соотечественников сегодня не готова что-либо делать ради абстрактных принципов и идей. Кроме того в стране стремительно растет количество функционально неграмотных (не умеющих понять прочитанное) людей: их доля уже достигла 21% и продолжает стремительно расти (четверть века такой контингент составлял не более 0.5%). Поскольку такие люди не способны осознанно оперировать информацией, то они фактически выключены из активной общественной жизни общества [4]. К сожалению, и существующий в современной России состав политической элиты не позволяет надеяться на серьезные позитивные преобразования.

По мере развития цивилизации происходит все более резкая дифференциация взглядов людей на жизнь. Сегодня практически невозможно объединить наше население на религиозной, национальной, политической, экономической или иной основе. Единственным возможным путем видится его качественное совершенствование через образование. В первую очередь речь идет о массовой подготовке широко рефлексизирующего человека, как активного субъекта современной деятельности. Этого человека должны отличать базирующиеся на нравственности внутренняя сложность умственной деятельности и способность рефлексировать все свои поступки, что должно обеспечить наличие у каждого из них некоторой внутренней программы и понимания того, как поступать ему в каждом конкретном случае.

Необходимым условием успешного решения этой сложнейшей задачи требуется разработка и реализация программы формирования специфической рефлексивно-активной среды, ибо только погружение в соответствующую среду с самого раннего детства можно обеспечить воспитание действительно нового человека. В формировании такого рода среды вряд ли заинтересованы властвующие структуры. Ее создание, по крайней мере на начальном этапе, - задача самоорганизующихся общественных структур, основу которых должна составить научно-педагогическая интеллигенция нашей страны.

Рассчитывать на положительные результаты реализации программы формирования достаточно значимой рефлексивно-активной среды в России можно лишь при условии достижения соответствующего современному стандарту уровня физиологического и экзистенциального потребления подавляющей массы ее населения или же резком ухудшении экономической ситуации в стране. Первое вряд ли возможно при сохранении осуществляемого социально-политического курса, второе – крайне нежелательно и опасно.

Литература

1. Федотова В.Г. Модернизация по-русски. [Электронный ресурс]. – Наука и технологии РФ. Режим доступа: http://www.strf.ru/organization.aspx?CatalogId=221&d_no=29038 (28.06.2011)
2. Пономарев И. и др. Модернизация России как построение нового государства (Независимый экспертный доклад 29.10.2009). [Электронный ресурс]. – Информация для всех. Режим доступа: <http://www.ifap.ru/pr/2009/n091103a.pdf> 1 (2.06.2011).
3. Розов Н.С.. Колея и перевал: макро социологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2011.
4. Верещагин О. Облегчение мозга. //Советская Россия, №9 (231), 2011.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОТНЕСЕНИЯ ЦЕННОСТЕЙ К ОДНОЙ ИЗ ДВУХ ЭТИЧЕСКИХ СИСТЕМ ПО В.ЛЕФЕВРУ

В.П.Горяинов

(Институт системного анализа РАН, г. Москва)

Теоретическая модель человека по В.А.Лефевру основана на способности развитого сознания человека различать добро и зло. По его представлениям «процесс интериоризации культурных моральных норм добра и зла вполне определен, а итоговая схема морального сознания имеет четкую структуру. Ядром этического сознания индивида в его развитой нормативной форме является бинарная структура добро-зло» [1, с. 53]. Эта структура может быть в двух состояниях. Первое состояние – это *поляризация* или *конфронтация* добра и зла – это состояние отнесено Лефевром к 1-ой этической системе, которая работает на принципе несовместности добра и зла, например, как у Пушкина «гений и злодейство - две вещи несовместны». Второе состояние – *интеграция* или *компромисс* добра и зла – отнесено Лефевром ко 2-ой этической системе, которая работает на принципе «хорошая цель оправдывает плохие средства». Эти состояния, или отношения (*поляризация*

или *конфронтация*) (*интеграция* или *компромисс*), по мнению Лефевра [1, с. 53], носят фундаментальный характер и не могут быть сведены к другим более простым отношениям.

Однако, возникает вопрос, или гипотеза, о возможности и, может быть, продуктивности инверсии более частных отношений к этим общим, фундаментальным отношениям через следующие группы синонимов. Группа синонимов для одобрения *поляризации* или *конфронтации* добра и зла: разделение, разобщение, разногласие, несоответствие, конфликт, бескомпромиссность, противостояние, противопоставление, борьба, дизъюнкция, конкуренция, отрицательная корреляция добра и зла, - относимых к 1-ой этической системе.

Группа синонимов для одобрения *интеграции* или *компромисса* добра и зла: объединение, союз, конъюнкция, согласие, соответствие, синтез, партнерство, положительная корреляция добра и зла, - относимых ко 2-ой этической системе.

Автора тезисов интересуют следующие теоретические вопросы. Преобладают ли в каждой отдельной ценности какие-то признаки 1-ой или 2-ой этической системы? Возможно ли логически определять, к какому номеру этической системы относится в большей степени та или иная ценностная категория или ценность? По Лефевру [1, с. 37] закономерно прогнозируется, что если логически определить, что в какой-то ценности содержится внутренний конфликт, бескомпромиссность добра и зла и он одобрен в рамках этой ценности, то ее следует отнести к 1-ой этической системе, которая закономерно приводит носителя этой ценности к компромиссу с партнером.

Нами предлагается следующее психологическое объяснение 1-ой этической системы: внутренне конфликтный человек склонен к компромиссу с партнером и к успокоению своего внутреннего конфликта при коммуникациях с партнером, иначе внутренний конфликт перейдет во внешний конфликт и приведет к саморазрушению и самого человека и его партнера. Человек идет на компромисс с партнером ради самосохранения или поддержки своего статуса, пусть внутренне конфликтного, но не разрушительного для человека. Таким образом, внутренне конфликтный человек, несущий в себе конфронтации добра и зла более готов к компромиссу с окружающими партнерами и тем самым к сохранению себя, а не к эскалации своего конфликта и разрушению себя. Например, некий человек ненавидит наркоманов (он полагает, что наркоманы – не люди, а существа-паразиты – это непреодолимое зло), но готов к контакту с ними, к компромиссу в виде терпимости (толерантности) и даже легализации легких наркотиков, и все это не ради борьбы с наркоманией, а ради сохранения удобного для человека уровня собственной конфликтности.

По Лефевру [1, с. 37] закономерно прогнозируется, что если логически определить, что в какой-то ценности содержится внутренняя интеграция, компромисс добра и зла и они одобрены в рамках этой ценности, то ее следует отнести ко 2-ой этической системе, которая закономерно приводит носителя этой ценности к конфликту с партнером. Нами предлагается

следующее психологическое объяснение 2-ой этической системы: внутренне компромиссный, успокоивший и соединивший в себе добро и зло человек (цель оправдывает средство) склонен к разрушительному конфликту с партнером, к эскалации своего конфликта с будущим партнером. В противоположность этому, если внутренний компромисс доброй цели и плохого средства (зла) окажется не реализованным в деятельности, этим он разрушит свой высокий статус преданного своей цели человека. Таким образом, внутренне компромиссный человек, готовый действовать плохими средствами для достижения хорошей цели, склонен к конфликту с партнером. Например, некий человек компромиссно допускает, что наркоманы социально и физиологически больные люди, то он готов лечить их болезнью любыми средствами (принудительная изоляция, физическое ограничение свободы, химеотерапия или чем-то подобным) ради достижения доброй цели.

Возможный способ отнесения той или иной ценности к первому или второму номеру этической системы

Ниже представлена попытка распространить идею двух этических систем на характеристику ценностей, тем самым добавив ценностям новое свойство – включенность в одну из двух этических систем.

Способ определения номера этической системы какой-то ценности основан на выделении внутреннего одобрения направленности индивида на конфликт добра и зла и при условии внешней направленности коммуникаций индивида на компромисс (союз и интеграцию), тогда эта ценность относится к 1-ой этической системе. При направленности какой-то ценности индивида на компромисс добра и зла и при условии возникновения конфликта с его партнером при ее реализации, тогда эта ценность относится ко 2-ой этической системе.

Можно попытаться выделить *внутреннее личностное состояние* (конфликтное или компромиссное) приверженца той или иной ценности (далее будем называть это состояние кратко «*внутреннее*») и *внешнее межличностное состояние* (конфликтное или компромиссное) в ценностных ориентациях, обращенных к партнеру по коммуникациям, (далее будем называть кратко «*внешнее*»). Постулируем, что между внутренним и внешним существуют взаимно обратные отношения. Внутреннее конфликтное продуцирует или индуцирует внешнее компромиссное и, наоборот, внутреннее компромиссное продуцирует или индуцирует внешнее конфликтное. Сказанное было зафиксировано ранее в следующем парадоксе, предсказанном В. Лефевром [с. 37], «этическая бескомпромиссность связана с компромиссом в человеческих взаимоотношениях, а этический компромисс связан с бескомпромиссностью в человеческих взаимоотношениях».

При деятельностном подходе формально принимается постулат о превосходстве или доминировании силы внешнего над внутренним, то можно постулировать, что внешнее конфликтное продуцирует внутреннее компромиссное или, что внешнее компромиссное продуцирует внутреннее конфликтное.

При личностном подходе формально принимается постулат о превосходстве или доминировании силы внутреннего над внешним, то

следует постулировать, что внутреннее конфликтное продуцирует внешний компромисс или, наоборот, что внутреннее компромиссное продуцирует внешнее конфликтное. Допустимо формально выделить случай равенства сил внешнего и внутреннего, тогда имеем дело с нейтральным или неопределенным поведением.

Главные факторы и отнесение их содержания к первой или второй этической системе

В нашем вторичном исследовании [2] эмпирических данных Ш.Шварца из Европейского социологического обследования (ESS) населения 20 европейских стран были выявлены четыре главных фактора (ценностных комплекса): Гедонизм, Государственность, Гуманизм и Элитаризм.

Гедонизм как ценностный фактор заявляет главной целевой нормой бескомпромиссное стремление к получению удовольствий (добро) и избеганию неприятностей (зло), то есть внутренняя конфронтация продуцирует внешний компромисс, что указывает на принадлежность этого фактора к 1-ой этической системе.

Государственность заявляет целевой компромиссной нормой объединение разнородных людей (зло) в унитарное государство (добро) с равными гражданскими правами и обязанностями, то есть здесь наблюдается интеграция, или внутренний компромисс добра (унитарности) и зла (разнообразия людей), продуцирующий внешнюю конфронтацию, что указывает на принадлежность этого фактора ко 2-ой этической системе.

Гуманизм заявляет целевой бескомпромиссной нормой жизнь по человеческой любви и правилам, принятым большинством населения (добро) против бесчеловечных правил и притязаний на доминирование бесчеловечных меньшинств (зло), то есть внутренняя конфронтация продуцирует внешний компромисс, что указывает на принадлежность этого фактора к 1-ой этической системе.

Элитаризм заявляет и одобряет целевой нормой разделение людей на элиту (добро) и массу (зло) и интеграцию между ними, то есть внутренний компромисс продуцирует внешнюю конфронтацию, что указывает на принадлежность этого фактора ко 2-ой этической системе.

Конкретные ценности и отнесение их содержания к первой или второй этической системе

Ценность творчества внутренне конфликтна (борьба нового со старым), но внешне компромиссна при тактике постепенности или дозированности нового в старом. Так понимаемая ценность относится к 1-ой этической системе. Можно допустить и другой подход к ценности творчества как обобщенной цели, при котором ценность творчества внутренне компромиссна (творческое сочетание, синтез или компромисс нового со старым), но тогда ценность такого творчества становится внешне конфликтна, так как противоречит и новому и старому (например, противоречит чистоте каждой, новой и старой, исходной теории в науке). Так понимаемая ценность творчества относится ко 2-ой этической системе. Таким образом, для уточнения того, к какой этической системе относить ценность творчества

нужно анализировать содержание, вложенное в то ценностное суждение, по которому судят о типе ценности творчества.

Ценность консерватизма внутренне компромиссна (ориентирована на стабильность или сохранение старого любой ценой, все традиции хороши, старинное лучше нового), но внешне конфронтационна (так как не все традиции воспринимаются партнерами по общению как хорошие), что указывает на принадлежность этой ценности ко 2-ой этической системе.

Ценность богатства внутренне компромиссна (для ее достижения все средства хороши), то есть здесь внутренняя компромиссность добра и зла продуцирует внешнюю бескомпромиссность или конкуренцию, что указывает на принадлежность этой ценности ко 2-ой этической системе.

Ценность рационального потребления (умеренного аскетизма) внутренне конфликтна (из-за всевозможных самоограничений, запретов и сдержанности), но внешне компромиссна, что указывает на принадлежность этой ценности к 1-ой этической системе.

Ценность равенства возможностей внутренне конфликтна, так как люди с рождения индивидуально разные и абсолютное равенство и справедливость недостижимы, но внешне компромиссна, так как обуславливает возможность коммуникаций на равных условиях (без конфликта), что указывает на принадлежность этой ценности к 1-ой этической системе.

Высказанные теоретические положения подлежат эмпирической проверке.

Литература

1. *Лефевр В.А.* Алгебра совести / Пер с англ.- М., «Когито-Центр», 2003. – 426с.
2. *Горяинов В.П.* Об одном подходе к анализу латентных ценностей // Социология: методология, методы, математические модели, М.: Наука, 2010, N30. с. 89-106.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТРАКТ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕФЛЕКСИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ КОМПАНИЙ ПРИ СЛИЯНИИ

Л.В.Григоровская (Институт социальной и политической психологии НАПН Украины, г. Киев, Украина)

Актуальность. Процессы глобализации, борьбы за рынки сбыта обуславливают динамические процессы реформирования организационной структуры рынков в том числе и средством слияния организаций-конкурентов. Эти давно апробированы в мире способы выживания организаций в конкурентной среде сегодня становятся реальностью в постсоветском пространстве в том числе и на Украине. Следовательно, актуальным является нахождение действенных средств обеспечения успешности процесса слияния на уровне социально-психологических условий интеграции различных организационных культур, отсутствие которых вызывает отрицательный результат объединения.

Целью исследования - внедрения было изучение эффективности применения (на первом этапе реализации крупномасштабного проекта

психологического обеспечения слияния организаций) рефлексивной технологии создания психологических предпосылок слияния как заключение с топ-менеджментом одной из компаний, сливались, психологического контракта на организационный и персональное развитие в новой ситуации. Конкретно-теоретической базой внедряемой технологии - рефлексивного тренинга-практикума - является концепция групповой рефлексии (М. И. Найденов, 1989), в-теоретической рамкой интерпретации психологических проблем слияния выступает теория социальной идентификации и межгруппового взаимодействия (Tajfel & Turner, 1979; Hogg & Abrams, 1988).

Организация исследования. Исследование выполнялось в формате case study процесса слияния двух компаний - лидеров украинского рынка минеральной воды. На первом этапе в нем участвовали 8 региональных менеджеров и 5 руководителей компании стратегического уровня. Временные параметры тренинга-практикума - два полных дня (по 10 рабочих часов), место проведения - рекреационная зона. Рефлексивные процедуры были направлены на включение психологических механизмов переосмысления перспектив развития организации в контексте слияния, групповую самооценку психологической готовности топ-менеджеров до поддержки и реализации этих перспектив, экспликацию и переосмысления сущностных стереотипов (в частности, восприятие компании-конкурента), страхов (в частности, потери выстроенной в рамках "материнской" компании организационной культуры), ценностной базы построения перспектив персонального развития (ценности неопределенности, творчества и т.д.).

Результатом (и одновременно признаком) заключение региональными менеджерами дистрибутивной системы компании психологического контракта на развитие в новой ситуации стала активизация творческого группового потенциала, что позволило группе выработать инновационное решение по технологии объединения персонала двух компаний посредством конкурсного отбора на вакантные места в новой структуре на принципах прозрачности, равноправия и по критериям профессионализма.

Выводы. Психологический контракт с топ-менеджментом на организационный и персональное развитие в новой ситуации (слияние компаний-конкурентов) выступает условием обеспечения слияния на уровне организационной культуры. Технология рефлексивного творческого тренинга-практикума является эффективным средством "запуска" психологических процессов переосмысление и принятие новой ситуации.

РЕФЛЕКСИВНАЯ МАШИНА КАК ОСНОВА «КВАЗИЖИВОГО» И «КВАЗИРАЗУМНОГО» ВИРТУАЛЬНОГО АГЕНТА

Гришин Е.А. (Независимый консультант, г. Москва)

Существующие подходы к построению агента МАС (Многоагентные системы) основываются на свойстве *автономности* агента, под которой понимается его способность работать продолжительное время без вмешательства человека [1].

Однако, такая автономность предполагает только односторонние *командные* взаимоотношения человека-оператора с агентом типа *приказ-подчинение*, при которых человек имеет единоличное право включить агента для автономного исполнения некоей требуемой функции, и выключить его при необходимости или по завершении исполнения.

Отсюда следует, что *все риски потерь* от выбора *автономного* агента, который будет неэффективно исполнять свои функции, ложатся на человека-оператора.

Предлагается альтернативный подход к построению взаимоотношений человека-оператора с автономным программным агентом, базирующийся на принципе *паритетного (равноценного) экономического договора*.

В этом случае человек-оператор не включает и не выключает агента. Агент должен существовать независимо, на основе своей способности «выживать», тратя и приобретая жизненные ресурсы во взаимоотношениях с людьми и другими программными агентами.

Каждый человек-оператор и каждый агент могут через систему общения обратиться в любой момент друг к другу и в рамках необходимого диалога заключить новый договор о том или ином сотрудничестве, или выяснить состояние исполнения предыдущего договора.

Отсюда, первым необходимым и естественным условием реализации свойства *автономности* является способность агента быть «квазиживым», приобретающим и тратящим некие ресурсы во взаимоотношениях с подобными агентами и людьми ради удовлетворения своих текущих потребностей.

Вторым необходимым и естественным условием реализации свойства *автономности* агента является его способность самостоятельно ставить цели, разрабатывать и согласовывать с партнёрами и корректировать планы достижения целей, самообучаться взаимодействию с множеством агентов и с операторами в динамически изменяющихся условиях.

Эту способность агента назовём «квазиразумностью». Совместно со способностью агента быть «квазиживым» «квазиразумность» обеспечивает необходимые и достаточные условия реализации свойства *автономности* агента.

Именно на данной основе базируется предлагаемый принцип *экономического договорного* взаимодействия человека-оператора и агента, а также агентов между собой, альтернативный *командному* принципу взаимодействия (*приказ-подчинение*).

Смыслом организации экономических договорных взаимоотношений человека-оператора и «квазиживого» и «квазиразумного» агента является следующее:

Взаимное предоставление агентом и оператором друг другу *гарантии* (страховки, залога) получения обговорённой в договоре *пользы* и *безопасности* по ресурсам (времени, деньгам) на основе идеи *разделения и взаимной страховки рисков* неисполнения договора каждой стороной.

В этом – суть предлагаемой концепции, и её отличие от существующей концепции *полной ответственности человека за все риски* при командной системе его взаимоотношений с автономным виртуальным агентом.

Виртуального агента, разработанного на вышеизложенной основе, назовём рефлексивным, использующим принцип Рефлексивной машины (РМ-агентом) [2].

Техническим результатом предлагаемого подхода является *способ оптимизации* двух важнейших параметров взаимодействия человека и агента, или агентов между собой, а именно – **взаимная БЕЗОПАСНОСТЬ** и **РЕНТАБЕЛЬНОСТЬ**, которые должны быть рассмотрены для следующих видов взаимоотношений партнёров:

1. Повышение **БЕЗОПАСНОСТИ** и **РЕНТАБЕЛЬНОСТИ** при взаимоотношениях *кооперации* партнёров (*при попеременном управлении человеком и автоматом общим ресурсом, жизненно важным и для человека, и для РМ-агента*). Этот способ основывается **на принципе взаимного резервирования** как *последовательной взаимной передаче* права управления общим ресурсом и *разделении рисков* между человеком-оператором и РМ-агентом (*взаимная страховка от потери общего ресурса*). Предлагаемый подход *может существенно повысить безопасность* в многочисленных случаях использования человеком программных агентов, которым ныне в автоматическом режиме полностью отдаётся управление жизненно важными для человека ресурсами (в рамках *командного принципа*), в т.ч.:

- Энергетика (атомная, гидро, тепловая)
- Транспорт (авиация, ЖД, водный транспорт, продуктопровод)
- Связь (мобильная)
- Управление военно-техническими средствами (ядерные и ракетно-космические силы)
- Управление вычислительными системами (операционные системы)
- Управление в робототехнических системах (беспилотники, движущиеся роботы, нанороботы)
- Управление сетевыми агентами, в т.ч. антивирусная безопасность
- Бизнес-управление предприятием
- Компьютерные тренажёры для автоматизированных систем управления в вышеприведенных областях, и др.

2. Повышение **РЕНТАБЕЛЬНОСТИ** и **БЕЗОПАСНОСТИ** *отдельных договоров купли-продажи, при самостоятельном управлении каждым партнёром (человеком-оператором и РМ-агентом) собственными ресурсами*, при разделении рисков и *раздельной страховке* от потери собственного ресурса, вложенного каждым партнёром в каждый отдельный договор.

Страховкой рисков по договору здесь является проверка партнёра РМ-агентом на соответствие требованиям, известным из финансового анализа, а именно: наличие *Положительной кредитной истории*, *Платёжеспособности* и *Кредитоспособности*.

Другими словами, страховка рисков здесь реализуется использованием принципа *«репутационной экономики»* во взаимоотношениях партнёров, когда каждый партнёр стремится сохранить и приумножить свою *репутацию* на рынке, даже за счёт снижения рентабельности сделки.

Предлагаемый подход может быть эффективным в следующих направлениях:

- Обучающие, воспитывающие и развивающие (дидактические и деловые) компьютерные игры (сетевые и локальные)
- Сетевой бизнес, основанный на купле-продаже (не на кооперации).

Разработанный автором и функционирующий комплекс программ подтверждает эффективность использования вышеизложенных идей, а именно в виде обучающего, воспитывающего и развивающего (дидактического и делового) компьютерного тренажёра (сетевого и локального).

Если предположить, что супервизоры операционных систем компьютеров будут дополнены агентом, спроектированным как Рефлексивная машина, то РМ-агент будет требовать, чтобы каждая программа, принимаемая на исполнение супервизором компьютера, отвечала бы принципам взаимодействия на основе *договора*, а не приказа. Для реализации данной идеи требуется разработка стандарта-протокола взаимодействия исполняемой программы и операционной системы. Идея реализуется приданием *каждой* программе некоего *паспорта*, который предварительно читался бы рефлексивным агентом супервизора при *каждом* запуске любой исполняемой программы.

И только при соответствии фактических затрат ресурсов *паспортным* рефлексивный агент принимал бы решение о продолжении исполнения программы.

Паспорт программы прикладывается в виде стандартизованного файла к каждой программе: к системной программе, к программе-приложению, и к каждой пользовательской программе.

Использование паспорта программ и их контроль РМ-агентом позволяют решать технологические задачи проверки пользователя как лица, имеющего права на запуск данной программы, и сравнения факта-счёта программы с планом-счётом. При перерасходе плана происходит приостановка исполнения программы и посылка сообщения пользователю на коррекцию плана-счёта.

В целом реализация предлагаемого подхода призвана помочь разрешить следующие принципиальные проблемы РЕНТАБЕЛЬНОСТИ и БЕЗОПАСНОСТИ компьютерных систем и сетей произвольного назначения:

- Повышение защищённости от вредоносных программ.
- Повышение «сообразительности» операционных систем, необходимой для выхода из «зависаний» вследствие «порочной» циклической логики прикладных программ, а также для рациональной подстройки операционных систем под изменяющиеся потребности пользователей.
- Повышение защищённости от нелегального использования программ.

Идея разработки стандарта-протокола изложена автором в заявке на изобретение: «Способ прерывания задач, находящихся в цикличности» (ФИПС, рег. № 2010137524). 28.07.2011 г.

Литература

1. *Тарасов В.Б.* «От многоагентных систем к интеллектуальным организациям: философия, психология, информатика». – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 352 с
2. *Гришин Е.А.* «Рефлексивная машина: модель параллельных процессов «осознания» и поведения персонажа виртуального мира». Материалы интернет-конференции «Информационно-вычислительные технологии в науке [ИВТН-2010]». http://www.ivtn.ru/2010/pdf/d10_04.pdf

ПРИНЦИПЫ САМООРГАНИЗАЦИИ В УПРАВЛЕНИИ СЛОЖНЫМИ СИСТЕМАМИ

Н.В. Даниелян

*(Московский педагогический государственный университет;
Национальный исследовательский университет “МИЭТ”)*

В философско-методологической литературе заметна ориентация на исследование функционирования и развития систем коллективной, межсубъектной деятельности. При этом в большей степени уделяется внимание формированию индивидуального субъекта как субъекта сознания и познания. Можно согласиться, например, с В.А. Лекторским в том, что субъект сознания и познания возникает лишь постольку, поскольку он выступает как участник коллективной деятельности, то есть “включается в определенную объективную систему отношений к другим субъектам и овладевает социальными способами деятельности” [1, с.180-181].

Внутреннее поле управления исследователя представляет собой довольно сложное явление, которое можно характеризовать как [2]:

- 1) динамический процесс формирования личностных ценностей, интересов, мотивов, установок и намерений;
- 2) специфический механизм приобретения личного социального опыта на основе наследственных задатков и избирательного отношения к общей и конкретной среде формирования его личности и его сознательной деятельности.

В этом смысле любая научная организация есть согласование внутренних полей управления ее сотрудников, то есть имеет место процесс управления сложной самоорганизующейся системой. Поскольку внутреннее поле исследователя целостно, динамично и исторично, то попытки описать его через наукометрические, социологические и социопсихологические инструменты без философско-методологической рефлексии приводят, как правило, к отрицательным результатам. В философии, методологии и истории науки, а также равным образом и в социологии науки, наукометрии, психологии науки, экономике науки и т.д. сегодня разработано много плодотворных идей, касающихся развития научных исследований, таких как личностные знания, программа деятельности, стиль мышления, тематический анализ, парадигма, когнитивная структура и т.д. В то же время превращение

этих знаний в практическую плоскость управления и организации научных исследований не имеет пока решения.

Данную проблему, например, можно решить, если рассматривать процесс управления отдельными системами в качестве основанного на целевых критериях. Для отдельных этапов процесса управления и для отдельных подсистем глобальная цель системы порождает локальные цели, образующие упорядоченное множество. Так, некоторая локальная цель предшествует другой локальной цели, если достижение первой есть необходимое условие достижения второй. Наличие структуры четко определенных целей обычно связано с ясной иерархией уровней управления.

В системах, управляемых по принципу целеполагания, всегда выделяются лидирующие подсистемы - те, которые ответственны за проверку соответствия поведения системы заданным целям. В этом случае уже представляется существенным, чтобы сигнализация между системами носила семантический характер, то есть, чтобы сообщения обладали инвариантным смыслом [2, с.120].

Таким образом, целостность накладывает свой отпечаток на все традиционные методы рефлексивного анализа научных данных. От теоретико-множественного подхода требуется объединение с системными представлениями о реальности; вероятностный подход к описанию поведения целостности уступает место информационно-кибернетическому. Перед последним ставится сложная задача анализа семантической информации. Необходимо найти некий эквивалент - связующее звено между описанием связности системы (ее структуры) и ее организованности (способа управления). Это позволит избежать описанных выше парадоксов, возникающих при анализе поведения целостности. Таким эквивалентным показателем может оказаться соотношение хаотических и упорядочивающих процессов. Действительно, как при описании состояния (при выявлении структурно-функциональных параметров), так и при описании организованности - последовательности состояния происходит производство хаоса и порядка. Здесь имеет место использование принципов синергетики, где накопилось много методов изучения хаотических процессов.

Рефлексия в аспекте соотношения хаоса и порядка в системе позволяет описать поведение системы с элементами, наделенными свободой воли (которая и индуцирует хаос в системе). Формирование динамического хаоса определяется неустойчивостью траектории развития событий. Происходит комбинация взаимной конкуренции событий и их синхронизации, что приводит к установлению весьма сложных структур.

Для функционирования социальной системы необходимо присутствие такого свойства элементов, ее составляющих, которое бы обеспечивало присутствие динамического хаоса как основного источника самоорганизации. Этим свойством является свобода принятия решений, обеспечивающая огромные вариации управления индивидуальным и социальным поведением индивидов, составляющих систему. Свобода воли элементов, с одной стороны, вносит в систему хаос, усиливая непредсказуемость ее поведения, а

с другой стороны - принципы управления придают процессам жестко детерминированный характер вследствие целеполагания и целеустремления.

Из всего выше изложенного можно заключить, что для создания общей схемы управления социальными системами можно принять за основу некое теоретическое “ядро”, которое в качестве базы системных законов использует основания синергетики - теории хаоса и структурообразующей роли синхронизации свободной и разнообразной активности элементов системы.

С другой стороны, синергетическое мировидение позволяет по-новому подойти к проблеме эффективного управления развитием сложных систем (когнитивных, социоприродных, экологических, географических, экономических и т.п.). С точки зрения синергетики неэффективное управление природной, когнитивной или социальной системой заключается в навязывании системе некоей формы организации, ей несвойственной, чуждой. Такое управление в лучшем случае делает все человеческие усилия тщетными, а в худшем - даже наносит настоящий вред, приводит к нежелательным и труднопоправимым кризисным состояниям. С такого рода “эффектом бумеранга” сталкивается человек, если он не принимает во внимание неоднозначные, нелинейные обратные воздействия сложноорганизованных иерархических систем на человека.

Проблема состоит в том, чтобы определять набор собственных структур, характерных для каждой открытой нелинейной системы (среды), способной к самоорганизации, а также следовать естественным тенденциям процесса саморазвития в этих структурах. Суть нового подхода к управлению заключается в том, что он ориентирован не на внешнее, а на внутреннее, на нечто имманентно присущее самой среде. Иными словами, он ориентирован не на желания, намерения, проекты субъекта экспериментальной, конструкторской, реформаторской, перестроечной и т.п. деятельности, а на собственные законы эволюции и самоорганизации сложной системы. При этом главное - не сила (величина, интенсивность, длительность, всеохватность и т.п.) управляющего воздействия, а его согласованность с собственными тенденциями самоструктурирования нелинейной среды, то есть правильная топология (пространственная и временная симметрия) этого воздействия.

Литература

1. *Лекторский В.А.* Субъект, объект, познание. - М.: Наука, 1980. - 355с.
2. *Лихин А.Ф.* О перестройке систем управления в науке.// Научный прогресс: когнитивный и социокультурный аспекты./ Отв. ред. Меркулов И.П. - М.: ИФРАН, 1993. С.180-195.
3. *Богатырева О.А.* Возможности и ограничения синергетического подхода к изучению социальности как системного явления.// Современная картина мира. Формирование новой парадигмы. Сб. статей./ Отв. ред.: Азроянц Э.А., Самохвалова В.И. - М.: Новый век, 2001. С.116-133.

ПРОБЛЕМА РЕФЛЕКСИИ В КОНТЕКСТЕ ЕЕ ПРЕДМЕТА И СОДЕРЖАНИЯ

Н.В. Дметерко

(Славянский государственный педагогический университет, г. Славянск, Украина)

1. Первоначально проблема рефлексии как мыслительного процесса, связанного с осмыслением и переосмыслением человеком опыта (собственного или общественного), была представлена в рамках философских учений. С позиций философии рефлексия рассматривается как обращенность сознания на себя; размышление над своим психическим состоянием; как мышление о мышлении.

В психологии исследования И.М. Войтика, В.В. Давидова, А.З. Зака, А.В. Карпова, В.Е. Лепского, И.С. Семенова, И.Т. Степанова, С.Л. Рубинштейна и др. презентуют понимание рефлексии как феномена, присущего именно человеческому способу существования, наличие которого определяет его качественное отличие от животного. Исследователи отмечают, что рефлексия не является врожденным, статичным образованием, для нее присущ динамизм, процессуальность, многоуровневость. Качественные изменения мышления (широта обобщений, всесторонность отражения действительности за параметром сущности; чувствительность к противоречиям; преодоление стереотипов и шаблонов) связывались с рефлексивным осмыслением субъектом собственного опыта: способа жизни, оснований собственных действий и т.д. Традиционно опыт рассматривается как результат сознательной деятельности субъекта, а, следовательно, доступный логическому осмыслению и адекватному восприятию.

2. В психологической науке недостаточно внимания уделяется необходимости рефлексивного осмысления тех аспектов опыта, образований, которые сформировались дорефлексивно, независимо от участия сознания, «внеопытным путем», и проявляются как атрибуты психического.

Положение об определяющем влиянии установки как «внеопытного психического процесса» на содержание и протекание сознательной психической деятельности субъекта, в том числе и интеллектуальной, в основном конкретизируется в теории неосознаваемой психологической установки Д.Н. Узнадзе. При этом отмечается не только эффективность действия установки на решение интеллектуальных задач в соответствующих ситуациях, но и негативное влияние, при котором блокируется поиск субъектом новых стратегий решения проблемы, а, следовательно, и возможность творческих инноваций в мыслительном процессе.

Именно на осмысление вышеназванных аспектов опыта указывает А.В. Россохин при характеристике личностной рефлексии, что предполагает ее глубинно-психологическую направленность. Личностная рефлексия рассматривается как «активный субъектный процесс порождения смыслов, основанный на уникальной способности личности к осознанию бессознательного (рефлексия нерефлексивного) – внутренней работе, приводящей к качественным изменениям ценностно-смысловых образований,

формированию новых стратегий и способов внутреннего диалога, интеграции личности в новое, более целостное состояние» [1, С. 24].

3. В настоящем сообщении при характеристике рефлексии как мыслительного (рационального) процесса познания субъектом собственной психики мы опираемся на основные положения психодинамического подхода, который разрабатывается в исследованиях ведущего украинского ученого – академика НАПН Украины Т.С. Яценко. Психодинамический подход базируется на понимании целостного феномена психики в единстве ее сознательной и бессознательной сфер. Значительным вкладом в понимание структуры психики является разработанная в рамках данной теории «Модель внутренней динамики психики». «Модель» объективирует соединение структурных компонентов психики «по вертикали» (по З.Фрейду) с линейными взаимозависимостями «по горизонтали», что способствует пониманию закономерностей ее функционирования в единстве противоречивых тенденций между сознательной и бессознательной сферами. Представленные на «Модели» линейные зависимости («по горизонтали») существуют по типу антиномии, что проявляется в единстве и соединении противоречивых тенденций, в отличие от «вертикальных», которые наполнены антагонизмом [2].

4. Согласно гипотезе Т.С. Яценко, индивидуальная неповторимость психики конкретного субъекта «...связана с дорефлексивными (внеопытными) образованиями в бессознательной сфере, которые и являются той объективной реальностью, представленной на латентном уровне в целостной психике, которая и создает субъективизм поведения. ...вся сложность познания психического в его объективной реалистичности заключается в том, что его проявление в поведении фатально обречено на субъективизм через искажения, которые продуцируют психологические защиты» [3, С.16]. Исходя из данной гипотезы, бессознательные аспекты опыта («внеопытный опыт») недоступны непосредственному познанию субъекта и остаются за границами переосмысления, однако они являются предметом глубинной рефлексии, которая становится возможной благодаря профессиональной помощи практического психолога. Опыт, который получил субъект в ранние периоды развития (на эдиповой стадии), вытесняется из сознания. Вытеснения порождают расхождения между тем, что действительно чувствует, думает субъект и тем, что он «должен» чувствовать и думать, что в дальнейшем усложняет саморефлексию. В связи с этим особое значение приобретает проблема актуализации данного вида рефлексии, решению которой способствует применение метода активного социально-психологического обучения (АСПО). Метод АСПО благодаря диалогичности катализирует рефлексию как содержания сознания субъекта, так и бессознательных аспектов опыта, что, в свою очередь, обеспечивает целостное познание психики в единстве сознательной и бессознательной сфер.

Литература

1. Россохин А.В. Рефлексия и внутренний диалог в изменённых состояниях сознания: Интерсознание в психоанализе. — М.: «Когито-Центр», 2010. — 304 с.

2. Яценко Т.С. Теорія і практика групової психокорекції: Активне соціально-психологічне навчання: Навч. посіб. – К.: Вища шк., 2004. – 679 с., іл.
3. Яценко Т.С. До проблеми пізнання індивідуальної неповторності архетипної символіки// Науковий часопис НПУ імені М.П. Драгоманова. Серія №12. Психологічні науки: Зб. наукових праць. – К.: НПУ ім. М.П. Драгоманова, 2011. - № 33 (57). – С.15-27.

ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-РЕФЛЕКСИВНОГО РАЗВИТИЯ ДОШКОЛЬНИКОВ

В.М.Дюков, Р.В. Шайхутдинова

(Красноярский гос. пед. университет, г. Красноярск)

Одной из психолого-педагогических предпосылок социокультурного проектирования развития мышления и личности учащихся является исследование их возрастных особенностей, учет которых необходим для разработки не только подлежащего усвоению содержания обучения и интериоризирующих его методов учения, но также и обеспечивающих его социально-экономическую нормативность образовательных стандартов. Обратимся в связи с этим к обобщению накопленных наукой психолого-педагогических знаний о возрастном развитии психики и личности ребенка-дошкольника, полученных современным человекознанием в результате соответствующих эмпирических и экспериментальных онтогенетических исследований. В результате проведенного нами анализа и обобщения – на основе традиционной возрастной психологии и с позиций инновационного компетентностного подхода в педагогике – психолого-педагогических данных были выделены и охарактеризованы следующие основные возрастные показатели психического развития дошкольников относительно их компетентности для предшкольного образования.

Основу возрастной периодизации составляет положение о психологическом возрасте как этапе развития ребенка, имеющем свою структуру и динамику, а также положение об амплификации детского развития, взаимосвязи всех его сторон и специфическом для каждого возраста отношении ребенка с окружающей средой.

Взаимодействие ребенка со своим социальным окружением, воспитывающим и обучающим его, определяет путь его развития, который и приводит к возникновению психологических новообразований возраста и социальной ситуации развития, являющейся типичной для данного возрастного этапа. Она обуславливает динамику и приоритетные направления психического развития ребенка.

Важнейшим направлением психического развития детей 5-6 лет является социально-эмоциональное развитие ребенка, предполагающее:

- формирование социально-духовных качеств ребенка, способствующих самореализации личности и успешной адаптации к школе;
- развитие инициативности, мыслительной деятельности, произвольности, способности к творческому самовыражению;

▪ воспитание важнейших социально-эмоциональных компетенций ребенка, устойчиво хорошее настроение, уверенность в себе, хорошо развитый самоконтроль собственного поведения, умение устанавливать дружеские отношения со сверстниками, стремление к исследованию, интерес к новым ситуациям.

В связи необходимостью социокультурного проектирования стандартов организации образования дошкольников, учитывающего особенности их психического развития, целесообразно – на основе современной психолого-педагогической науки – выделить и схематизировать (по указанным пяти образовательным областям) основные возрастные показатели компетентности детей раннего, среднего и старшего дошкольного возраста в таких основных сферах их жизнедеятельности, как: здоровье, творчество, познание, коммуникация, социум.

Учет этих возрастных компетенций жизнедеятельности дошкольников различных возрастов необходим в качестве одной из важных психолого-педагогических предпосылок для научно-исследовательского обеспечения социокультурного проектирования стандартов организации эффективного дошкольного образования.

Литература

1. Дюков В.М. Преобразующее обучение детей в МДОУ. Учебно-методическое пособие.– М.: ТЦ Сфера, 2008.– 63 с. (Серия «Образовательная»)
2. Дюков В.М., Семенов И.Н. Гуманизация дошкольного образования. М.: ТЦ Сфера, 2008 – 131 с.
3. Дюков В.М., Семенов И.Н. Мастерство и профессионализм воспитателя ДОУ. М.: ТЦ Сфера, 2008–127 с.
4. Дюков В.М., Семенов И.Н. Стратегия развития ДОУ. –М. ТЦ Сфера. 2008.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ВРАЧЕВАНИЯ: ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕФЛЕКСИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Евстифеева Е.А., Филиппченкова С.И.

(ГОУВПО Тверская государственная медицинская академия, г. Тверь)

Практики врачевания в современных реалиях изменяются, ориентируются на междисциплинарные исследования, свидетельствуют о становлении неклассической рациональности. В Тверской государственной медицинской академии в течение 12 лет на базе кафедры психологии и межвузовской научно-исследовательской психодиагностической лаборатории качества жизни и личностного проводятся междисциплинарные исследования, цель которых – верификация и экспонирование социально-психологической модели и практики врачевания. Основная цель проводимых медико-психологических исследований состоит в стимулировании и пропаганде культуры здоровья, обосновании идеи конструирования здоровья и социально-психологической модели врачевания, расширяющей возможности самореализации человека в ситуации хронического заболевания, практической их апробации, разработке практических рекомендаций для программ реабилитации и профилактики. Зондируются такие

методологические ресурсы как объяснительные возможности междисциплинарной парадигмы, конструктивистского подхода, социальной модели врачевания к здоровью в ситуациях хронических заболеваний, а также эксплицируется социально-психологическое содержание понятия «здоровье». Средствами междисциплинарного подхода проверяется валидность конструкторов «психологическое здоровье» и «социально-психологическая модель врачевания».

Психологическая часть исследований связана с задачами выявления психосоциальных факторов, стимулирующих больного к поддержанию здоровья в профилактический период, идентификации поведенческого паттерна человека в реабилитационный период хронического заболевания, с проведением социально-психологической диагностики личностных диспозиций, атрибуции ответственности, рефлексивности, доверия, идентичности, толерантности, мотивации, локуса контроля, ценностных ориентаций, самооценки, волевых качеств личности. Диагностируются основные характеристики межличностного взаимодействия пациента и врача: наличие и осознание субъектами врачевания общей и единой для всех цели совместной деятельности; самоотношение пациента к себе как к субъекту лечебного процесса; формирование определенного типа личности пациента, характеризующегося активностью, автономностью, самостоятельностью, психологической готовностью брать на себя ответственность за свое здоровье; партнерские (психологически равные) отношения между субъектами врачевания (пациентом и врачом); преобладание горизонтальных коммуникационных связей, имеющих добровольный характер и исключающих какие-либо формы принуждения; наличие и оценка обратной связи при осуществлении субъектами врачевания своих действий. Социально-психологическая модель врачевания усматривает в пациенте активную, рефлексивную фигуру, осуществляющую самоконтроль и саморегуляцию в период реабилитации и профилактики. Она формирует субъект-субъектную контингентную коммуникацию «врач-пациент». Продукт рефлексивной активности может проявиться в виде адекватной самооценки, самоконтроля, саморегуляции, психологически ожидаемого результата.

Когнитивная специфика междисциплинарных исследований задается понятиями: дополнительность, многосубъектность, субъект-субъектная коммуникация, рефлексия, диалог, конструктивизм.

Междисциплинарное знание как взаимодействие медицинского и психологического измерений позиционируется в целях создания целостной «картины здоровья», которая, в свою очередь, дает семантическую интерпретацию фактов как в медицине, так и в психологии. Так, «холистическая» парадигма в медицине связана с идеей эффективного функционирования профилактики заболеваний. Концепция «холистического» здоровья имеет дело с физическими, психологическими, профессиональными, межличностными, духовными измерениями субъектов врачевания. Являясь междисциплинарной, концепция «холистического» здоровья ориентируется на коммуникацию субъектов, производящих и потребляющих знания, диалог,

пропаганду здорового образа жизни, на лечение и профилактику заболеваний, основана на комплементарности профилактики, лечения и реабилитации. Рефлексивные коммуникации, конструирование отношений доверия, диалога субъектов врачевания – результирующие условия холизма. Междисциплинарные исследования реализуют коммуникативные ситуации понимания в диалоге «врач-пациент».

В контексте наших исследований ведущей становится идея конструирования здоровья. Человек своей деятельностью вынужден доопределять неполноту бытия, конструировать (самопреобразовывать) его по-своему, быть автором собственного здоровья. Результаты проведенных исследований приводят нас к следующей констатации. Социально-психологическая практика врачевания ориентирована на идею «холистического» здоровья, междисциплинарность, субъект-субъектные отношения, рефлексивные коммуникации, диалог, конструирование здоровья.

ГРУППОВАЯ РЕФЛЕКСИВНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

А.Л.Журавлев, Т.А.Нестик
(Институт психологии РАН, Москва)

В социальной психологии под *групповой рефлексивностью* понимается ориентация группы на анализ своей деятельности, а также на изменение этой деятельности по итогам проведенного анализа. В отечественной социальной психологии рефлексивность как групповая характеристика была выделена в качестве одного из важнейших признаков группового субъекта, наряду с взаимосвязанностью членов группы и совместной активностью [Журавлев, 2000; Журавлев, Нестик, 2010]. За рубежом понятие групповой рефлексивности было введено в научный оборот М. Вестом, предложившим понимать под ней «степень, в которой члены группы склонны к открытому обсуждению целей их совместной деятельности, используемых способов решения задач и групповых процессов, адаптируя их к ожидаемым изменениям внутренних и внешних условий» [West, 1996, p. 559].

Групповая рефлексивность включает в себя критическое осмысление результатов деятельности, поиск новых путей решения задачи, планирование и анализ совместных действий, приводящих к новому и более глубокому пониманию членами группы сложившейся ситуации [West, 1996, p. 560]. Ее составляющими можно считать регулярность совместной оценки результатов деятельности и извлечения уроков, обсуждения целей деятельности и общих проблем, претворения в жизнь договоренностей, достигнутых во время анализа совместного опыта, запрашивания обратной связи по итогам совместной деятельности [Schippers et al., 2007]. Высокорефлексивные группы характеризуются отчетливым пониманием последствий своих действий и высокой проактивностью. Напротив, низкорефлексивные группы «плывут по течению», реагируя на изменения с опозданием.

Содержанием *групповой саморефлексии* могут быть историко-биографический опыт жизни группы, ее притязания, цели и смысл существования, реальные формы совместной жизнедеятельности, потенциальные возможности и ресурсы группы, а также невозможное для группы (в силу объективных ограничений, необоснованности притязаний или внутригрупповых «табу»), или упущенное, ошибочно реализованное ею [Журавлев, 2009].

По аналогии с индивидуальной [Карпов, 2004], рефлексивность групповую можно рассматривать как: 1) совокупность групповых процессов, обеспечивающих осмысление целей, способов и результатов совместной деятельности (*групповая рефлексия*); 2) стадию групповой динамики, определенное групповое состояние, характеризующееся эмоциональной и когнитивной направленностью группы на осмысление самой себя и своей деятельности в той или иной ситуации (этап *коллективного осмысления*); 3) групповую компетенцию (собственно *групповая рефлексивность*), в которую входит способность группы к анализу своей деятельности, а также определенное отношение к самой рефлексии, в том числе готовность использовать ее результаты в совместной деятельности.

Групповая рефлексивность обладает рядом *социально-психологических особенностей, несводимых к рефлексивности индивидуальной*. Во-первых, групповая рефлексия осуществляется через межличностное и внутригрупповое взаимодействие, в котором содержание сознания одних членов группы становится доступным для анализа других. В групповой рефлексии участники совместной деятельности оказываются по отношению друг к другу «зеркалами» и «символическими орудиями» самоанализа, выполняя роль «резонаторов» и помогая друг другу увидеть себя с позиции своей роли в совместной деятельности. Во-вторых, содержанием групповой рефлексии оказывается образ «Мы» и коллективная судьба, то есть те характеристики группы и события, которые значимы для всех или большинства ее членов в силу их взаимной зависимости в прошлом, настоящем и будущем. В-третьих, групповая рефлексия тесно связана с процессами социального влияния и лидерством и несвободна от групповых эффектов, проявляющихся при совместных обсуждениях и обмене знаниями: поляризации, сдвига к риску, эффекта «общего знания», групповых защитных механизмов [Нестик, 2009].

К *социально-психологическим функциям* групповой рефлексивности, на наш взгляд, можно отнести адаптацию группы к изменениям, подготовку к разным формам совместной активности, формирование представлений о других группах и своем положении в системе социальных отношений, поддержание позитивной групповой идентичности и образа «Мы», а также освоение группой времени своего существования, то есть формирование коллективной памяти группы и совместного видения будущего.

В современной психологии феномен рефлексивности исследуется в основном на примере команд в организациях и описывается разными понятиями («коллективное понимание», «коллективное осмысление», «групповой разум», «транзакционная память»). Можно выделить несколько

основных подходов к изучению групповой рефлексивности в организационной психологии: как фактора эффективности совместной деятельности [Tjosvold et al., 2004; West et al., 2004]; как способности группы и организации к научению [Арджирис, 2004; Сенге и др., 2003; Kolb, 1984]; как совокупности приемов и техник групповой работы, позволяющих анализировать совместный опыт и управлять организационными знаниями [Коллисон, Парселл, 2006; Kerth, 2001; Larsen, 2006]; как накопленного коллективом метакогнитивного опыта, уровня коллективной «разумности» [Weick, 1995; Weick, Putnam, 2006; Weick, Roberts, 1993; Weick, Sutcliffe, 2001].

Обобщая результаты исследований групповой рефлексивности, можно выделить *социально-психологические факторы* способности группы к рефлексии и отношения к ней. К *личностным факторам* относятся уровень индивидуальной рефлексивности членов группы, особенно ее лидера; временная ориентация, открытость к новому, а также стиль научения. Поскольку предметом рефлексии часто становятся персональные и коллективные ошибки, а также негативно переживаемые события, важное значение имеет эмоциональный интеллект членов группы. Значимы приверженность участников задаче и профессии, их мотивированность на достижение результата. Среди *межличностных факторов* можно выделить уровень межличностного доверия, а также ролевую взаимную дополняемость в ходе обсуждения. К *групповым факторам* рефлексивности относится сила групповой идентичности, ценностное единство группы, динамичность ее ролевой и коммуникативной структуры, степень понимания целей деятельности, а также особенности коллективной памяти и отношения к совместному прошлому. Очевидно и то, что на разных стадиях группового развития рефлексия будет иметь разное содержание. *Межгрупповые факторы* также влияют на уровень рефлексивности, например: негативные для группы результаты межгруппового взаимодействия могут стимулировать процессы рефлексии, а позитивные - снижать ориентацию на рефлексия. Межгрупповое сравнение, выраженность интруппового фаворитизма и аутгрупповой дискриминации влияют на способность группы оценивать себя с позиции других групп. *Организационные факторы* включают ориентацию корпоративной культуры на организационное научение и обмен знаниями, наличие специально предусмотренных и регулярно используемых процедур анализа опыта и управления рисками.

Литература

1. Журавлев А.Л. Психологические особенности коллективного субъекта // Проблема субъекта в психологической науке/ Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой и В.Н. Дружинина. М.: Изд-во «Академический Проект», 2000. С. 133-150.
2. Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Психология управления совместной деятельностью: Новые направления исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.

3. *West M.A.* Reflexivity and work group effectiveness: A conceptual integration // Handbook of work group psychology/ Ed. by M.A.West. Chichester, UK: Wiley, 1996, pp. 555-579.
4. *Карпов, А.В.* Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: Изд-во Институт психологии РАН», 2004.
5. *Нестик Т.А.* Психологические аспекты управления знаниями // Инновационное развитие: Экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями/Под ред. Б.З. Мильнера. М.: ИНФРА-М, 2009. С. 590-611.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И САМОСОЗНАНИЕ В ИННОВАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ

К.П.Иванов (Волгоградский государственный университет, г. Волгоград)

Возрастание интереса к изучению проблемы деятельности обусловлено появлением новых видов социальной практики, ориентированных на инновационное развитие. Базисная проблема современной социальной практики - стремительное изменение жизнедеятельности людей и связанное с этим возрастание сложности обеспечения безопасности человека и поддержания порядка в обществе. Значительное расширение способов проектирования социальной и индивидуальной жизни привлекает внимание к вопросу о том, как сегодня в системе развитой деятельности, одним из видов которой является инновационная деятельность, формируется инновационное самосознание человека (в контексте деятельностной парадигмы).

Философская оценка деятельности всегда связывалась с особенностями господствующего общественного устроения. В этом смысле эволюция деятельностной парадигмы может быть представлена в виде последовательного и взаимосвязанного развития философского знания о деятельности в рамках классической, неклассической и постнеклассической философских традиций. В классической традиции для деятельности человека свойственно определенное противопоставление субъекта и объекта деятельности, где особое внимание субъекта сосредоточено на непосредственно противостоящем ему объекте. В неклассической традиции - особое внимание сосредоточено на объекте и на средствах взаимодействия, при этом свойства объекта фундаментальным образом зависят от них. В постнеклассической традиции внимание рассредоточено в совокупности по всем трем компонентам субъект-средства-объект. Особо значимыми для постнеклассической парадигмы деятельности становятся отказ от абсолютного критицизма, установка на доверие по отношению к субъекту, отказ от фундаментализма (нефундаменталистское понимание обоснования знания), отказ от субъектоцентризма (трактовка субъекта как продукта коммуникаций), отказ от наукоцентризма (признание многообразия форм и типов знания и их равнозначности).

Взаимное влияние указанных различных контекстов мировосприятия предполагает новую постановку вопроса о деятельности, и, в целом, переосмысление деятельностной парадигмы. Ее новый образ формируется не как отрицание предыдущего классического образа, а скорее, как новый

способ ее трактовки, где учитывались бы особенности современной социальной практики в инновационном дискурсе.

Мы исходим из максимально широкой трактовки понимание инноваций как результата и как процесса деятельности. В частности, сложился подход, где инновации рассматриваются как высокоэффективное внедренное новшество, являющееся конечным результатом интеллектуальной деятельности человека в виде новых объектов. Есть и другой подход - инновации как комплексный процесс создания, распространения и использования новшеств в целях удовлетворения человеческих потребностей. Именно человек в этом процессе должен стать целью, средством и условием, как это не парадоксально для социума. В этой связи вопрос о правомерности использования термина «дискурс» (франц. discours, англ. discourse) нам представляется правомерным. Мы используем это понятие, имея в виду специфический способ или специфические правила организации коммуникации определенного вида. В инновационном дискурсе целью коммуникации становится поощрение и повышение креативности индивида, с учетом того, что каждый индивид, включенный в инновационную деятельность, потенциально является частью целевой аудитории и ее активным элементом.

Именно эти обстоятельства определяют важность и необходимость переоценки понятия деятельность. Это связано с выходом за рамки ограничения ее характеристики только аспектом преобразования, когда осуществляется проекция субъекта на объект, а сам объект изменяется с учетом системы целей и программ. По нашему мнению, в философско-методологический анализ деятельности необходимо включение всего того, что связано с миром человеческой субъективности, понимания, диалога, способности к самоизменению. В ранг главного объекта философского анализа возводится сам человек, его индивидуальное сознание, смысл его личностного присутствия в мире. Другими словами, деятельностное отношение человека к миру должно включать в себя всю систему субъектно-объектных и субъектно-субъектных отношений (с точки зрения проявления сущностных сил человека), ориентируясь на человека (на потребителя, на сотрудников организации, на её человеческий капитал и т.д.). Формируется принципиально новый тип деятельностного взаимодействия, который демонстрирует переход от субъект-объектной парадигмы к субъект-субъектной, где субъект оказывается в принципиально новых для себя условиях, являясь уже не монопольным субъектом, а равноправным коммуникантом.

Возникает вопрос о возможности моделирования подобной ситуации. В постнеклассической науке модели и знания, которые мы получаем от них, должны быть неразрывно связаны с субъектами, которые их производят, а также с культурой, с ценностями и мотивами. Сегодня математическое моделирование здесь не решает проблемы, оно может только поддерживать эти процессы. Главными становятся модели, которые «включали» бы в себя человека, в которых основной акцент делается на субъекте. Это закономерно вызывает интерес к тому, каким образом сегодня в системе развитой

деятельности, одним из видов которой является инновационная деятельность, формируется инновационное самосознание. Вопрос о деятельностных механизмах, на основе которых может осуществляться формирование инновационного сознания, представляет собой сегодня открытую философскую проблему.

Очевидно, что самосознание возникает и существует тогда, когда человек целенаправленно «поворачивает внимание» на самого себя, свои мысли, поступки и действия, когда возникает желание быть самим собой или быть другим. Это особое деятельностное состояние сознания, которое характеризуется, как оценка, отношение к своим поступкам, поведению, мыслям, чувствам, к своему месту в судьбе, оценка себя через серию поступков в прошлом и настоящем. В этом контексте сознание только тогда становится самосознанием, когда его динамика наполняется содержанием самодвижения и саморазвития, т.е. приобретает деятельностную характеристику. В результате выстраивается следующая концептуальная «цепочка» - триада: переворот в самосознании индивида (осознание жизни других как со - переживание, со - бытие) - переворот в коммуникации (отход от потребительского общения и переход к взаимообогащению в диалоге) - и следующий элемент цепочки, переворот в предметной деятельности (уход от деструкции и переход к воспроизводству и сохранению среды обитания). Смысловая или внутренняя сторона этих изменений в том, что действие возможно, когда субъект действия вычленяет из непрерывной реальности дискретную, проблемную ситуацию (в нашем случае создание, распространение и использование новшеств), когда реальностью становится полифоническое и диалогическое сознание.

Такая реконструкция возможна при приближении теории деятельности к анализу культуры действия. Ближайшим ориентиром развития теории деятельности должно стать изучение индивидуального, личного действия - поступка, которое непосредственно не выводимо из предметного действия и несводимо к нему. К сожалению, в культуре слишком большое распространение получила иллюзорно-компенсаторная форма деятельности, в которой не хватает смысла, и не хватает сознания. Формирование инновационного самосознания становится одной из самых сложных задач по формированию образно-концептуальной модели мира. Развитие самосознания личности не может быть достигнуто без заинтересованного участия самой личности, без самодеятельности, т.е. без ее собственных усилий, направленных на «создание себя». Именно подобная смена исходного теоретического основания дает, на наш взгляд, возможность противостоять дегуманизации и технологизации жизни.

РЕФЛЕКСИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ОБЩЕМ КОНТУРЕ ПРОБЛЕМ УПРАВЛЕНИЯ

О.Н. Капелько

*(Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва)*

Анализируя российские проблемы, исследователи сходятся на существующей весьма низкой эффективности госуправления. Во многом это связано с неумением выявлять стратегические приоритеты. Осуществление государственного управления, и решение задач с ним связанных, невозможно без стратегического планирования, сама стратегия, во-первых, должна существовать, во-вторых, она должна быть четко сформулирована, в-третьих, соответствовать тенденциям мирового развития и, в-четвертых, способствовать развитию страны. Стратегию мало сформулировать, важно чтобы наличествовало понимание смысла необходимых действий для ее реализации, как у руководства, так и у населения страны основанное на четком понимании существующих социальных процессов в стране и в мире и их взаимовлиянии друг на друга, что становится возможным при применении синергетических подходов (от синергия – совместный).

Синергетика не просто позволяет рассматривать взаимовлияние социальных процессов, но и определить точки бифуркации, когда малые воздействия могут иметь очень серьезные последствия. С одной стороны в качестве основного фона мы должны рассматривать процессы мировой динамики, в первую очередь процесс истощения мировых ресурсов, особенно энергетических и связанный с ним глобальный демографический переход, то есть изменение закона роста народонаселения планеты, при котором скорость числа роста людей замедляется. Ряд учёных предсказывают стабилизацию населения мира на уровне 10÷12 млрд. человек. [1]

С другой стороны на этом фоне демография в стране является результатом многих других социальных процессов, большая часть из которых является деструктивными, в результате чего демографическое положение в России ухудшается. Пока деструктивные процессы берут верх над конструктивными, это приводит не только к демографической, см рис.1, но и к социальной деградации. Падение общей численности населения России прогнозируют все сценарии: базовый, Росстата, института демографии и ООН. Самым оптимистичным является сценарий Росстата по нему к 2025 году численность снизится до 133млн человек, к 2050 году прогнозируемая численность населения всего около 100 млн. чел. [2]

Ситуация плачевная, демографические процессы имеют инерционный характер. В этом контексте рефлексивные процессы могли бы играть существенную роль в общественной жизни с одной стороны в качестве механизмов самоорганизации, с другой – как организация информационной среды для управления. Как пишет Г.Г. Малинецкий, «Существенны не только дела и мысли, важно как мы *оцениваем* свои действия, представления о будущем и отношение к себе, другим и прошлому. Важны складывающиеся в ходе деятельности положительные и отрицательные взаимосвязи,

выбранные нами информационные потоки, по которым мы будем судить о происходящем».[3] От того, как мы представляем себе будущее то есть насколько точно мы можем представить цели и задачи управления и пути их реализации. Данная постановка вопроса не нова. Известна пословица: «Бог знает что, черт знает как», важно соотнести стратегические приоритеты и необходимую тактику их достижения.

В нашей культуре на вопрос «Что? » отвечают гуманитарные науки и, соответственно, гуманитарные технологии, а на вопрос «как?» естественнонаучные, а технические это «как» должны реализовывать. «Сшить» это в единую систему можно как раз с помощью рефлексивного управления. Но для этого осознанность и рефлексия необходимы на каждом из этапов. Наличие модели позволяет увидеть ситуацию и оценить происходящее, сделать прогноз и представить необходимые действия для реализации стратегии. Этот круг должен повторяться на каждом шагу реализации планов. Рефлексивное управление как управление создаваемыми образами реальности должно становиться приоритетным. Благодаря ему мы приходим именно туда, куда было предсказано. Этот эффект был отмечен еще в Древней Греции история Эдипа – яркое тому подтверждение. Каждая попытка избежать предсказанной судьбы являлась очередным шагом по ее реализации.

Поэтому стратегические приоритеты необходимы для дальнейшего развития. Путь использования ресурсного потенциала не просто тупиковый. Если этот путь еще как-то осуществим для стран жаркого пояса, хотя и они попадают в «мальтузианскую ловушку» но могут существовать в колониальном режиме – для России колониальная экономика является антагонистичной собственной экономике и, особенно инновационным процессам, которые только и могут стать основанием для дальнейшего развития страны.

Чтобы социальная система могла адекватно реагировать на вызовы среды, сегодня, необходима национальная система мониторинга и, соответственно, прогнозов этих вызовов, в ней должно быть отражено все необходимое, особенно по части бед, аварий и катастроф для своевременного реагирования и особенно предупреждения. Именно здесь можно говорить о рефлексивном вызове и дополнительном рефлексивном инструменте управления.

Этот инструмент получает новые возможности для совершенствования благодаря возможностям новых технологий и научных направлений? таких как кибернетика и синергетика. Хочется подчеркнуть, что именно с кибернетики началось развитие междисциплинарных подходов, которые сейчас наиболее эффективны в решении задач управления. Проблемы, которые приходится решать на государственном уровне, как правило междисциплинарны и требуют умения «соединять несоединимое», учитывая особенности существующей реальности с разных сторон.

Управление социальными системами начинается со стратегического планирования, которое позволяет определить основные цели развития. На уровне отдельной организации это выражается в формулировании миссии: «для чего мы существуем, что для нас важно» которая позволяет

формализовать основные ценности и цели развития и здесь применение рефлексивных технологий крайне важно. К сожалению, у нас до сих пор нет чётко сформулированной государственной стратегии и чётко определённой цели развития.

Одной из главных современных технологий, где рефлексивное управление не просто применимо, но позволяет обеспечить эффективное принятие управленческих решений, является создание когнитивных центров. Эти центры позволяют на программно-аппаратных комплексах и системах[математических моделей мегаполиса, региона, страны, мира; соответственно соединить алгоритмы обработки больших потоков информации, методы использования экспертного знания (при этом эксперты могут находиться в разных концах России или мира) и методы согласования интересов управляющих субъектов.

Поэтому для реализации возможностей рефлексивного управления и повышения эффективности современного управления необходимо создание сети когнитивных центров с соответствующими командами специалистов и экспертов, причём эксперты могут находиться, как уже было сказано, достаточно далеко друг от друга. Также необходимо разрабатывать и совершенствовать методики использования, как когнитивных центров, так и удалённой экспертизы, поскольку существующие механизмы согласования экспертных оценок и решений требуют дальнейшей доработки. Все вышперечисленное позволит не только использовать рефлексивные механизмы в управлении, но и повысить качество принимаемых управленческих решений и, соответственно, качество управления.

Литература

1. *Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г.* Синергетика и прогнозы будущего (Изд. 3-е) -М.: URSS, 2008. 288 с.
2. *Садовничий В.А., Акаев А.А., Коротаев А.В., Малинецкий Г.Г.* Сценарий и перспектива развития России. - М.: URSS, 2011.
3. <http://spkurdyumov.narod.ru/ahromeeva.htm>

Работа частично выполнена при поддержке гранта РФФИ №11-06-00471-а

ОСОБЕННОСТИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В НАПРАВЛЕНИИ 7-го СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА

***В.М. Капустян, В.Ф. Грязных** (ГОУ ВПО МГСУ, Москва), **Е.А. Каменев** (Инновационно-технологический центр, Москва), **К.В. Табаков** (ГОУ ВПО МФТИ, Москва), **А.С. Филюшина** (Национальный исследовательский университет – «Высшая школа экономики»)*

Интерес к субъекту инновационной деятельности растёт. Теория экономики знаний невозможна без теории потенциала креативных субъектов. В докладе обсуждена визуальная среда для работы новаторов, позволяющая им стать **качественно новыми** субъектами инновационной деятельности в рамках 7-го технологического уклада. В работах российских авторов [8] ставится задача – «Не догонять страны 6-го постиндустриального уклада, а

сразу перейти к работе по созданию нового, 7-го, *социогуманитарного* технологического уклада» и тем создать стране конкурентные преимущества». В докладе описаны возможности осуществить этот замысел. «Человеческий капитал решает всё», но загадочной остаётся проблема инноваций. Поток инженерного сознания создаёт материальные структуры, которым люди обязаны своим благополучием. Истоки же его лежат не в «доопытной готовности младенца к неправдоподобно быстрому овладению языком» [1], а в его готовности быть Творцом (Ingenieur). Чтобы у человека возникала добротная творческая инженерная интуиция, ему необходимо работать в хорошо обустроенных «знаковых обстановках». Об этих визуальных предметных опорах [2] творчества также идёт речь в данном докладе.

«Наша цивилизация под влиянием кинематографа и телевидения превратилась из логоцентрической – в видеоцентрическую» (*Арабов, кинорежиссер*). Два-три последних поколения молодых инженеров России имеют стиль мышления, «дрейфующий» в сторону богатства зрительных образов. Под влиянием фонда эффектных способов показа, у людей выработался навык быстро понимать образ на экране и новый навык - строить собственные видео-мысли. Они теперь в образном поле легко разыгрывают цепь сюжетов, приведших к данной ситуации, и цепь сюжетов «чем всё это продолжится» По сути, это новый продуктивный синоптический (прогностический) стиль мышления.

Обращаясь к истории вопроса, следует отметить, что ещё Н.Д. Кондратьев исследовал общую роль нововведений в развитии общества. На основе наблюдения экономик Англии, Франции и США. [3] он обнаружил факт существования больших циклов (40-60 лет) в их экономической динамике. В таких циклах (рис. 1) периоды подъема (около 24 лет) сменяются периодами спада (23-35 лет). На последней трети нисходящей фазы (точка перегиба *A*) в обществе царит оживление в сфере изобретений и их массовое применения, – то есть инновации. В сфере практики, однако, спад ещё продолжается. В следующей точке перегиба – *B* приложения новшеств заканчиваются.

Кондратьев выделил три исторических цикла экономической динамики: 1) 1789-1849 гг. (1789-1814 – подъем, 1814-1849 спад); 2) 1849-1896 гг. (1849-1873 – подъем, 1873-1896 спад); 3) 1896-1920 гг. – подъем. Исторические инновационные пики – 1764, 1825, 1886, 1935, 1990 гг.

Широкое применение небольшой группы значительных изобретений – инновационная революция - порождает очередной «социально-технологический уклад» (6-й уклад, в котором мы всё ещё пребываем, весь родился «в кильватере лазера, транзистора и иконоскопа»). Мир находится сейчас в окрестности точки перегиба – *A*, а в России назревает вторая индустриализация [4] и уже готовится «прыжок» в 7-й уклад.

Между точками перегиба *A* и *B* (рис. 1) располагается «период инновационной активности», между *C* и *A*, – «период застоя». Оба периода исключительно интересны. В периоде застоя скрыто много ещё не проявленных тонкостей. Здесь инновации латентно развиваются, вырываются

на свободу, и затем вершат инновационную революцию, и возникнет новый уклад, новая эпоха [5]. Особенно интересно понять, почему в период застоя нарождается новый тип предпринимателя, готового «безнадежно» инвестировать в инновации. Ведь не всякие изобретения, а лишь крупные оказывают влияние на экономическую динамику, пока в фоновом разделе «многочисленные авторы незначительных изобретений так и норовят разорить собственника!» [6].

Несомненно одно – инноватор должен видеть своё место в «мировом инновационном процессе» и возможность своего субъективного воздействия на это мировое развитие. «Инженер влияет на ход истории!» [7]. Личность преобразует действительность? А как же иначе! Инновационная деятельность – это и рефлексивная мета-деятельность, направленная на преобразование всего субъекта. Рефлексивные средства самоорганизации субъекта – основа его уверенности, а субъективация [8] – процесс превращения ИТР в хозяев своей деятельности и судьбы.

Недооценка роли личности еще недавно порождала иллюзию, что социально-экономические и научно-технические вопросы можно решить административными методами. Критическая же точка – это сумма условий для становления субъектов инновационной деятельности (СИД) в качестве субъекта экономических отношений. Успешной инновационной деятельности СИД должен соответствовать его экономический успех, - *перedel собственности в пользу продуктивного инженерного интеллекта. Если же этот процесс заблокируют финансисты, успех «инновационной экономики знаний» будет более чем сомнительным. Без зарабатывания на инновациях не будет никаких инноваций. Прыжок в 7-й уклад тоже не состоится.*

Творческая активность человека направлена на непрерывное изобретение им самого себя. Однако любой СИД в своей конкретной деятельности неумолимо приближается к «Долине Смерти». Известен факт – большинство попыток инновации не могут пройти предпоследнюю фазу жизненного цикла инновации – «применение опытной партии изделий». Подробнее о решении этой проблемы – далее, в п.3. Перечислим теперь визуальные знаковые основания уверенности инноваторов, которые должны быть созданы и будут созданы при «прыжке» в 7-й технологический уклад:

1. *«Синхронный демонстратор образов».* Когда воображением нарисован замысел, автору необходимо объяснить его коллегам. Карандаш и бумага для эскизов – вот и все инструменты общения. «Глаз всё умеет мгновенно видеть, но почти ничего невозможно быстро показать. Как никогда важна способность быстро компоновать образ» [9]. Скоро будет создан «демонстратор образов», управляемый словесно или самим глазом - через окуломоторные структуры восприятия [10]. С его помощью можно будет формировать графику почти синхронно с процессом возникновения образа в сознании. С построением таких демонстраторов возрастёт скорость творческой коммуникации.

2. *Визуализация полей и тенденций инновации.* Речь идёт о простом средстве визуализации развития в мире технологий [11].

3. *Обход «Долины Смерти» через визуализацию потенциальных связей.* Мухачев В.М. [12] изобрел простой кодификатор природных социальных и технологических процессов. Это дало возможность, кодируя патенты, затем на компьютере выявлять связи между процессами, визуально порождать сложные фрагменты сетей неких неведомых технологий и заблаговременно обдумывать их применение. Эту работу Мухачев вёл по «безотходным биосферосовместимым технологиям» и получил интересные результаты. Они весьма ценны и для инноватики. Освоение метода В.М. Мухачева устранил само понятие «Долина Смерти», ибо конструирование связей здесь, с большим запасом и загодя ведётся на ранних стадиях инновационного цикла, а не на предпоследней, где именно из-за нехватки этих связей и происходит «отторжение» нововведений.

4. *Управляемый форсированный эксперимент* – визуальная работа в окрестности рабочего процесса системы (технологии). Системный анализа основана на понятии управляемого эксперимента [13], который позволяет форсированно вырабатывать необходимые новые знания, не дожидаясь их длительного эволюционного «вызревания». Ведь любая технология имеет сеть с выраженным центральным рабочим процессом (ЦРП) [9]. Простой пример: ЦРП паровой машины – отбор энергии при расширении пара в цилиндре. Паровая машина имела свою инфраструктуру применения. Замена же в цилиндре пара на воспламененную топливную смесь породила ДВС и автомобиль с совершенно новой областью применения. Это пример того, как надо порождать инновации в любой другой области технологий – в первую очередь визуально и форсированно проработать первую окрестность ЦРП технологии.

5. *Тройная визуальная концентрация – системно-морфологический анализ и инновационные технологии.* С помощью системного анализа в сложных областях связывают понимание явлений с их тензорной сущностью. Это методология, гарантирующая контроль над ситуацией там, где с этим не справляется интуиция. В системной оценке технологий и машин, зданий, сооружений применяют несколько сотен общих критериев, и нигде объекты анализа не имеют столь обширных списков свойств. Мы полагаем, что апогей применения системного анализа в делах инновации будет достигнут, когда отделить для анализа не уединённые системы, а построят полные знаковые модели семейств систем. Методы же морфологического анализа должны обеспечить наблюдаемость выбора альтернатив при конструировании одновременно среди признаков строения, технологических процессов, в составе внешних сред и режимов, в которых предстоит работать машине. **Визуализация выбора весьма важна перед «прыжком» в 7-й уклад.** Можно охарактеризовать этот поэтапный процесс визуального наращивания как тройную концентрацию данных.

Видно, что всё подчинено единственной организующей идее: добыть данные откуда бы то ни было, но чтобы они были полезны данному конкретному семейству техники, - взяты ли они из сторонних (родственных или недружественных) проектов методами технической разведки, из патентов, прогнозов, сценариев и т.п. Изучают и приспособливают к задачам

по рассматриваемому семейству все доступные методы оптимизационных расчетов и численного моделирования, осмысливают весь набор общемашиностроительных методов и понятий, релевантных данному семейству. Всё это можно охарактеризовать как концентрацию и фокусировку данных, понятий, алгоритмов и методов на конкретное семейство машин, как на своеобразную точку. Такая визуальная концентрация даст следующие результаты. 1). Впервые будет осуществлён невиданный прежде визуальный охват данных и возникнет «новое визуальное понимающее мышление». 2). Произойдёт форсированное развитие «подвергнувшегося» эксперименту конкретного семейств изделий. Наконец, - 3). Это окажет обратное воздействие на всю совокупность примененных методов, принципов и приемов, так как они впервые будут комплексно и совместно применены к одному и тому же предмету – автономной системе знаний по всему данному семейству систем.

б. *Творчество и рутина.* Всё, что надо изобрести - предмет творчества. Все, что уже изобретено, - предмет рутины. Убыточно изобретать то, что уже кто-то изобрёл. Поэтому сознание и память конструктора впадают в противоречие: они должны быть свободна для творческих озарений и в то же время - быть заняты многочисленными инженерными фактами, чтобы сверять творческие находки с прошлыми аналогами. Чтобы знать прошлый опыт, конструктор должен очень много читать. А чтобы обгонять мировой уровень решений - много конструировать. Мы полагаем, что память конструктора будет разгружена от фактографии. Акцент в сознательном удержании фактов сместится в сторону знания методов в соответствии со сказанным Г.В.Ф. Лейбницем: *«На свете есть вещи поважнее самых прекрасных открытий - это знание методов, которыми они были сделаны».* При формировании образа замысла методы главное то, что замысел – не уходит от прототипов, но в нём должны быть и решающие принципиальные элементы новизны. Подбор прототипов не обязательно должен осуществлять инженера. Методы – его прерогатива человека. Диалог, в котором интуитивно варьируют элементы новизны замысла, с противопоставленной интуиции бесстрастной компьютерной памятью, которая «наблюдает» эти вариации и ссылается на аналоги – вот наш идеал: конструкторы получают экономное *визуальное* представление о месте их замысла в «океане» прежних решений не заходя и не с избытком («в библиотечных странствиях»), а применительно к замыслу. Новые факты будет «подстерегать» конструктора в реальном темпе творчества и поступать в его визуальное поле.

Проблемы инновационной жизни общества можно исследовать, разработав теорию развития человеческого потенциала. Полная уверенность инноватора основана на способности к интеллектуальному схватыванию законов развития, на обостренном чувстве потребностей. Визуальная направленность не только на результат, но и на процесс, даст СИД'у возможность быть надситуативным существом. Иная, визуальная включённость в творчество приведёт в условиях 7-го технологического уклада к изменениям не только в творимых объектах, но и в творящих субъектах. Недаром Томас Карлейль определял гений как *«способность беспокоиться раньше других».*

Литература

1. *Зинченко В.П.*, Сознание и творческий акт. — М.: 2010.
2. *Давыдов В.В.*, Виды обобщения в обучении (логико-психологические проблемы построения учебных предметов). — М.: Педагогика, 1972.
3. *Кондратьев Н.Д.*, Вопросы конъюнктуры. — М.: 1925. — Т.1.
4. *Потехин Н.А.*, Вторая индустриализация России. Екатеринбург, 2011.
5. *Айзенсон Р.С.* Опыт технического прогнозирования при выполнении проекта «Хиндсайт» // Научно-техническое прогнозирование для правительственных и промышленных учреждений. — М.: Прогресс, 1972. — С. 21-38.
6. *Юнгер Ф.Г.*, Совершенство техники. Машина и собственность. — СПб. 2002.
7. *Крик Э.*, Введение в инженерное дело. — М.: Энергия, 1970.
8. *Лепский В. Е.*, Рефлексивно-активные среды инновационного развития. — М.: 2010.
9. *Махотенко Ю.А.*, Конструктору о конструировании атомной техники. Системно-морфологический подход в конструировании. — М.: Атомиздат, 1981.
10. *Барабанщиков В.А.*, Окуломоторные структуры восприятия. — М.: 1997.
11. *Капустян В.М.*, Визуализация полей и тенденций инновации . М. МФТИ. — 2009г.
12. *Мухачев В.М.*, Реализация изобретений. — М.: Московский рабочий, 1981.
13. *Оптнер. Ст. Л.*, Системный анализ для решения деловых и промышленных проблем. — М.: Концепт, 2006.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИГРОВОГО ПРОСТРАНСТВА В ПРОЦЕССЕ ОДИ

В.В. Кириченко

(Днепропетровский университет экономики и права, г. Днепропетровск)

Одной из важных и трудных задач для руководителя ОДИ, игротехника, тренера, менеджера, специалиста, работающего с группой людей или с отдельным человеком, является создание пространства, в котором разворачивается последующая работа [1, 2].

Целью нашего исследование стал анализ технических приемов формирования игрового пространства в процессе ОДИ. Игра проводилась в течение пяти дней (30.03 — 03.04.2011) в рамках «Школы смд-консультирования и саморазвития» [3]. Первые два часа игры являются ключевыми для создания игрового пространства, в связи с чем, они и были выбраны для исследования и анализа [4].

Основным эмпирическим методом был контент-анализ. В качестве материала для анализа рассматривались реплики руководителя игры (РИ). Точкой отсчета для формирования игрового пространства был РИ, как управляющий процессом. Для анализа были выделены три плоскости. Первая из них задавалась осью «отдельный участник — группа участников». Вторая ось описывала коммуникативное пространство — «форма коммуникации — содержание коммуникации» («как ты говоришь», «что ты говоришь?»). Третья плоскость — определяла тематическое пространство игры — тематика проблем участников (маркетинг, смд подход - личное самоопределение каждого из участников). Дополнительно выделялись психотехнические

приемы формирования игрового пространства и управления эмоциональным состоянием отдельных участников и группы в целом.

Первый день в ОДИ-формате это всегда самоопределение и целеполагание участников игры [1]. В связи с включенностью данной игры в более широкую рамку «школы» в целом и разнообразием в составе участников одновременно задавалось два тематических фокуса для установочного доклада РИ — маркетинг и содержание смд.

Игра это всегда условность и неопределенность, когда одновременно присутствует и да и нет, условность и реальная предметность, я-реальный и я-игровой. Я знаю и я не знаю, но есть правило игры, используя которое я могу понять. Уже первая фраза РИ начинает формировать игровое пространство за счет постоянных сдвижек. И первой точкой такой сдвижки он делает самого себя: «я мечтаю - оди-форма работы», «я разбираюсь и работаю в ней 20 лет — всегда нужен кто-то кто поможет». И дальше, для каждого из участников: для И. «кто слышал — кто понял», для А. «ты понимаешь И. — с какой проблемой ты приехал», и «нападение и поддержка одновременно».

И в дальнейшем по такому же принципу в игровое пространство втягиваются новые участники и вовлекается вся группа, при этом используются вопросы на понимание («кто понял...?», «кто не понял...», «что ты не понял...») и анализ собственных действий («что ты делаешь?», «как ты это делаешь?»).

Организуя игровое пространство, управляя коммуникативным взаимодействием игроков, на материале их личных проблем и запросов, РИ разворачивал содержание игры. В процессе коммуникативного взаимодействия построенного преимущественно в форме диалога встречаются отдельные монологические включения теоретического материала, что обеспечивает необходимый уровень понимания происходящего участниками и освоение ими формата и тематики игры.

Знакомство происходило через презентацию (по форме) и оргдеятельностную форму (по содержанию). Выбор двух полюсов форма и содержание позволяет использовать прием постоянного переключения внимания, что создает неопределенность, вносит элементы условности, парадоксальности и способствует вовлечению участников в игровой процесс.

Используются провокативные техники, направленные на формирование конкурентного взаимодействия между участниками, группами участников и в отношении к самому себе, за счет чего создается не только общее игровое пространство, но и формируется слой личных игр участников.

Таким образом, формирование игрового пространства и втягивание в него потенциальных игроков происходит с использованием техник проблематизации и рефлексивного анализа. В качестве технических приемов руководителем игры используются провокативные реплики, рефлексивные вопросы, сдвижки внимания и смысловые сдвижки в рамках тех игровых пространств. В данном случае, работа одновременно охватывает как минимум в три пространства, и сдвижки происходят в направлениях: тематика игры — личная тематика участника, форма коммуникации — содержание

коммуникации, взаимодействие с отдельным участником — взаимодействие с группой в целом.

Литература

1. Пахомов Ю.В. Игротехнический букварь - М.: Школа культурной политики, 2004.- 96 с.
2. ОДИ-1 //Организационно-деятельностные игры. М.: Наследие ММК, 2006. - 720с.
3. http://smd.org.ua/novosti/reglament_uchebnoj_sessii_n_5/
4. http://smd.org.ua/rassказы/o_chem_ja_mechtaju/

ИННОВАЦИОННАЯ СЛОЖНОСТЬ: ЕЕ ЭМЕРДЖЕНТНЫЕ СВОЙСТВА И РИСКИ УПРАВЛЕНИЯ

Е.Н.Князева

(Институт философии РАН, г. Москва)

Содержание понятия инновационная сложность можно раскрыть с помощью понятий нелинейности, неустойчивости, целостности и эмерджентности. Сложная система обладает следующими характерными свойствами. 1) Сложность есть *множество элементов* системы, соединенных нетривиальными, оригинальными *связями* друг с другом. Сложность есть динамическая сеть элементов (элементы соединены по определенным правилам). 2) Сложность есть внутреннее *разнообразие* системы, разнообразие ее элементов или подсистем, которое делает ее гибкой, способной изменять свое поведение в зависимости от меняющейся ситуации. 3) Сложность есть *многоуровневость* системы (существует архитектура сложности). Сложные системы больше, чем сумма их частей любого размера, поэтому их нужно анализировать в терминах иерархии взаимодействий. В то же время и часть может быть сложнее целого (например, человек сложнее общества): часть может быть носителем всех системных качеств, но одновременно обладать и сверхсложными собственными режимами функционирования и развития. 4) Сложная система является *открытой* системой, т.е. она обменивается веществом, энергией и/или информацией с окружающей средой. Границы сложной системы порой трудно определить (видение ее границ зависит от позиции наблюдателя). 5) Сложная система – это такая система, в которой возникают *эмерджентные феномены* (явления, свойства). Эмерджентными называются новые неожиданные свойства, появляющиеся на динамическом уровне системы как целого, которые не могут быть «вычитаны» из анализа поведения отдельных элементов. Но и вещь (объект, система), ставшая частью целого, может трансформироваться и демонстрировать эмерджентные свойства. 6) Сложная система имеют *память*, для нее характерно явление *гистерезиса*, при смене режима функционирования процессы возобновляются по старым следам (прежним руслам). 7) Сложные системы регулируются петлями *обратной связи: отрицательной*, обеспечивающей восстановление равновесия, возврат к прежнему состоянию, и *положительной*, ответственной за быстрый, самоподстегивающийся рост, в ходе которого расцветает сложность.

Сложная система – это такая система, функции которой на порядок сложнее, чем ее строение. Чтобы быть эффективным, управляющее воздействие должно быть не менее сложным, чем сама управляемая система.

Еще одно важное свойство – хрупкость сложной системы. Чем сложнее система, тем она более неустойчива. Сложные системы балансируют на краю хаоса; их поведение описывается теорией самоорганизованной критичности. Сложные системы являются операционально (или организационно) замкнутыми системами. Возрастание сложности есть возрастание степени избирательности системы (в ее взаимодействии с окружающей средой, в восприятии и действии, в творчестве и т.д.).

С понятием инновационной сложности связано представление об эмерджентных свойствах систем, возникающих в ходе их эволюции. Эмерджентность нельзя понимать упрощенно: это не просто непредсказуемость появления новых свойств. Когда мы говорим о непредсказуемости и непостижимости появления нового, мы подчеркиваем только гносеологический аспект новизны. Эмерджентность, как и креативная случайность, укоренена в бытии, имеет онтологическое основание. Когда говорят, что новое возникает спонтанно, ничем не детерминировано, то подчеркивают онтологический аспект. Кроме того, эмерджентность есть несводимость, нередуцируемость свойств целого (системы) к свойствам частей (элементов или подсистем), а также несводимость более организованного к менее организованному, сложного к более простому, более высокого уровня иерархии к более низкому. Эволюция происходит скачками, на каждом витке эволюции появляются новые лидеры. Иначе говоря, в ходе эволюции имеют место фазовые переходы, эмерджентные трансформации, в которых творятся ранее неизвестные свойства. Эмерджентность – это способ рождения новизны в процессе эволюции природы и общества.

Сложные структуры строятся на *активной среде* (плазменной среде Солнца, активной среде нейронов мозга, активности жителей и предприятий в городе и т.д.). Новой концепцией, идущей от когнитивной науки, является концепция энактивности, т.е. вдействия сложной системы в среду. Сложная система изменяется, трансформируется и обновляется во взаимодействии со средой и от среды, она строит для себя свою среду, свое окружение (Umwelt), которое, в свою очередь, обратно воздействует на нее, ее определяя. Система и среда связаны петлями нелинейных обратных связей, по сути дела, они взаимно детерминируют друг друга, т.е. находятся в отношении ко-детерминации, они используют взаимно предоставленные возможности, пробуждают друг друга, со-рождаются, со-творяются, изменяются во взаимодействии и благодаря ему.

Риски, неудачи и провалы инновационных нововведений – неизбежная составляющая инновационного процесса. Инновационный процесс всегда сопровождается риском. И никто не может гарантировать, что определенная инновация обязательно приживется в природе или получит признание и распространение в обществе. Негативный опыт по производству и введению социальных инноваций имеет не меньшее значение, чем позитивный. Влияние неудачи в инновационной деятельности организации или компании

выходит далеко за пределы потери ее инвестиций. Неудача инновирования общественной структуры или организации может сопровождаться потерей морального духа сотрудников, возрастанием настроений негативизма и цинизма, большим сопротивлением к инновированию в будущем.

Инновации могут тормозиться или даже терпеть провал из-за трудностей с финансированием, отсутствия соответствующих умений и мастерства, несоответствия текущим задачам и целям деятельности. Гибкость стратегий и способность к оперативной корректировке целей должна быть вписана в инновационную деятельность.

Французский философ и социолог Эдгар Морен развивает в этой связи важное представление об *экологии действия*. Неопределенность имманентно вписана в само представление о сложности мира. Неопределенность означает незавершенность всякого процесса познавательной и практической деятельности, непредзаданность, открытость и нелинейность исхода этой деятельности. Всякое предпринимаемое нами действие определяется условиями окружающей природной и/или социальной среды и может оказаться, что оно отклонится от того направления, которое было ему первоначально задано. По его словам, «мы не можем быть уверены в том, что результат действия будет соответствовать нашим намерениям, напротив, мы в праве серьезно сомневаться в этом».

Мы вынуждены поэтому отойти от привычной линейной схемы *предпринятое действие → полученный результат*, и признать нелинейность всякого действия, точнее, нелинейность связи этого действия и его результата (последствий). Как только индивид предпринимает действие, каким бы оно ни было, оно начинает ускользать от его намерений. Это действие вливается во вселенную взаимодействий, и, в конечном счете, поглощается окружением, так что в результате может получиться даже нечто противоположное по отношению к первоначальному намерению. Часто действие возвращается бумерангом к нам самим. Поэтому социальная инновация или инновационное воздействие на общество может иметь, согласно Э. Морену, три типа непредусмотренных последствий, а именно: 1) извращенный результат (неожиданный пагубный результат более важен, чем благоприятный результат, на который возлагались надежды); 2) тщетность нововведения (чем больше изменений, тем в большей степени все остается по-прежнему); 3) достижения, подвергаемые опасности (хотели улучшить общество, но в результате удалось только подавить свободу и упразднить системы безопасности).

Первое возможное последствие нововведения означает, что отрицательный опыт – тоже опыт, не менее важный, чем позитивный, когда нам всё удастся. Второе возможное последствие с точки зрения синергетики означает, что наши управленческие воздействия были не согласованы с собственными свойствами (структурами) социальной среды или они были ниже порога ее чувствительности. Третье указанное последствие («хотели улучшить, а получили как всегда», или же даже «хотели улучшить, а в итоге только разрушили прежнюю отлаженную сложную систему»), по сути, указывает на

то, что управленческое воздействие было нерезонансным для социальной среды.

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 11-23-01005/Bel).

КАПИТАЛИЗМ И РЕФЛЕКСИЯ: К ПРОБЛЕМЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ЗНАНИЯ

*А.В.Коврига (Харьковский национальный университет им.В.Н.Каразина,
г.Харьков, Украина)*

Состояния рефлексивности и возможности построения «рефлексивно-активных сред развития» производны от базовой *инфраструктуры знания и доминирующих стратегий институционализации обществ*. Каковы инфраструктуры знания и стратегии институционализации – таковы и возможности, глубина и интенсивность рефлексивных процессов, горизонты и ограничения в построении объектов управления и, соответственно масштаб целей и тип задач развития. Специфические характеристики проблем и глубочайшие основы кризиса современного общества как раз и связаны с утратой понимания направленности и рефлексивного контроля процессов его институционализации и построения инфраструктур знания (и рефлексии).

В современном мире капитал конституирует всеобъемлющую глобальную рамку общественного развития. При помощи сложных процессов и инструментов капиталистическая *«рыночная дисциплина»* сегодня выступает доминирующей силой, правящей всеми сторонами человеческого существования. *Дисциплинарная организация наук и университетов* и соответствующее разделение труда – формирующие институциональную инфраструктуру знания, детерминируют интеллектуальную жизнь, процессы знания, рефлексии и мышления. Дисциплинарное разделение – важнейшее препятствие к пониманию – оно лимитирует возможности проблематизации и рефлексии оснований общественной организации, институтов и технологий [1, p.203]. Ещё в 1923 году Роза Люксембург отмечала: «Если бы весь народ *знал*, капиталистический режим не продержался бы и 24 часа». Ключевое в этом тезисе слово «*знать*» указывает одновременно на несколько принципиальных аспектов. Во-первых на знание как способность, во-вторых на знание как желание, и, в-третьих, на знание как *социально и институционально определяемую возможность*. Как подчёркивает Корнелиус Касториadis, «...социальный режим *мешает* народу и *знать* и *желать*. Если не считать редких случаев возникающей в какой-либо стране позитивной стихийности, любое зерно, любой росток знания и воли, проявившийся в любом месте общества, тут же заглушается, подавляется, и, в конце концов, оказывается раздавлен существующими институтами» [1, с. 202]. Доминирующие социальные институты и стратегии институционализации делают «шансы» отдельных индивидов, сообществ или корпораций на знание, волю и рефлексированные действия практически ничтожными. Рефлексия и рефлексивные процессы свершаются и

осуществляются не в социальной и когнитивной пустоте и «свободном» пространстве, но в «сплошных», институционально насыщенных и структурированных средах, заполненных определёнными материальными и идеальными предметами и субъективностями. Характер и динамика этого заполнения, его направленность и действующие способы воспроизводства наполненности определяют *что* может быть отрефлектировано, *чему* может противостоять, *от чего* может отталкиваться, и *в каком направлении* может продвигаться рефлектирующее сознание и мышление. Общественные проблемы ставятся в связи и в контексте тех целей, которые общество выдвигает в конкретно-исторической эпохе. Они формулируются в соответствии с базовой онтологией, мировоззрением или, по К.Касториадису, с «центральным полем воображаемого данной эпохи или общества, [...] всё, что для каждого общества составляет проблему..., неотделимо от его способа существования как такового, от той сущностной проблематики, которой оно наполняет мир, и от его места в этом мире» [2, с.151]. Технологические цели и задачи – тип знаний и направленность развития знаний – формулируются и плановым образом определяются доминирующими группами интересов.

Благодаря системе воображаемых значений, которые могут придавать ценность или обесценивать, структурировать объекты может быть понята ориентация общества. Маркс подчёркивал особую роль и значение *рыночного фетишизма* в функционировании капиталистической экономики: без него, как особого типа воображаемого, она невозможна, *мистифицированное сознание капиталистов* – принципиальное условие. *Капиталистический когнитивный порядок* не может работать иначе нежели культивируя и используя иллюзии индивидов. Институты капитализма отчуждающи для всех типов сообществ и групп интересов: все «классы», включая доминирующие, также находятся в ситуации отчуждения, их «контроль» институтов не является абсолютно инструментальным. «Доминирующий класс не может мистифицировать остальную часть общества своей идеологией, не мистифицируя в то же время и самого себя. Отчуждение предстаёт прежде всего как отчуждение общества от своих институтов, как автономизация институтов в отношении социума» [2, с.131]. При этом противостояние отчуждающему «овеществлению», как и всеобщая «тенденция к овеществлению» – суть фундаментальные условия функционирования капитализма – он воспроизводится лишь в той мере, в какой динамика овеществления оказывается «недореализованной». Всё это отражается в кризисах и поисках метаинститутов и структур, способных преодолеть сложившийся когнитивный порядок и выходить к *рефлексии целого* (см. например, направленность «Круглого стола» Сесила Родеса, Бильдербергского сообщества, Трёхсторонней комиссии, Давосского форума и пр.).

Фактическая темпоральность капитализма – это время постоянных изменений, кризисов, разрушения традиций и значений, периодических «катастроф». В противопоставлении традиционным и архаическим обществам, институциональное творчество и институциональная динамика *раскрыты капитализмом*. Центральное воображаемое капиталистического

общества – институционализируемая и институционализируемая квазирационализация – рефлексия, здесь «зажата в тоннель» экономической рационализации (схвачено в описании институтов капитализма Нобелевским лауреатом Оливером Уильямсоном).

В тоже время именно капитализм порождает «расширенные» условия для рефлексии, конституируя себя как нескончаемый ряд изменений, механизмов, институтов и значений. Эти последние задаются устанавливаемым капитализмом способом рефлексии и самоизменения, которые «вторгаются через капитализм». «Можно сказать, что именно капитализм порождает эту действительную историческую темпоральность, но также верно и то, что капитализм может существовать лишь через подобную темпоральность и только в качестве этой темпоральности. [...] типичное капиталистическое время – это «бесконечное» время, представленное как время нескончаемого прогресса, неограниченного роста, накопления, рационализации, завоевания природы, всё большего приближения к абсолютно точному знанию и осуществлению фантазии всемогущества» [2, с.263-264]. Импульс рефлексии и развития – тенденция рефлексии, революционизирующей сложившиеся институциональные порядки также порождение капитализма: «Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянных переворотов в орудиях производства, в его организации, а следовательно и во всех общественных отношениях. ... Постоянные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечное движение и вечная неуверенность – отличает буржуазную эпоху от всех предшествовавших. Все прочные, окаменелые отношения, с соответствующими им, истари установившимися воззрениями и представлениями, – разрушаются, все вновь образовавшиеся оказываются устарелыми прежде, чем успевают окостенеть. Всё сословное и неподвижное исчезает, всё священное оскверняется, и люди приходят, наконец, к необходимости взглянуть трезвыми глазами на свои взаимные отношения и своё жизненное положение...» [3].

Построение рефлексивно-активных сред развития в XXI веке связано с выходом за рамки дисциплинарно-предметной специализированной рефлексии, зажатой капитализмом в тоннель экономической рационализации. Как показал экономист Герман Дели эффект узко-специализированной дисциплинарно-предметной организации современных практик привёл к тому, что затраты на производство совокупного общественного богатства не покрываются и делают нас всё беднее и беднее [4]. Необходимо строить иную глобальную инфраструктуру знания, которая, как почти столетие назад, отмечал В.И.Вернадский, будет определяться «не логическими рамками дисциплин, а логическими рамками проблем» [5, С.156-161]. Однако, в отличие от стратегии построения инфраструктуры знания на основе специализированных дисциплинарно-предметных институтов, реализованной В.И.Вернадским в начале XX века, сегодня необходим иной подход. Для упорядочивания и спасительной трансформации наличного лабиринта технологий и поддерживающего их экспансию узко дисциплинарно-предметного разделения труда и режимов капиталистического накопления,

необходима новая ре-интеграция – постнеклассический университетский синтез инженерного и гуманитарного цикла знания.

Экономика знаний создаёт институционально-антропологические условия для нового типа глобальной общественной динамики знания. Она должна формироваться как технология постановки обществом проблем и преодоления одного класса проблем, институциональное закрепление результатов и способов их разрешения, обеспечение выхода на другой уровень технологического развития, цивилизации и т.д. Университет призван обеспечить освоение новыми поколениями универсума проблем, достигнутого страной и человеческой цивилизацией в целом. Если новым поколениям закрыт доступ к пониманию проблемного происхождения и истории институтов, если не обеспечено понимание устройства мира, в котором оно оказывается, то новые поколения ограничены в рефлексивных возможностях, в свободах и в творении истории. Отсюда невозможность и проблематизации того, что есть, невозможность проектирования будущего и построения новой повестки дня. Университет должен обеспечивать опережающую рефлексию, междисциплинарное знание о будущем и движение по «переднему краю».

Построение рефлексивно-активных сред развития в XXI веке будет определяться опережающими действиями университетских сообществ – необходим университет нового типа, как инфраструктура рефлексии, фундаментального и ответственного знания XXI века.

Литература

1. *Bratsis Peter*. Everyday Life and the State. Boulder, CO: Paradigm. 2006.
2. *Касториадис К.* Воображаемое установление общества. Пер. с фр./Перевод Г.Волковой, С.Офертаса. – М.: Изд. «Гнозис»/«Логос». 2003. – 480 с.
3. *К.Маркс, Ф.Энгельс.* Манифест коммунистической партии. – М.: Госполитиздат, 1955. – С.35-38.
4. *Daly, H. E. and Cobb Jr., J. B.* For the Common Good: Redirecting the Economy Toward Community, the Environment, and a Sustainable Future. Boston: Beacon. 1989.
5. *Вернадский В.И.* О государственной сети научно-исследовательских институтов. В кн.: Отчёты о деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России. – Пг.: 1917, №8. – С.147-196.

ОПЫТЫ КОМПЬЮТЕРНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА С ЭЛЕМЕНТАМИ РЕФЛЕКСИВНОГО ПОДХОДА

А.В.Колесников, С.Н.Сиренко

(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь)

Каковы шансы демократически управляемой социальной системы прийти к прогрессу? Каковы особенности эволюции системы образования и общества в целом в условиях демократии? Попробуем ответить на поставленные вопросы при помощи компьютерного эксперимента.

Алгоритм моделирования примем следующим. Пусть существует некое сообщество, первоначально состоящее из n членов. Развитие данного искусственного сообщества разобьем на условные временные циклы. В начале каждого цикла произведем n новых элементов. Каждый элемент в системе представлен двумя числами, заключенными в интервале от 0 до 1. Первое число характеризует уровень специальной профессиональной подготовки (в долях максимально возможного уровня), а второе – уровень его общенаучной подготовки.

Уровень развития количественно охарактеризуем в % особым числом (образовательным индексом), вычисляемом на основе евклидова расстояния $R_{(1,1)}$ данного индивида или в среднем всего сообщества от идеальной точки с координатами (1,1).

$$I_o = 100 \times \left(1 - \frac{R_{(1,1)}}{\sqrt{2}}\right)$$

Образовательный процесс или процесс овладения отдельными индивидами знаниями двух типов – профессиональными и общенаучными – моделируется при помощи генератора случайных чисел с задаваемыми на каждом цикле вероятностями – P_x и P_y . Данные вероятности выступают в роли основных управляющих факторов процесса.

Приоритеты, выражаемые значениями указанных управляющих вероятностей, выставляются руководителем системы на данном цикле. Руководитель выбирается демократическим путем из какого-то случайного m -элементного подмножества членов сообщества. Группа кандидатов выбирается случайно. Затем моделируется демократическое голосование. Каждый член сообщества голосует за наиболее близкого ему кандидата из числа претендентов. Победитель выбирается простым большинством голосов. Таким образом, в следующем временном цикле руководить искусственным сообществом будет кандидат в среднем наиболее близкий всем остальным членам сообщества из группы претендентов.

В начале следующего временного цикла вновь избранный руководитель корректирует политику системы образования (управляющие вероятности P_x и P_y), подгоняя их «под себя» и исходя из своего уровня образования. Затем начинается новый цикл и все повторяется, только с уже новыми значениями управляющих вероятностей. В процессе компьютерного эксперимента моделировалась эволюция сообщества из 5000 элементов на глубину 30 циклов. Начальные управляющие вероятности принимались равными 0,5.

Результаты компьютерного эксперимента (см. рис.1) позволяет утверждать, что сценарий эволюции качества образования и демократического сообщества может быть принципиально любым. Отсюда следует очень важный и фундаментальный вывод – будущее будет таким, каким мы сделаем его сегодня, и каждый из нас несет за него полную персональную ответственность. Никто и ничто не гарантирует нам прогресс, если каждый из членов общества не будет за него бороться.

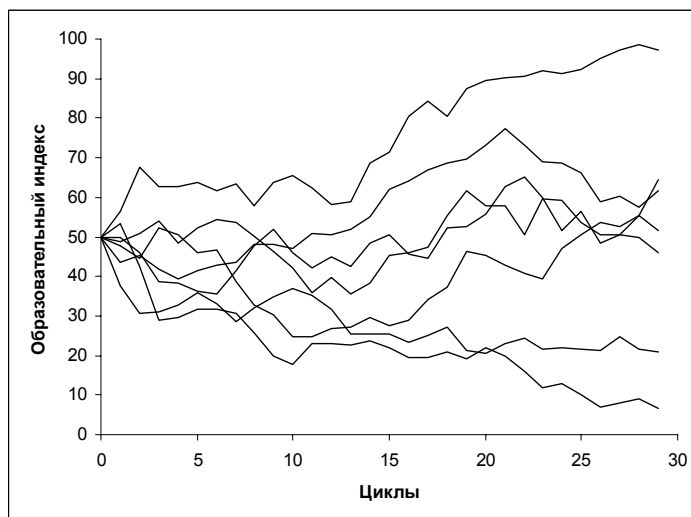
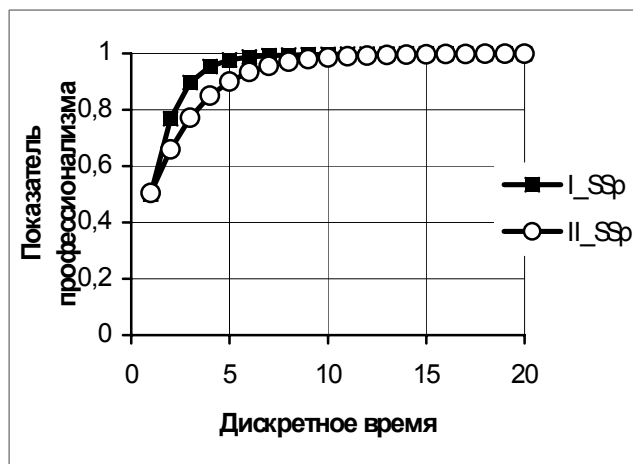
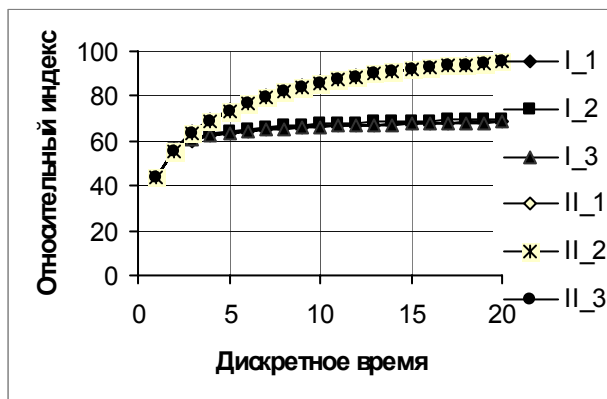


Рис. 1. Графики изменения образовательного индекса в семи наудачу выбранных опытах

В процессе следующего компьютерного эксперимента изучались два случая, когда основное внимание уделяется развитию профессиональных знаний, а все остальные компоненты усваиваются преимущественно пассивно, и когда частично за счет временных и материальных ресурсов развития профессиональных знаний уделяется некоторое внимание развитию общей культуры личности – научному мировоззрению, морально-этическому статусу, эстетическому вкусу.

Компьютерный эксперимент выполнялся для обоих наборов параметров в трех повторностях в течение двадцати циклов. Из полученных результатов следует сделать вывод, что уровень общей образованности при выборе второй генеральной образовательной парадигмы оказывается значительно выше, чем при выборе первой образовательной парадигмы, основанной на узкой специализации.

Как это не может показаться парадоксальным, но профессиональные знания в первом и во втором случае за двадцать дискретных циклов модельного времени выходит на максимальный уровень. Существенное увеличение внимания к профессиональной подготовке за счет всесторонности образования в первом случае приводит лишь к более быстрому выходу кривой роста профессиональных знаний к максимальному значению. При этом во втором случае кривая также достаточно быстро выходит на максимум. Но, в первом случае общий образовательный уровень страдает весьма существенно.



А. Кривые роста относительного образовательного индекса в компьютерном эксперименте с двумя наборами параметров первой и второй образовательной парадигмы (I, II) в трех повторностях

Б. Кривые роста профессиональных знаний в первой и второй образовательной парадигме

Рис. 2.

Таким образом, на первый взгляд столь очевидные преимущества узкой специальной подготовки в компьютерной эксперименте оказываются мнимыми. Незначительный выигрыш во времени подготовки специалиста оборачивается безнадёжным снижением качества его общенаучной и общекультурной образованности. А это обстоятельство на деле оборачивается колоссальными социальными издержками в виде снижения интеллектуального и культурного потенциала целых наций, что представляет собой угрозу для судеб всего мира. В какой-то мере именно последствия чрезмерной прагматичной профессионализации образования в наиболее развитых странах Запада и находят по глубокому убеждению автора свое выражение в современных обострившихся глобальных кризисных явлениях.

КОНЦЕПЦИЯ СТОЛКНОВЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н.А. Комлева

(Уральский федеральный университет им. Е.Б. Ельцина, г. Екатеринбург)

Концепция столкновения цивилизаций была предложена американским исследователем С. Хантингтоном в 1993 г. и развивалась им в течение полутора десятилетий до его ухода из жизни в 2008 г. В краткой форме данная концепция может быть изложена следующим образом. Хантингтон выделяет восемь цивилизаций: западную, конфуцианскую, японскую, исламскую, индуистскую, православно-славянскую, латиноамериканскую, африканскую. Основной мировой конфликт после распада СССР и мировой системы социализма – это конфликт цивилизаций. Как считает Хантингтон, наибольшая часть конфликтов после распада мировой системы социализма будет определяться культурой, а столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Конфликт цивилизаций -

завершающая фаза эволюции глобальных конфликтов. Основным конфликтом будущего явится конфликт западной и незападных цивилизаций, главным образом – ислама.

Геополитические концепции, как и любые другие научные конструкты, редко возникают «на пустом месте», вне соответствия с некоей реальной потребностью развития геополитической экспансии. В данном случае, на наш взгляд, концепция Хантингтона явилась ответом на потребность формирования «нового мирового порядка» в условиях политического распада и геополитического исчезновения СССР и мировой системы социализма, т.е. в ситуации однополярности мировой политической архитектуры.

Геополитическая борьба в любой ее форме происходит главным образом из-за ресурсов развития, каковыми в настоящее время являются как природные ресурсы, так и «человеческий капитал». Распад СССР и системы его сателлитов «освободил» для экспансии Запада прежде не освоенные им в желаемой степени географические, экономические и информационно-идеологические (культурные) пространства. В данный континуум включаются не только пространства собственно социалистических стран, но также и пространства так называемых государств некапиталистического пути развития – т.е. весь объем громадного геополитического лимитрофа СССР как одной из сверхдержав второй половины XX века. Для освоения этих пространств и их ресурсов в первой половине 90-х годов наиболее удобным инструментом являлся, да и сегодня является, исламский фактор. С одной стороны, важнейшие природные ресурсы (нефть, природный газ, разнообразные руды, гидроресурсы и т.п.) размещаются в основном в исламском секторе бывшего советского лимитрофа (северо-западная и северная Африка, юго-западная, южная и юго-восточная Азия). С другой стороны, именно присутствие исламского населения в социальной структуре России, постсоветских и постсоциалистических стран Евразии дает экспансионистам надежду посредством возбуждения сепаратизма и межконфессиональных противоречий расколоть пространства упомянутых государств и воспользоваться их ресурсами на наиболее выгодных условиях. Концепция Хантингтона, провозглашающая ислам основным врагом Запада, таким образом, представляет собой удобную теоретическую базу для обоснования экспансии западных экономических и политических структур в исламском мире, а также в геополитических пространствах России, Китая и иных стран, включающих регионы, населенные мусульманами.

Возникновение концепции «столкновения цивилизаций» в первой половине 90-х годов прошлого века не случайно и по той причине, что нужно было найти нового «врага всего цивилизованного мира» для обеспечения кооперации и единства действий в борьбе с ним за ресурсы географического пространства. Прежний враг – система социализма с доминирующей в ее пределах теорией коммунизма был повержен, идеологическое противостояние, оправдывающее войны в Корее, Вьетнаме, Анголе и любых других местах планеты, окончилось. «Столкновение цивилизаций» - прав был Хантингтон – обеспечивает практически вечное, неизменное обоснование экспансии Запада в любых ресурсных регионах мира, поскольку ислам –

только главный противник, но общая формула противостояния – the West & the Rest. **Вся планета целиком** является теперь объектом экспансии. Впервые в мировой истории единственная оставшаяся сверхдержава и ее главные союзники обладают абсолютной глобальной мощностью, не встречающей равнозначного глобального противодействия, т. е. могут навязывать свои ценности и экономические проекты своих суперкорпораций всем остальным. Теоретическим подкреплением глобальной экспансии Запада (в первую очередь экспансии его экономических корпораций) является концепция глобализации. Концепция глобализации усиливает теорию «столкновения цивилизаций». Она фактически обосновывает то, что экспансия Запада – не результат эгоистического стремления использовать в своих целях ресурсы других народов и обществ, но следствие объективного закона глобальной взаимозависимости экономик и культур. Реально существующий феномен глобализации – закономерное следствие распада мировой системы социализма, что дало возможность либеральной экономике и либеральной демократии наконец утвердиться в экономическом и политическом пространстве, ранее практически недоступном для Запада из-за доминирования в нем централизованной плановой экономики и авторитарных политических режимов.

Напомним, что основным врагом западной цивилизации Хантингтон провозглашает исламскую цивилизацию, «границы которой на протяжении тринадцати веков залиты кровью». Терракты сентября 2001 г., каков бы ни был их реальный источник, позволили дополнить теорию столкновения цивилизаций и развить ее с помощью концепции «оси зла» и конструкта международного терроризма как основной угрозы современности. «Ось зла», представленная семью «террористическими государствами» (из них пять – с доминированием исламской религии), целенаправленно разрушается Западом разнообразными способами. Любопытно, что в состав «оси» входят три государства, богатые нефтью - Ливия, Ирак и Иран - и одно государство, важное для контроля над нефтяными и газовыми сокровищами Прикаспия и Ирана – Афганистан.

Таким образом, казалось бы, далекая от сегодняшних событий научная концепция, разработанная пятнадцать лет назад, на самом деле является фактическим «руководством к действию» по обеспечению экономических интересов западных глобальных корпораций в критически важных регионах современного мира.

СИТУАЦИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОЙ РЕФЛЕКСИИ

О.А.Кондрашихина

(Севастопольский городской гуманитарный университет, Украина)

Феномен «неопределенности» неоднократно становился предметом рефлексии ученых различных научных областей – философии, экономики, теории вероятности, теории управления и менеджмента. Обзор

психологических исследований по проблеме позволил выделить следующие походы к пониманию данного феномена. Неопределенность – это:

- состояние (процесс), которое возникает в ситуации объединения изменчивости признаков двух или более психических явлений и обуславливается несоответствием фактического состояния предмета знанию о нем, несоответствием внешнего вызова нашему опыту реакции (С.Д. Максименко),
- несовпадение и противоречие ряда актуальных психологических образований на уровне субъекта (Т.В.Корнилова),
- неопределенность относительно путей и результатов решения, сложность выделения вариантов и выбора между ними, сложность выполнения, временной дефицит, проблема критериев выбора субъекта (Ю.К. Стрелков и О.И. Ларичев),
- дефицит информации о временных, пространственных и смысловых характеристиках оперативного события (Е.П. Кринчик).

В научной литературе описаны следующие виды неопределенности: П.Фресс говорит о неопределенности стимула и ответа, Е.П.Кринчик и Л.Н.Александрова – о временной и альтернативной неопределенности. С.В. Величко, Н.Е.Сергеев выделяют три типа неопределенности в принятии решений: 1) неопределенность, возникающая под воздействием случайных факторов, подчиняющихся известным объективным законам; 2) неопределенность, обусловленная воздействием случайных факторов, подчиняющихся неизвестным законам; 3) неопределенность, возникающая в конфликтных ситуациях, когда противостоящая сторона стремится помешать достичь той или иной цели. Е.Г. Луковицкая выделяет следующие виды неопределенности [3]: 1) вероятностную, эпистемологическую и полную в зависимости от состояния объекта и субъекта, 2) гетерономную и имманентную в зависимости от степени предсказуемости происходящих изменений, 3) константную, ретроспективную и перспективную неопределенность состояния какой-либо системы в зависимости от времени. С.Д.Максименко описывает неопределенность становления, квантовую неопределенность и неопределенность сведения. Кроме того, можно говорить о ситуативной (С.Д.Максименко) и экзистенциальной, ценностно-смысловой неопределенности, связанной с выбором человека в личностно-значимых ситуациях, решением моральных дилемм. Исследуется также преобладание субъективного и объективного компонентов в неопределенности (С.Д.Максименко, Т.В.Корнилова).

Неопределенность преломляется через условия, ситуации, состояние неопределенности. Значительное разнообразие существует относительно трактовки ситуации неопределенности. Ситуация - некоторая объективная совокупность элементов среды, внешние условия протекания жизнедеятельности, которые воздействуют на субъекта, задавая пространственно-временные границы реализации его активности и детерминируя его жизнедеятельность (Л.Ф.Бурлачук [2]).

Итак, ситуация неопределенности это - новая, сложная или неразрешимая ситуация (S. Budner), непредсказуемая (C.R.Berger, R.J.Calabrese), провоцирующая противоречие между когнициями (Л.Фестингер), содержащая неожиданные и комплексные стимулы (Д.Е.Берлайн), вызывающая субъективное ощущение трудности контроля ситуации (P.Bordia). Подчеркиваются трудности ее определения в связи с отсутствием готовых схем интерпретации (Р. Лазарус). В отечественной психологии ситуация неопределенности рассматривается как ситуация с неизвестными переменными (Д.А.Леонтьев) и относительной неизвестности того, что будет происходить; характеризующаяся наличием неполной информации относительно происходящего здесь и сейчас в условиях необходимости принятия решения (Е.П.Кринчик); ситуация, которая в субъективном осознании индивида строго не детерминирована ни в способах решения, ни в искомом результате (Е.А.Лустина); ситуация смыслового абсурда (Н.В.Зоткин), принципиальной неизвестности будущего (Г.М.Льдокова), ситуация, которую воспринимающий ее индивид не может категоризировать из-за недостатка информации (Е.Г.Луковицкая).

В работах ученых выделен ряд характеристик неопределенных ситуаций, к наиболее распространенным и существенным из которых можно отнести новизну, противоречивость, сложность, множественность возможностей, выборов и решений; непредсказуемость прогноза развития, воспринимаемое отсутствие причинно-следственных закономерностей, неконтролируемость – субъективную невозможность управлять развитием событий, противостоять неожиданностям, предугадать их (Е.П.Белинская).

Е.П.Кринчик приводит следующую типологию ситуаций неопределенности (в связи с проблемами трудовой деятельности в условиях неопределенности): ситуации, характеризующиеся неопределенностью относительно времени появления оперативного события, ситуации, характеризующиеся неопределенностью относительно качественных и количественных параметров оперативного события, ситуации, характеризующиеся неопределенностью относительно характера взаимосвязи и соотношений между событиями и их параметрами в оперативной ситуации.

Рассматривая ситуацию неопределенности в контексте ситуационного анализа Л.Ф.Бурлачука [1], представляется возможным предложить следующую типологию континуумов неопределенных ситуаций.

1. «явное социальное неблагополучие, жизненно опасная ситуация - оптимальное благополучие»,

2. «простота – сложность» (в соотношении ситуации с индивидуальными возможностями субъекта). Спектр ситуаций здесь от ситуаций элементарных, называемых «мелочами жизни» до проблемных и экстремально сложных, требующие от человека мобилизации всех его сил.

3. «новизна – известность» В данном реестре как совершенно новые для субъекта ситуации, так и достаточно известные и хорошо знакомые.

4. «значимость – незначимость» ситуации для жизни данного субъекта.

5. «соответствия – несоответствия» ситуации потребности самореализации субъекта.

6. «стабильности – изменчивости» ситуации.

7. континуум временной развертки ситуации: прошлые, настоящие, будущие.

8. континуум «болезнь – здоровье».

Таким образом, феномен «неопределенности» неоднократно становился предметом научной психологической рефлексии, в процессе чего выделились разнообразные дефиниции ситуаций неопределенности и их видов.

Литература

1. Бурлачук Л.Ф., Михайлова Н.Б. К психологической теории ситуации // Психологический журнал. - 2002. - Т. 23. - № 1. - С.5 – 17.
2. Корнилова Т.В. Принцип неопределенности в психологии: основания и проблемы//Психологические исследования. – 2010. - №3. Электронный ресурс: URL: <http://psystudy.ru>.
3. Луковицкая Е.Г. Неопределенность и отношение к ней: психологическое определение//Теоретические и прикладные вопросы психологии. – Вып.2, ч.2; СПбГУ. – 1996. – С.53 – 62.
4. Garrer W. K. Uncertainty and structure as psychological concepts. — N. Y., 1962.

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ НАЦИИ

А.А.Кононов (Учреждение Российской академии наук Институт системного анализа РАН, Москва)

В вышедшем в прошлом году на экраны блокбастере талантливом голливудском сценариста и режиссера Кристофера Нолана «Inception» («Вживление», в российском прокате фильм назывался «Начало») была показана гипотетическая модель использования рефлексивной технологии вживления в голову человека идеи уничтожения основы его существования – наследованного им бизнеса. В фильме словами главного героя, рефлексивного технолога в исполнении Леонардо Ди Каприо, было дано краткое, но точное описание возможности рефлексивных технологий в их воздействии на человеческую личность: «Какой самый живучий паразит? Бактерия? Вирус? Кишечный глист? Идея! Она живуча и крайне заразна! Стоит идее завладеть мозгом, избавиться от нее почти невозможно». Нас уже 20 лет пытаются убедить, что СССР рухнул из-за экономических проблем. Но как это могло произойти со страной, из которой, по словам Председателя Счетной палаты С. Степашина, в результате развала бесследно исчезли почти три триллиона рублей (по советскому курсу – почти 4 триллиона долларов) и мир заполнился сорящими деньгами русскими.

СССР был разрушен применением мощнейших рефлексивных технологий, аналогичных представленным К. Ноланом в своем фильме. С конца 1980-х годов практически все ведущие советские СМИ были заняты вживлением в сознание и подсознание советских людей идеи их собственной неполноценности (это же проделывают с жертвой в фильме К. Нолана), для чего были введены в оборот самоидентификационные термины – “совки”, “красно-коричневые”, а так же идеи, что СССР – это империя зла: в умах

советских людей создавали иллюзию того, что зло существовало и существует только в СССР. И при этом на все лады внушались иллюзии благотворности распада страны. Таким образом, в головы миллионов советских людей была внедрена и тщательно выпестована главная целевая идея - идея уничтожения основы их существования – идея расчленения их собственной страны.

Сегодня снова можно наблюдать возникновение целой когорты СМИ и аффилированных с ними, в основном неолиберально и националистически настроенных, интеллектуалов, которые активно используют рефлексивные технологии для решения аналогичных идеологических задач. Они исподволь вживляют в головы своих сограждан и выпёстывают в их сознании и подсознании, идеи неизбежности и благотворности распада России.

Как противостоять этому? Можно попытаться принять аналогичный американскому Foreign Agent Registration Act (FARA) закон о регистрации агентов влияния. Но вряд ли здесь удастся перешагнуть через принцип «что позволено Юпитеру, то не позволено быку», к тому же не факт, что внутри страны нет лиц, возомнивших, что усвоили опыт сказочного обогащения на распаде страны и желающих повторить его. Второй путь – это контрпропаганда, разоблачение всех утверждений «удобряющих почву» для развития идей благотворности распада страны. Но здесь существует негласное, распространённое среди интеллектуалов, прежде всего среди журналистов, табу на свободу слова об оппозиционной части четвертой власти – все систематически нарушающие его записываются в доносчики, «нерукопожатные», подвергаются информационной травле, моральному и репутационному уничтожению и фактической люстрации в органах СМИ. Совершенно провальными, скорее всего, в существующих условиях были бы попытки цензуры, закрытия СМИ и запретов на публикацию статей и мнений тех или иных лиц. Поэтому видится только одно по настоящему эффективное решение: рефлексивная технология противодействия – внедрение в сознание граждан нового, спасающего от идей саморазрушения, мировоззрения и новой, основанной на нем и лишенной каких-либо недостатков, идеологии, которая бы доказывала спасительность для человечества сохранения единства и непоколебимости российской нации. И сегодня есть и требуемая мировоззренческая теория – Общая теория спасения, конкурентоспособности и неуничтожимости человечества [1], и требуемая идеология - Русский неопрогрессизм [2].

Общая теория спасения, конкурентоспособности и неуничтожимости человечества (ОТН) строится на неопровержимых доказательствах существования всех - каждого человека, каждой нации, всего человечества - в катастрофически нестабильных средах и очевидном выводе о необходимости осмысления и выработки разумных реакций, в том числе, рефлексивных и идеологических, на открывшуюся реальность [3].

Одним из центральных в ОТН понятий является понятие конкурентоспособности, но не в узком смысле экономической категории, а в более широком системном понимании, как способности не стать жертвой катастрофических обстоятельств, способности не дать таким обстоятельствам

быть сильнее и ослабить или уничтожить нас, способности конкурировать с такими обстоятельствами. Именно в этом смысле чаще всего применяют термин «конкурентоспособность» политики [4]. Именно в этом смысле она используется и в лозунге, выражающем суть идеологии неопрогрессизма – «За прогресс конкурентоспособности и процветания наций, каждого человека и всего человечества!».

Главной особенностью идеологии Русского неопрогрессизма (название подчеркивает диалектическую связь с русским космизмом и прогрессизмом, который был одной из самых влиятельных идеологий в России в первые десятилетия прошлого века вплоть до октябрьской революции 1917 года) является признание особой миссии в обеспечении конкурентоспособности человечества (до той поры пока оно не станет единым, что вряд ли случится в обозримой перспективе), больших мультиэтнических наций, или, одним словом, супернаций, к числу которых относится и российская супернация. Супернации призваны сыграть ключевую роль в решении задач спасения человечества от угроз его существованию в катастрофически нестабильных средах, решение которых требует такой концентрации ресурсов, которыми не обладают малые и средние народы и страны. Это задачи научно-технического прогресса в таких областях как космическая экспансия – преодоление зависимости судьбы человечества от судьбы катастрофически нестабильных сред: планеты Земля, Солнечной системы, Галактики Млечный путь и т.д. В осмыслении и решении этих задач со времен «русских космистов» Россия всегда была лидером и вела за собой весь цивилизованный мир. И уже только поэтому любая целенаправленная деятельность по развалу России – это преступление против человечества.

Литература

1. Общая теория спасения, конкурентоспособности и неуничтожимости человечества [Электронный ресурс] // Досье на Мироздание: [сайт]. [2004]. URL:<http://www.mirozdanie.narod.ru/OTN.html> (дата обращения: 24.05.2011).
2. Новый прогрессизм (неопрогрессизм) - идеология прогресса конкурентоспособности наций и человечества [Электронный ресурс] // Досье на Мироздание: [сайт]. [2004]. URL:<http://www.mirozdanie.narod.ru/progress/progress.html> (дата обращения: 24.05.2011).
3. Кононов А.А. Задача неуничтожимости цивилизации в катастрофически нестабильной среде // Проблемы управления рисками и безопасностью: Труды Института системного анализа Российской академии наук. Т. 31 - М.: Издательство ЛКИ, 2007, стр. 252 – 265.
4. Кононов А.А. Безопасность как конкурентоспособность // Управление рисками и безопасностью: Труды Института системного анализа Российской академии наук (ИСА РАН) / Под ред. Д.С.Черешкина. – М., 2009, стр. 154 - 163.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ: ПРОГНОЗ И ОПТИМИЗАЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ АГЕНТОВ В ЗАДАЧЕ О ДИФФУЗНОЙ БОМБЕ

В.О.Корепанов

(Институт проблем управления им. В.А.Трапезникова РАН, Москва)

Задача о диффузной бомбе (задача о групповом проникновении через систему обороны) формулируется следующим образом ([1]). Пусть заданы начальные положения $(x_j(0), y_j(0))$, $j = \overline{1, K_0}$, K_0 подвижных объектов (ПО) на плоскости. Их цель – оказаться в точке с координатами (x^*, y^*) – поразить целевой объект (ЦО). Положение j -го ПО в момент времени $t \geq 0$ обозначим через $(x_j(t), y_j(t))$, его скорость – через $v_j(t) = \sqrt{(\dot{x}_j)^2 + (\dot{y}_j)^2}$, время первого попадания в точку (x^*, y^*) – через T_j . Имеются N неподвижных сенсоров с координатами (a_i, b_i) , $i = \overline{1, N}$, имеющих возможность суммировать приходящие на них в один и тот же момент времени сигналы. Расстояние от j -го ПО до i -го сенсора обозначим через $\rho_{ij}(t) = \sqrt{(x_j(t) - a_i)^2 + (y_j(t) - b_i)^2}$.

В общем случае *риск обнаружения* j -го ПО системой сенсоров описывается следующим функционалом ([2]):

$$(1) R_j = \int_0^{T_j} \sum_{i=1}^N \frac{(v_j(t))^m}{(\rho_{ij}(t))^k} dt,$$

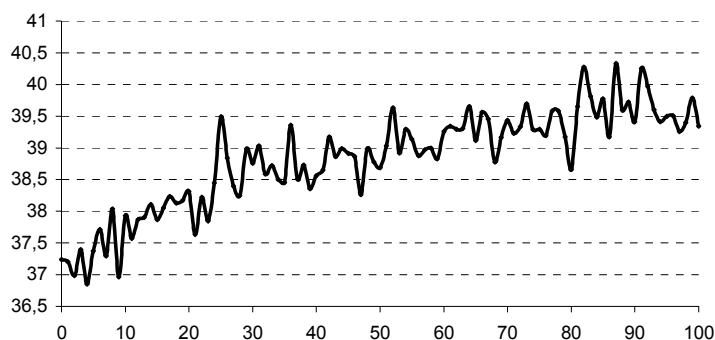
где "сигнал" на сенсоре (слагаемое в выражении (1)) зависит от скорости ПО и расстояния от последнего до сенсора.

Проводится имитационный сравнительный анализ шести вариантов поведения, различающихся «интеллектуальностью» (адаптивность, способность к рефлексии, прогнозированию и т.д.) подвижных объектов (ПО) [1].

Рефлексия используется в двух вариантах: в некооперативной модели в случае отсутствия знания о величине риска (модель VI, адаптация в смысле [3]), ПО «восстанавливают» знание области критического значения риска обнаружения (критическая область) за счёт знания модели поведения остальных ПО (стратегическая рефлексия) и их траектории; в кооперативной модели в случае зависимости величины риска от близости ПО друг к другу (модель V), используется стратегическая рефлексия для предсказания информации о положении агентов на следующем шаге.

Для этих вариантов используется рефлексивная модель коллективного поведения как в методе рефлексивных разбиений [4], целью также является рефлексивное управление – нахождение оптимальных рангов рефлексии и количества рефлексивных ПО.

Обозначим через $K^* \in \{0, 1, \dots, K_0\}$ число рефлексирующих ПО в модели V, через K – эффективность действий группы ПО – количество ПО, достигших ЦО. График зависимости $K(K^*)$ при фиксированных параметрах приведен на Рис. 1.



*Рис. 1. Зависимость эффективности K действий группы ПО от числа рефлексирующих ПО K^**

Видно, что с ростом доли рефлексирующих ПО эффективность действий группы ПО увеличивается. Более того, «выживаемость» рефлексирующих ПО выше – среднее число рефлексирующих ПО, достигших цели, больше, чем нерекфлексирующих (причем в рассматриваемой имитационной модели, например, при 200 испытаниях и равном числе рефлексирующих и нереклексирующих ПО эта оценка статистически значима).

В данном примере введение любого количества рефлексивных ПО улучшает состояние системы – количество доходящих до цели ПО увеличивается.

Рассмотрим модель VI. Пусть имеются ПО двух типов. Предположим, что все ПО в каждый момент времени знают свое текущее положение и положение цели. Дополнительно ПО первого типа в каждый момент времени знают оценки риска обнаружения, а ПО второго типа в каждый момент времени знают текущие координаты всех остальных. ПО первого типа действуют в соответствии с вариантом II, а ПО второго типа на каждом шаге сначала на основании наблюдения за движением других ПО аппроксимируют критическую область. Затем они действуют в соответствии с вариантом II. Другими словами, ПО второго типа ведут себя адаптивно. Условно можно назвать ПО первого типа «разведчиками» – они лучше информированы (и, наверное, дороже) и проводят разведку боем, добывая информацию о системе обороны для других ПО (второго типа).

На *Рис. 2* представлена зависимость числа ПО, достигших цели, от числа ПО второго типа для двух случаев – когда все ПО движутся одновременно (нижняя кривая) и когда сначала оборону преодолевают ПО первого типа, а потом уже начинают двигаться ПО второго типа (верхняя кривая). Видно, что 20-30% разведчиков обеспечивают в рассматриваемом примере почти такую же эффективность, что и использование только дорогостоящих ПО первого типа.

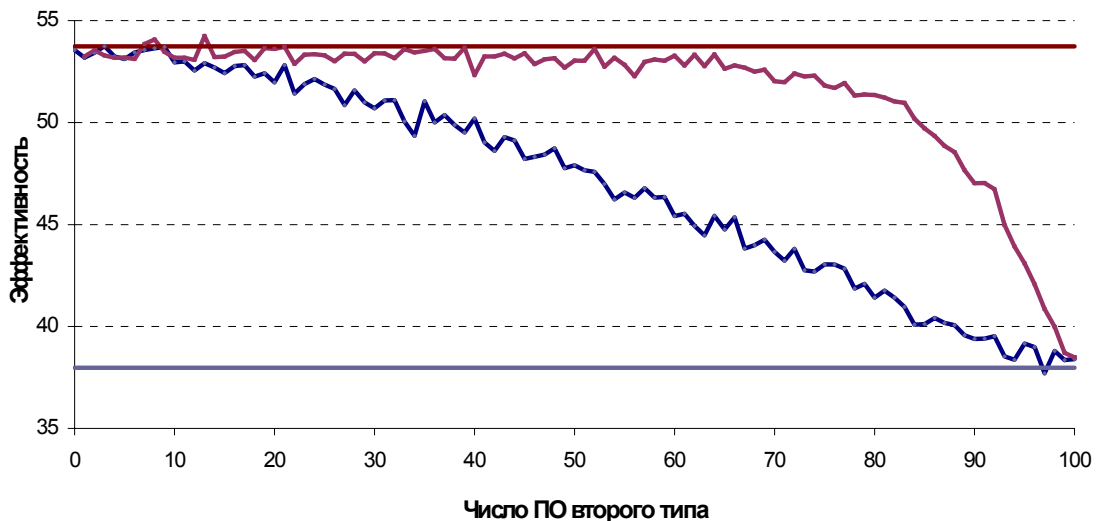


Рис. 2. Зависимость эффективности K действий группы ПО от числа ПО второго типа

Итак, для задачи о диффузной бомбе проведен имитационный сравнительный анализ шести вариантов, различающихся «интеллектуальностью» поведения ПО. Показано, что наделение ПО возможностью учёта параметров системы обороны и прогнозирования поведения других ПО повышает эффективность решения задачи о групповом проникновении через систему обороны. С другой стороны, понятно, что «платой за интеллектуальность» является рост массо-габаритных характеристик, энергетических, вычислительных и других ресурсов, которыми должны обладать ПО. Поэтому при решении каждой конкретной задачи придется оптимизировать баланс между этими критериями и собственно эффективностью проникновения через систему обороны.

Литература

1. *Корепанов В.О., Новиков Д.А.* Задача о диффузной бомбе // Проблемы управления. – 2011. – № 6. (в печати).
2. *Абрамянц Т.Г., Маслов Е.П., Яхно В.П.* Уклонение подвижного объекта от обнаружения группой наблюдателей // Проблемы управления. – 2010. – №5.– С.73–79.
3. *Новиков Д.А.* Модели адаптации команд / Управление большими системами. 2008. – № 20. – С. 57–76.
4. *Корепанов В.О., Новиков Д.А.* Метод рефлексивных разбиений в моделях группового поведения и управления // Проблемы управления. – 2011. – № 1. – С. 21–32.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 10-07-00104).

РЕФЛЕПРОЕКТИРОВАНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В МЕДИЦИНСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

*Н.Н.Костюков (Национальный исследовательский медицинский
Университет им. Н.И. Пирогова, Москва)*

Модернизация профессиональной подготовки врачей нуждается в междисциплинарном рефлексивно-проектном подходе (Н.Г.Алексеев, В.Е.Лепский, В.А.Лефевр, И.Н.Семенов, Г.П.Щедровицкий и др.), интегрирующем достижения различных наук – педагогики, философии, психологии, биологии, медицины. Нарастающий процесс дифференциации медико-биологических наук ведет к росту учебных предметов и трудностей в усвоении студентами новой информации из-за их крайней перегруженностью ее чрезмерным объемом. Ныне уже следует говорить о кризисе подготовки врачей и необходимости ее модернизации. Проведенная нами [1; 3] социокультурная рефлексия истоков этого кризиса эксплицировала три его основных причины: 1) объем информации, отраженный в учебных планах медвузов, в несколько раз превышает возможности обучаемых в его усвоении в отведенные на его изучение сроки; 2) содержание учебных планов – даже если оно будет освоено обучаемым – не дает полной ориентировки в организме человека с целью решения профессиональных врачебных задач; 3) содержание обучения должно заучиваться не механически, а осознанно усваиваться в ходе решения соответствующих учебно-профессиональных задач, т.е. через собственную познавательную (мыслительную и рефлексивную) деятельность. Согласно П.Я.Гальперину [2] дифференцируются различные типы ориентировки в предмете усвоения, что и определяют его эффективность, которую можно надежно повысить благодаря психолого-педагогическим методам планомерного формирования умственных действий и понятий. С помощью этих методов были построены учебные программы и методические пособия по множеству предметов, преподавание которых в экспериментальном обучении на порядок повысило успешность как управляемого усвоения знаний [2], так и формируемых рефлексивно-эвристических приемов решения творческих задач в различных видах профессионально-творческой деятельности (И.И.Ильясов, 1992; И.П.Калошина, 1979; И.Н.Семенов, 1979). Для того, чтобы ответить на извечный вопрос «Чему учить?» сначала мы следовали адаптационно-корректирующей стратегии совершенствования медобразования путем необходимой адаптации подхода П.Я.Гальперина для коррекции недостатков подготовки врачей, обнаружившихся с позиций теории ориентировки и системно-диалектического подхода. Затем в отличие от этого была избрана инновационно-модернизационная стратегия. Она разрабатывалась [3] по трём направлениям: 1) проработка целей подготовки врачей; 2) выделения содержания обучения (учебные планы); 3) построение способов формирования требуемых видов профессиональной деятельности на основании усвоения выделенного содержания. Выделение целей подготовки врачей вылилось в описание конкретных профессиональных ситуаций,

клинических проблем, синдромов (головная боль, зуд, нарушение пищеварения и т.д.), с которыми будущему врачу придётся встретиться в своем труде. На клиническом этапе обучения – как додипломном, так и последипломном – в качестве единицы усвоения взята клиническая проблема. Через перечень клинических проблем может быть задана цель подготовки врача определённой специальности, а умение решать их определяет уровень профессиональной компетентности врача. Этот необходимый проблемно-содержательный принцип должен быть дополнен достаточным – принципом рефлексивно-деятельностного подхода (Н.Г.Алексеев, И.Н.Семенов, Г.П.Щедровицкий и др.). Применительно к медбразованию он состоит в том, что необходимый для решения клинической проблемы материал должен излагаться не сам по себе, а он призван функционально обслуживать формируемый (по методу П.Я.Гальперина) вид деятельности, придавая ей благодаря рефлексии сознательность и осмысленность. Поскольку для врача объект деятельности – человеческий организм, то он и должен быть исследован с точки зрения поставленной цели, а именно – выделения предметного содержания обучения, которое студент мог бы качественно освоить в медвузе, что после его окончания гарантировало бы требуемый уровень профессиональной компетентности. В основу выделения предметного содержания обучения должна быть положена «собственная логика» функционирования человеческого организма как в условиях нормы, так и при патологических процессах. В данной модели отражена логика функционирования организма на различных иерархических уровнях и между ними, а также – взаимодействие этой сложной системы во времени для достижения его определенных поведенческих действий. На основании этого интегративно-целостного подхода были созданы типовые интегрированные учебные программы для всех этапов подготовки в НИМУ врачей на додипломном уровне [3]. Эти инновационные программы от традиционных предметных отличаются тем, что в своём содержании отражают не отдельные стороны изучаемого объекта (физика, химия, анатомия, физиология и т.д.), а системно эксплицируют его собственное строение и функционирование (сердечно-сосудистая, эндокринная и др. биосистемы). При этом в соответствии с рефлексивно-деятельностной педагогикой в проектируемом процессе обучения активно участвуют в рефлексивно-диалогическом взаимодействии обучающий (как носитель достижения культуры) и обучаемый (потребитель образцов культуры), который в ходе собственной деятельности (деятельности учения) осваивает элементы её содержания. В этой совместной деятельности ученика и педагога определяющая роль принадлежит педагогу. В гносеологическом плане в основу изучения той или иной системы организма – положен эволюционный принцип, а в методологическом аспекте используется диалектический, системный, деятельностный и рефлексивный подходы. Создание инновационной учебной программы состоит в глубокой межпредметной координации и системно-деятельностной интеграции естественно-научных дисциплин. Полнота содержания и организации процесса усвоения определяется рядом факторов, из которых два наиважнейших касаются схемы ориентировочной основы

деятельности – 1) эта схема должна иметь такую информацию и структуру, чтобы, ориентируясь на её содержание, все обучаемые правильно и с первого раза решали весь класс профессиональных ситуаций; 2) эта схема должна быть обязательно понята и отрефлексирована обучаемыми. В процессе предлагаемой инновационной модернизации медобразования научно-педагогическим коллективам придётся заниматься и рядом других проблем: от социокультурного и предметно-педагогического проектирования вузовского образования до его психолого-педагогического и рефлексивно-организационного сопровождения. Реализуя образовательные услуги, профессиональное образование должно иметь развивающий характер, обеспечивая в процессе учебной деятельности развитие личности учащихся посредством их культурно-нравственного воспитания, предметно-технологического обучения, формирования профессионально значимых качеств личности специалиста, его профессионально-рефлексивной и коммуникативно-деловой культуры, предметно-инновационного мышления, современных знаний, компетенций и квалификаций в соответствии с государственными образовательными стандартами (в частности, целевой подготовки студентов – будущих врачей). Исходя из этого, нами была разработана [3] система критериев полной ориентировочной основы для успешного формирования умственных действий врача, а также развития у него профессиональной рефлексии и формирования медицинских понятий для различных учебных предметов медицинского профиля. Результаты экспериментального обучения этому студентов РГМУ показали эффективность разработанных инновационно-развивающих методов планомерного формирования системы медицинского знания. В целях психолого-педагогического сопровождения переподготовки преподавателей целесообразно использовать разработанные (И.А.Савенкова, И.Н.Семенов, 2005) и апробированные на практике рефлексивно-инновационные методы (А.А.Деркач, И.Н.Семенов, С.Ю.Степанов, 1998). Они позволяют в интенсивно-игровом режиме раскрывать рефлексивно-творческий потенциал личности как важную компоненту профессионального образования.

Литература

1. Владимиров В.Г., Костюков Н.Н., Журавлев А.Г. Передача информации и рефлексия проблемы понимания в учебном процессе. М. РГМА. 2007.
2. Костюков Н.Н. Некоторые вопросы совершенствования подготовки врачей в современных условиях. Ч.1, 2. М. РГМУ. 2009.
3. Костюков Н.Н., Семенов И.Н. Психолого-педагогическая концепция модернизации профессионального образования в современном вузе //Пути, средства и возможности модернизации образовательной системы. Ч. 2. М. МПСИ. 2009.

ЛИЧНОСТНАЯ НАДЕЖНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ РЕФЛЕКСИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ И КУЛЬТУРЫ

И.А. Котик

*(Винницкий торгово-экономический институт Киевского национального
торгово-экономического университета, Украина)*

Цивилизация и культура устанавливают способы категоризации людей и определяют набор качеств, которые считаются нормальными и естественными для каждой из категорий. Общество утверждает, какие категории людей в ней возможны и нужны, создавая образцы для подражания. Одной из важных, социально культивируемых, категорий в разных исторических и современных культурах является категория *надежности* - способность к прогнозируемому поведению, связанному с реализацией социальных отношений соответственно общественным нормам и идеалам, а также с собственным ответственным выбором.

Проблеме надежности посвящены работы А.К.Астафьева, Г.А.Балла, В.А.Бодрова, Н.С.Корольчука, М.А.Котика, Г.В.Ложкина, Б.Ф.Ломова, Д.Майстера, В.Э.Мильмана, Г.С.Никифорова, В.Я.Орлова, Е.С.Протанской, В.Г.Пушкина, Н.В.Рыбаковой и др.

Надежная личность способна быть автономным носителем общечеловеческого опыта и исторически выработанных человечеством и отображенных в культуре форм поведения и деятельности. Диалектика взаимодействия надежной личности (индивидуального субъекта) и культуры (группового субъекта) состоит, на наш взгляд, в том, что культура детерминирует развитие и становление надежной личности, а надежная личность является носителем и создателем культуры. Выявлению механизмов и факторов становления и развития надежного индивидуального и группового субъектов и посвящено наше исследование.

Человек в качестве субъекта формируется и проявляется в процессе диалогического взаимодействия, в результате соотношения актуальных и исторических социокультурных норм с собственным образом внутреннего и внешнего мира. Такое соотношение возможно благодаря рефлексии – составляющей сознания, способности мыслить за другого, видеть себя и свои действия с позиции других и наоборот.

Результаты исследований механизмов рефлексии [1], недавнее открытие нейробиологами зеркальных нейронов, их свойств и функций (Д. Ридзоллатти (G.Rizzolatti), Л.Фадига (L.Fadiga), Л.Фогасси (L.Fogassi), В.Галлезе (V.Gallese), В.Рамачандран (V.Ramachandran)) подтверждают вышеизложенное.

Зеркальные нейроны (англ. mirror neurons) - нейроны головного мозга, которые возбуждаются как при выполнении определённого действия, так и при наблюдении за выполнением этого действия другим существом. У людей активность мозга, согласующаяся с поведением зеркальных нейронов, была обнаружена в лобных долях головного мозга в частях, отвечающих за реализацию двигательных функций и в теменной доле большого мозга. На этом построены все процессы имитации, копирования и, как следствие,

обучения: вы смотрите, как человек выполняет определенное действие, и пытаетесь его повторить. Основной функцией зеркальных нейронов является обучение сложному социальному поведению, элементы которого сформировали человеческую цивилизацию в том виде, в котором мы её знаем [3].

Следовательно, наблюдая и подражая поведение надежного человека, мы получаем возможность стать на его точку зрения. Посредством зеркальных нейронов мы выходим за пределы собственного сознания, сливаемся с сознанием другого человека, осознаем и перенимаем его систему построения отношений с собой, с окружающими и миром культуры и цивилизации. Подражая и имитируя действия других людей, мы очень быстро распространяем новый опыт горизонтально вдоль популяции и вертикально вдоль поколений. Находясь в рефлексивной среде надежного группового субъекта, взаимодействуя с надежными индивидуальными субъектами, мы как бы присоединяемся посредством нашим зеркальных нейронов в групповую систему зеркальных нейронов, обогащаясь и обмениваясь опытом, эмоционально понимая и принимая других как части себя, себя как части других. После стадий рефлексивного выхода и рефлексивного слияния возникает стадия рефлексивного поглощения новых связей в структуру собственной субъектной активности. Согласно разработкам В.Рамачандрана [2] природа зеркальных нейронов для разделения собственных реальных ощущений от ощущений другого предусмотрела сигнал обратной связи, перекрывающий сигнал зеркальных нейронов, в результате чего мы четко осознаем разделение с другим человеком. Подражая поведение другого человека, мы трансформируем его опыт через призму идеализированного образа культуры и цивилизации, формируя на этапе разделения собственные смысложизненные ориентации. Таким образом, имитация сложных навыков, лежащих в основании личностной надежности, определяет и надежность культуры и цивилизации.

В нашем исследовательском проекте было задействовано свыше 150 семей этнических украинцев. Анкета «Исследование личностной надёжности» содержит пять блоков: социально-демографический блок; построенный на принципе прямого и ассоциативного теста блок «Методика исследования личностного значения термина «надёжность»», направленный на выявление семантического значения личностной надёжности; блок «Ментальный образ надёжного человека», заданием которого было представить абсолютно надёжного человека и как можно точнее описать и изобразить представленное по предложенной схеме; блок «Тезаурус психологических синонимов в сфере описания и оценки поведенческих феноменов, которые отображают разные аспекты проблемы личностной надёжности»; блок «Исследование отношения к понятию «Личностная надёжность» с помощью семантического дифференциала», построенный на основании идей Ч.Осгуда.

В результате теоретико-эмпирического исследования выявлены следующие тенденции. Надежная историческая культура служит в качестве социального образца, который задает траекторию поведения человека; каждая историческая культура и цивилизация формируют определенный психотип

человека и эпохи; надёжность является одним из наиболее важных психологических измерений культуры; психологические механизмы, способствующие реализации социального контроля нормативного поведения человека, зависят от морально-этических императивов определенной культуры; уровень развития надёжности группового субъекта в целом и индивидуального субъекта в частности может не совпадать в случае расхождения между ценностно-смысловой сферой личности и этико-правовой системой социума.

Образ идеализированного образца надёжной личности формируется посредством обращения к прогрессивным деятелям человечества о обобщением их личностных черт, поступков, личностного пути; гуманистический фасилитирующий стиль отношения к детям на основании диалогического взаимодействия наиболее эффективно способствует формированию и саморазвитию личностной надёжности; процесс формирования личностной надёжности зависит от эффективности процессов социализации ребёнка, весомую роль в этом процессе играют такие социальные институты как семья, детские дошкольные заведения, общеобразовательные школы, университеты, армия и т.д.; образ надёжного человека зависит от ментальных этнокультурных и гендерных факторов.

Литература

1. *Растянников А.В., Степанов С.Ю., Ушаков Д.В.* Рефлексивное развитие компетентности в совместном творчестве. – М.: ПЕРСЭ, 2002. – 320 с.
2. *Рамачандран В.С.* Рождение разума. Загадки нашего сознания. – М.: Олимп-Бизнес, 2006. – 224 с.
3. www.ted.com/talks/lang/rus/vs_ramachandran_the_neurons_that_shaped_civilization.html

ПЕРФОРМАТИВНОСТЬ КОММУНИКАЦИИ, МЕТАДААННЫЕ И ПОРЯДКИ РЕФЛЕКСИИ

В.Ю.Кузнецов

(МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва)

Современные сообщества стремительно становятся все более информационными и коммуникативными [1], причем параллельно начинают все сильнее разворачиваться и процессы рефлексивного самоосмысления. Показательно, что все коммуникативно-информационные итерации осуществляются по необходимости в рамках одного и того же пространства (метаданные – это тоже данные, метакоммуникация – это тоже коммуникация). Это обстоятельство создает условия возможности появления парадоксов, которые могут приводить к ошибкам, сбоям, но также – и к творчеству, появлению принципиально нового. Для прослеживания соответствующих эффектов приходится учитывать телесную воплощенность коммуникативных актов, конкретную форму реализации информационных потоков. В условиях информационно-коммуникативной доступности взаимодействий (или даже их избыточности) особую ценность приобретают именно данные более высоких рефлексивных уровней (например,

релевантные и достоверные сведения о том, что стоит читать/слушать/смотреть или как эффективно и результативно выстроить отношения), позволяющие регулировать степень своего интерактивного участия.

Если считать, что рефлексией нулевого порядка или ранга [2; 3] обладает нерефлексивная предметная деятельность, то осознание и осмысление этой деятельности будет уже рефлексией первого порядка, а осознание и осмысление этого осознания и осмысления – второго и т.д. Примечательно, что для схватывания самой рефлексии любого фиксированного уровня необходима рефлексия более высокого порядка, причем рефлексия любого уровня остается для самой себя по понятным причинам невидимой – образуется своего рода лестница, находясь на которой, мы можем видеть только более низкие ступеньки, но не можем видеть ту, на которой стоим. Ясно, что сама по себе рефлексивная возгонка, уходящая в пределе в дурную бесконечность, никаких позитивных результатов принести не может. Однако, без учета многоярусных рефлексивных эффектов и возможности подключения дополнительных слоев рефлексии мы рискуем сами себя концептуально стреножить, зашорить и, тем самым, заведомо неправомерно ограничить. Поэтому задача заключается в том, чтобы последовательно и критично надстраивать рефлексивные этажи, по возможности внимательно отслеживая возникающие эффекты.

Переход от классической философии к философии неклассической и ознаменовался как раз введением еще одного специального рефлексивного этажа, обеспечивающего тематизацию и проблематизацию тех практически неосознаваемых предпосылок, установок и допущений, которые лежат в основании соответствующих концепций и задают в первую очередь осознание мыслителем самого себя. Точнее, вскрывают роль предполагаемого понимания сознания в тех выводах, которые иначе можно было бы счесть беспредпосылочными и/или абсолютными. Ведь для классики нет каких-то иерархий в рефлексии – там это просто не нужно постольку, поскольку сознание полагается непрерывным, доступным саморефлексии в любой своей точке и прозрачным для самого себя. В неклассической ситуации дело обстоит совершенно иначе – нейтральная по видимости среда, универсальное казалось бы средство само обретает массу и плотность, становится принципиально значимым и универсально важным сообщением. Поскольку неклассика уже понимает, что беспредпосылочного (по)знания не бывает, постольку именно анализ его предпосылок и становится ключом к его осмыслению.

Если отдельно и дополнительно рассматривать еще один онтологический уровень – тот, на котором высказывание совершается, – наряду с теми, которых обычно бывает достаточно для его интерпретации (причем рассматривать эти уровни как относительно независимые, хотя они и могут быть взаимосвязаны), тогда появляется возможность преодолеть ограниченность лингвистической и даже семиотической трактовки перформативности в качестве характеристики или определенных глаголов, или некоторых их употреблений, так и не находящей четких критериев

разграничения перформативного и неперформативного, а также прояснить некоторые (нетривиальные) случаи перформативных эффектов. Ведь любой коммуникативный жест должен быть выполнен, воплощен в некотором воспринимаемом действии (причем – в зависимости от ситуации – такого рода жестом вполне могут выступать и молчание, и бездействие). Обратной стороной оказывается возможность любое действие (как и его отсутствие), попадающее в сферу внимания других людей, проинтерпретировать коммуникативно. Любому сообщению (информации) требуется носитель (средство передачи), но и наоборот, любой предмет в социокультурном контексте обретает свободную (потенциально бесконечную) смысловую значимость как семиотический объект. Знаменитый тезис Маклюэна «the medium is the message», снимающий классическую бинарную оппозицию между «что» и «как» в коммуникации, фиксирует как раз важность перформативной фактичности. Собственно говоря, только неклассические стратегии философии [4] начинают последовательно учитывать влияние используемых средств на исследуемое, прослеживая перформативные эффекты производимых действий. Подобно тому как абстракция языка присутствует конкретными предложениями, ненаблюдаемые непосредственно интенции представлены реализованными коммуникативными жестами, которые складываются в сходящиеся и расходящиеся серии последовательностей и сплетаются в более или менее связную сеть.

Разворачивающаяся коммуникация распространяется по разным направлениям, вывязывая странные петли и запутывая иерархии. «Предположение, что люди могли бы или должны подчиняться Теории Логических Типов, не просто естественнонаучная ошибка; люди не делают этого не просто от беззаботности или невежества. Дело в том, что парадоксы абстрагирования должны возникать в любой коммуникации, более сложной, чем обмен сигналами состояний (mood-signals), и без этих парадоксов эволюция коммуникации закончилась бы» [5, с. 220]. Даже ограниченное, четко размеченное и нормированное общение в армии невольно смешивает уровни – так уставное «Разрешите обратиться?» наивно претендует на метакоммуникацию до всякого обращения и по поводу него...

Понимаемая в широком смысле коммуникация охватывает все формы, виды и способы взаимодействия организма со всем окружающим, выступая таким посредником/сообщением, которое в идеале должно быть настолько прозрачным, чтобы его можно было бы совершенно не замечать. Любой акт восприятия с самого начала определяется коммуникативной интенцией. Однако именно в силу своей всеохватности и незаметности коммуникация оказывается самым проблематичным условием возможности для свободы, ибо выступает одновременно также и как неодолимость. По понятным причинам никто не спрашивал нас, хотим ли мы социализироваться и инкультурировать или какой язык мы предпочли бы изучать в качестве родного, – как раз именно для того, например, чтобы появилась возможность спросить, какой язык мы хотели бы изучать в качестве иностранного... Парадокс тут в том, что обретаемая свобода тем полнее, чем сильнее мы

встроены в механизмы коммуникации, а они – в нас: именно подчинение коммуникативным принципам позволяет надеяться на свободную постановку целей и стремление к ним. При этом человеческая коммуникация обязательно включает в себя и коммуникацию по поводу коммуникации – метакоммуникацию, которая тем не менее перформативно разворачивается в том же самом коммуникативном процессе. Свободное использование коммуникативных ресурсов невозможно без рефлексивного отношения к ним, которое может проявиться прежде всего в понимании принципов действия коммуникативных актов и в выстраивании определенной иерархии уровней, что обеспечивает условия возможности для проведения стратегического маневра в коммуникации.

Литература

1. *Переслегин С.* Новые карты будущего, или Анти-Рэнд. – М.–СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2009. – 704 с.
2. *Левевр В.А.* Рефлексия. – М.: «Когито-Центр», 2003. – 496 с.
3. *Щедровицкий Г.П.* Рефлексия // Избранные труды. – М.: Школа культурной политики, 1995. – С. 485–495.
4. *Кузнецов В.Ю.* Сдвиг от классики к неклассике и наращивание порядков рефлексии в философии // Рефлексивные процессы и управление, т. 9, 2009, № 1–2.
5. *Бейтсон Г.* Экология разума. М.: Смысл, 2000. – 476 с.

КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ РЕФЛЕКСИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА

О. И. Лаптева

(Сибирская академия государственной службы, г. Новосибирск)

Концепция развития рефлексивных способностей преподавателя вуза на курсах повышения квалификации представляет собой качественно новое направление в развитии дидактики постбазового профессионального образования. Она основывается на активном взаимодействии и интеграции достижений психолого-педагогической науки и опыта профессиональной деятельности.

Основной недостаток информационно-технологической концепции обучения заключается в ее чрезмерном стремлении сформировать в сознании обучающегося отдельные готовые образцы решения профессионально значимых задач. И тогда обучающиеся получают много знаний по объему и мало с точки зрения адекватности конкретным обстоятельствам. Концепция развития рефлексивных способностей не приемлет тезис психодинамической концепции о том, что обучающийся не в состоянии действовать эффективно и оптимально, пока не достигнет высокого уровня зрелости, не освободит себя от нравственно-этических и эмоциональных конфликтов. С точки зрения сторонников концепции развития рефлексивных способностей, низкий уровень преподавания - это не следствие внутриличностных конфликтов или дефицита психолого-педагогических знаний, а недостаточная готовность и способность обучающегося применять эти знания в решении многообразных

и нестандартных задач вузовской жизни. Исходной посылкой в подобных рассуждениях является мысль о том, что в основе повышения квалификации должен лежать разнообразный опыт динамично развивающегося профессионала.

Приобретенные знания есть результат усвоения содержания науки или опыта, при этом субъективные включают в себя индивидуально пережитые и не всегда осознаваемые моменты реальной профессиональной деятельности. Эти два вида знаний представляют систему профессиональных конструктов, которые определяют осознанную или неосознанную готовность преподавателя к действиям. Выполняя роль регуляторов профессиональной деятельности, они высвобождают сознание преподавателя при исполнении уже отработанных операций в стандартных ситуациях. Как только условия деятельности меняются устаревшие конструкты превращаются в тормозящий фактор. Становится необходимой их замена, и если она происходит, то это рассматривается как процесс профессионального развития.

Основное условие, обеспечивающее замену одних профессиональных конструктов на другие, - это процесс рефлексии. Неотрефлексированная практика бесполезна и ведет не к развитию, а к профессиональной стагнации преподавателя. По этой причине, цель повышения квалификации - развитие рефлексивных способностей.

Развитие рефлексивных способностей в работе преподавателя возникает из невозможности создать универсальный справочник с готовыми советами и рекомендациями на все случаи жизни, в силу динамичности и изменчивости образовательного процесса. Поэтому преподавательская деятельность является творческой, а преподаватель - рефлекслирующим профессионалом.

В процессе повышения квалификации обучающийся учится управлять своей деятельностью в условиях неопределенности с помощью следующих основных интеллектуальных умений: видеть в ситуации проблему и оформлять ее в виде профессиональных задач; при постановке профессиональной задачи ориентироваться на студента как на активно развивающегося субъекта образовательной деятельности, имеющего собственные мотивы и цели; делать предметом анализа каждый свой профессиональный шаг; тактически мыслить, т. е. конкретизировать профессиональные задачи в поэтапные и оперативные, принимать оптимальное решение в условиях неопределенности, гибко перестраиваться по мере изменения ситуации; мыслить предположениями, гипотезами, версиями; создавать возможности для педагогического маневра; в ситуации дефицита времени принимать достойное решение выхода из трудных ситуаций; анализировать ситуацию в динамике ее развития, видеть близкие и отдаленные результаты; привлекать разнообразные теории для осмысления собственного опыта; анализировать и аккумулировать в своем опыте лучшие образцы профессиональной практики; комбинировать элементы теории и практики, чтобы получить целое, обладающее новизной знание; объективно оценивать факты и явления; аргументировано излагать свою точку зрения.

Эти ключевые умения составляют своеобразную педагогическую технологию, при помощи которой развиваются и совершенствуются

рефлексивные способности обучающегося. Развивать рефлексивные способности прямыми методами обучения нельзя. Для этого на курсах повышения квалификации обучающиеся усваивают необходимые знания и развивают рефлексивные способности в процессе деятельности, организованной как поисковая активность. От традиционной, в значительной мере алгоритмической деятельности поисковую отличает наличие сильно выраженного эвристического элемента. Эвристическая активность обучающегося, с одной стороны, строится на хорошо отработанных образовательных технологиях, а с другой - включает в себя элементы исследования, имеющего новое, чаще субъективное, знание. Смысл решения этих задач состоит в том, чтобы развить у обучающегося эффективные мыслительные навыки, с помощью которых он сможет самостоятельно скорректировать устоявшиеся представления о различных аспектах профессиональной деятельности или, напротив, заново проверив их правильность, углубить и расширить свое понимание этих представлений.

В соответствии с общей логикой поисковой деятельности строятся программы повышения квалификации преподавателей. Они включают в себя четыре основных этапа: организационно-диагностический, проектировочный, коррекционно-развивающий, контрольно-оценочный. Целевая установка на развитие рефлексивных способностей, проблемно-ориентированный характер предметного содержания программ определяют и подбор адекватных способов и приемов, которые в своей совокупности образуют два взаимосвязанных блока: диагностический и коррекционно-развивающий. Первый направлен на обучение фиксации, записи, накоплению практических и теоретических фактов с помощью наблюдения, тестирования, анкетирования, интервьюирования. Второй - на обучение анализу (самоанализу), объяснению полученных фактов, прогнозированию их возможного развития на основе собственных знаний и психолого-педагогической литературы. Он включает в себя такие методы, как дискуссия, моделирование, разработка проектов, разбор ситуаций и т. д. Как показывают результаты психолого-педагогических исследований, чем выше уровень поисковой активности преподавателя, тем шире диапазон используемых им аналитических умений и, соответственно, выше результаты образовательного процесса.

Исследования показывают, что умение преподавателем вести самостоятельно поиск, высокий уровень рефлексивных способностей существенно повышает эффективность работы преподавателя.

В центре процесса обучения на курсах повышения квалификации усиливается значение преподавателя-куратора, но усиливается в том смысле, что основным предметом внимания и заботы становятся вопросы организации поисковой активности обучающихся. С самого начала и на протяжении всего процесса повышения квалификации преподаватель-куратор призван помогать обучающимся формулировать и уточнять цели и задачи совершенствования своей практики на основе ее рефлексии; демонстрировать веру в рефлексивные способности обучающихся самостоятельно решать сложные задачи практики.

Таким образом, рефлексивные способности позволяют преподавателю, несмотря на разнообразие трудностей, сделать свою профессиональную жизнь более творческой. Надо лишь своевременно понять причины трудностей и найти выход из проблемной ситуации.

РЕФЛЕКСИЯ КАК ОДИН ИЗ МЕХАНИЗМОВ ФОРМИРОВАНИЯ ХОЛИЧНОСТИ СЛОЖНЫХ КВАНТОВЫХ СИСТЕМ

Ю.А.Лебедев

(МГТУ им. Н.Э.Баумана, Москва)

Одной из самых интригующих проблем современной квантовой механики является проблема декогеренции – распада сложных квантовых систем в результате их взаимодействия с окружающей средой. Физические аспекты этой проблемы весьма плодотворно рассматриваются В.Зуреком и многочисленными приверженцами его трактовки сути этого явления [1].

Но проблема декогеренции не сводится только к физике. Весьма важны и её философские аспекты и, прежде всего, онтологические основания и характеристики тех смешанных систем («квантовых миров»), которые образуются из суперпозиционной структуры исходной сложной квантовой системы при её взаимодействии с окружением. Как утверждает Д.Уоллес, давший обстоятельный и глубокий философский анализ понятия «квантовый мир», «не существует никакого фундаментального понятия постоянства миров во времени; все, что мы имеем - структурные сходства между частями состояния в различные моменты времени» [2].

В качестве одного из решений отмеченного Д.Уоллесом понятийного кризиса в характеристике эвереттовских миров было предложено использовать при их описании философскую категорию холичности [3].

Для учета холичности обычное квантовомеханическое уравнение для суперпозиции волновых функций подсистем сложной системы соотнесенных состояний (Ψ_s) оно должно быть дополнено, по крайней мере, ещё одним слагаемым, учитывающим несводимость свойств сложной системы к сумме свойств составляющих её элементов. Назовем это слагаемое холическим вкладом в общую волновую функцию квантовой системы и обозначим его как X_Ψ .

Очевидно, что холичность должна являться одним из первичных свойств квантовых систем, ибо само существование соотнесенного состояния ($\$$), отличного и от существования «объекта (*Об*)», и от состояния «наблюдателя (*Наб*)», реализуется за счет свойств, не присущих ни тому, ни другому индивидуально (прежде всего, «энергии связи», делающей их целостностью). Формально это можно сделать так. Для элементарного соотнесенного состояния Ψ_s :

$$\Psi_s = a\Psi_{\dot{a}} + b\Psi_{\dot{a}\dot{a}} + X_\Psi \quad (1)$$

Здесь a и b – нормировочные множители. Слагаемое X_Ψ является в общем случае сложной функцией $\Psi_{\dot{a}}$ и $\Psi_{\dot{a}\dot{a}}$.

Тогда и для произвольной суперпозиции большого числа подсистем Z , которая в эвереттике носит название альтерверса (Alt), обычное уравнение для суперпозиции волновых функций Ψ_s преобразуется к виду [3]:

$$Alt = \sum_{j=1}^{j=z} (a_j \Psi_{\dot{I}aj} + b_j \Psi_{\dot{I}a\dot{a}j}) + X_\Psi \quad (2)$$

При декогеренции система из чистого состояния (2) переходит в смешанное состояние, которое не имеет общей волновой функции. Причиной декогеренции с эвереттической точки зрения является сознание наблюдателя. При этом наблюдателем не обязательно является человек и сознание рассматривается как *физическое свойство*, порождающее классические реальности физического мира (КРФМ) [4, с. 53].

Обычно рассматривается декогеренция системы (2), в ходе которой образуется множество элементарных подсистем вида (1) с нулевой холичностью, существующих независимо друг от друга. Наличие не нулевого холического вклада X_Ψ меняет результат декогеренции: распад общей волновой функции не обязательно приводит к полной декогеренции. Гораздо чаще можно ожидать частичного распада на меньшее количество более сложных подсистем, также обладающих холическими свойствами. При этом каждая возникающая подсистема будет являться ветвью альтерверса (эвереттовским миром).

Что же обуславливает стабилизирующее влияние холичности на устойчивость сложных квантовых систем и возможность относительно длительного существования КРФМ? Продолжая рассматривать направление квантовой механики, которое включает *сознание* наблюдателя в *физическую* картину мира и наиболее целостно отражено в расширенной концепции Эверетта-Менского (РКЭМ), можно предположить, что ответственным за эту способность в соотнесенных состояниях является *осознание* наблюдателем структуры включающей его сложной квантовой системы.

Процесс осознания неизбежно приводит к возникновению рефлексии. В.А.Лефевр однозначно утверждает, что рефлексивные структуры «возникают как результат осознания» [5, с.19]. Возникновение же в системе рефлексивных структур приводит к появлению в ней холичности, которая и порождает нелинейность уравнения (1). В зависимости от конкретного вида этой нелинейности в системе могут возникать как отрицательные, так и положительные обратные связи. Первые усиливают декогеренцию, вторые её тормозят. В результате становится возможным существование динамически стабильных сложных систем КРФМ.

Сделанное предположение о физичности процесса осознания позволяет понять онтологические основания существования стабильных КРФМ.

Таким образом, введение и учет рефлексивных свойств соотнесенных состояний квантовых систем снимает понятийный кризис Д.Уоллеса и дает возможность построения математических моделей КРФМ на основании анализа холичности как математического конструкта вида $X_\Psi = F(\Psi_{\dot{I}a}, \Psi_{\dot{I}a\dot{a}})$.

Литература

1. *Zurek H. Woitech*, Decoherence and the Transition from Quantum to Classical – Los Alamos Science, Number 27, 2002 (Декогеренция и переход от квантового мира к классическому (с добавлениями автора)), перевод М.Х.Шульмана на сайте http://www.timeorigin21.narod.ru/rus_translation/Zurek.pdf).
2. *D.Wallace*, Worlds in the Everett Interpretation, Submitted on 16 Mar 2001, arXiv:quant-ph/0103092v1 (Миры в эвереттовской интерпретации, перевод А.Башкатова на сайте <http://www.everettica.org/art/CEI.pdf>)
3. *Лебедев Ю.А., Кирьянов Д.А.*, Эвереттические аспекты свойств пространства-времени, вероятности и декогеренции сложных квантовых систем, доклад на Международной научной конференции «Физические интерпретации теории относительности», Москва, 04–07 июля 2011.
4. *Лебедев Ю.А.*, Многоликое мироздание. Эвереттическая аксиоматика – М., 2009. - 269 с.
5. *Левевр В.А.* Рефлексия.- М., «Когито-Центр», 2003. – 496с.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ НЕРЕФЛЕКСИВНОЙ ШКОЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ

А.Е. Левинтов

(Московский городской педагогический университет, Москва)

Настоящее время представляет собой глобальный переход от трансляционного общества к коммуникативному. По своим масштабам это явление лежит в одном ряду с появлением в письменной речи гласных букв (финикийцы) и переходом от рыка к членораздельной речи.

Переход к коммуникативному обществу связан с крушением иерархических структур, прежде всего государственных, к замещению их сгустками и узлами интенсивности и содержательности коммуникаций, к полисетевой инфраструктуре связей и отношений, к появлению новых механизмов и регуляторов порядка, к формированию новой навигации общественных отношений.

Трансляционное общество накопило богатый капитал и опыт запуска и поддержание воспроизводственных процессов, процессов социокультурной трансляции, таких как проектирование, литургия, образование и т.п.

Самым мощным и одновременно самым консервативным институтом воспроизводственных процессов стало образование как система трансляции культурных норм и парадигм от поколения к поколению.

Из всех современных проблем системы образования наиболее неразрешимой является профессиональное отсутствие рефлексии у школьных учителей и профессорско-преподавательского состава вузов: в трансляционном образовании она была чрезмерной и потому практически находилась под запретом.

Это выражается, прежде всего, в том, что учитель\профессор априорно всегда прав, просто в силу своего положения.

Более того, он никогда не усомневает не только свою правоту, но и безусловную истинность преподаваемых им знаний, а также путь решения, метод доказательств, логику рассуждений: гораздо легче и комфортней

поверить в бесталанность учеников, чем в опечатку в ответе, размещенном в конце задачника.

Парадокс заключается в том, что физик (биолог, химик, историк) обязан и вынужден вечно сомневаться в своих знаниях, а учитель физики (биологии, химии, истории) – никогда. Исходя из этого парадокса, гибрид ученого и педагога, университетский профессор, решает только те научные задачи, на которые ответ известен заранее. В философии это приводит к вырождению философии до истории философии, что. Собственно. И составляет стандартный учебный курс по этой дисциплине.

Когда-то школьный учитель проходил в педвузе предмет «детская и педагогическая психология» и с тех пор чувствует себя психически здоровым и имеющим психологическое превосходство над учениками – в знании того, что знаниями не берется: загадочной детской души. Если человек по природе своей омоусианен (по образу Божьему), то каждый – уникален, а потому вся психология, включая детскую и педагогическую, про всех, но не про каждого, пользуется не законами, а частотностью (модальностью) практических случаев и ситуаций, следовательно, на каждое психолого-педагогическое предписание, по кривой Гаусса, следует предполагать до 30% отклонений в обе стороны от модельного поведения.

Все попытки внедрения идеи о множественности знаний в педагогической среде разбиваются о стандартный тезис-утес: «знаний может быть много, но истинное – только одно». Это лишь до какой-то степени применимо к точным наукам, в значительно меньшей степени – к естественным и совершенно неприменимо в сфере гуманитарных наук, где скорее действует правило: «знание истинно, если не единственно». В этой идее нет ничего революционного. В иудаизме оно сформулировано как основополагающий принцип комментариев в жанре перушим «элу веэлу – диврей Элоким хайим» («и это, и это – слова Б-га живого»).

Та же нерефлексирующая педагогика доминирует и дома, где авторитет родителей и, вообще, взрослых, непререкаем, где воспитание образцами собственного поведения подменяется назиданиями и проповедями, не предполагающими иного строя ценностей и этических ориентаций.

Тотально первые два десятилетия жизни человека проходят в нерефлексирующем мире – в большинстве случаев это принимается как норма и транслируется следующему поколению. Механизм воспроизводства нерефлективного воспитания, образования и обучения приводит к стандартной, особенно для нашего общества, неподготовленности молодых людей к реальной жизни, их инфантильности и патерналистским ожиданиям «государство мне должно». Дело не в том, что им дают устаревшие знания и представления (это само собой), а в том, что они не умеют рефлексировать их, а также свои решения и ошибки. Рефлексия приходит к ним (если приходит) трагически поздно.

В середине 90-х годов я был участником телевизионного ток-шоу «Я – лидер!». Сквозь это шоу прошло более трехсот политиков и общественных деятелей России, практически весь политический истеблишмент страны. Задание заключалось в том, что за минуту надо было принять решение в

весьма острой и необычной ситуации, например, в тогда еще не начавшейся войне с Чечней. Для меня как автора этих ситуаций было очевидно, что за минуту решить эту проблему невозможно. Как «серый эксперт» я предлагал участникам продолжение ситуации, усугублявшейся из-за их явно нелепого решения. Ни один участник ток-шоу а) не отказался от принятия безнадёжного решения и б) не изменил его даже после демонстрации негативных последствий принятого им решения. Любопытно, что уличные опросы, проводившиеся параллельно студийной записи ток-шоу, показывали точно такие же результаты: «человек с улицы», особо не задумываясь, предлагал решения, очень похожие на «элитные» и также упорствовал в правильности своего решения, несмотря на контраргументы в виде прогноза негативных последствий принятия такого решения.

Этот пример – иллюстрация тезиса о том, что в силу трансляционного образования в нашем обществе отсутствие рефлексии имеет массовый характер.

Разумеется, неререфлексирующие люди, то, что Ортега-и-Гассет называл массами, очень удобны для пропаганды и манипуляций, но существуют и весьма негативные последствия тотальной неререфлексирующей педагогики, как уже перечисленные, так и другие. Например, авторитаризм, укорененный в нашем обществе, тесно связан с трансляционной педагогией, с одной стороны, протезируя ей, а, с другой, питаясь ее плодами и результатами: двадцать лет безусловного послушания превращают даже бунтарей в верноподданных.

Какими средствами можно преодолеть сложившуюся систему неререфлектирующего образования?

Этих средств, увы, немного.

Первое. Отказ от парадигмы образования как воспроизводственного процесса и переход на образование как средство общественного развития.

Это может быть достигнуто, в частности, проектной организацией педагогической магистратуры, где группа студентов совместно со старшеклассниками разрабатывает проект новых предметов или курсов, а затем этот же коллектив апробирует инновацию на себе.

Кроме того, необходимо формирование новых образовательных венчурных институций, подобных бизнес-инкубатору, когда, за счет венчурного кредитования, спонсирования бизнес-ангелами или инвестиционного капитала, одновременно формируется и бизнес-команды и сами бизнесы. В этом случае предметно организованные курсы востребуются ad hoc и функционально более схожи с консалтингом, чем с традиционными видами аудиторной активности – лекциями, семинарами, лабораторными работами.

Весьма эффективным средством могут стать мастерские вокруг признанных мэтров, авторитетов и успешных личностей. В этом случае образование осуществляется демонстрационным образом, в ходе совместной деятельности.

Второе. Переход на коммуникативные методы образования: игры, имитации, симуляции, диалоги и полилоги, когда заранее известны ответы

«в конце задачника» принципиально нет, когда рефлексивное сопровождение образовательного процесса неизбежно и обязательно: «И помни весь путь, которым вёл тебя Господь» (Втор. 8:2)

Это средство направлено также на отказ от идеи единственности знаний и признание их множественности.

Третье. Переход на понимающее, герменевтическое образование, когда понимание выступает и в качестве основной интеллекции и как ресурс и цель коммуникации, и как способ освоения мира познания себя в этом мире.

И, наконец, четвертое – творческое образование, основанное на интересном, как понимал «интересное» С. Кьеркегор: то, что из внешнего мира допускается во внутренний мир. Идея развития держится на непреодолимом интересе к будущему. Пожалуй, этот интерес является настолько универсальным и тотальным, что на нем можно разворачивать креативное, эвристическое образование.

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ДИАЛОГЕ «ХУДОЖНИК – ЗРИТЕЛЬ» КАК ОСНОВА ТВОРЧЕСТВА

Н.А.Лепская (Центр непрерывного художественного образования, Москва)

Художественное творчество и художественная деятельность в традиционном понимании осознаются художниками как различные компоненты работы над художественным продуктом, который может стать произведением искусства. При этом осознание ценности того или иного продукта не всегда напрямую связано в сознании художника с комплексом художественных выразительных средств имеющихся в арсенале языка этого вида искусства. Двадцатый век породил множество направлений художественного творчества, в основе которых лежал отказ от тех или иных структурных образований художественных выразительных средств, или гиперболизация значения для творчества художника какой либо структуры. Если выстроить все определения направлений искусства, рожденные в двадцатом веке, то получится длинный список всевозможных «измов», сутью которых является поиск ценностных ориентиров и выстраивание определенной системы художественных знаний, воплощенных в художественном продукте. С другой стороны в современном творчестве размытость языковых и смысловых границ приобретает самостоятельное значение и основывается на множественности репрезентаций одного и того же объекта реального мира. Для того чтобы зритель находился в русле предлагаемых ему ценностных ориентиров художник прибегает к новым формам представления своих произведений. Поиски этих ориентиров приводят художников то к полному отказу от фигуративности, то к отрицанию каких либо форм вообще, то к гиперболизации значения цвета, то к оптическим иллюзиям. На любом современном биеннале вы найдете артпродукты или артефакты, свидетельствующие о глубокой саморефлексии авторов. Значительная часть художников демонстрирует уход в себя как проявление наивысших ценностей. В этом ключе роль зрителя, которому эти

продукты адресованы, становилась все более значимой и требующей все более сложной системы взаимоотношений с художником и его творением.

Использование в творчестве нехудожественных средств и материалов, оживление авангардистских течений в искусстве с помощью современных компьютерных технологий ничего не прибавило в отношении между художником и зрителем. Зашифрованность художественной информации часто воплощается в игровые потуги изобретения новых языков. Художники то погружают зрителя в свои лабиринты сознания, не давая им ключа к пониманию своего высказывания, то чересчур явно демонстрируют пустоту этого сознания. Вспомним изображение фаллоса на разводном мосту в Санкт-Петербурге, вызвавшее бурную дискуссию в прессе, в Интернете и даже получившее премию за оригинальность от чиновников культуры.

Технократичность мышления современного человека перетекая в художественное творчество, изменяет его сущность. К примеру, высококачественное цветное фотоизображение, экспонируемое на фотовыставках, часто не несет в себе никаких смыслов, и имеет такое же отношение к искусству как картинка на конфетном фантике. А любая черно-белая фотография воспринимается как художественный знак, несущий в себе определенные смыслы.

Зритель, становясь на позицию художника и вооружившись фото или видео камерой, фиксируя окружающий мир, реализует свои творческие потенции, часто даже не просматривая, не отбирая и не анализируя свой материал. Размещение в Интернете различных роликов о себе любимом, фиксирующие любые деяния человека, вплоть до криминальных, говорит о разрушении понятия основ творчества в головах многих наших современников.

Суть творчества заключается в открытии и накоплении новых знаний о мире и человеке в этом мире. Сознательный отказ от диалога между автором и зрителем разрушает традиционное искусство, все сильнее проявляя черты надличностного и транснационального, разрушает и само творчество как путь становления цивилизованного человека.

Любая деятельность, в том числе и творческая, должна включать в себя цель, средство и результат. Если из этого процесса выпадает одно из этих составляющих, теряется смысл самого деяния.

Активизация творческого потенциала – задача для любой развивающейся страны. Как положительный фактор этого процесса можно воспринимать последний Закон РФ об образовании, где предметы искусства вошли в стандарт с 1-го по 9-й классы.

Литература

1. *Лепская Н.А.* Основы компьютерной графики и дизайна. – М.: «Когито-Центр», 2004.
2. *Мелик-Пашаев А.А., Новлянская З.Н.* Ступеньки к творчеству. М.: Искусство в школе, 1995.
3. *Шукурова А.Н.* Архитектура Запада и мир искусства XX века. – М.: Стройиздат, 1989.-318 с.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ РЕФЛЕКСИВНЫЕ ИГРЫ – СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СБОРКИ СУБЪЕКТОВ РАЗВИТИЯ

В.Е.Лепский (Институт философии РАН, Москва)

1. Актуальность проблемы конструирования будущего.

В XXI веке развитие человечества все в большей степени переходит от эволюционного к проектному, происходит смена доминанты парадигм: от каузального подхода (причинно-следственного) к телеологическому (целевая детерминация). Мы становимся свидетелями и участниками сложнейших процессов сотрудничества и конфликтов субъектов реализующих разнообразные социальные мегапроекты. Чтобы разобраться в сложнейших хитросплетениях полисубъектных отношений в современном мире, нужна высокая культура системного проектного подхода.

В конце прошлого века Россия получила печальный опыт недооценки социальных мегапроектов, направленных в ущерб ее интересов [1]. В последние десятилетия широко используются современные технологии разрушения субъектности развития (технологии управляемого хаоса), от применения которых Россия оказалась практически не защищенной [2]. XXI век – это век социальной инженерии полисубъектных систем. Готова ли Россия к вызовам нового века? Сегодня явно нет. Только намечаются собственные стратегические ориентиры развития, зарождаются субъекты развития России, формируются адекватные новым проблемам различные виды обеспечения [3]. В этих условиях остро встает вопрос о создании современного социогуманитарного обеспечения стратегического проектирования.

2. Проблема бессубъектности российского развития.

В первую очередь надо лечить главную болезнь России – бессубъектность развития [3]. Эта болезнь поразила в той или иной степени всех основных участников модернизационного процесса (государство, общественные и политические сообщества, социальные институты). Главные ее симптомы: блокировка рефлексии; неспособность адекватно воспринять и оценить сложившуюся ситуацию, подняться над нею, самоопределиться и самоидентифицироваться; отсутствие смелых, хорошо обдуманных «прорывных» идей и готовности, умело взаимодействуя с другими субъектами, их реализовать. Указанные симптомы «грубо и зримо» проглядывают в образе мышления и действий всех основных субъектов современной России, в том числе и власти, что достаточно точно фиксируется аналитиками.

3. Ключевые проблемы на пути становления субъектности российского развития.

Современная наука оказалась не достаточно готова к бурным изменениям в мировом сообществе, обусловленным процессами глобализации и вступлением в эпоху «позднего модерна». Не готовы к ним оказались и управленцы. В результате в России практически разорвана связь между наукой и властной элитой. Отсюда актуальность проблемы поиска новых технологий

динамического моделирования социальных систем, одновременно ориентированных и на сборку субъектов развития [4].

Важнейшая причина современного кризиса проблематики социального управления и развития связана с тем, что реальности, с которыми имеют дело конкретные субъекты, не наблюдаемы для классической науки. Игнорирование этих реальностей приводит к потере целостности социального управления и развития, его бессубъектности, культу примитивной рациональности, редукционизму к экономическим, информационным и другим представлениям.

Субъектно-ориентированный и рефлексивный подходы дают возможность сделать предметом исследований субъектные реальности, создать новые типы рефлексивных моделей (как формальных, так и «человекоразмерных»), на основе которых возможны разнообразные воздействия на субъектов (индивиды, группы и др.).

4. Стратегические рефлексивные игры.

В контексте постнеклассической рациональности базовым подходом при динамическом моделировании социальных систем становится обязательное включение в них человека. Почему базовые («каркасные») модели полисубъектных сред должны быть с участием человека? Это связано с трудно разрешимыми проблемами для формального моделирования:

- учета при моделировании разнообразных социогуманитарных факторов;
- создания распределенного наблюдателя;
- организации динамического регулирования сложности;
- интеграции различных типов картин мира (не только научных).

При этом никоим образом не следует понижать роль формального (математического) моделирования. Меняется методология - главными в моделировании перестают быть математики, приглашающие ранее социогуманитарных специалистов «прояснить» отдельные параметры своих моделей - главными становятся специалисты социогуманитарного профиля (системные интеграторы, возможно, представители социогуманитарной эргономики [5]), которые приглашают математиков к встраиванию их моделей в базовый «социогуманитарный каркас» нового поколения моделей социальных систем.

Попытки включения человека в различные типы моделей социальных систем имеют давнюю историю: деловые, ролевые, организационно-деятельностные игры и др. Общим для всех указанных типов игр было то, что они соответствуют неклассической рациональности. Доказательством этого утверждения являются базовые основания их организации.

Деловые игры базируются на организации имитационного (игрового) моделирования конкретных условий и динамики *производственной деятельности*. Моделирование деятельности – основа деловых игр.

Ролевые игры базируются на организации взаимодействия участников, которые действуют в рамках выбранных ими *ролей*, руководствуясь характером своей роли и внутренней логикой среды действия; вместе создают

или следуют уже созданному сюжету. Действия участников игры считаются успешными или нет в соответствии с принятыми правилами. Игроки могут свободно импровизировать в рамках выбранных правил, определяя направление и исход игры. Моделирование ролей – основа ролевых игр.

Организационно-деятельностные игры (связаны с именем Г.П. Щедровицкого) базируются на организации схемы сложной *соорганизации коллективного мышления и действия* (мыследеятельности). Моделирование коллективного мышления (мыследеятельности) – основа организационно-деятельностных игр.

Варианты использования других типов игр для моделирования социальных систем с включением человека строились в той или иной степени на основе трех упомянутых выше типов игр.

Выделенные базовые основания деловых, ролевых и организационно-деятельностных игр позволяют сделать вывод, что они не вписывались в контекст постнеклассической рациональности, поскольку в них отсутствовала ведущая ориентации на исследование, моделирование и организацию субъектов, включая рефлексивные процессы и ценностные ориентации, их связь с культурой и др.

Для адекватного ответа на заполнения белого поля моделей, соответствующих требованиям постнеклассической рациональности нами предлагается введение нового типа моделей – ***стратегические рефлексивные игры***¹. Речь идет о создании «человекоадекватных» рефлексивно-активных сред динамического моделирования социальных систем, в основу организации которых положены субъектно-ориентированные принципы, модели и субъектные онтологии организации воспроизводства и развития социальных систем. Структура базовых принципов и онтологий организации рефлексивно-активных сред в контексте создания динамических моделей сред инновационного развития рассмотрены нами в монографии [7].

5. Стратегические рефлексивные игры в совершенствовании механизмов стратегического проектирования.

В учебных процессах апробированы отдельные технологии организации стратегических рефлексивных игр («Россия в мировых конфликтах», 2008; «Россия в миропроектах», 2011 и ряде других игр). В настоящее время ведутся работы по исследованию возможностей применения такого рода игр в реальном стратегическом проектировании и стратегическом аудите.

Основные цели стратегических рефлексивных игр:

- организация стратегического целеполагания (миссии);
- формирование и сборка стратегических субъектов развития ;
- сопровождение и поддержка разработки и реализации стратегии.

¹ Понятия рефлексивных игр связано с именем В.А. Лефевра, которое он ввел еще в 60-е годы прошлого столетия. Он понимал под ними исключительно математические модели. Фундаментальное развитие математической теории рефлексивных игр сделано в работе [6]. Для сохранения трактовки Лефевра за понятием рефлексивные игры, мы вводим понятие стратегические рефлексивные игры.

Основные функции стратегических рефлексивных игр:

Формирование базовой модели полисубъектной среды:

- актуализация и поддержка полисубъектной среды;
- формирование ориентировочной основы глобального видения социальной системы и ее окружения;
- формирование системы ценностей и смыслов адекватной культуре и сложившейся ситуации;
- формирование и поддержка рефлексивного конфигулятора;
- выявление «скрытых» субъектов.

Формирование исходных данных для разработки стратегии:

- проблематизация сложившейся ситуации;
- организация целеполагания;
- формирование исходных данных (стратегические цели, сценарии, прогнозы, рефлексивные операции и др.).

Формирование и сборка стратегических субъектов развития:

- формирование профессиональных компетенций, необходимых для стратегического проектирования (удержание стратегического видения, рефлексивные способности, работа в группе, способности к модерированию и др.);
- мотивация конкретных субъектов к включенности в деятельность стратегического проектирования;
- самоопределение участников игры как стратегических субъектов развития;
- выявление скрытого лоббирования интересов конкретных субъектов;
- сборка стратегических субъектов развития;
- формирование стратегического кадрового резерва.

Сопровождение и поддержка разработки и реализации стратегии:

- частичный перевод (как фрактала) собранного субъекта развития для организации разработки стратегии и ее реализации;
- стратегический аудит базовым субъектом развития процесса стратегического проектирования;
- актуализация динамических моделей субъектов и проектов по документам разработки стратегии и результатам ее реализации;
- уточнение целеполагания с учетом изменяющейся ситуации и разработка предложений по коррекции стратегии и действий по ее реализации.

Обобщенная схема стратегического проектирования с использованием стратегических рефлексивных игр представлена на Рис. 1.

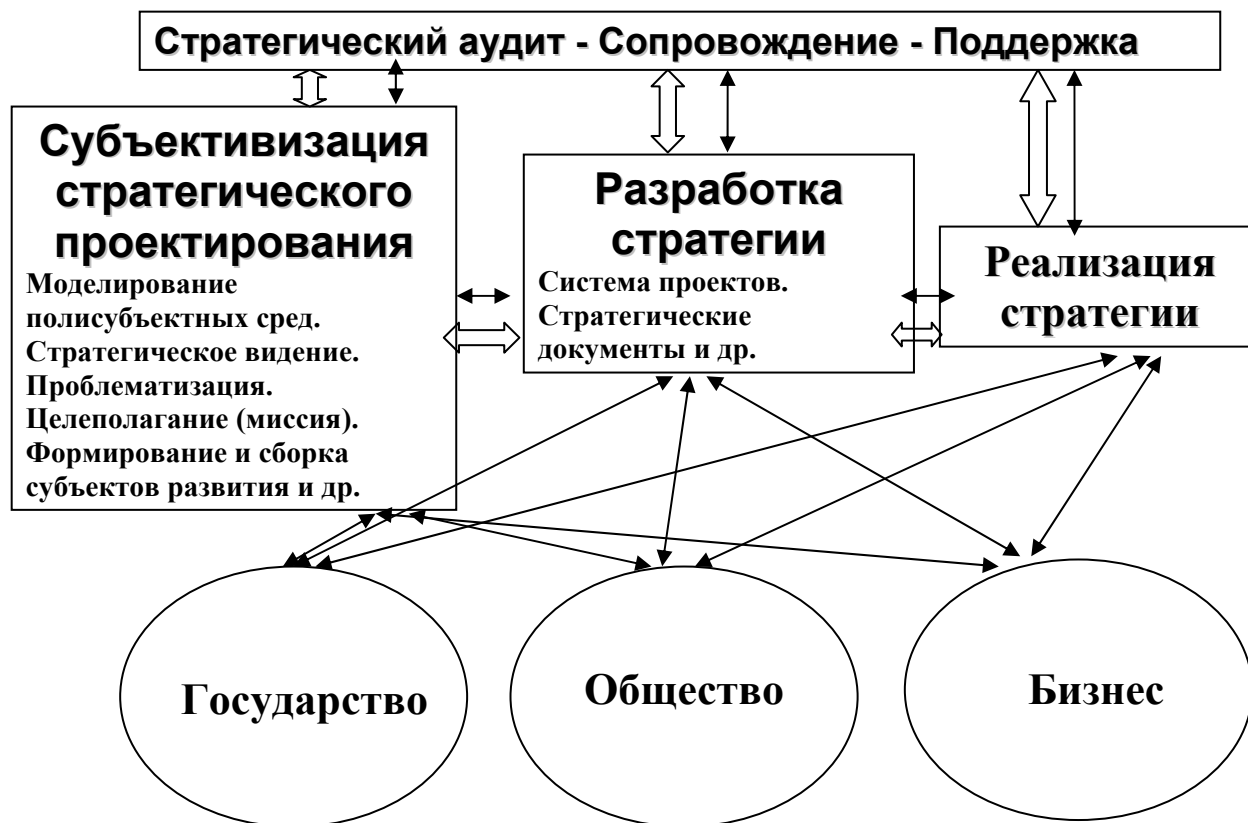


Рис. 1. Обобщенная схема стратегического проектирования с использованием стратегических рефлексивных игр.

В процессе стратегического проектирования для обеспечения консолидации государства, бизнеса, общества на основе проектной идентификации предполагается поэтапный переход от стартового варианта стратегической рефлексивной игры к стратегическим рефлексивным конгрессам.

Литература

1. Ипполитов К.Х., Лепский В.Е. О стратегических ориентирах развития России: что делать и куда идти // Рефлексивные процессы и управление. 2003. №1. С.5-27. http://www.reflexion.ru/Library/Ippol_2003.htm
2. Лепский В.Е. Технологии управляемого хаоса – оружие разрушения субъектности развития // Информационные войны. 2010, № 4. С.69-78. http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010.pdf
3. Лепский В.Е. Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // Рефлексивные процессы и управление. 2002, № 1, С.5-23. http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2002_1.htm
4. Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке / Под ред. В.И.Аршинова, В.Е.Лепского. – М.: Издательство Института философии РАН. 2010. – 271 с.
5. Лепский В.Е. Исходные посылки к становлению социогуманитарной эргономики стратегического проектирования // ЧФ: Проблемы психологии и эргономики. 2011, № 3. С.29-35.
6. Лефевр В.А. Лекции по теории рефлексивных игр. - М.: «Когито-Центр».- 208 с.
7. Лепский В. Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2010. – 255 с. http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010a.pdf

ПРОЕКТ «СКОЛКОВО»: СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ

В.Е.Лепский (Институт философии РАН, Москва)

С.А.Наумов (Фонд «Сколково», Москва)

Инициатива проекта «Сколково» в целом позитивна, вместе с тем его реализация вызывает критику, как среди специалистов, так и среди населения. Критика определяется как подходом к реализации проекта, так и возможно в большей степени сложившимся подходом к стратегическому проектированию российского развития. Аналогичная критика звучит и в адрес других концепций и стратегий, в частности, концепции долгосрочного развития страны до 2020 [1,2,3].

Кроме того, проект, претендуя быть стратегическим, не ориентирован в должной степени на учет важнейшей современной мировой тенденции смещения акцентов мировой конкуренции из материальной сферы в нематериальную: соревнование идей, проектов и схем развития, социальных и организационных технологий, методов воздействия на сознание, наращивания человеческого капитала и т.д. Стоит обратить внимание, что реализация проекта такого масштаба должна сопровождаться адекватной мировоззренческой составляющей, ориентированной на обеспечение проектной идентификации общества.

Перспективы преодоления негативов сложившейся ситуации связаны в значительной степени с совершенствованием методологии стратегического проектирования с разработкой и использованием адекватных ситуации социогуманитарных технологий, ориентированных на консолидацию государства, бизнеса и общества в целом, на формирование пространства доверия и синергичного взаимодействия. Проект «Сколково», в центре внимания которого инновации, потенциально мог бы стать локомотивом российского развития.

1. Основные направления критики проекта «Сколково».

- Приоритетные направления инновационного развития должны быть неразрывно связаны со стратегическими ориентирами российского развития.
- Стратегических партнеров по развитию высоких технологий надо в первую очередь искать среди тех, кто встает на путь развития и действительно заинтересован в сотрудничестве, а не среди тех, кто заинтересован в организации «откачки» отечественных идей, а также в одностороннем использовании нашей страны как рынка сбыта своих продуктов.
- Ориентация исключительно на технические инновации, игнорируя социальные инновации, без которых не удастся перевести страну на инновационный курс развития.
- Недооценка мирового опыта создания подобного рода проектов.
- Недостаточное внимание к мнению отечественных специалистов по инновационному развитию и общества в целом.

- Недооценка человеческого фактора в создании сред инновационного развития, иллюзии, что деньги и условия работы решают все.
- Игнорирование средового подхода к инновационному развитию, попытка создать инновационный рай в отдельной лакуне.
- Недостаточная прозрачность для общества финансовых потоков, как основания делать выводы о потенциальном нецелевом использовании бюджетных ресурсов.

Возможно, критика не всегда и не в полном объеме справедлива, но она имеет место и ее игнорирование это отказ от потенциального развития. В первую очередь необходимо четко зафиксировать базовые ориентиры развития, позволяющие адекватно на нее отреагировать.

2. Базовые ориентиры создания центра и среды инновационного развития России

На основе критического анализа проекта «Сколково» и в целом анализа ситуации сложившейся в стране и в мировом сообществе, выделим базовые конструктивные ориентиры создания центра и среды инновационного развития России:

- **Международные ориентиры.** Приоритетное сотрудничество с теми субъектами мирового сообщества и мировой экономики, которые могут быть реальными партнерами в сфере инновационного развития и организации совместных потенциальных рынков сбыта, а не только и не столько с потребителями наших новаций для использования в своих конечных высокотехнологичных продуктах на нашем рынке сбыта.
- **Стратегические ориентиры.** Приоритеты направлений инновационного развития должны определяться их значимостью для приоритетов стратегии российского развития. Инновационное развитие должно органично обеспечивать стратегию российского развития.
- **Субъектные ориентиры.** Центр и среда инновационного развития – это в первую очередь люди, объединенные идеей развития, а уже потом здания, оборудование, деньги и т.п. Стратегическое проектирование Центра должно быть неразрывно связано со сборкой субъекта развития: от стартовой команды к ее расширению и до включенности через проектную идентификацию общества в целом. При этом принципиально важно организовать в рамках сборки субъекта развития эффективную «межпоколенческую» коммуникацию [4].
- **Ориентиры целеполагания.** Процессы целеполагания являются основой сборки субъектов развития, они должны быть максимально прозрачны, коллегиальны (государство, научное сообщество, бизнес, общество в целом), широко в доступной форме представлены обществу.
- **Средовые ориентиры.** Создание Центра инновационного развития должно рассматриваться неразрывно с развитием среды инновационного развития страны. Центр – это ядерный фрактал среды инновационного развития [3].
- **Социогуманитарные ориентиры.** Не догонять в сфере исключительно технических инноваций, где мы безнадежно отстали, а опережать на

основе социогуманитарных технологий VII технологического уклада [3].

- **Культурные ориентиры.** В основу стратегического проектирования Центра должна быть положена проектная культура, в частности, использование современных подходов к динамическому моделированию социальных систем.

Сформулированные базовые ориентиры создания центра и среды инновационного развития соответствуют представлениям о постнеклассической научной рациональности (В.С.Степин), в контексте которой следует разрабатывать адекватные социогуманитарные технологии.

3. Базовые социогуманитарные технологии инновационного развития

Речь идет о создании «человекообразных» рефлексивно-активных сред динамического моделирования и развития социальных систем, в основу организации которых положены субъектно-ориентированные принципы, модели и субъектные онтологии организации воспроизводства и развития социальных систем. Структура базовых принципов и онтологий организации рефлексивно-активных сред в контексте создания динамических моделей сред инновационного развития рассмотрены в монографии [2].

В качестве базовой социогуманитарной технологии стратегического проектирования предлагаются стратегические рефлексивные игры, позволяющие органично совместить организацию стратегического целеполагания с формированием и сборкой стратегических субъектов развития [5].

Литература

1. Проблема субъектов российского развития. Материалы Международного форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход» 16-19 октября 2006, г. Звенигород / Под ред. В.Е.Лепского. М.: «Когито-Центр», 2006. – 232 с.
2. *Лепский В. Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2010. – 255 с. http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010a.pdf
3. *Лепский и др.* Методологические аспекты инновационного развития России // Экономические стратегии. 2010, № 7-8. С.46-59. <http://www.reflexion.ru/club/KIR-PZ.pdf>
4. Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке / Под ред. В.И.Аршинова, В.Е.Лепского. – М.: Издательство Института философии РАН. 2010. – 271 с.
5. *Лепский В.Е.* Исходные посылки к становлению социогуманитарной эргономики стратегического проектирования // ЧФ: Проблемы психологии и эргономики. 2011, № 3. С.29-35.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИВНАЯ ИГРА «РОССИЯ В МИРОПРОЕКТАХ»

*В.Е.Лепский (Институт философии РАН, Москва)
А.М.Савельев, Т.В.Хамдамов (Институт мировой экономики и
международных отношений РАН, Москва)*

1. Идея организации стратегической рефлексивной игры «Россия в миропроектах».

Уже четыре года проходит апробация включения проектной работы в игровой форме в учебный процесс по подготовке аспирантов РАН к сдаче кандидатского экзамена по «Истории и философии науки». Общие базовые темы изучаются по традиционным технологиям, а специализированные, имеющие непосредственное отношение к профессиональной деятельности аспирантов, органично вписываются в коллегиально выбранную тему стратегической рефлексивной игры (игровая проектная работа) [1]. Активные педагогические технологии способствовали философскому осмыслению аспирантами своей исследовательской работы, пониманию необходимости использования философских знаний в их профессиональной деятельности в условиях современного динамично изменяющегося мира. Способствовали пониманию того, что они являются ответственными творцами будущего и что в философии науки накоплен богатейший опыт, позволяющий преодолеть многие ошибки организации научных исследований и социального проектирования. Как следствие это способствовало высокой посещаемости занятий и высокому уровню освоения учебной программы. К участию в играх привлекались также ведущие специалисты, что способствовало установлению межпоколенческих связей, актуальность которых крайне важна для современного состояния науки в России. По завершению учебного процесса, результаты игр презентовались на ряде стратегических площадок и публиковались в научных изданиях.

Основной состав экспериментальной группы аспиранты Института мировой экономики и международных отношений РАН, а в 2010/2011 учебном году присоединились аспиранты Института народнохозяйственного прогнозирования РАН и Центрального экономико-математического института РАН. В 2010/2011 году была выбрана тема стратегической рефлексивной игры «Россия в миропроектах».

2. Основные цели учебной стратегической рефлексивной игры «Россия в миропроектах»

Цели учебной игры значительно уже целей игр ориентированных на обеспечение процессов стратегического проектирования. В рассматриваемой игре мы ориентировались на следующие основные цели:

- Отработка отдельных технологий организации стратегических рефлексивных игр.
- Развитие методологии и технологий совершенствования учебного процесса с включением проектной деятельности.
- Формирование стратегических компетенций у обучающихся.

- Формирование кадрового резерва для организации стратегических рефлексивных игр.

3. Организация игры.

В игре приняли участие учебная группа первого года обучения аспирантов ИМЭМО РАН, ИНП РАН И ЦЭМИ РАН (16 человек)¹, приглашенные эксперты (5 человек) и два профессора с кафедры «Истории и философии науки» ИФ РАН.

Аспиранты участвовали в игре в непосредственном и телекоммуникационном общении в течение пяти месяцев: знакомство с информационными материалами; подготовка индивидуальных и групповых докладов по философским темам, включенным в контекст игры (цивилизационные аспекты, этические проблемы в мировой политике и экономике и др.); участие в процедурах (методика мозгового штурма и др.) генерации идей в связи с подготовкой и проведением игры, а также со сценариями развертывания событий и стратегиями действия различных субъектов мирового сообщества; проведение стратегического анализа состояний отдельных актуализированных в контексте игры субъектов мирового сообщества.

4. Моделирование субъектов миропроектов.

В игровом поле актуализировались следующие субъекты: Россия, США, Европейское сообщество, Китай, Индия, Исламский мир, Латинская Америка, Япония, Израиль («Еврейский миропроjekt»).

Дескриптивное моделирование проектов и субъектов содержало следующие блоки:

1. Потенциальные и реальные носители субъектности.
2. Базовые механизмы сборки и регуляции субъектов [2].
3. Интересы, ценности, смыслы субъектов.
4. Видение будущего: образ желаемого будущего, стратегический прогноз, стратегии, политика.
5. Комплексные модели стратегических субъектов [3].
6. Направленность проектов на удовлетворение человеческих потребностей.
7. SWOT – анализ проектов.

На основе анализа модели России было обосновано, что она не является субъектом миропроектирования, были выделены и исследованы в игровом поле миропроектантов два реализуемых в стране сценария. Прогнозы их реализации оказались весьма печальными – это не сценарии развития.

Были исследованы потенциальные сценарии развития, ориентиры одного из таких сценариев представлены в следующем пункте.

¹ В игре принимали участие с подготовкой материалов для развернутых публикаций: О.А.Акопян, И.О.Болотова, В.А.Галаган, Д.Н.Конухов, Д.А.Панкратова, Е.С.Роголев, А.М.Савельев, Т.В.Хамдамов, а также - без подготовки материалов: Д.Е.Галайдов, А.А.Пшенников, А.С.Сорокина, С.В.Степаненков, А.В.Тюльпин, И.Н.Федорченко, А.И.Шерышева, А.В.Юмашев

5. Восточный Вектор для новой внешней политики России – выгоды и перспективы.

Международное положение современной России, во многом формировавшееся в ходе структурных общественно-экономических реформ, начавшихся с эпохи окончания «холодной войны» и продолжающихся по настоящее время, претерпело значительные изменения и приобрело ярко выраженный регрессивный характер динамики своего развития. Проблема самоидентификации России на международной арене после демонтажа СССР, наряду с утратой прежних политико-экономических сил страны, с каждым годом нарастала высокими темпами, что в итоге за короткий промежуток времени, уже к 1995 г. привело к резкому снижению возможности новой России оказывать влияние на значимые международные процессы, поддерживать стабильное глобальное равновесие сил ключевых субъектов международных отношений, а также формировать международные экономические и политические конструкции с эффективной структурой для оптимального решения глобальных проблем, стоящих перед мировым сообществом. Одним из главных негативных последствий, ускоренно произошедших общественно-экономических, политических и социальных трансформаций в постперестроечную эпоху, стала потеря собственной субъектности на международной политико-экономической сцене. Эта потеря была обусловлена объективными причинами, как внутренними, заключавшимися в структурном кризисе общественной системы, так и внешними, обусловленными навязанным новым, сформированным властным общественным классом страны, курсом безальтернативности, однонаправленности, императивности взаимодействия с Западом даже на условиях противоречащих национальным интересам.

На сегодняшний день становится очевидным тот факт, что позиционирование России как бессубъектного игрока международных отношений с прямолинейной жёсткой ориентационной привязкой к Западу, становится бесперспективным для её возможного прогрессивного развития как в отдалённом будущем, так и в ближайшем. Убедительных предпосылок для изменения взглядов со стороны Запада на Россию, как на санитарную зону от азиатско-китайского и радикально-исламистского факторов в отдельности или в совокупности, не существует. Это подтверждается текущим практически 20 летним международным опытом взаимодействия новой России с США и странами Европы, как структурообразующих элементов Запада. Россия, даже фактически отказавшись от амбиций крупной самостоятельной мировой державы, так и не была признана равноправным партнёром западных стран, став лишь промежуточным механизмом в общей структуре Запада, роль которого сводится к выполнению функций источника природных, трудовых, в том числе интеллектуальных, ресурсов, рынка сбыта товаров и услуг, а также территориального плацдарма для обеспечения безопасности в случае возникновения угроз с Востока и Юга. Россия за длительный промежуток времени так и не была принята ни в одну значимую международную структуру (ЕС, НАТО, ОЭСР и т.д.), сформированную Западом, где в случае членства, России хотя бы формально гарантировались

равные права с ведущими субъектами международных отношений, представляющих интересы Запада.

Сегодня у России накопилось множество вовремя нерешённых проблем, без преодоления которых структурный общественный кризис на постсоветском пространстве будет лишь усиливаться, выходя на пик своего развития уже к 2020-2025 гг. Российскому обществу для обеспечения возможности самосохранения придётся взять на себя бремя ответственности выбора и реализации пути динамичного прогрессивного развития всех сфер общества и страны, как на внутреннем государственном уровне, так и на внешнем международном. В упрощённом виде экономическое положение России может быть количественно представлено данными таблицы 1. Из неё следует, что в случае дальнейшей экономической деградации России, вслед за которой неизбежно следует и общественный регресс с количественным убыванием народонаселения на фоне усиливающих динамику потенциала своего развития стран Азии и всё более ужесточающихся попыток Запада сохранить за собой статус мирового гегемона и центра-силы принятия основных решений в сфере международных отношений, не оставит России шансов на сохранение не просто суверенности, но даже и территориальной целостности уже в ближайшем будущем.

Таблица 1.

Основные количественные экономические и демографические показатели ведущих стран мира [4]

Страна	ВВП (ППС) за 2010 г., млрд. долл. США	Рост ВВП в 2008-2009 гг. %	Население, чел.	% от населения Земли
США	14660	-2,5	311 029 000	4,51
Китай	10090	+7,2	1 346 650 000	19,46
Япония	4310	-4,9	127 960 000	1,84
Индия	4060	+7,7	1 216 396 000	17,38
Германия	2940	-6,0	81 751 602	1,18
Россия	2223	-4,0	143 000 000	2,07
Великобритания	2173	+0,6	62 435 709	0,90
Бразилия	2172	+1,4	195 306 000	2,82
Франция	2145	-1,1	65 821 885	0,95

Анализ внешнеэкономической деятельности России (рис.1, рис. 2) демонстрирует крайне неустойчивое положение экономической системы страны, выражающееся в слабой диверсификации народнохозяйственного комплекса, ориентированного исключительно на добычу природных ресурсов, в первую очередь топливно-энергетических. Состояние такой экономической модели находится в полной зависимости от глобальной конъюнктуры спроса на углеводородное топливо и природный газ. Подобная зависимость, укрепившаяся в ходе встраивания России в глобальный рынок под опекой Запада, представляет угрозу не только потере суверенитета, но и точки достижения критического значения не возврата возможности построения конкурентоспособной экономической модели, базирующейся на принципиально новейшей социогуманитарных основах, когда главной целью

экономики становится гармоничное развитие общества и личности, а человек уже не рассматривается в качестве ресурса в абстрактных моделях безудержного экономического роста. Текущая российская сырьевая экономическая модель, поддерживаемая международным бизнесом, фактически является причиной сокращения численности населения России. Дело в том, что подобная модель не способна обеспечивать развитие и поддержание транспортной инфраструктуры в масштабах всей страны, постоянный рост темпов строительства жилой недвижимости, генерирование рабочих мест с оплатой труда, необходимой для поддержания минимального уровня жизни, снижение уровня криминальной и коррупционной составляющей, так как в данной модели, коррупция является прочно встроенным общественным институтом перераспределения доходов от сырьевой ренты. В рамках функционирования российской сырьевой экономической модели в условиях глобального разделения труда, крайне низка вероятность инновационного технологического развития страны по причине отсутствия у субъектов международных экономических отношений мотивационных составляющих в смене роли России в общей структуре мировой экономики.

В этой связи старая парадигма выстраивания международных отношений теряет прежнюю актуальность, так как структурный кризис при сохранении темпов общественного регресса неизбежно приведёт страну к демонтажу, причём без каких-либо гарантий мирного протекания этого процесса.

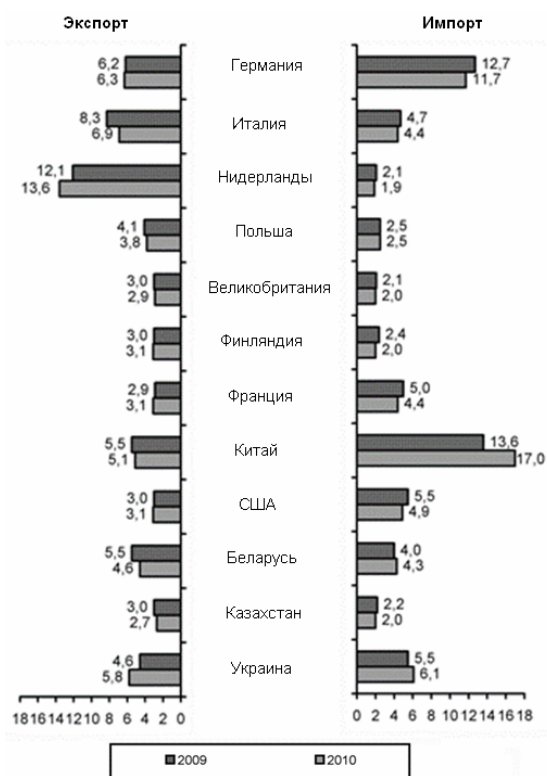
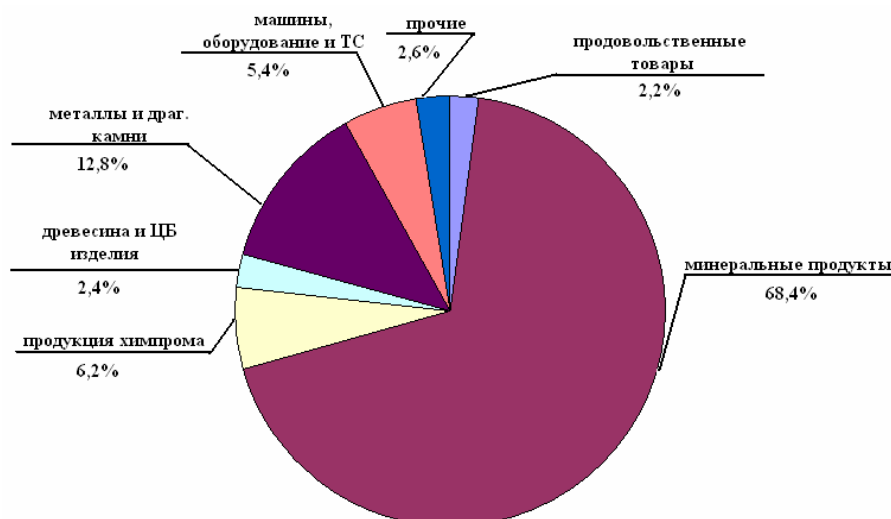


Рис. 1. Распределение экспорта и импорта Российской Федерации по отдельным зарубежным странам (источник [5]).

Экспорт



Импорт

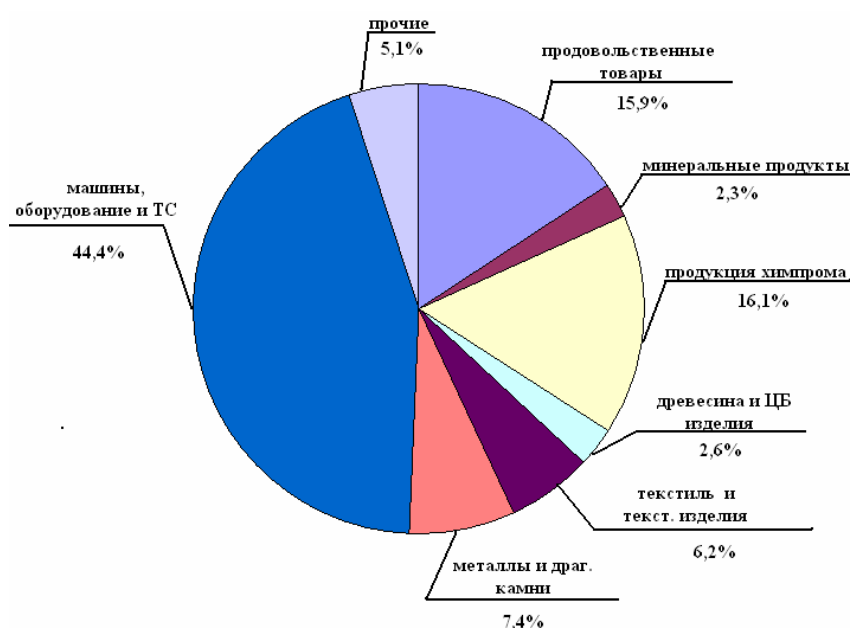


Рис. 2. Товарная структура экспорта и импорта России в 2010 г.
(источник [5]).

Единственной возможностью выращивания из современной бессубъектной международной модели России полноправного субъекта международных отношений является её участие в мобилизационном создании стабильно функционирующей конструкции биполярного мира через ускоренное тесное взаимодействие со странами Азии, Ближнего Востока и Африки. Это сотрудничество не должно выстраиваться для какого-либо противодействия и создания конфронтационных настроений против Запада, целью построения конструктивной модели биполярного мира должно стать уравнивание

международных сил для предания устойчивости, стабильности и предсказуемости международных отношений с целью совместного эффективного решения глобальных проблем. Существующие предпосылки для построения каркаса второго мирового полюса в виде треугольника Россия-Индия-Китай с дальнейшим притягиванием к полюсу стран Юго-Восточной Азии и активным распространением его влияния на страны Ближнего Востока, фундаментально изменят нынешний формат международных отношений, фактически гарантируя устойчивую глобальную систему безопасности, экономического роста, а главное развития общественного и человеческого потенциала во всём мире. Переориентация России с Западного вектора на Восточный, открывает для страны качественно и принципиально новые возможности выхода из затянувшегося структурного кризиса с возвращением полноценной субъектности на международной арене и потенциальной экономико-политической силы для участия в выстраивании гармоничных взаимоотношений с субъектами международных отношений с учётом приоритетности национальных интересов России. В XXI веке качество сближения России со странами Азии, Ближнего Востока и Африки должно в корне измениться с исключительно торгового взаимодействия на общий когнитивный концептуально-идеологический вектор с ведущим в этом направлении потенциалом России. Укрепление связей на когнитивном культурном уровне обеспечит между странами высокую прочность союзнических связей по всем направлениям выстраивания модели биполярного мира. У России пока ещё остаются возможности для того, чтобы закрепить за собой лидирующее положение в формировании концептуально-мировоззренческой основы Азиатско-Российского геополитического треугольника (Россия-Индия-Китай), тем самым взяв на себя роль ведущего субъекта в переустройстве существующей однополярной модели мира. Благосклонное восприятие идеологического и концептуального лидерства России с высокой степенью субъектной составляющей будет гарантировано как со стороны Индии, так и Китая в случае совпадения стратегических национальных интересов стран со стратегией функционирования биполярной модели мира. Реализация концепции создания каркаса будущего биполярного мира возможна уже на базе существующих международных организаций – ШОС, АСЕАН, БРИКС и т.д. Основной задачей России в этом процессе должна стать смена формата этих организаций с сугубо торгово-экономической основы на стратегическую концептуально-идеологическую с прочными экономико-политическими надстройками, позволяющих в максимально возможной степени руководствоваться национальными интересами участников организаций при формировании биполярной модели мира.

После 1991 г. Россия стратегически ушла из Африки, с Ближнего Востока и из Юго-Восточной Азии, потеряв с трудом завоеванные рынки сбыта и зоны стратегического влияния. Восстановление Россией международного статуса великой державы не возможно без возвращения России на геополитическое пространство Большого Востока как полноценного игрока. Тем более, что для этого есть все предпосылки, ведь Большой Восток в

большой степени готов воспринимать Россию как равного партнера. Россия в наследство от СССР получила достаточно большой ресурс 'Soft Power' (мягкой силы) на Востоке, и все еще обладает значительным авторитетом, как надежного экономического партнера, так и приверженца мирного развития и сосуществования. Все это, вкупе с низким конфликтным потенциалом России может сделать ее медиатором в решении международных политических и экономических споров.

При этом в экономической сфере у России есть реальный шанс включиться в обновленную мировую систему разделения труда. Это связано с тем, что в настоящий момент Большой Восток занимает достаточно скромное место в структуре мирового распределения труда, являясь фабрикой мира он вынужден ориентироваться на выгоды ТНК и западных управляющих структур, не имея возможности полностью перестроить собственные производственные мощности на удовлетворение внутренних потребностей. Однако в скором времени данная ситуация может перемениться и на территории Юго-Восточной Азии усилятся региональные интеграционные процессы. Большой Восток и в настоящее время является перспективным рынком сбыта для российской высокотехнологичной продукции, а в условиях ускорения темпов модернизации передовых стран Азии, значение этого рынка для России будет лишь возрастать. При этом у России есть реальная возможность, стать глобальной транзитной магистралью между Западом и Востоком, кардинально модернизировав свою транспортную систему и создав трансконтинентальные сети сообщения.

Переориентация России с Западного вектора на Восточный сулит стране не только и не столько политические и экономические выгоды. Выступив в роли своеобразного полигона, Большой Восток может стать пространством для выращивания качественно новой субъектности, в которой Россия выступает не в роли младшего партнера Запада, а в качестве сверхдержавы 21 века - сильного игрока на мировой арене.

Литература

1. *Лепский В.Е.* Стратегические рефлексивные игры – социогуманитарные технологии сборки субъектов российского развития (данный сборник материалов).
2. Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке / Под ред. В.И.Аршинова, В.Е.Лепского. – М.: Издательство Института философии РАН. 2010. – 271 с.
3. *Лепский В.Е.* Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // Рефлексивные процессы и управление. 2002, № 1,. С.5-23.
http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2002_1.htm
4. Всемирная книга фактов (ЦРУ) за 2010 год - CIA World Factbook 2010 (<https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2001rank.html>).
5. Росстат, «Россия в цифрах - 2011 г.» (<http://www.gks.ru>).

ТЕОРЕМЫ О СОЦИАЛЬНОЙ СВОБОДЕ

В.А. Лефевр (Калифорнийский университет, США)

В рамках теории рефлексивных игр исследуется вопрос о существовании условий, при которых все члены группы обладают свободой выбора. Показывается, что необходимым условием свободы выбора является существование у субъекта противника.

При каких условиях субъекты, входящие в группу, обладают свободой выбора? Эту проблему можно рассматривать как одну из центральных в социальной философии. Мы знаем, что в рефлексивной модели (Лефевр, 2009) субъект может быть в состоянии свободы выбора. Спрашивается, существуют ли условия, при которых *все* субъекты, входящие в группу, находятся в таком состоянии. Мы покажем, что в рамках теории рефлексивных игр такие условия существуют. Социальная организация, все члены которой обладают свободой выбора, безусловно соответствует нашему идеалу общественного устройства, при котором объединенность субъектов в единую систему не лишает их индивидуальной свободы. Далее мы покажем, что свобода может быть связана с особым геометрическим свойством графа отношений. Это свойство интерпретируется в теории социального баланса (Riley, 1967) как устойчивость группы субъектов. Таким образом, мы устанавливаем связь свободы индивидуального выбора с устойчивостью группы. В заключение мы доказываем парадоксально звучащую теорему: субъект, не имеющий врагов, не может быть свободным.

1. Свободная группа.

Рассмотрим набор субъектов a_1, \dots, a_n . Пусть им соответствуют множество альтернатив

M_1, \dots, M_n , декомпозируемый граф отношений G_n и матрица воздействий T .

Обозначим как T_i набор воздействий на субъекта a_i . Уравнение для субъекта a_i может быть записано как

$$a_i = A_{T_i} a_i + B_{T_i} a_i. \quad (1.1)$$

Мы назовем группу *свободной*, если для любого i

$$A_{T_i} = 1, \quad B_{T_i} = 0.$$

Покажем теперь, что свободные группы существуют. Рассмотрим набор субъектов

a_1, a_2, a_3, a_4 . Пусть им соответствуют произвольные множества альтернатив M_1, M_2, M_3, M_4 ,

и пусть граф отношений таков (рис.1.1.):

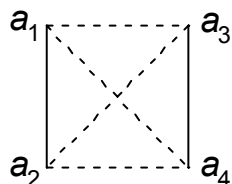


Рис. 1-1. Граф отношений.

Пусть матрица влияний имеет вид:

Таблица 1.1.

	a_1	a_2	a_3	a_4
a_1	a_1	1	0	1
a_2	1	a_2	1	0
a_3	0	0	a_3	1
a_4	1	1	1	a_4

Графу отношений соответствует полином

$$a_1 a_2 + a_3 a_4 \quad (1.2)$$

и диагональная форма

$$[a_1 a_2] \begin{matrix} [a_1] & [a_2] \\ [a_1 a_2] & + [a_3 a_4] \end{matrix} + [a_3] + [a_4] \quad (1.3)$$

Субъектам соответствуют уравнения

$$\begin{aligned} a_1 &= a_1 a_2 + a_3 a_4, \\ a_2 &= a_1 a_2 + a_3 a_4, \\ a_3 &= a_1 a_2 + a_3 a_4, \\ a_4 &= a_1 a_2 + a_3 a_4. \end{aligned} \quad (1.4)$$

Подставляя в эти уравнения значения из Таблицы 1.1. и добавив в каждое уравнение член

$\bar{0}a_1$, получаем

$$a_1 = 1a_1 + \bar{0} a_1,$$

$$a_2 = 1a_2 + \bar{0} a_2,$$

$$a_3 = 1a_3 + \bar{0} a_3,$$

$$a_4 = 1a_4 + \bar{0} a_4.$$

Следовательно, группа является свободной.

2. Ординарная группа.

Будем считать, что друзья чаще стимулируют друг друга к активности, чем к пассивности, и что враги чаще разрушают активность друг друга, чем

порождают ее. Назовем группу *ординарной*, если каждый субъект имеет, по крайней мере, одного друга и одного врага и при этом стимулирует своих друзей к выбору альтернативы 1, а врагов к выбору альтернативы 0. Группа, которую мы рассмотрели в разделе 1 не является ординарной. Глядя на матрицу влияний (Таблица 1.1.), мы видим, что субъект a_1 находящийся в конфликте с субъектом a_4 , стимулирует его выбрать не 0, а 1. Чтобы превратить эту группу в ординарную, ей нужно поставить в соответствие иную матрицу влияний (Таблица 2.1):

Таблица 2.1.

	a_1	a_2	a_3	a_4
a_1	a_1	1	0	0
a_2	1	a_2	0	0
a_3	0	0	a_3	1
a_4	0	0	1	a_4

При влияниях, задаваемых этой матрицей, соотношения (1.1) выполняются. Мы видим, что ординарная группа может быть свободной.

3. Сбалансированная группа.

Уже более шестидесяти лет социологи ищут критерий, как зная лишь структуру графа, определить будет ли группа устойчивой. Теоретические и эмпирические аргументы привели социологов к выводу, что наиболее устойчивыми являются сбалансированные группы. Группа называется сбалансированной, если множество узлов ее графа отношений можно разбить на два непересекающихся подмножества (одно из которых может быть пустым) таким образом, что ребра, соединяющие узлы внутри каждого подмножества, принадлежат отношению союза, а ребра, соединяющие узлы разных подмножеств, принадлежат отношению конфронтации.

4. Ординарная сбалансированная группа.

Справедлива следующая

Теорема: Ординарная сбалансированная группа свободна, т.е. каждый субъект, в нее входящий, обладает свободой выбора.

Доказательство. Такой группе соответствует полином вида

$$a_1 a_2 \dots a_k + b_1 b_2 \dots b_r, \quad (4.1)$$

где $k \geq 2$, $r \geq 2$. Эти условия существенны, т.к. при $k=1$ или $r=1$ у одного или двух субъектов не будет друзей. Полиному (4.1) соответствует диагональная форма

$$\begin{matrix} [a_1] [a_2] \dots [a_k] & [b_1] [b_2] \dots [b_r] \\ [a_1 a_2 \dots a_k] & + [b_1 b_2 \dots b_r] \\ [a_1 a_2 \dots a_k + b_1 b_2 \dots b_r] & . \end{matrix} \quad (4.2)$$

При такой диагональной форме любому субъекту (не нарушая общности рассуждения, положим, что это a_1) соответствует уравнение

$$a_1 = a_1 a_2 \dots a_k + b_1 b_2 \dots b_r. \quad (4.3)$$

Субъекты $a_2 \dots a_k$ являются “друзьями” субъекта a_1 , а субъекты $b_1 b_2 \dots b_r$ “врагами”. Поскольку группа является ординарной, переменные, соответствующие друзьям, принимают значение 1, а переменные, соответствующие врагам – 0. После подстановки значений уравнение (4.3) может быть записано как

$$a_1 = a_1, \quad (4.4)$$

из чего следует утверждение теоремы. \square

Если считать, что у групп есть тенденция эволюционируя становиться ординарными и сбалансированными, то свобода выбора субъектов есть их неотъемлемый финальный атрибут.

5. Друзья и враги.

Рассмотрим группу, состоящую только из друзей. Такой группе соответствует полином

$$a_1 a_2 \dots a_k, \quad (5.1)$$

где $k \geq 2$, и уравнение

$$\frac{[a_1][a_2] \dots [a_k]}{[a_1 a_2 \dots a_k]} = 1. \quad (5.2)$$

Эта группа суперактивна, ее члены неспособны выбрать альтернативу 0. Следовательно, группа, в которой нет отношения конфликта, не является свободной. Однако эта группа сбалансирована, согласно определению, данному в разделе 3. Необходимым условием того, чтобы сбалансированная группа была свободной, является в ней наличие субъектов, находящихся в конфликтных отношениях.

Покажем, что не только группа, в которой нет конфликтных отношений, но и субъект, у которого нет врагов, не может быть свободным.

Теорема. Субъект, входящий в группу с декомпозируемым графом отношений и связанный с другими членами группы только отношением союза, не обладает свободой выбора.

Доказательство. Пусть субъект a находится в союзе со всеми членами группы. Графу этой группы соответствует полином вида

$$aP, \quad (5.3)$$

где P полином, соответствующий подграфу исходного графа, в который не входит узел a . Полиному (5.3) соответствует диагональная форма вида

$$\begin{matrix} [a]Q \\ [aP] \end{matrix}, \quad (5.4)$$

где Q либо диагональная форма, либо произведение диагональных форм, либо сумма диагональных форм. Уравнение для субъекта a имеет вид

$$a = (P + \bar{Q})a + a, \quad (5.5)$$

здесь $A = \bar{P} + Q$, $B = 1$.

Необходимым условием свободы выбора является $B = 0$. Поскольку для субъекта a это условие не выполняется, он не обладает свободой выбора. \square

Мы видим, что в рамках нашей модели достижение социального идеала – свободы выбора – так или иначе оказывается связанным с существованием конфликтных отношений.

Литература

1. Лефевр, В. А. Лекции по теории рефлексивных игр. Когито-Центр, 2009.
2. Riley, J. E. An Application of Graph Theory to Social Psychology. Lecture Notes Mathematics, 1969, Vol. 110, pp. 275-280.

УСТАНОВКИ. КОНСЕНСУС

*В.А. Лефевр (Калифорнийский университет, США),
С.С. Тарасенко (Kyoto University, Kyoto, Japan)*

Теория рефлексивных игр распространяется на случай, когда у субъектов есть установки к выбору своих отношений с другими членами группы. Кроме того, находятся условия, при которых группа способна принимать решения как единое целое.

В этой работе проводится расширение теории рефлексивных игр в двух направлениях. Во-первых, полагается, что субъект, входящий в группу, может иметь *установку* вступать либо в союз, либо в конфликт с другими субъектами. Во-вторых, мы полагаем, что группа может рассматриваться как макросубъект способный принимать решение. Это решение интерпретируется как результат консенсуса между членами группы.

1. Установки и посредники.

Используя модель, основанную на теории рефлексивных игр (Лефевр, 2009), мы показываем, что в случае, когда у каждого субъекта есть фиксированная установка на конфликт или союз с другими членами группы, ни одна пара конфликтующих субъектов не имеет посредника, т.е. субъекта, находящегося в союзе с каждым из членов пары. Это приводит к трудностям при попытках разрешения конфликта.

Мы будем рассматривать полные графы с отношениями союза и конфронтации.

Отношение союза будет обозначаться R а конфронтации \bar{R} . Пусть G граф, состоящий из n

узлов, где $n \geq 3$, ребра принадлежат отношениям R и \bar{R} , одно из которых может быть пустым. Каждому узлу графа соответствует субъект, и каждому субъекту соответствует

либо отношение R , либо отношение \bar{R} . В результате мы получаем множество пар, которое мы называем *набором субъектов с установками*.

Социологический смысл этой конструкции таков. Рассмотрим пару (aR) , где a субъект. Это означает, что у a есть установка на выбор отношения союза с каждым

субъектом. Паре (b, \bar{R}) соответствует случай, когда у субъекта b есть установка на выбор отношения конфронтации с каждым субъектом в группе.

Введем правило, по которому происходит установление отношений между субъектами. Мы полагаем, что отношение союза устанавливается лишь тогда, когда оба субъекта в паре имеют установку к союзу. В противном случае между ними устанавливается отношение конфронтации, т.е. если хотя бы у одного из двух субъектов есть установка на конфронтацию, между ними будет отношение конфронтации. Такое правило кажется естественным, ибо союз предполагает обоюдное движение навстречу друг другу.

Рассмотрим группу, в которой конфликт двух субъектов может разрешаться усилиями третьего субъекта, находящегося в союзе с каждым из конфликтующих субъектов. Такой ситуации соответствует граф на рис.1.

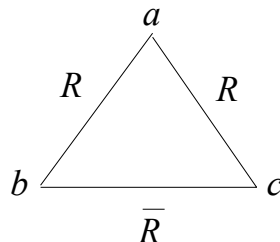


Рис.1. Субъекты b и c находятся в отношении конфронтации. Субъект a находится в союзе и с b и с c . Он посредник.

Мы будем считать конфликт двух субъектов трудно разрешимым, если у них нет посредника.

Теорема. В группе субъектов с установками нет посредников.

Доказательство. Предположим, что в такой группе есть по крайней мере один посредник. Тогда его отношениям с двумя конфликтующими членами группы должен соответствовать граф на рис.1. Субъекты a и b находятся в союзе. Это возможно лишь тогда, когда a и b имеют установку к союзу. Субъекты a и c также находятся в союзе, что возможно только если и a , и c имеют установку к союзу. Таким образом b и c имеют установку к союзу, и между ними не может быть конфронтации. Из чего следует, что предположение о существовании посредника неверно.

Из этой теоремы следует, что группа, в которой установка к выбору отношений predetermined заранее, лишена возможности разрешать конфликты внутренними средствами.

2. Теоретический аналог консенсуса

До сих пор в теории рефлексивных игр рассматривался только индивидуальный выбор. Однако многие организации субъектов способны к групповому выбору, который есть результат консенсуса. Слово “консенсус” понимается в очень широком смысле. Этот термин может быть применен и к совместной разрядке напряженности, и к “дружескому” совместному разжиганию конфликта. Далее мы вводим процедуру, порождающую множество действий, соответствующих консенсусу. Сначала выясняется, декомпозируем ли граф. Если нет, производится упорядочение субъектов по их важности, с точки зрения внешнего исследователя. После чего начинается удаление наименее важных субъектов по одному до тех пор, пока группа не станет декомпозируемой. Затем строится диагональная форма и вычисляется набор всегда выбираемых действий (Лефевр, 2009) для всех субъектов:

$$S_1, S_2, \dots, S_i, \dots, S_n,$$

где i номер субъекта.

Мы считаем, что если субъект находится в состоянии фрустрации, то его множество всегда выбираемых действий пусто. Далее мы полагаем, что группа как макросубъект проводит интеграцию S_i с помощью процедуры, соответствующей вычислению значения полинома группы,

$$P = P(S_1, S_2, \dots, S_n).$$

Множество действий P соответствует консенсусу группы. Возможен случай, когда P пусто. Это означает, что в группе не формируется консенсус, т.е. члены группы не могут прийти к согласованному решению.

Модель консенсуса, основанная на полиноме P , обладает рядом свойств, естественных для генератора группового выбора. Если $S_1 = S_2 = \dots = S_n = A$, то $P = A$. Другими словами, если у субъектов множество всегда выбираемых действий одно и то же, то P совпадает с этим множеством. При $A = 0$ у каждого субъекта множество всегда выбираемых действий пусто, и при этом пусто множество P . Поэтому если каждый субъект находится в состоянии фрустрации, то его множество P пусто, поскольку у каждого субъекта значение $S_i = 0$. Если в группе каждый субъект обладает свободой выбора, то консенсуса нет, поскольку у каждого субъекта множество всегда выбираемых действий пусто. В этом случае выборы субъектов не связаны друг с другом.

Рассмотрим примеры.

Пусть группе соответствует граф на рис.1. Этому графу соответствует полином

$$P(a,b,c) = a(b + c)$$

и диагональная форма

$$\begin{bmatrix} [b] + [c] \\ [a] [b + c] \\ [a(b + c)] \end{bmatrix}$$

Пример 1. Матрица воздействий такова:

$$\underline{\quad a \quad b \quad c \quad}$$

a	a	0	1
b	1	b	1
c	0	0	c

Множества всегда выбираемых действий

$$S_a = 1, S_b = 1, S_c = 1.$$

Подставим эти величины в $P(a,b,c)$ и находим, что

$$S = 1,$$

т.е. консенсусу соответствует все множество действий.

Пример 2. Матрица воздействий:

	a	b	c
a	a	1	1
b	0	b	0
c	0	0	c

При такой матрице воздействий субъект a находится в состоянии фрустрации, поэтому

$S_a = 0$, субъекты b и c обладают свободой выбора, поэтому множество всегда выбираемых действий каждого из них пусто, т.е. $S_b = 0, S_c = 0$. Подставляя эти значения в $P(a,b,c)$, находим, что $S = 0$. Следовательно, группа в примере 2 не приходит к консенсусу.

Рассмотрим ординарную сбалансированную группу. Нами было показано (Лефевр, 2011), что все члены такой группы обладают свободой выбора. Таким образом, у ординарной сбалансированной группы нет возможности достичь консенсуса.

Литература

1. Лефевр В.А. Лекции по теории рефлексивных игр.-М.: Когито-Центр, 2009.
2. Лефевр В.А. Теоремы о социальной свободе / Данный сборник.

СБОРКА ЦЕНТРОВ СИЛЫ

А.Г. Макушкин

(Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, Москва)

После периода распада государств и военно-политических союзов, которыми характеризовалась большая часть 90-х годов, после 2001 начинается совершенно другой процесс – процесс геоэкономической сборки или формирования новых глобальных центров силы.

Сегодня речь идет о сборке реально работающих воспроизводственных цепочек, эффективно совмещающих активы и задолженность, а не об отдаленном будущем единого человечества. Направленность глобальных изменений в системе международного разделения труда определяется стремлением к восстановлению баланса всех звеньев производственной цепочки, обеспечивающей управление базовыми рисками, сбережениями и инвестициями и поддерживающим их режимом торговли, а также

пространством безопасности. Формируются центры аккумуляции капиталов, ориентированные на стратегические инвестиции в долгосрочные проекты, которые будут определять новую устойчивую комбинацию игроков на 25-30 лет вперед.

На первый план выходят вопросы 1) различий и взаимного дополнения региональных стратегий; 2) обмена стратегическими активами в рамках национальных стратегий, подтвержденных авторитетом и ресурсами государства. Главными трендами наступившего переходного периода, с точки зрения новой сборки мировых производственных цепочек, будут процессы, отражающие диверсификацию центров экономической структуры, сформированных в условиях двух- и однополярной модели.

Восстановление баланса между сырьевыми, производящими и транзакционными экономиками сегодня особенно затруднено, поскольку речь идет не о простом восстановлении экономических отношений, а об их полной перестройке на основе региональных стратегий развития. Кроме того, страны-участники представляют разные звенья, составляющие хотя и не единую, но высоко интегрированную систему международного экономического оборота. Но последний сегодня не имеет единого пула субъектов. Китай остается за рамками механизмов Большой Восьмерки; новый экономический центр в Евразии (ШОС) только начинает приобретать политическое признание; традиционные механизмы международного экономического регулирования (МВФ, ВТО, ЕС, НАТО) утрачивают свою действенность для центров экономического роста.

С точки зрения спроса и предложения на взаимные услуги сырьевых, производящих и транзакционных экономик, положение на рынке пока можно охарактеризовать как кризисное. Проблема разбалансированности крайне обострилась с увеличением доли рынка транзакционных услуг и капитальных активов (особенно сырья) из стран со слабо институционализированной экономикой. Стремительно выросший фиктивный капитал не вызвал доверия как источник долгосрочных инвестиций в освоение стратегических запасов сырья и как финансовая база для развития производства. «Будущую стоимость» производственных мощностей КНР и сырьевых запасов в РФ не хотят обменивать на «качественный финансовый актив», который в собственных условиях предлагают США. Во-первых, это выглядит контрпродуктивным (value destruction) для упомянутых стран, поскольку в цене на финансовые активы содержатся чужие невозвратные долги, которые не имеют отношения к издержкам производства соответствующих активов. Во-вторых, по производственным причинам и Россия, и Китай нуждаются в услугах иного рода, нежели те, которые навязывают финансовые институты США (хеджи и пр.). В-третьих, производитель «финансовых активов» - Соединенные Штаты – находятся под подозрением, что они заняты скорее геополитикой, чем честной торговлей, и преследуют эгоистическую цель - погасить свои долги за счет источников долговременного роста в других странах.

Реальность такова, что финансовая машина англосаксонской системы продолжает генерировать долги, но не в состоянии обеспечить

конкурентоспособность в сфере товарного производства и все более уступает другим игрокам в возможностях силового обеспечения сферы жизненных интересов. Транзакционная экономика оказывается отрезанной от пула капитальных активов и теряет рынок на свои главные услуги. Теоретически это оставляет четыре возможных варианта поведения: 1) принуждение к списанию долга средствами макроэкономической (главным образом валютной и кредитной) политики за счет стран-кредиторов; 2) военные операции по захвату внешних активов, позволяющих контролировать положение на критических (базовых) рынках, таких, в частности, как рынки углеводородов; 3) высокорентабельная торговля товарами и услугами, например, услугами финансового характера; 4) сокращение внутреннего потребления и увеличение сбережений.

Реальное определение субъектов и их мандатов определяется сферой эффективной политики, а не историческим прошлым того или иного государства или декларациями политических лидеров относительно своих амбиций. «Центры силы» - субъекты этих изменений, - не всегда могут быть обозначены как конкретные государства или их объединения. Их составляют страны, способные генерировать стратегию экономического развития, легитимизировать ее внутри страны и среди союзников и удерживать от агрессии извне. Сборка центров силы как новой субъектной основы в мировой экономике должна будет пройти фазу предварительного распространения силового поля на жизненно важные ресурсы экономического развития. Соответствующие зоны безопасности, в свою очередь, смогут сформироваться только при восстановлении нового военно-политического баланса сил, а, следовательно через модернизацию военно-технического потенциала нынешних и формирующихся центров экономической силы.

В целях анализа важно подчеркнуть значение двух конституирующих обстоятельств – наличие а) явно выраженной политической воли, отражающей некоторые широкие общественные ожидания; и б) способности обеспечить гражданский мир и защиту от внешней агрессии в определенных границах. Размывание идеологического пространства, структурировавшего мировую экономику и безопасность в течение большей части XX века, затрудняет такой анализ. Идентификация стран и союзов происходит по менее четким признакам культурно-исторической общности, но при всё более явной тенденции к укреплению формальной идентификации через национальные органы власти.

Логика этого переходного периода будут определять несколько важнейших институциональных процессов. Без ясных границ ответственности мировая экономика не управляется. Сегодня происходит осознание этого обстоятельства и пересборка зон ответственности формирующихся центров силы. Новый алгоритм управления изменениями в системе глобальной экономики строится на следующих идеях:

- национальной принадлежности программы развития (поддержки населением планов долгосрочного развития);
- рыночного характера транзакционных услуг в мировой экономике;

- консенсусного решения проблемы долга США и их места в управлении мировыми сбережениями;
- устойчивости Китая (при сохранении низкого уровня издержек в «мастерской мира»).

Проблема состоит в том, чтобы

- консолидировать ресурсы как объекты управления в рамках современной инфраструктуры (сделать их наблюдаемыми и управляемыми),
- восстановить механизмы воспроизводственного цикла (создание сбережений и их эффективное инвестирование),
- сохранить основные ресурсы в сфере национальной юрисдикции и высоконадежных международных режимах правового обеспечения (здесь нужны индексы надежности),
- научиться разрабатывать эффективные стратегии и осуществлять управленческий аудит,
- эффективно вести переговоры между группами интересов (создать универсальные внутривостановые принципы и механизмы согласования),
- разработать и придерживаться системы долгосрочных целей общенационального характера (цели, выходящие за четыре электоральных срока - на период 15-20 лет).

ОБРАЗЫ СУБЪЕКТНЫХ СРЕД РАЗВИТИЯ В РЕФЛЕКСИВНОЙ ТЕОРИИ В.А.ЛЕФЕВРА И ТЕОРИИ АУТОПОЭЗА

В.И.Моисеев (Московский государственный медико-стоматологический университет, Москва)

Сегодня существуют различные модели субъектных сред – теория игр, рефлексивная логика В.А.Лефевра, теория аутопоэза и т.д. Ниже мы коснемся в некоторой мере двух последних из этих концепций в связи с новым образом постнеклассических онтологий как онтологий существенно субъектных [1], формирующих субъектные среды развития.

1. Рефлексивные среды В.А.Лефевра

В теории игр важную роль играет так называемая максиминная стратегия, т.е. выбор игроком такой схемы действия, которая несет для него минимальный проигрыш из всех возможных ущербов, которые может нанести ему противник. При такой формулировке предполагается, что каждый игрок не только представляет в своем сознании то или иное свое действие, но и предполагает, что противник проводит такое же представление и выбирает соответствующий ответ на него. Такому состоянию сознания, полагает Лефевр, в простейшем случае соответствует рефлексивный многочлен вида

$$\Omega = T + T_x + T_{yx}$$

Здесь Т – плацдарм, где совершаются действия («ходы») игроками Х и Y. Тх – картина этого плацдарма у игрока Х, Тух – образ картины плацдарма глазами игрока Y, имеющийся у Х.

Наиболее полный образ субъектной онтологии может быть отражен многочленом вида

$$\Omega = T + \sum_i T e_i + \sum_i \sum_j T e_j e_i + \sum_i \sum_j \sum_k T e_k e_j e_i + \dots$$

Эта онтология предполагает общий экран Т и заданность n субъектов S_1, S_2, \dots, S_n со своими экранами сознания – как первичными, так и разного рода флексивными (трансфлексивными и рефлексивными) экранами.

Лефевр пишет: «Система разумных особей будет характеризоваться наличием, по крайней мере, третьего члена этого ряда:

$$\sum_i \sum_j T e_j e_i$$

В какой-то мере развитость цивилизации может характеризоваться увеличением членов ряда, необходимых для ее описания. Через некоторое время космические исследования приведут нас к необходимости строить модели инозвездных цивилизаций. Кажется правдоподобным, что специфическая представимость рефлексивным многочленом и есть та «универсалия», которая позволяет выделить цивилизации как класс систем. Цивилизации принципиально отличаются от систем другого типа, например, от колоний клеток, образующих живой организм, или колоний отдельных особей типа муравейников. Система типа «муравейник» может быть представлена в виде $\Omega = T + \sum_i T e_i$, где $T e_i$ – «модели среды», которые позволяют ориентироваться каждому «персонажу» e_i . Система «делается» простейшей цивилизацией, когда ее «разложение в ряд» имеет следующий вид:

$$\Omega = T + \sum_i T e_i + \sum_i \sum_j T e_j e_i = \Omega = T + \sum_i (T + \sum_j T e_j) e_i$$

У каждого персонажа есть не только картина материального фона, но и модели картин, которые есть у других персонажей. У системы «муравейник», по-видимому, этих вторичных картин нет. В системах же, имеющих «квадратичные члены», может проявляться общение типа человеческого и могут возникать «духовные ценности» [2, С.77].

Из приведенной цитаты видно, какую важную роль играет первая флексия¹ – именно она приводит к возникновению цивилизации, духовных ценностей, человекоподобному общению и т.д. Все последующие флексии обладают, по-видимому, более количественным характером, представляя степени усложнения цивилизационных систем. Так в идеях первого этапа концепции Лефевра мы находим зародыш его второго этапа.

¹ У Лефевра возникновение рефлексивных многочленов Тхх относится к тому же уровню, что и образование «трансфлексивных» Тху, в связи с чем уместно использовать обобщающий термин «флексия» для рефлексии и трансфлексии.

2. Теория аутопоэза

Теория аутопоэза¹ – одна из современных попыток рационально выразить критерий жизни [3]. Авторы этой концепции – чилийские нейробиологи Умберто Матурана и Франциско Варела, работавшие в университете Сантьяго (второе название этой концепции – «теория Сантьяго»).

Важные понятия этой теории – понятия «паттерн» и «организация». Под паттерном имеется в виду некоторый тип структуры, характерный для множества частных реализаций этой структуры. Организация – частная реализация паттерна. Например, паттерн любого стула – наличие опоры и сиденья. Организация отдельного стула – тот конкретный способ, каким реализуется опора и сиденье в данном стуле (допустим, в виде четырех ножек, мягкого сиденья и спинки, сделанных из дерева). Используя термины философии Аристотеля, можно было бы сравнить паттерн с родовой формой, организацию – с индивидуальной формой и материей. Пытаясь дать определение жизни, авторы теории аутопоэза имеют в виду в первую очередь определение паттерна всех живых систем. Предполагается тем самым, что у разных форм жизни один паттерн и разные организации. Сформулировать необходимый и достаточный признак жизни означает в точности выразить паттерн только живых систем.

В качестве критерия жизни авторы предлагают рассмотреть так называемые аутопоэтические системы. Система может быть названа *аутопоэтической* если только если для нее выполнены следующие пять условий:

1. Система представляет собою *сеть* взаимодействий на некотором множестве элементов. Под сетевой структурой здесь имеется в виду особый паттерн организации, в котором каждый элемент влияет на каждый (в смысле причинно-следственных отношений).

2. В качестве элементов сети выступают *процессы*.

3. Это *физические* процессы.

4. Это процессы *воспроизводства* системы, т.е. результатом этих процессов является постоянное восстановление и возможное изменение системы.

5. *Граница* сети – также один из элементов сети, т.е. она находится в сетевом взаимодействии со всеми остальными элементами (это условие было добавлено авторами, чтобы отличить аутопоэтические системы от гиперциклов Эйгена [4], для которых верны только первые 4 признака).

Иногда добавляется шестой, существенно рефлексивный признак:

6. Сеть содержит в себе самоописание.

Признаки 1-2 и 4-5 задают так называемую *автономную*, или *операционально замкнутую* систему. Такая система только испытывает неспецифическую активацию со стороны внешней среды, определяясь в своем развитии преимущественно внутренними закономерностями. Все причины автономной системы лежат внутри системы. Такая система представляет собою фрагмент реальности, относительно изолированный от

¹ «аутопоэз» (греч.) - само-творение, самосозидание.

окружающей среды по каузальной структуре. Внешняя среда не может извне определить автономную систему, прорвать ее каузальную непроницаемость – вот пожалуй тот главный смысл, который несет в себе идея аутопоэза. Единственным полным детерминантом аутопоэтической сети является только сама сеть.

Аутопоэтическая система находится в состоянии постоянной необратимой эволюции, поскольку обратимость связана с воспроизведением тех же следствий при одних воздействиях внешней среды, что отрицает автономность системы. Получая постоянную активацию со стороны среды, аутопоэтическая система каждый раз уникально отвечает на нее, образуя неповторимую траекторию своего изменения. Кроме естественного отбора, в эволюции аутопоэтических систем действует принцип *естественного порядка*, выражающийся законами сетевой и нелинейной организации систем (например, в форме законов нелинейных дифференциальных уравнений или теории клеточных автоматов).

Метаклеточные автономные системы, надстраиваясь над аутопоэтическими системами, выражают себя в поведении, языке, мышлении. Матурана рассматривает язык как семиотическую автономную систему, в которой возникает общение 2-го порядка – общение по поводу общения. Процесс познания и мышления также может быть описан в терминах сетевых взаимодействий и процессов самоорганизации. Правда, одним из этапов развития мышления является формирование процессов абстрагирования, которые, наоборот, направлены на разрывы сети взаимодействий и выделение в чистом виде отдельных элементов мыслительной сети. До сих пор в западном мировоззрении, считают авторы, господствовало именно такое мышление, которое привело ко многим кризисным явлениям в западной культуре. Теория аутопоэза призвана преодолеть антисетевое мышление, возвращая нас к сетевой структуре жизни и самого бытия.

Литература

1. *Моисеев В.И.* Образы постнеклассической онтологии и сборка субъектов // Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке / Рос. акад наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.И.Аршинов, В.Е.Лепский. М.: ИФРАН, 2010. – С.132-146.
2. *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры. 3-е изд. – М.: Ин-т психологии РАН, 2000.
3. *Капра Ф.* Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. – К.: «София»; М.: ИД «Гелиос», 2002.
4. *Эйген М., Шустер П.* Гиперцикл: принципы самоорганизации макромолекул. – М.: Мир, 1982.

Работа выполнена при поддержке РГНФ грант № 11-03-00787а

ПОНЯТИЕ СЛОЖНОСТИ В АНАЛИЗЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА

Ю.С. Моркина (Институт философии РАН, г. Москва)

Понятие сложности в анализе творчества тесно связано с рядом других понятий, таких как смысл, коммуникация, интересубъективность, субъект творчества, творческий акт. Также полезным для анализа оказывается понятие сложных систем. Мы вводим понятие сложных абстрактных систем, а также переопределяем понятие смысла как организующего фактора сложных абстрактных систем.

1. Смысл в творчестве и коммуникации

Понятие смысла, наверное, – одно из самых трудноопределяемых понятий в философии. Человеческий мир интересубъективен и наполнен смыслами [1]. Но смысл не интересубъективен. Онтологически не существует некоего интересубъективного смысла слова, предложения, поступка, обитающего в «третьем мире». Есть лишь индивидуальное ощущение наличия смысла или его отсутствия, осмысленности или бессмыслицы. Смысл индивидуален, он в отрыве от о-смысляющего субъекта не существует. Смысл не передается в ситуации коммуникации от одного субъекта к другому, но заново индуцируется в ментальности осмысляющего словами и действиями партнера по коммуникации. В этом процессе участвуют носители смысла как сложные абстрактные системы.

Абстрактные системы являются продуктом человеческого мышления. К ним относятся научные понятия, гипотезы, теории, последовательная смена научных теорий, формализованные системы (металогика, математика), а также сама теория систем как научное знание. Абстрактные системы могут быть сложными, если к ним возможно применять понятие сложности, разработанное для материальных систем. Такое применение имеет определенную специфику, поскольку, исследуя системы, порожденные человеческим мышлением, мы имеем право считать их сложными настолько, насколько сложным мышлением они порождены и насколько сложное мышление порождают, будучи актуализированы. Их сложность связана со сложностью мышления и сознания. Применяя понятие сложности к элементарным материальным носителям смысла, таким как сообщение, значок, знак отличия, табличка с указателем, следует помнить, что эти носители являются сложными абстрактными (а не материальными) системами, то есть, что их сложность актуализируется только для человеческого мышления и сознания. Они сами порождены коммуникацией и участвуют в коммуникации. Их сложность – заимствована не только от сложности мышления и сознания, но и от сложности коммуникации, в которую сознание вступает. Простейший материальный носитель смысла – например, значок – выступая как посредник в коммуникации человека с обществом, становится сложной абстрактной системой. В такой ситуации коммуникации он обладает такими свойствами как множественность и разнообразие возможных интерпретаций, дающая сознанию возможность выбора, целостность (холизм) того смысла, которое сознание ему придаст, а

также эмерджентность этого смысла, рождающегося из взаимодействия его как абстрактной системы и сознания интерпретатора. Осмысленность выступает организующим фактором сложной абстрактной системы.

2. Производство искусства как сложная абстрактная система

Функции произведения искусства как сложной абстрактной системы, как и его сложность, связаны с сознанием его создателя и интерпретаторов. В момент своего сотворения оно несет не только психологическую, но и эстетическую, а также экзистенциальную нагрузку. Далее оно экзистенциально (а не только эстетически) нагружено для интерпретатора, а интерпретаторов может быть сколь угодно много, и для каждого данное произведение будет выполнять свои функции. К этому добавляются функции произведения в обществе вообще как целом.

Смысл произведения для каждого его интерпретатора и есть эмерджентное свойство, возникающее при быстром проигрывании в сознании множества вариантов интерпретации системы поэтических концептов, связи между которыми в сознании интерпретатора могут возникать и исчезать, актуализироваться и оставаться просто возможными.

При анализе поэтического творчества мы имеем дело со множественностью разнообразных элементов – возможных интерпретаций концептов произведения, а вернее, самих возможных концептов, поскольку концепт есть собственная интерпретация. В этом множестве элементы соединены оригинальными динамическими связями - связями, возникающими при интерпретации, которые никогда не «закосневают», пока живо произведение. Элементы системы многоуровневые: смысл целого не равен сумме смыслов частей (отдельных слов и концептов). При прочтении произведения, происходящем, как и прослушивание музыки, во времени, прочтение каждого следующего слова изменяет предвосхищаемый смысл целого, а при окончании прочтения смысл всего в целом продолжает изменяться, если интерпретатор продолжает обдумывать прочитанное. Сложная абстрактная система является *открытой* в смысле обмена информацией с тем, что ею не является. Она возникает в *активной среде* понятий и их связей. Она даже характеризуется *операциональной замкнутостью*. Для поэтического произведения, например, *операциональная замкнутость* означает определенную смысловую когерентность. Система может порождать в сознании интерпретатора неограниченно большое число смыслов, но не любых смыслов, она сопротивляется хаотическому толкованию и по отношению к смыслам, которые ей можно приписать, проявляет селективность. Система проявляет внутреннюю детерминацию, следует собственным законам. Она проявляет признаки самореферентности. При этом система остается открытой для множества интерпретаций. Множественность смыслов при трактовке – если произведение достаточно сложное, то есть допускает большое число толкований – приводит к соприкосновению со «смысловым хаосом» и выходу из него читателя, который обогащается новыми возникающими смыслами.

3. Сложность творческого акта

В нашем микроанализе творчества за акт мы принимаем не самое простейшее действие, но самое короткое действие, обладающее свойством целостности, – написание отдельного поэтического произведения, стихотворения.

Акт в данном случае отличается от системы тем, что сложность системы разворачивается в пространстве, хотя самоорганизация и развитие ее идут во времени. Сложность же творческого акта следует искать во времени и только во времени его протекания. В этом смысле он не система – не материальная и не абстрактная, хотя в его протекании немаловажную роль играют системы. Акт поэтического творчества имеет дело с большим числом разнообразных элементов (например, слов, концептов), между которыми в творческом сознании существует многообразие связей. Понятие сложности акта творчества связано с понятиями *целостности* и *осмысленности* продукта этого акта – произведения. Целостный акт приобретает эмерджентные свойства, среди которых – его экзистенциальная осмысленность. Хотя акт совершается во времени, в сознании, в экзистенции совершающего его он существует как целое раньше своих подактов. Это проект, переходящий в свое осуществление. *Проект акта динамичен*, меняется и преобразуется с совершением каждого своего подакта. В этом смысле он так же зависит от своих подактов, как они – от него. В момент жизни проекта творческого акта, альтернативы каждого подакта классифицируются по степени возможности реализации. Экзистенциальный смысл проекта творческого акта является таким же динамическим, сложным во времени, как сам проект, т.е. как целое меняется с каждым совершенным выбором альтернатив, с выполнением каждого подакта, при этом в свою очередь изменяя смысл всех предшествующих подактов, организуя их.

Литература

1. *Шюц А.* - Избранное: Мир, светящийся смыслом (сост. Смирновой Н.М.); пер. с нем и англ. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.
2. *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Основания синергетики: Человек, конструирующий себя и свое будущее. Изд. 4-е, доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.
3. *Филатов В.П., Князева Е.Н., Аршинов В.И., Семирухин Л.В., Антоновский А.Ю.* Обсуждаем статьи о сложности // Эпистемология и философия науки, №4, 2008.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ-БРФФИ № 11-23-01005 а/Вел

ИМПЕРАТИВЫ СЛОЖНОСТИ В УПРАВЛЕНИИ СОЦИАЛЬНЫМИ ИЗМЕНЕНИЯМИ

И.Е.Москалев (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва)

Время нестабильности, неустойчивости, являющее себя в новых вызовах и рисках, исключает возможность пассивного наблюдения за ходом истории. Управление динамикой социальных изменений на макро, мезо и микро-уровне – предмет современной теории и практики социального управления. События, которые мы наблюдаем в современном

мире, оставляют все меньше времени для размышлений и шансов на успех для инерционных сценариев. Будущее формируется в процессе выявления актуальных проблем и существующих тенденций, прогнозирования и постановки стратегических целей. Однако непредсказуемая динамика, риски и кризисы заставляют принять логику *сложносистемного* мышления, в которой прошлое и будущее связаны кольцевой причинностью. Незначительные локальные действия, могут вызвать глобальные перемены, а огромные средства и усилия, вложенные в многообещающие проекты, не принести ожидаемых результатов.

Сложные системы характеризуются, как правило, большим числом элементов и их взаимосвязей, высокой динамикой изменений. Однако, представляя общество как сложную социальную систему, необходимо указать еще на один аспект, принципиально отличающий социальные системы от всех прочих систем. Элементы социальной системы являются рефлексивными субъектами, строящими планы и прогнозы на основе своего восприятия и понимания текущей ситуации, а также определенных ожиданий. Их представления и интерпретации оказываются активными сами по себе и формируют ситуацию в настоящем. В процессах конкуренции и кооперации различных моделей и описаний формируется пространство разделяемой реальности и основания для совместных усилий в направлении достижения общих целей.

Социальные системы – это системы, смотрящие на самих себя, поскольку общество работает с самореферентными моделями, являющимися проектами его самого и его внешней среды. В этом, с точки зрения Никласа Лумана, проявляется одновременно тавтология и парадокс [1]. Общество, согласно Луману, таково, каким оно нам представляется, т.к. все эти представления являются частью самого общества, и, в то же время, общество есть всегда нечто отличное от этих описаний. В этом контингентном зазоре открывается пространство для инноваций, изменений, новых проектов и рисков.

Способность вынести все позитивное из опыта прошлого и не повторять ошибок в будущем характеризует когнитивные способности системы, а механизм его развития идентичен процессу обучения. Здесь возникает вопрос о возможности проведения более строгих оценок когнитивных способностей различных обществ и управления самим этим процессом.

Несомненно, что огромное значение в контексте заявленной проблематики представляют практические технологии и подходы к управлению процессами социальной самоорганизации, учитывающие множественность и амбивалентность ее сценариев. Возможно ли в этой связи предложить общую методологию – некую основу, подобную универсальной матрице для принятия решений?

Теория самоорганизации (синергетика) в связке с рефлексивным подходом (представленным теорией рефлексивности, кибернетикой 2-го порядка, концепцией автопоэзиса и др.) может выступить здесь в качестве особого интеллектуального инструментария, органично сочетающего различные модели рациональности и обеспечивающего междисциплинарный синтез.

Согласно современным концепциям самоорганизации в их приложении к социальным процессам общество рассматривается как сложная самоорганизующаяся коммуникативная система. В коммуникации происходит связывание смыслов, поэтому общество представляется автопоэтической системой смысловых коммуникаций. Социальная система упрощает сложность произвольности и разнообразия возможностей поведения социальных субъектов схватыванием устойчивых смысловых форм.

Различные трансформации социальной системы проявляются в динамическом изменении формирующей ее коммуникативной сети и порождении новых смыслов.

Анализ современных (постнеклассических) системных идей позволяет сформировать императивы социального управления изменениями в обществе:

- сохранение коммуникативной целостности системы;
- приращение социального капитала (потенциала самоорганизации);
- возможность выбора у социального субъекта;
- возможность дальнейшего развития социальной системы.

Инновационный потенциал общества заключается в его способности находить новые пути решения социальных задач. Система, способная делать выбор, расширяет свое когнитивное пространство. Нарращивает свою когнитивную сложность и выходит на новый уровень рефлексии, формирует свою субъектность. Примитивизация когнитивных процессов – путь к деградации. Роль государства как субъекта стратегического управления, устанавливающего отношение настоящего с прошлым и будущим на макроуровне здесь чрезвычайно важна. Именно государству предстоит быть субъектом ответственности за решения в поиске пути между возможностью и неизбежностью, в процессе формирования и развития цивилизации. В этой связи возникает необходимость определения приоритетных целей развития государства и общества, моделирования глобальных процессов, разработки прогнозов и сценариев развития, управления рисками.

Литература

1. Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социологос. - Вып. 1. - М., 1991.

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 10-06-00171-а «Общественно-негативное развитие социальной самоорганизации: генезис и преодоление».

ФИЛЬТРЫ ГРУППОВОЙ РЕФЛЕКСИИ В ПОЛИСУБЪЕКТНОЙ СРЕДЕ

М. И. Найденов

(Институт социальной и политической психологии НАПН Украины, г. Киев)

В полисубъектной среде (Лепский) [1] в качестве способов интенсивного развития могут использоваться фильтры групповой рефлексии. По сути

конструирование полисубъектной реальности, которая состоит из множества онтологий каналов реальности отдельных субъектов и фокальных точек их переходов, акцентирует понимание рефлексии в функции фильтра.

Понятие фильтра близко к функции установления границ взаимодействия в понимании онтологии рефлексии А.С.Шаровым как сопряжения прямой и обртаной интенсиональной психической активности [2]. В теории групповой рефлексии [3] идея фильтров конкретизируется и наполняется содержанием на основе положений о транзитарности, реверсивности, взаимообусловленности рефлексивных процессов взаимодействующих субъектов. Групповая рефлексия является межсубъектно транзитарной, то есть ее формы, осуществленные в интересубъектном пространстве одним лицом, могут быть использованы другими субъектами. Сопротяженные в общем пространстве и времени, процессы рефлексии индивидуальных и групповых субъектов являются взаимообусловленными. Реверсивность рефлексивного процесса направляет его на расширение или концентрацию переосмысления, последнее осуществляется за счет функционирования фильтров. Согласно теории групповой рефлексии на основе анализа дискурса рефлексивные процессы субъектов могут быть реконструированы, а изменения структур дискурса могут обуславливать изменения рефлексивных процессов, обеспечивая принципиальную *управляемость* групповой рефлексии.

Фильтры рефлексии обуславливают сосуществование субъектности (как иерархическом, так и гетерархическом). Со стороны отдельного субъекта проявляются в идентификации иных субъектностей вместе с их ресурсами и рисками влияний. Фильтры рефлексии – это сужение сознания, которые функционируют в скоординированном режиме с другими сознаниями. На этой функции рефлексии важно сделать акцент потому, что в большинстве случаев, когда идет речь о рефлексии как механизме развития, имеется в виду расширение сознания: преодоление стереотипов, построение нового понимания, переосмысление и т. д.

Фильтр рефлексии представляет собой скоординированное сворачивание процессов субъектности. На самом деле без этой функции невозможно обеспечить паритетность субъектов, особенно в ситуации совместного творчества, необходимого для совладания с вызовами самой среды разного масштаба, а также с состояниями субъектов, которые также являются параметрами среды (проблемностью и конфликтностью).

Функция фильтров рефлексии, то, для чего они функционируют на личностном уровне (в том числе, в стихийном варианте осуществления) – разрешение, а в более общем виде – превенция конфликта ценностей и установок, которые потенциально возможны в различных каналах реальности. Более того, отдельный субъект (индивидуальный или групповой), имеющий историю принадлежности, встроенности в других групповых субъектов и их коалиций, несет в своей психике радикалы онтологии иной реальности. Чаще всего радикалы проявляются в конфликте ценностей, видений, но функционируют и вне такой конфликтной манифестации как своего рода интроекты фрагментов чужой реальности. Установление фильтров рефлексии направлено на выявление таких радикалов

иной субъектности и их переработку, а в последующем – обеспечение непроницаемости границ для таких чужеродных осколков иной реальности.

Одной из форм установления фильтров рефлексии есть использование стратегических установок. Так, установка на соподчиненность предполагает принятие упорядоченности реальности другого субъекта как своей собственной. В этимологии таковым является генезис сознания – как совместного (разделенного обоими единого) знания. Другой вариант установления фильтров рефлексии предполагает актуальное присутствие в индивиде разных коалиций и состоит в основании иерархии разных «мы». Эта иерархия может совпадать с социальным статусом или доминированием групп, а может принципиально не совпадать, выполняя при этом функцию фильтра для согласования противоречий (и когнитивных и ценностных). Актуальная социализация – подтянуться к новому социуму (адаптироваться к каналу реальности) или внедрить в него нечто новое, утвердить свое как новое.

Идея фильтров рефлексии вносит особенности в осуществление рефлексивного управления. Когда кем-то осознаны позиции, способности отслеживать рефлексивные процессы в сообществах и индивидах, это может стать транзитарным ресурсом рефлексии. Творческой задачей технолога станет задача предоставлять собственную рефлексивную в таком качестве, которая для другого тоже будет своей. Тут вступает в силу логика самоуправления, субъектинвого и объективного открытий.

Особенно важным является установление фильтров рефлексии при конструировании и инициировании новых субъектов, поскольку это составляющая управления рефлексией потенциального субъекта, реальность которого только еще будет создана в будущем. Операционально достигается путем проектирования опыта коалиций и его переосмысления. При этом существенным является траектория коалиций с субъектами разного уровня рефлексивных ресурсов.

Пожалуй, наиболее ярким примером решения такой задачи рефлексивного управления несуществующим субъектом является создание нового коллектива при слиянии организаций, которые много лет конкурировали друг с другом как лидеры рынка. Феноменология работы с фильтрами рефлексии проявляется при **сборке** нового группового субъекта на рефлексивной площадке тренинга-практикума при взаимодействии с командой рефлексивных тренеров. Применение таких технологий подтвердило свою эффективность для решения задач психологического обеспечения слияния.

Имеет смысл говорить о развивающей функции фильтров рефлексии, исходя из понимания единства творчества (иновационной составляющей среды) и стабилизации. Сужение сознания (и объема рефлексии) вследствие работы фильтров рефлексии является этапом подготовки себя к интенсификации рефлексии, обеспечения готовности к расширению. Позиция – готовить себя к расширению, когда необходимо создать пробой между старыми закладками реальности и распознавания сформировавшихся неадекватным новым изменениям стереотипов.

Литература

1. *Лепский В.Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: «Когито-Центр», 2010. – 255 с. http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010a.pdf
2. Рефлексивный подход: от методологии к практике / Под ред. В.Е.Лепского – М. «Когито-Центр», 2009. — 447с.
3. *Найденов М. І.* Формування системи рефлексивного управління в організаціях. – К. : Міленіум, 2008. – 484 с.

РЕФЛЕКСИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СЛИЯНИЯ КОНКУРЕНТОВ РЫНКА

М. И. Найденов

*(Институт социальной и политической психологии Национальной
Академии педагогических наук Украины, Киев, Украина.)*

Актуальность проблемы. Проблема объединения (слияния) компаний кроме организационного и финансового аспектов сохранения предыдущих и создании новой объединенной сущности, имеет весомую психологическую составляющую. Именно она становится во многих случаях причиной неудачного объединения (по статистическим данным лишь 20% случаев слияния завершаются успешно). Вариант слияния компаний - лидеров рынка включает в себя еще большие риски и требует обязательной технологической поддержки. Проблема управления субъектом, которого еще нет формулирует новые требования к рефлексивному управлению. В рамках групп-рефлексивного подхода (М. Найденов) разработана мета-технология формирования системы рефлексивного управления, которая направлена на создание условий для психологического обеспечения эффективного объединения организационных культур и дает возможность эффективного решения ряда проблем управления персоналом в ходе слияния.

Цель - провести анализ случаев психологического обеспечения слияния двух компаний - лидеров рынка минеральных вод Украины, в котором использовалась групп-рефлексивная проектная мета-технология (ПМТ). Вместе осуществить теоретический анализ метода ПМТ как модели преодоления сложнокоординированности слияния через формирование системы рефлексивного управления.

Результат исследования. Руководство компаний накануне слияния принимает решение о привлечении технологической поддержки процесса опосредованно - через внешнюю группу развития психологической рефлексивной специализации. Практические задачи данного проекта были достаточно определенными: избежать нивелировки и взаимоуничтожения двух организационных культур, расположить персональные уровни притязаний сотрудников в стратегической канве слияния, скоординировать задачи сокращения персонала с ценностями социальной политики предыдущих компаний и т.д.. Статус особой значимости имел теоретический аспект анализа случая, ведь ситуация слияния служила эмпирической моделью изучения сложно-координированной организации. Признаки сложности, разностатусовость, разнопредметность как компоненты

сложнокоординированности были усилены "образом врага", созданным в организациях на предварительном этапе конкуренции и подтвержденным не только как корпоративная легенда, но и как способ действия в абонентской зоне ответственности каждого работника. В качестве системообразующих факторов слияние двух культур в мета-технологии были предложены: а) элемент корпоративной культуры "внутренний заказчик - внутренний исполнитель" и б) центральная идея бизнес компетентности как своевременность цикла инвестирования. На этой основе конструировались 4 модуля проекта, мишенью которых последовательно стали стратегические менеджеры, тактические менеджеры, вообще весь персонал. 1 и 2 модуля были инновационными, 3 и 4 - в жанре конкурса на замещение вакантных должностей в новой компании. Состав участников 1 модуля - топ-менеджмент, 2 - образовывался за представительным принципом (его основу составляли тактические менеджеры и представители стратегического и исполнительного уровней), 3 - происходил как конкурс среди тактических менеджеров, 4 - среди низового персонала, выполненный как цикл мероприятий в регионах присутствия компаний. Задача инновационных мероприятий заключалась в овладении участниками ролью заказчика слияния, которое достигалось благодаря совместной разработке: а) ценностей, выгод, рисков - для стратегического управления, б) критериев должностного соответствия на всех уровнях - для тактиков. В конкурсах (3 и 4 модуля) менеджеры - представители стратегического и тактического уровней - выполняли роль экспертов. Рефлексивные психологи (тренеры) в этих мероприятиях выполняли в управленческом смысле роль руководителей системы рефлексивного управления, в смысле психологической работы - роль модераторов, аналитиков, экспертов, и собственно тренеров.

Выводы. Мета-технология обеспечивает не только решение отдельной организационной проблемы средством создания и реализации проекта, но и формирует систему рефлексивного управления процессом взаимодействия заказчика и исполнителя в более широком социальном контексте, который определяет возможности ее эффективного использования для преодоления сложных организационных проблем.

АДСОРБЦИОННАЯ РЕФЛЕКСИВНАЯ СПОСОБНОСТЬ ЧЛЕНОВ ТВОРЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

*Л.А. Найденова (Институт социальной и политической психологии НАПН
Украины, г. Киев, Украина)*

Актуальность исследования социально-психологических механизмов обеспечения эффективного внедрения организационных изменений обусловлена быстрыми темпами макроэкономических преобразований, активизацией трансформационных процессов в обществе, ростом давления конкуренции на соответствующих рынках и рядом других динамических факторов. Соответствующих новому глобальному видению мира интеграционных социально-психологических концепций систематически не

хватает. Опережающее развитие научных подходов и интеллектуальных инструментов (теорий, концепций и т.п.) может быть достигнут только на пути построения эффективного механизма внедрения-абсорбции знаний организациями с одной стороны и механизмов порождения глобализованно-сетевых прикладных знаний - с другой. В организационной психологии в последние годы разворачивается широкая дискуссия вокруг понятия адсорбционная способность (АЗ) организации и ее членов, состоящая в изыскании, преобразовании и использовании новых знаний (Cohen, Levinthal, 1990; Van Den Bosch, Wijk, Volberda, 2003). В то же время, отмечается необходимость подхода к организации с позиций психологии сообществ, в рамках которых создается среда как для практики так и для создания новых знаний, вводится понятие сообществ-практик (Wenger, 1998; Plaskoff, 2003). Теоретическим основанием исследования выступает развитый в последние два десятилетия групп-рефлексивный подход к развитию организационной культуры (М. И. Найденев), в целом исследование опирается на теоретико-методологические основы психологии профессиональных и территориальных сообществ (Л. А. Найденева).

Цель исследования заключается в теоретическом анализе современных концептов организационной психологии в области "менеджмент знаний и организационное обучение" в их единстве с мета-когнитивной социальной психологией и психологией сообществ. Предметом анализа определена роль творческих сообществ и их адсорбционная рефлексивная способности в обеспечении организационных изменений.

Метод исследования предполагает теоретический анализ с выделением ключевых позиций в научной дискуссии по АЗ и сообществ-практик, их дальнейшую интеграцию с развертыванием прикладного значения и теоретической значимости интеграционного подхода для развития украинской организационной психологии.

Результаты теоретического анализа концепта АЗ показывают, что он позволяет интегрировать минимум три конструкты: способность к распознаванию ценности внешнего для организации знания; способность ассимилировать (как соотнесенного с существующим, включенного в систему) знания, способность использовать новое знание для получения коммерческих преимуществ. Предпосылками функционирования АЗ организации являются а) система соотнесенных знаний (совместный кластер знаний в организации) и б) внутренний механизм влияния на АЗ через структуру коммуникационных процессов и характер и распределение знаний и экспертных функций в организации. Анализ конструкта сообществ-практик в организации позволяет выделить в качестве ключевого понятия intersubjectности сообщества, которое достигается через разделению-присоединению знаний и общее понимание практики сообщества в ее истории; intersubjectность рассматривается на основе трехмерной модели (вера, действие, принадлежность) и раскрывается через ответственность, причастность и приверженность сообщества. Интеграция рассмотренных концепций может быть обеспечена за рассмотрение АЗ сообществ-практик в

контексте мета-когнитивных механизмов создания концепции и программы внедрения организационных изменений.

Выводы. Интерсубъектность сообществ-практик составляет сущностную основу развития АЗ как фактора эффективности организационных изменений. Определены условия и механизмы активизации АЗ творческих команд организационных изменений успешно апробированы нами в контексте обеспечения слияния корпоративных культур отдельных компаний и могут быть рекомендованы в двух форматах внедрения: а) социально-психологическое обеспечение организационных изменений внешней группой развития (на основе аутсорсинга), б) в форме мета-когнитивных программ создания и функционирования внутреннего корпоративного университета.

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РЕФЛЕКСИВНЫХ МОДАЛЬНОСТЕЙ В РАЗЛИЧНЫХ СРЕДАХ У ВЗРОСЛЫХ И ЮНОШЕСТВА

*Найденова Л. М. (Институт психологии им. Г. С. Костюка НАПН
Украины, г. Киев, Украина)*

Рефлексия является важным фактором развития личности и среды. Сейчас актуальны исследования факторов формирования сред инновационного развития [1]. Нас заинтересовал вопрос: в каких средах в естественных условиях «живет» рефлексия. Мы исходили из предположения, что именно дружеские отношения – контекст, который способствует формированию рефлексивной инновационной среды.

Для проверки этой гипотезы мы провели исследование особенностей репрезентации рефлексивных модальностей в естественных условиях у взрослых и юношества. Мы применили созданную нами методику, в которой для оценки модальностей использовались параметры, разработанные для активизации рефлексии в процедурах личностной рефлексии (публичного самоисследования, призванного препарировать свои чувства, отношения, знания, опыт в рефлексивном творческом тренинге-практикуме) [2].

Такие же модальности использовались в рефлексивном интервью с участниками массовых акций [3]. Респондентам предлагалось ответить на вопросы что нового в чувствах, отношениях, знаниях и опыте они приобрели в текущем событии.

Взяв за основу вопросы рефлексивного интервью, мы модифицировали их, чтобы получить информацию об особенностях репрезентации рефлексивных сред в естественных условиях у взрослых и юношества путем самоотчета. Однако если в рефлексивном интервью основной запрос касается мониторинга изменений в этих сферах (вопрос «Что нового...»), то в методике нас интересовала частота обращений к этим модальностям рефлексии в разных контекстах. В частности, «индивидуально-рефлексивный аспект»: «Я обращаюсь мыслями к своим чувствам... отношениям... знаниям... опыту...». И «групп-рефлексивный аспект» (три компонента): «Я разговариваю с друзьями о себе и своих чувствах... отношениях... знаниях... опыте», «Я разговариваю с родителями о себе и своих чувствах... отношениях... знаниях...

опыте», «Я разговариваю с другими людьми о себе и своих чувствах... отношениях... знаниях... опыте». Таким образом, в качестве контекстных сред нами были заданы друзья родители и другие люди.

Оценка каждого вопроса происходила по пятибалльной шкале Лайкерта: никогда, редко, иногда, часто, очень часто. В исследовании так же использовался модифицированный нами имплицитно-ассоциативный тест [4].

В исследовании приняло участие 123 человека, из них 35 взрослых, в возрасте от 21-го года до 63-х лет и 88 молодых людей в возрасте от 15 до 18 лет. Всего 68 женщин и 65 мужчин.

В первую очередь можно сказать, что частота репрезентаций рефлексивных модальностей у взрослых больше чем у юношества во всех средах – 3,2 и 2,9 пунктов соответственно (среднее значение оценок в баллах). При этом индивидуально-рефлексивный аспект преобладает над групп-рефлексивным как у взрослых (3,8 и 3,0) так и у молодых людей (3,4 и 2,7). Однако, если рассмотреть частоту репрезентаций в различных средах, мы увидим, что в среды «друзья» (3,3 у взрослых и 3,0 у молодежи) и «родители» (3,2 и 3,0) достаточно схожи и лишь незначительно отстают от «самостоятельного обдумывания», тогда как среда «другие люди» значительно выпадает из этого ряда (2,5 и 2,1). Если обратить внимание на модальности рефлексии, мы увидим, что показатели модальностей рефлексии знания и опыта наиболее выражены практически во всех средах, как у взрослых так и у юношества, и чаще всего «лидирует» одна из них. Особенно это заметно в индивидуальном рефлексивном аспекте, где эти модальности имеют самые высокие показатели (3,7) в целом по выборке. Модальность рефлексии знания наиболее представлена у взрослых в среде друзей (3,6), а у молодых людей – в среде родительской семьи (3,5), в дружеском же контексте у юношества преобладает модальность рефлексии опыта (3,3). Интересная особенность среды родителей у взрослых – рефлексия там сбалансирована, частота представления модальностей приблизительно одинакова.

Модальность отношения отличается тем, что во всех средах (кроме «другие люди») представлена приблизительно на одном уровне, причем и у взрослых (3,4-3,5) и у юношества (3,0-3,1).

Модальность чувств является наименее представленной во всех средах, кроме индивидуально-рефлексивного аспекта, где незначительно преобладает над отношениями (3,3 и 3,1).

В целом, исходя из полученных данных, мы можем сказать, что в представлениях людей средой рефлексии в естественном контексте является не только дружба, но и другие доверительные и близкие отношения (например, с родителями). Доверие в репрезентациях взрослых и юношества чаще всего выступает основой, на которой развиваются групп-рефлексивные процессы в естественных условиях.

Литература

1. Лепский В.Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: «Когито-Центр», 2010. – 255 с. http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010a.pdf

2. *Найдьонов М. І.* Формування системи рефлексивного управління в організаціях / М. І. Найдьонов. — Київ, 2008. — 484 с.
3. *Найдьонов М.І.* Рефлексивне інтерв'ю як засіб моніторингу та експертизи конфліктних станів учасників масових протестних акцій / М. І. Найдьонов // Конфліктологічна експертиза: теорія і методика. — 2005. — С. 133—137. — (Інститут педагогіки та психології професійної освіти АПН України; т-во конфліктологів України; вип. 4 "Актуальні проблеми конфліктологічної експертизи").
4. *Greenwald, A. G., Banaji, M. R., Rudman, L. A., Farnham, S. D., Nosek, B. A., & Mellott, D. S.* (2002). A unified theory of implicit attitudes, stereotypes, self-esteem, and self-concept. *Psychological Review*, 109, 3-25.

РЕФЛЕКСИВНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА В ОБРАЗОВАНИИ

Н.В.Наумчик

*(Украинское отделение Института рефлексивной психологии
творчества и гуманизации образования, г. Севастополь, Украина)*

Личностно-ориентированный подход в обучении и воспитании – это принципиально иная, по сравнению с традиционной, образовательная парадигма. Ее главной особенностью выступает запрет на жесткую регламентацию темпов и направлений психического развития учащегося и предоставление развивающейся (актуализирующейся) личности свободы учиться – вплоть до свободы не учиться, если личность сделала для себя такой выбор. Личностно-ориентированная педагогика, восходящая к клиент-центрированной терапии К.Роджерса, основывается на признании права личности самой решать, что для нее есть благо и польза, что ей взять из предлагаемых ей средств для развития, а что отбросить. То, что в традиционной педагогике является целью – изучение и усвоение определенной информации – в личностно-ориентированной педагогике выступает средством образования, и, наоборот, то, что в традиционной педагогике выступает средством обучения и воспитания – такие жизненные умения личности, как общение, труд, творчество и, главное, осознание и самоосознание – есть цели личностно-ориентированной педагогики [1]. Все это выдвигает перед педагогом совершенно новые и более сложные требования, прежде всего – требование готовности к полноценному рефлексивному диалогу с учащимся в ситуации их взаимодействия в учебно-воспитательном процессе. Это естественно, так как личностно-ориентированная педагогика – это не педагогика давления и произвола и не педагогика устроительства, а педагогика помощи, диалога, «ответа на запрос» самореализующейся личности и «сообщения» ей жизненно необходимой (для жизни в самом общем и широком смысле слова) информации о ней самой и о мире, в котором она живет. Для того, чтобы быть способным «слышать» и удовлетворять этот «запрос», педагогу необходимо уметь «быть с учащимся». Ему также необходимо слышать и понимать самого себя в ситуациях

педагогического общения и уметь контролировать адекватность своих действий собственным взглядам и педагогическим целям, поскольку только в этом случае взаимодействие будет действительно диалогичным и действительно педагогичным [2]. Такая глубокая рефлексивная сосредоточенность преподавателя на процессе предметного общения с учащимися предполагает наличие у него ряда важных способностей, умений и личностных черт, прежде всего рефлексивных, таких как: 1) способность и склонность к децентрации (самодистанцированию), которая означает выход за пределы собственного видения ситуации и рассмотрение ее с разных точек зрения и которая, в минимальном варианте, предполагает личностную зрелость и самодостаточность педагога, его свободу от собственных проблем, удовлетворенность в целом своей жизнью и, основанную на этом, психоэнергетическую возможность уделить внимание кому-либо (или чему-либо) еще, помимо самого себя, в максимальном (в виде центрации на интересах обучающихся [3]) – реальную личную заинтересованность в удовлетворении их жизненных (в том числе – образовательных) потребностей; 2) способность, напротив, к актуальному самоуглублению как главному основанию возможности общаться на глубинном уровне, уровне истинного «Я». Эти особенности личности педагога проявляются в безусловном принятии им учащегося таким, каков он есть, и готовности к помогающему действию в отношении учащегося тогда, когда это действие востребуется ситуацией, когда на него от учащегося «идет запрос». Они проявляются также в конгруэнтности и аутентичности педагога, в его самопонимании и принятии себя как личности и, соответственно, в непринужденной доброжелательности, с одной стороны, и личностной независимости, умении не позволять манипулировать собой, с другой. Наблюдение за учебно-воспитательным процессом, анализ конфликтных ситуаций в школе или вузе и обращений педагогов за помощью к психологу показывают, что в большинстве случаев педагоги испытывают затруднения как раз в межличностных отношениях и общении, многие ощущают неудовлетворенность обстоятельствами своей жизни, усталость, плохое физическое самочувствие. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в педагогической реальности гуманистическая центрация «на учащемся» является далеко не единственным вариантом профессиональной педагогической позиции, а обнаруживается широкий спектр личностных педагогических центраций («эгоистическая», «административная», «познавательная» и другие), так или иначе поддерживающих собственное «Я» педагога. Это связано с тем, что в любую осуществляемую им деятельность каждый человек вкладывает свой, значимый для него смысл, решает свои задачи [4]. Эти подлинные задачи его деятельности могут быть очень далеки от требуемых и декларируемых, но всегда соответствуют истинным глубинным потребностям его личности. Это реальность, с которой нельзя не считаться. Изменить ее можно, только двигаясь навстречу реальным потребностям самого педагога, осуществляя личностно-ориентированный подход по отношению к нему самому и способствуя, таким образом, рефлексии и разрешению им его собственных жизненных проблем,

росту его самопринятия и самосознания, и, далее – осмыслению им себя в более широком круге жизненных координат, развитию его социального интереса и приобретению им на этой основе новых конструктивных навыков общения и поведения. То есть, успешность гуманизации педагогической реальности и придания ей действительной личностной ориентации во многом зависит, на наш взгляд, от оказания педагогу адекватной рефлексивно-психологической помощи (помимо, естественно, помощи ему экономическими и правовыми мерами). Такую помощь педагогу может оказать психолог, работающий в образовательном учреждении и являющийся, с одной стороны, членом педагогического коллектива, коллегой учителя или преподавателя, постоянно взаимодействующим с ним при решении текущих педагогических задач, с другой – в силу своей профессиональной роли в учебном заведении и специфики психологической профессии – проводником идеи самоценности, неповторимости и «неконечности» личности, защитником и фасилитатором живой, динамичной психической реальности человека [5]. В условиях становления личностно-ориентированного подхода в образовании важной задачей школьного и вузовского психолога должно стать, на наш взгляд, построение такого рефлексивного взаимодействия его и педагога, в котором были бы смоделированы желаемые формы взаимодействия учителя и ученика, преподавателя и студента. Прежде всего – это безусловное принятие психологом любого педагога таким, каков он есть, и его готовность к помогающему действию в отношении учителя (преподавателя) тогда, когда от него к психологу «идет запрос». Это поможет педагогу испытать на собственном опыте целебную и развивающую силу личностно-ориентированного взаимодействия и, отрефлексирав его смысловые и содержательные особенности, обогатить новыми – рефлексивно-диалогическими [6] – проявлениями репертуар собственного педагогического поведения. Реализация личностно-ориентированной парадигмы требует гуманизации учебно-воспитательного процесса и согласованных действий всех звеньев сложной образовательной системы, в частности – тесного, личностно-ориентированного и рефлексивно-коммуникативного взаимодействия психологов и педагогов.

Литература

1. *Роджерс К., Фрейберг Д.* Свобода учиться. – М.: Смысл, 2002. – 527 с.
2. *Гиппенрейтер Ю.Б.* Общаться с ребенком. Как? – М.: АСТ. - 2008. – 240 с.
3. *Орлов А.Б.* Психологические центрации в профессиональной деятельности учителя // Новые исследования в психологии и возрастной физиологии. – 1989. – №2. – С.52 – 56.
4. *Копьев А.Ф.* Между свободой и необходимостью: к методологии краткосрочного психологического консультирования // Вопросы психологии. – 1996. - №4. – С.44 – 54.
5. *Абрамова Г.С.* Практическая психология. – М.: Издательский центр «Академия», 1997. – 368 с.
6. *Давыдова Г.И., Семенов И.Н.* Развитие индивидуальности в рефлексивно-диалогическом взаимодействии // Мир психологии. 2008. N 3

РЕФЛЕКСИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ФОРСАЙТ

В.В. Никитаев (эксперт ЮНИДО, Москва)

1. Оба термина, вынесенные в заголовок, сегодня нередко трактуются весьма свободно. Согласно исходному определению В.А. Лефевра от 1967 года, рефлексивное управление – это *«процесс передачи оснований для принятия решения одним из персонажей другому»* [1, с.48]. Наряду с этим, сегодня существует и предельно широкое понимание рефлексивного управления как *«управленческой деятельности, осуществляемой на основе рефлексии и посредством рефлексии»* [2]. Еще более широкий спектр значений имеет термин «форсайт», под которым нередко понимается едва ли не любое «предвидение» будущего, использующее методы групповых экспертных опросов, обсуждения и оценивания. Относительно рефлексивного управления мы будем придерживаться исходного определения, а что касается форсайта, то будем следовать концепции FOR-LEARN, принятой в ЕС [3]. Согласно данной концепции, форсайт определяется «треугольником»: **Мышление о будущем, Обсуждение будущего и Формирование будущего.** Характерными особенностями форсайта служат также **представительность и систематичность.**

2. Понятие рефлексивного управления, как известно, было введено в контексте исследования и управления «конфликтующими структурами», как попытка концептуализации и алгоритмизации для ЭВМ некоторых аспектов военного искусства. Поясняя вводимое им понятие, Лефевр пишет: *«Любые «обманные движения», провокации, интриги, маскировки, создание ложных объектов и вообще ложь произвольного типа представляют собой рефлексивное управление»* [1, с. 48]. В докладе 2002 года Лефевр делает несколько иное пояснение: *«Термин «рефлексивное управление» может пониматься в двух смыслах. Во-первых, как искусство манипуляции людьми и объединениями людей. Во-вторых, как специфический метод социального контроля»* [1, С. 454]. Однако и в такой «политкорректной» форме рефлексивное управление всё еще выглядит достаточно далеко отстоящим от форсайта, декларирующего полную прозрачность целей и процедур, привлечение широкого круга участников, демократичность, информационную открытость и т.д. Тем не менее, мы намерены показать, что на уровне глубинных оснований рефлексивное управление и форсайт «смыкаются», так что вполне возможно рассматривать форсайт в ракурсе практики рефлексивного управления.

3. Рефлексивное управление как таковое конституируется за счет использования в нем **рефлексии**. Рефлексия трактуется как способность субъекта встать в позицию «наблюдателя», «исследователя» или «контролера» как по отношению к своему телу, своим действиям, своим мыслям, так и по отношению к другому «персонажу», его действиям и мыслям [1, с.16]. Данное понимание рефлексии формализуется в понятии **рефлексивной системы** как системы, *«один из элементов которой выполняет функцию отображения целого»*. В схематизме конфликтующих структур, целое включает в себя «плацдарм» и два (как минимум)

конфликтующих персонажа; по крайней мере, один из которых обладает рефлексией, то есть способностью на своем «экране сознания» (или «планшете») отображать («осознавать») ситуацию на плацдарме, включая себя и своего противника, «внутренний мир» которого он пытается имитировать. Рассматривая различные варианты рефлексивного управления, Лефевр отмечает, что наиболее развитыми способами управления является формирование *«рефлексивного строения управляемого персонажа»* или *«оператора осознания»* (=рефлексии) [1, с. 50]. Если это удалось, то решения управляемого персонажа *«в совершенно различных ситуациях могут быть с достаточной уверенностью предсказаны персонажем, осуществившим такую процедуру управления»* (там же).

Здесь мы вплотную подходим к форсайту, к его рефлексивной основе. Начнем с того, что в форсайте участвуют те, кого он непосредственно касается. В качестве экспертов по тому или иному вопросу привлекаются не просто те, кто обладает знаниями в требуемой области, но кто принимает решения, активно работает и обладает именем и авторитетом в соответствующей сфере деятельности. Это значит, что экспертам, чтобы ответить на поставленные вопросы, необходимо, как минимум, осуществить **рефлексию ситуации в своей сфере деятельности**. Далее, обязательным требованием к форсайту является его итеративный или **рекурсивный** характер. В ходе форсайта, как правило, формируется **экспертная сеть**, функционирование которой предусматривает периодический возврат к полученным результатам, оценку их соответствия реальным событиям и корректировку, вплоть до полного пересмотра, разработанного ранее «образа будущего». Иначе говоря, каждый новый форсайт начинается с рефлексии предыдущей реализации в контексте новой ситуации. Наконец, не только в плане общей организации, но и на уровне применяемых методов реализация форсайта включает систематическое использование рефлексии.

4. На первый взгляд, существенное различие между форсайтом и рефлексивным управлением заключается в том, что форсайт конституируется как специфическая «работа с будущим», в теории же рефлексивного управления фактор времени практически не упоминается. Тем не менее, в рефлексивном управлении существует достаточно четкая темпоральная конструкция. Рефлексивное управление, по определению, заключается в «передаче» одним субъектом другому «оснований», из которых он «выводит» предопределенное первым решение. Очевидно, что между моментом передачи оснований и принятием решения имеется временной лаг, который в общем случае не может быть в точности рассчитан и проконтролирован управляющим, поскольку существенно зависит от субъективности управляемого персонажа и других факторов, вносящих неопределенность. То есть, если *«передача оснований»* происходит в **настоящем** (времени), рассчитывать на результат можно только в **будущем**. Управляющий субъект, учитывающий это обстоятельство, должен *«предопределять»* такое решение, которое будет выгодно ему в тот момент, когда будет приниматься и реализовываться, то есть в будущей ситуации. Следовательно, ему требуется некое видение этого **будущего**, отправляясь **от** которого «назад», он должен

решить задачу, какое действие ему следует предпринять в настоящем, чтобы дать искомое «основание» для управляемого субъекта. По сути, рефлексивно управляющий субъект должен решить задачи, аналогичные поисковому (идушему от настоящего – к будущему) и нормативному (из будущего – к настоящему) прогнозированию (или форсайту). Наконец, в большинстве случаев именно информация о **будущем** способна наиболее эффективно сыграть роль искомого «основания».

5. Ближайшая, или непосредственная цель форсайта как рефлексивного управления заключается в достижении консенсуса всех участвующих сторон применительно к «образу будущего» и вменения/принятия им моральной ответственности за поведение, влияющие на достижение этого будущего. Этот образ имеет рефлексивный характер, так как включает в себя и «образ будущего» (для) каждого участника, на основе которого он (участник) оценивает степень приемлемости для него того или иного варианта будущего, а другие участники имеют возможность выработать к нему (участнику) свое отношение, он же, в свою очередь, – оценить это отношение. Поскольку, с точки зрения участников, итоговый вариант выбирается как наилучший из множества всех возможных, то отклонения от него невыгодны всем заинтересованным сторонам. Соответственно, каждый начинает ориентироваться на данный образ и прилагать усилия к тому, чтобы реализовался именно он; и в той мере, в какой в форсайт удалось вовлечь всех или большинство субъектов, способных повлиять на процесс изменения ситуации, запускается механизм «самореализующегося пророчества». Таким образом, форсайт как рефлексивное управление участниками превращается в «управление будущим».

Литература

1. *Лефевр В.А.* Рефлексия. М., 2003.
2. *Усов В.Н.* Философия рефлексивного управления. Екатеринбург, 2008.
3. FOR-LEARN. Online Foresight Guide. <http://forlearn.jrc.europa.eu>.

ЭТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ ЛЕФЕВРА В МОДЕЛИРОВАНИИ ЭВОЛЮЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Ю.В. Никонов (ФГУЗ МСЧ № 59 ФМБА России, г. Заречный)

В настоящее время широко известны социальные сети Facebook, Twitter, российские – «В контакте», «Одноклассники», «Мой Круг» и т.д. Агент соцсети – человек, взаимодействующий с технической системой, поведение которого в определенной степени начинает зависеть от свойств этой системы (сети), того сообщества, которое он выбрал. В тоже время психофизиологические свойства, возможности человека лимитируют параметры, скорость обработки информации в сети [1].

С 2007 года развивается русскоязычный ресурс «А-я-яй. ру» (компания «Наносемантика») – сайт, по утверждению авторов, с помощью которого можно создать виртуальных персонажей (инфов), которые понимают обычную речь (пока – набранные на клавиатуре тексты). Применяемые технологии позволяют обучать инфов новым знаниям, придавать им

распознаваемые по внешнему виду и речи нужные черты характера. Для своего инфа можно выбрать внешний вид, обучить инфа отвечать на разнообразные вопросы, вынести его на свой сайт, в блог или социальную сеть. Инф может быть вторым «я» пользователя, которое разговаривает в блоге, пока нет «хозяина», а может быть помощником: секретарём, консультантом в интернет-магазине, сотрудником службы техподдержки. Сеть инфов – своеобразная модель соцсети – инфы общаются друг с другом, выстраивают рейтинги предпочтений и т.д. Постоянно проводится работа по развитию проекта: становится больше «рас» и модификаций инфов, воплощения инфов для разных социальных сетей. Возможно, за этим направлением развития сетей (развитие тенденции к множественному, все более сложному представлению личности) – большое будущее. Пока проект «А-я-яй. ру» более востребован детьми и подростками в игровых целях, но и первый полет братьев Райт мало походил на перелет через океан современного авиалайнера. В трактовке известного психиатра Виктора Самохвалова, поддержанной доктором физико-математических наук А. Гуцем – РМЛ (расстройство множественно личности) – основа для развития свойств необходимых человеку следующей фазы развития, человеку будущего. (По В. Самохвалову, душевные заболевания содержат символы будущего). Основной признак РМЛ, называемого так же диссоциативным расстройством личности, альтернирующей или перемежающейся личностью – видимость существования у человека двух или более разных личностей, проявляющихся не одновременно. Каждая из личностей характеризуется собственными предпочтениями, памятью. Обычно обе не имеют доступа к воспоминаниям друг друга. В период преобладания одной из психических субстанций пациент не помнит своей исходной личности и не осознаёт существования других личностей. В большинстве случаев каждая личность имеет своё имя. Они могут относиться к разному полу, расе, национальности, осознавать свою принадлежность к другой семье, а не к той, к которой принадлежал субъект. Интересно, что количество инфов в проекте «А-я-яй. ру» значительно больше количества пользователей. То есть многие пользователи создают не одного, а двух и более инфов – проекций собственных (обычно не вполне осознаваемых) субличностей.

По мнению Сергея Переслегина фазовый переход человеческого общества (преодоление постиндустриального барьера) может пройти по самому человеку, внутри его личности. Так архаическое сознание воспитанного в традиционном обществе боевика, в сочетании с использованием интернет-технологий, социальных онлайн-сетей, спутникового телефона, системы ориентации, наведения и т.д. может таить много сюрпризов.

А.А. Ежовым и А.Ю. Хренниковым предложено [2] моделирование методами статистической физики и нахождение равновесных состояний в социальных сетях, состоящих из взаимодействующих агентов с различными профилями функциональной асимметрии головного мозга. Гипотеза о связи этических систем по В. Лефевру [3] с доминантностью полушарий головного мозга позволила им использовать теорию рефлексивных структур в социальных моделях вообще и в моделях социальных сетей в частности.

Согласно гипотезе агенты модели – это люди, которые работают, общаются, создают ценности и обмениваются ими. Причем, агенты стремятся сохранить свой физический и ментальный ресурс. При обмене они могут удерживать часть имеющегося ресурса и обладать такой, связанной со временем характеристикой, как память. Двум базовым стратегиям агентов соответствуют две квантовые статистики (Бозе – Эйнштейна и Ферми – Дирака). Конкурентная среда у левополушарных людей отражена в модели в отталкивании фермионов, а кооперация правополушарных соотносится с притяжением бозонов. Таким образом, историю агента можно представить в виде трехсимвольной последовательности. Исходя из допущения, что мозг работает только с бинарными кодами, трехсимвольные последовательности (из чисел 1, 2 и 3) проектируются на бинарные. Из этого следует, что: 1) В каждом случае информация о событиях станет неполной; 2) Выбор бинарной кодировки станет неопределенным. Авторами модели проведено компьютерное моделирование ситуации, в котором агенты меняют свои свойства в результате фазового перехода. Если распределение материального ресурса достигнет высокой степени неравенства, то симметрия наборов памяти двух типов однородных агентов нарушится, у агентов возникают специфические для них кодировки памяти, то есть появляются две несовпадающие истории событий [2]. Представляется, что многоагентная модель может описывать и фазовый переход человечества в новое «постсингулярное» состояние. Причем этот переход совершит именно часть человечества, значительное количество людей останется на уровне прежней фазы развития. Возможно, именно в этой сфере оптимально моделирование перехода к когнитивной, постсингулярной фазе развития человеческого общества. Социальные сети – частный случай активных сред инновационного развития, ориентированных на множественные распределенные источники инноваций, они могут послужить основой для организации рефлексивно-активных сред инновационного развития с соответствующими технологиями.

Вышеуказанные положения могут иметь значение для становления VII социогуманитарного технологического уклада в России (в настоящее время идет подготовка к переходу к VI технологическому укладу – внедрение нано-, био-, информационных и когнитивных технологий). В том числе, это – развитие тенденции к множественному представлению личности в сетях с квантовоподобными свойствами [2,4]. По мнению В.А. Лепского [5], есть серьезные основания полагать, что технологиями седьмого технологического уклада будут социогуманитарные технологии и в первую очередь технологии формирования новых форм жизнедеятельности, конструирования социальной реальности. Возможно, это произойдет, наряду с иными изменениями, в результате фазового перехода ныне существующих социальных сетей, выхода на первый план малоизвестных широкому кругу интернет-технологий типа технологии «инфов».

Литература

1. *Губанов Д.А., Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г.* Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства. – М.: Физматлит, 2010. – 228 с.
2. *Ежов А.А., Терентьева С.С.* Асимметрия мозга, неравенство и многоагентные модели //Современные направления исследований функциональной межполушарной асимметрии и пластичности мозга. Материалы Всероссийской конференции с международным участием. М.: Научный мир, 2010. С. 20 – 24.
3. *Лефевр В.А.* Рефлексия. М.: Когито-Центр, 2003. 496 с.
4. *Никонов Ю.В.* Межполушарная асимметрия головного мозга и квантовые статистики при хроническом алкоголизме // Асимметрия 2010. Т. 4, № 1. С.12 – 23.
5. *Лепский В. Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2010. – 255 с.

«ГЕНЕРАТОР СМЫСЛА». ТЕХНОЛОГИИ 7-ГО УКЛАДА.

С.М. Норкин (Ассоциация инновационного развития, г. Вологда)

Проектно-аналитическая записка по итогам работы КИР за 2009 год «Методологические аспекты инновационного развития России», (Ответственный редактор В.Е.Лепский. Клуб Инновационного Развития Института философии РАН), обозначила для нас один из приемов работы: движение из предполагаемого будущего, сценарии которого еще не построены, не созданы, не написаны.

При том, что эти тексты однозначно указывали на невозможность для страны и народа в целом, как огромного симбиоза территории, населения, организационных форм промышленности, обслуживающих хозяйств и прочего, и прочего выступать «на равных» в конкуренции экономически, промышленно и научно развитых стран, они еще и обозначили область внимания, работа в которой может обеспечить конкурентные преимущества разработчикам.

Интеллект, финансовые, материальные, социальные и организационные ресурсы для перехода на ноосферную организацию всех сторон жизнедеятельности общества – именно эта область стала базовой в нашей дальнейшей работе. Необходимость соответствия требованиям эпохи смены технопромышленных укладов строго и точно ставит требование технологичности в любых разработках, тем более претендующих на востребованность возникающего, становящегося и во многом конструируемого, проектируемого и создаваемого технопромышленного (технологического) уклада.

Анализ жизненного цикла технологических укладов, анализ истории перемен укладов и формаций, анализа постепенного сдвига технологий от обеспечивающих выживание и безопасность к создающим комфорт и эстетические переживания позволил нам выделить технологии и технологичность и как обязательное условие, и как онтологическую площадку.

Замечено и зафиксировано смещение «механизации» и «технологизации» деятельности начиная от механизации сельскохозяйственного и промышленного производства, с заменой тяжелого физического труда к «механизации» интеллектуального труда: счетные устройства и машины, чертежные приспособления и удобные формулы, наконец, компьютер и базы данных. Социальное пространство также подвергается постепенной «механизации» и «автоматизации», заменяя «живой труд»: кодексы и конституции, правила общежития и регламенты, электронные правительства – социальная жизнь становится «механистична».

Указание на технологии, меняющие самое отношение субъектов к собственной деятельности, взятое нами из работ Клуба инновационного развития ИФ РАН и сопоставление с историей технологических циклов достаточно определено и столь же уверенно позволяет полагать техники работы с жизненными и деятельностными смыслами, технологии образования новых смыслов, технологии смены смыслов.

Наиболее мощными интеллектуальными социокультурными «машинами» для работы с таким материалом как сознание, представление, смыслы на сегодня обнаруживаются организационно-деятельностные игры, созданные на их основе знаниевые реакторы, технологии ТРИЗ, понимающие игры, мозговые штурмы, холотропные методы и другие, более экзотичные и менее распространенные.

Изучив и опробовав основные инструменты и техники работы со смыслами, мы выработали технологию использования таких «машин» в решении поставленной нами задачи: конструирования технологии, востребованной 7-м технологическим укладом. Полагая конечной целью обретенную акторами субъективность и новый смысл, конструируемый в процессе реализации технологии в состав генератора смысла включили: ОДИ – организационно-деятельностную игру, как «стержневой» процесс(1); ЗР – знаниевый реактор, как механизм выделения и фиксации отдельных знаниевых массивов; ПИ – понимающую игру, как среду существования процессов и механизмов технологии.

В целях компоновки единой технологической цепочки каждый из «агрегатов», «переделов» и «периодов» изначально включается с известной долей «гибкости». Эта «гибкость» необходима для «подстройки» к той ситуации и тем изменениям, что порождаются действиями и продуктами предыдущего или сопутствующего «агрегата», «передела» или «периода». За все экспериментальные опробования технологии содержание и динамика ни разу не повторялись. При этом сама технология воспроизводится и удерживается при наличии достаточного числа подготовленных акторов.

Эксперименты с применением «Генератора смысла» проводились вначале с группой имеющих опыт участия в организационно-деятельностных играх и знаниевом реакторе, игротехническую практику и опыт изменных состояний сознания. Затем в эксперимент включили, последовательно: выпускников Президентской программы подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства Российской Федерации, участников клуба молодых предпринимателей, группу участников международного Сообщества

менеджеров. Выбор такой среды для экспериментов обусловлен наибольшей подготовленностью к разным переменам и способностью адекватно реагировать и действовать по ситуации. Кроме того, эти категории имеют наиболее устойчивые к внешним воздействиям структуры сознания и перспективные для 7-го уклада типы мыследеятельности.

Опыт экспериментального опробования и применения «Генератора смысла» позволяет полагать организационно-управленческие технологии продуктами 7-го, «критическими» в эпоху смены технопромышленных укладов и определяющими для 5-го и 6-го укладов.

РЕФЛЕКСИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОМ ИННОВАЦИЙ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

*О.В.Петрунько (Институт социальной и политической психологии
НАПН Украины, г.Киев, Украина)*

В современном информационном мире на повестке дня остро стоят вопросы, связанные не только с технологизацией огромных массивов новых знаний, транслируемых масс-медиа, но и с технологизацией (организацией, регламентацией и т.д.) их потребления, то есть с разработкой новых технологий менеджмента знаний.

Одними из наиболее эффективных менеджмент-технологий в современном технологизированном мире являются так называемые технологии рефлексивного управления. Главная задача этих технологий – управление рефлексиями тех, на кого направлено технологическое влияние, то есть на адресатов влияния [2; 3; 4].

С позиций рефлексивного (а значит – субъектного) подхода в процессе реализации рефлексивной технологии, которая является технологией влияния на глубинные психические структуры адресатов влияния (психотехнологией), рефлексия по поводу происходящего имеет двусторонний характер. Она осуществляется не только агентами (авторами и исполнителями), но и адресатами психотехнологического влияния и направлена на анализ не только собственных продуктов рефлексии, но и рефлексий, осуществляемых другой стороной (тех, какими их «видит» адресат влияния).

В отличие от авторов и исполнителей, адресаты любых, в т.ч. инновационных технологий, как правило, не имеют достаточных знаний о них, об их целях и задачах. Они имеют дело с теми их образами, которые сформировались в их сознании на основе имеющихся знаний, представлений и жизненного опыта [1]. С этим образом (который может быть адекватным реалиям либо достаточно далеким от них) в значительной мере связано отношение к той или иной инновации, ее оценка, желание ее поддерживать или не поддерживать и, соответственно, поведение – содействие, противодействие или избегание. И, собственно говоря, рефлексивное управление инновационным процессом – это в значительной степени управление образами инноваций, сформированными в сознании их адресатов и, таким образом, управление рефлексиями, связанными с этими образами.

Рефлексивное управление образом инновации предполагает управление знаниями об инновации, управление внутренними личностными структурами адресатов инновации (их мотивацией, убеждениями, установками и т.д.), управление их отношением к инновации, управление их деятельностью и поведением, а также управление собственно процессом рефлексии как способности адресатов анализировать, оценивать и интерпретировать происходящие события, феномены собственного сознания, свои поведение, действия и деятельность (их мотивы, цели и последствия), а также представления, убеждения, установки, переживания, действия и поведение других людей [2; 4; 5].

Особенностями индивидуальных рефлексий в информационном мире являются их чрезвычайная множественность и динамичность («карнавальность») и их способность быстро приобретать массовое распространение. Поэтому огромное общественное значение имеют качество рефлексивных процессов и содержание самих рефлексий.

Как показывают наши эмпирические исследования, модальность образа той или иной общественной инновации в сознании ее адресатов строится на нескольких смысловых параметрах. Основными такими параметрами являются: 1) актуальность и целесообразность инновации; 2) ее ресурсно-организационный потенциал; 3) ее «экологичность» и просоциальность; 4) ее «прозрачность» и прогнозируемость; 5) ее современность и соответствие мировым стандартам; 6) ее способность активизировать у адресатов ощущение личной причастности к инновационному процессу; 7) демократичность, не-авторитарность.

Положительный образ той или иной, в т.ч. образовательной инновации строится на представлениях, или содержательных параметрах, рейтинговый список которых выглядит так: 1) представления об организационно-ресурсном потенциале инновации, дающие основания для уверенности в успешном ее внедрении; 2) представления о целесообразности инновации, ее актуальности и необходимости для общества, создающие мотивацию для ее поддержки; 3) представления об «экологичности» инновации, ее направленности на интересы общества и отдельных граждан, уменьшающие страх, тревогу и, соответственно, сопротивление инновационным изменениям; 4) ощущение личной причастности к инновации, понимание ее выгод лично для себя как условие практического содействия инновационным изменениям; 5) представления о «прозрачности» и прогнозируемости инновации, дезактивирующие психологические защиты и активизирующие позицию обучения; 6) представления о соответствии данной инновации мировым стандартам, о ее конкурентоспособности, усиливающие ее авторитет в глазах адресатов; 7) представления о демократичности, не-авторитарности инновации, ослабляющие ощущение психологического давления, навязывания ее извне. Таким образом, можно утверждать, что в случае, когда та или иная инновация активизирует в сознании ее адресатов перечисленные выше рефлексии, отношение к ней и ее образ будут иметь положительную модальность.

Отрицательный образ и отрицательное отношение к инновациям базируется на ряде содержательных параметров, рейтинг которых выглядит так: 1) представления о недемократичности, авторитаризме, навязывании извне, создающие ощущение психологического давления и связанного с этим дискомфорта и усиливающие сопротивление инновации; 2) представления о непрогнозируемости инновации, активизирующие страх, тревогу, психологические защитные реакции и т.д.; 3) представления о «непрозрачности» инновации, непонимание ее, порождающие когнитивный диссонанс, отчуждение, активизирующие поведение избегания; 4) представления о несвоевременности и нереальности инновации, уменьшающие шансы на включение в инновационный процесс и его поддержку; 5) представления о непросоциальности инновации, существенно уменьшающие ее шансы на социальную поддержку; 6) представления о ненадлежащей ресурсно-организационной базе инновации, уменьшающие доверие к ней; 7) представление о технократизме инновации, слепое копирование ее инициаторами зарубежного опыта, оценка ее как ненужной и опасной, активизирующие активный протест или отчуждение, избегание инновационных изменений. Активация в сознании адресатов инноваций таких представлений о той или иной инновации приводит к формированию отрицательного ее образа и, соответственно, отрицательного отношения к ней, что уменьшает ее поддержку адресатами и затрудняет ее продвижение в целом.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Пер. с англ. – М.: Academia-Центр, Медиум, 1995. – 336 с.
2. Лепский В.Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: «Когито-Центр», 2010. – 255 с.
3. Лефевр В.А. Рефлексия. – М.: „Когито-центр”, 2003. – 496 с.
4. Найдьонов М.І. Формування системи рефлексивного управління в організаціях. – К.: Міленіум, 2008. – 484 с.
5. Щедровицкий Г.П. Рефлексия и ее проблемы // Рефлексивные процессы и управление. – Т. 1. – 2001. – № 1. – С. 47-54.

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ СТРАТЕГИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

А.А.Пискунов (Счетная палата РФ, Москва)

Стратегирование как операционализация процессов социально-экономического развития, включая прогнозирование, целеполагание, программирование, обеспечение, реализацию и оценку последствий достижения стратегических целей, в условиях развивающегося мирового кризиса представляет крайне важную сложную и актуальную проблему междисциплинарного характера. Развитие методов когнитивного проектирования, теории и практики проектного управления, институционального проектирования, трансакционной и контрактной экономики, теории рефлексивно-активных сред [1], управления целеустремленными системами, наряду с отличиями, содержат значительный

потенциал общности подходов на семантическом, логическом и прагматическом уровнях. Это предполагает возможности формирования общей методологической платформы в целях стратегирования процессов социально-экономического развития.

Тектонические сдвиги геополитических и экономических условий прогресса, включая масштабную трансформацию социума, среды и их основных трендов, требуют принципиального пересмотра взглядов, методологии и практики стратегирования на национальном и транснациональном уровнях социально-экономического развития.

При этом в качестве первопричин кризисных явлений экспертное сообщество (ВЭФ¹, ОЭСР², ООН, аналитические центры, «фабрики мысли» и др.) выделяет риски растущих экономических, социальных и экологических дисбалансов, усугубляемых снижением дееспособности вертикально организованных государственных институтов по отношению к горизонтально ориентированным сетям национального бизнеса и транснациональных корпораций.

Развивающийся международный финансовый кризис и его последствия являются лишним свидетельством недостаточной эффективности сложившихся архитектуры и технологии управления прогрессом как на тактическом, так и на стратегическом уровнях при доминировании рисков последних.

Реакцией стала «пандемия» стратегирования в отраслевых, национальных и международной сферах, что, в свою очередь, предполагает развитие стратегического аудита как условия успешной пересборки и гармонизации частных стратегий в рамках референсной модели метауровня.

При этом проблемы сложности и динамики объектов аудита требуют адекватных и конкурентоспособных, «сравнимых по совершенству» методов и субъектов стратегического аудита. Задачи разработки и тестирования стандартов и обеспечения качества аудита, а также оценки уровня креативности и мотивации субъектов аудита составляют отдельную проблему, решение которой связано с «конкурентной валидностью» как способностью обеспечить более оперативную и менее затратную диагностику на основе не менее надежных и валидных эффективных технологий аудита. При этом особую проблему представляет аудит инновационных стратегий.

Институциональное доминирование на международном (ИНТОСАИ, Всемирный банк, ОЭСР и др.), государственном (Счетная палата Российской Федерации, Росфинмониторинг и др.) и корпоративном (ФАС, Рособороннадзор и др.) уровнях создает конкурентные преимущества отдельным субъектам аудита, что предполагает согласование методологических подходов уже на уровне семантики, логики и прагматики оценки как в отдельных сферах деятельности субъектов управления и контроля, так и прогресса в целом.

¹ ВЭФ – Всемирный экономический форум (Давос)

² ОЭСР - организация экономического сотрудничества развитых стран.

Дискуссионным оказывается само понятие прогресса, определение которого прямо зависит от исторического контекста и доминирующих на данном этапе стратегических субъектов. На разных исторических этапах, в зависимости от доминирующих ансамблей акторов, существенно менялись состав и метрики базовых ценностей, целей и критериев прогресса.

Руководитель созданной Н.Саркози рабочей группы по проблемам измерения прогресса нобелевский лауреат А.Сен определяет прогресс как свободу [2], которая, в свою очередь, может рассматриваться как антитеза институтам, ограничивающим возможности рефлексивного самоуправления общества в целях обеспечения стабильного воспроизводства политических, экономических и культурных отношений, определяющих архитектуру развития общества данного типа.

В отличие от Ф.Энгельса, определявшего свободу как «осознанную необходимость», А.Сен определяет свободу как «осознанные возможности самореализации». Симбиоз понятий «необходимость» и «возможность» порождает «необходимые возможности» как «способность» (potentials, capabilities) развития, включая способности субъектов и мультисубъектных сред к самоорганизации и саморазвитию (аутопоэзису).

Определение А.Сеном понятия свободы ближе к пониманию И.Кантом рефлексии как «обретения свободы», развитому Г.П.Щедровицким, связывавшим рефлексивность с осознанием актов кооперационной деятельности независимых субъектов. В дискуссиях с Г.П.Щедровицким В.А.Лефевр отстаивал понимание рефлексии как самоидентификации субъектов (спектр вложенных отражений), что ближе к определению Ф.Шеллингом путей возвышения человеческого субъекта как активного творческого начала, перехода от самопознания к миропознанию, трансцендентальности понятия «интеллигенция».

При всей «ортогональности» взгляды Г.П.Щедровицкого и В.А.Лефевра концептуально дополняют друг друга и согласуются с пониманием Г.Фихте и Г.Гегелем рефлексии как своего рода «пружины истории», которая с необходимостью переводит сознание свободы на следующий уровень саморазвития личности и общества [1].

Архитектура и продуктивность мультисубъектных сред прямо зависит от уровня рефлексии и коммуникативности составляющих их субъектов. Фактически речь идет о способности генерации, трансляции и восприятия образов и смыслов, как сигналов, отражающих границы состояний, трансформацию среды и самих субъектов. При этом состоятельность познающих субъектов зависит от силы интенции их притязаний (мотиваций) и мобилизуемых ресурсов (потенций).

Максимальный синергетический эффект состоятельности субъектов достигается при *резонансе их активностей* в условиях рефлексивно сопряженных сред. Величина отклика прямо зависит от энергетики многообразия (спектра) отражений (В.А.Лефевр), длительности и синхронности активностей субъектов кооперации (Г.П.Щедровицкий), что согласуется с фундаментальным в кибернетике уравнением А.Н.Колмогорова,

определяющим граничные условия передачи и приема информации на фоне «белого шума» как модели хаоса.

Современные информационные технологии, включая флэш-моб, активно используют возможности формирования рефлексивных резонансов («индекс сплоченности») и диссонансов («индекс мятежности») для манипуляции общественным сознанием в СМИ и социальных сетях.

Нами предлагается концептуальный подход для решения методологических проблем стратегирования социально-экономического развития страны, суть которого состоит в более строгом отборе методик мониторинга, контроля и оценки состояния макроэкономической мультисубъектной среды, идентификации имеющихся социально-экономических и управленческих потенциалов, определения эффективных механизмов распознавания, постановки и решения проблем стратегического характера.

Верификация предлагаемого подхода к оценке эффективности мультисубъектных сред, базирующегося на постулатах Колмогорова, Щедровицкого и Лефевра, открывает принципиально новые возможности для определения границ между хаосом и порядком при синтезе архитектуры, выборе сценариев социально-экономического развития и показателей измерения прогресса.

Развитие данных подходов становится возможным вследствие включения в XXI веке в контур научного анализа, наряду с объектами, методологических инструментов, рефлексивных знания субъектов, что способствовало синергии междисциплинарных исследований и практик сетевой пересборки социально-экономических эффектов.

Решение задач данного уровня стало возможным благодаря развитию институционального проектирования, контрактной и транзакционной экономики, методов когнитивного и интенционального анализа, проектирования рефлексивно-активных сред и социо-гуманитарных сценариев развития. Сегодня на повестку дня фактически поставлена задача формирования седьмого социогуманитарного технологического уклада жизнедеятельности [3], основанного, в том числе, на самоидентификации и *осознании необходимости самоограничений как необходимого условия безопасного и устойчивого воспроизводства и развития.*

При этом проблема измерения и оценки прогресса не становится проще, а, как отмечал еще в XIV веке Н. Кузанский, не способный измерять (Homo Mensurare) не может быть человеком разумным (Homo Sapiens). В этом плане идентификация и развитие социально-экономических потенциалов как результатов рефлексий целей и условий прогресса открывает возможности измерения прогресса через *оценку трендов состояний ключевых потенциалов и формирующих их ресурсов и активов.* Действительно, если возможности саморазвития наших детей будут не меньше, чем наши, это уже не регресс.

Выбор критериев оценки сценариев развития прямо зависит от выбора *метрики прогресса* и этических принципов. При этом в качестве альтернативных могут рассматриваться сценарии конкурентной борьбы как продолжение «войны иными ненасильственными средствами» и парето-

эффективных сценариев типа «всемирного пакта Манклуа»¹. Первый сценарий соответствует второй этической системе по версии В.А.Лефевра, когда совмещение добра и зла оценивается как добро (цель оправдывает средства). Второй сценарий соответствует первой этической системе: совмещение добра и зла оценивается как зло.

Осознание тупиков прогресса, основанного на концепции растущего спроса, при уже очевидных экологических и социальных ограничениях объективно актуализирует второй сценарий, методологической основой которого, в частности, может служить парето-эффективный подход к организации пространства развития. Данный подход позволяет отразить связь экономических, экологических и социальных факторов в гиперпространстве показателей (индексов) состояния объектов стратегического аудита. Примером могут служить методы анализа среды функционирования (DEA), теоретически и практически отработанные при исследовании многомерных объектов и сред социально-экономического развития [4,5].

Отражением (продуктом) рефлексивно-активных мультисубъектных сред являются институты и практики деятельности ключевых субъектов: личность, общество, государство в части институтов гражданского общества или власть, бизнес и общество применительно к социальным практикам.

Достижение синергии совокупных социально-экономических эффектов путем обеспечения целевых балансов интересов доминирующих на данном этапе акторов и их ансамблей, преодоления дисбалансов путем создания механизмов согласования интересов и кооперирования усилий, составляет основную задачу стратегирования безопасного и устойчивого развития. Фактически речь идет о концептуальном подходе к сборке конкурентоспособных самоорганизующихся и саморазвивающихся социогуманитарных систем, начиная с форсайта и интенционального проектирования целей развития [6].

Литература

1. *Лепский В. Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: «Когито-Центр», 2010. – 255 с. http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010a.pdf
2. *Сен А.* Прогресс как свобода. – М., 2010.
3. *Лепский и др.* Методологические аспекты инновационного развития России // Экономические стратегии. 2010, № 7-8. С.46-59. <http://www.reflexion.ru/club/KIR-PZ.pdf>
4. *Кривоножко В.Е., Пискунов А.А. Лычев А.В.* Построение функции оценки деятельности сложных систем// Доклады академии наук, том 426, №5, 2009;
5. *Krivonzhko V. Piskunov A.* DEA Models for for Decision Making Support in Negotiation Process//Energising the Future, Texas 2010/
6. Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке / Под ред. В.И.Аршинова, В.Е.Лепского. – М.: Изд-во Института философии РАН. 2010. – 271 с.

¹ Пакт Манклуа – соглашение политических сил Испании после эпохи Франко о консолидации усилий по выводу страны из системного кризиса.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ ЭРНЕСТО ЧЕ ГЕВАРЫ

Н.В. Просандеева (ГАУГН, г. Москва)

В основе наших размышлений – ряд публичных выступлений одного из деятелей кубинской революции в период с 1959 по 1965 гг. Они были всецело посвящены послереволюционному строительству кубинского общества, в котором лидирующая роль была отведена интеллектуалам. Че Гевара замечает: «Университет несет наибольшую ответственность за победу и поражение – в техническом плане – того великого социально-экономического эксперимента, который осуществляется на Кубе» [1, С. 59]. И это связано с решением двух важнейших стратегических задач преобразования Кубы: разрушением монокультурной, монопроизводственной, полуколониальной экономики с опорой на сахарный тростник и формированием нового человека, который «вобрал бы в себя революцию».

Че Гевара убежден: политический суверенитет, экономическая независимость и сложное общество возможны только на базе широкой диверсификации рынков и производств, для чего требуются новые специалисты и новые специальности. Их должен готовить университет. Прежняя эпоха нуждалась только в адвокатах и врачах. Новый мир требует учителей, агрономов, инженеров, химиков, физиков и математиков. «Сейчас мы должны развивать экономическую борьбу за диверсификацию наших рынков и диверсификацию нашего производства – и политическую борьбу за просвещение народа...» [2, с.72].

Мысля в духе технократизма, Че Гевара полагает, что надо сузить пространство гуманитарного знания и всемерно развивать комплекс естественных и технических наук – образовательной базы новой реальности и мощного индустриального движения.

Вторая задача еще более амбициозна. Ориентир социализации – человек не прошлого, XIX или даже XX в., а XXI в. Каким он должен быть в проекте Че Гевары?

Широко образованный, воспитанный не только в парадигме классического марксизма и неомарксизма, но и на идеях и образах модернизма и «ультрареализма», которые выражают социальный протест против буржуазных отношений ничуть не в меньшей степени, нежели социалистический реализм. Последний, полагает Че Гевара, - далеко не единственная форма бытия новой революционной культуры, вступая тем самым в полемику с идеологами советской системы.

Новый человек не должен быть потребителем и исчислять качество социальной жизни исключительно количеством товаров и услуг, которые можно приобрести, а внутренним ощущением экзистенциального комфорта, «насколько он богат духовно, насколько у него развито чувство ответственности» [3, 489]. Таковую личность не создашь, обращаясь к примитивной пропаганде. Человек будущего – мыслящая личность, наделенная критической рефлексией и способностью принимать решения самостоятельно и свободно. И этот вывод Че Гевары с неизбежностью усиливает диссонанс риторики кубинского революционера как с советской

ортодоксией, так и с пропагандистскими техниками и приемами общества потребления. Ратуя за успех и успешную личность, апологеты массового общества осознанно элиминируют вопрос о средствах достижения этих целей, оставляя за скобками гнусности и низости, к которым вынужден прибегать человек в мире, сцентрированном на индивидуалистической этике и потребительском эгоизме.

Беспрецедентный тип человеческой личности требует нетрадиционных инструментов в своем конструировании. Самая важная «революционная цель – увидеть человека, освобожденного от его отчуждения», «в выражении его личности через культуру и искусство» [3, С.483]. И вновь опора – на университет.

Разрушение прежней монополии на образование и культуру, обретение права доступа к их богатствам новых классов – такова главная стратегия развития среднего и высшего образования. Не менее важным является обращение к публичной дискуссии, когда нация решает важнейшие задачи своего будущего, поэтому университет должен стать демократическим институтом, позволяющим эту дискуссию инициировать и поддерживать. Важным является не переоценить право университетской автономии – «священное право группы людей на принятие решений по фундаментальным проблемам нации, даже когда решения эти противоречат самим интересам нации» [1, С.62].

Че Гевара убежден: университет должен быть открыт общественным задачам и не быть закрытым элитарным учреждением, замкнутым на исследовании умозрительных и схоластических проблем.

Будущее Кубы, каким видел его Эрнесто Че Гевара, – сложный мир с многоотраслевой экономикой, построенный яркой индивидуальностью, нацеленной на преобразование, альтруизм, самопожертвование и рожденной разносторонним университетским микрокосмом. Знания, интеллектуальная смелость и желание действовать – вот главное в обществе после революционных потрясений и в человеке Революции, который строит этот мир.

Конечно, этот проект не более чем утопия. Являясь президентом Национального банка, главой Управления индустриализации, Че Гевара мог бы реализовать ряд своих идей. Он надеялся, что Новая Куба будет создана за 10-15 лет. Но этого не случилось. Сам Че Гевара объяснил это бюрократической контрреволюцией. Ему не удалось стать автором «кубинского чуда», хотя та общественная модель, которую он горячо отстаивал, была привлекательна настолько, насколько была утопична.

Литература

1. *Гевара Че, Э.* Университетская реформа и революция / Статьи, выступления, письма.- М.:Культурная революция, 2006. – С. 58-68.
2. *Гевара Че, Э.* Роль университета в экономическом развитии Кубы / Статьи, выступления, письма.- М.:Культурная революция, 2006. – С.69-78.
3. *Гевара Че, Э.* Социализм и человек на Кубе / Статьи, выступления, письма.- М.:Культурная революция, 2006. – С. 475-492.

ПЕРСПЕКТИВЫ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В РОССИИ В СВЕТЕ КОММУНИКАТИВНО-ДИАЛОГОВОЙ ТЕОРИИ

М.Р.Радовель

*(Электростальский политехнический институт МИСиС,
г. Электросталь, Московская область))*

Как известно, современная ситуация в деле борьбы с коррупцией в российском обществе весьма печальна и несмотря на принятые меры едва ли сдвинулась с мертвой точки. В чем причина такого положения вещей? Незаинтересованность и нежелание определенных социальных сил? Отсутствие или дефицит политической воли руководства? Или, может быть, отсутствие должного понимания происходящего процесса?

На данный момент для всех очевидно, что коррупционная болезнь имеет системную природу. Но при этом ее понимание и, соответственно, подходы к ее лечению характеризуются разрозненностью и рассогласованностью. Ситуация напоминает притчу о трех слепых мудрецах, пытающихся определить, что такое «слон» в зависимости от того, какую часть слона – ноги, хобот или уши – каждому довелось ощупывать. В нашем случае подобное «ощупывание» феномена коррупции осуществляется прежде всего представителями юридического, экономического и духовно-нравственного социальных «ведомств».

Соответственно, первые утверждают, что главное – это принятие более совершенного и строгого законодательства (как будто они не знают, какое значение в России имеет жизнь по «понятиям» и как право нередко проигрывает сражение с этим глубоко укоренившимся и неистребимым явлением); вторые, конечно, настаивают на экономической природе коррупции и делают главную ставку на экономические методы борьбы со смертельным недугом России (как будто бы забывая, что ничего в этой жизни нельзя изменить без соответствующего изменения самого человека, его базовых характеристик); третьи (журналисты, писатели, церковь), понятное дело, говорят об этической основе коррупции и рассчитывают главным образом на воспитание человека и целенаправленное формирование его души (нередко упуская из виду сложность и известную «непроницаемость» такого явления, как социализация, из которого следует, что формирование человека далеко не в полной мере зависит от сознательных воспитательных воздействий и что это в большей степени определяется самой жизнью, реальными условиями существования человека).

Каждый из трех обозначенных подходов опирается на серьезные доводы, содержит рациональное зерно и имеет право на существование. Но вопрос в том, как наиболее разумным образом совместить эти понимания и подходы, а точнее говоря – как построить новый, синтетический подход, в должной мере учитывающий все предшествующие, отбрасывающий некорректные элементы в них и сохраняющий всё ценное. Речь идет о той теоретической процедуре, которая в классической диалектике обозначена термином «снятие». При этом, правда, не следует рассчитывать на получение «идеального», абсолютно совершенного, раз и навсегда данного синтеза. Все

определяется конкретным местом, временем, условиями, т.е. релевантным контекстом. Поэтому речь может идти только о моделях, *оптимальных для каждой конкретной ситуации*.

Обстоятельное и практически полезное описание таких моделей возможно на основе подхода, изложенного нами в теории коммуникативно-диалоговых отношений [Радовель М.Р. Анализ диалоговых отношений в контексте российской модернизации. Ростов-на-Дону, 2010]. В рамках этой теории весь контекст конкретных социальных отношений, который следует учитывать для всестороннего их анализа и оптимизации, представлен в форме *коммуникативно-диалогового пространства (КДП)*, имеющего четкую структуру и вполне определенные закономерности. Помимо описания универсального КДП, в теории выделены его частные структуры – *типовая, актуальная и сингулярная*. Первая включает в себя те участки и элементы КДП, которые имеют существенное значение именно для данного класса (типа) диалоговых отношений и, в своей совокупности, определяют характеристики этих диалоговых отношений. Вторая, актуальная, структура связана с темпоральным аспектом детерминации, в соответствии с которым характеристики конкретной диалоговой ситуации обусловлены специфичностью момента (периода) времени, в пределах которого реализуются данные диалоговые отношения. Третья, сингулярная, структура учитывает тот факт, что характеристики диалоговых отношений определяются уникальной, присущей именно данной конкретной ситуации, совокупностью обстоятельств. Таким образом, если типовая КД структура относится к определенному классу или типу диалоговых отношений, актуальная структура непосредственно связана с ситуацией, обозначаемой понятием «теперь», то сингулярная (единичная) структура связана с диалоговой ситуацией «здесь и теперь».

Для чего необходимо непосредственное использование коммуникативно-диалогового подхода и, в частности, положений о частных структурах КДП?

Коррупционная болезнь российского общества связана с совершенно определенными отношениями между социальными субъектами, акторами. В самых общих чертах, это отношения такого рода, когда индивидуальный и/или групповой интерес (т.е. *частная субъектность*) доминирует над общесоциальным интересом (*универсальной субъектностью*) и наличные механизмы восстановления должной субъектности общесоциального актора очень слабы, крайне недостаточны. Каким же образом возможно создание, укрепление и развитие соответствующих социальных механизмов?

Коррупция – всеобщая, тотальная беда российского социума и победить ее можно только «всем миром». Никакие декларации власти, более того – никакие, даже самые радикальные ее действия не помогут делу, если к нему не будут подключены все, кто способен внести в него полезный вклад. При этом борьба должна быть организована таким образом, чтобы потенциал каждого задействованного актора, его мотивация, знания, умения, воля, были оптимально ориентированы и в полной мере использованы в интересах дела. В расчет должны быть приняты различные типы акторов – индивиды, группы, общности, социальные институты. Разумеется, прежде всего имеется в виду

активное участие наиболее значимых социальных акторов, влияние которых наиболее существенно для позитивного изменения положения дел в обществе. И все же речь не только об этих «актерах-мажоритариях». В нынешней ситуации, которую можно оценить как близкую к катастрофической, важно участие всех, кто хоть что-то может. Активными и деятельными должны быть все, а не только «генералы». Говоря словами А.В.Суворова, «каждый солдат должен знать свой маневр».

В итоге, речь идет о фундаментальной социальной программе, охватывающей все здоровые (и даже не очень здоровые!) силы общества. Речь идет о программе, реально подключающей все эти силы к участию, наблюдению и контролю (!) за процессом борьбы с коррупцией.

Увы, такой программы сегодня нет. А без нее ничего хорошего ждать не приходится.

Литература

1. *Радовель М.Р.* Анализ диалоговых отношений в контексте российской модернизации. Ростов-на-Дону: Альтаир. 2010. – 280 с.

ЭКСПЕРТНЫЕ СРЕДЫ

А.Н. Райков (Институт проблем управления РАН, Москва)

Слово эксперт мы слышим все чаще. Начал формироваться прозрачный рынок экспертных услуг, появился гобальный рейтинг экспертно-аналитических центров, в который входят более 5000 организаций. Эксперты все больше являются питающей средой инноваций. Эти явления формируют и развивают экспертную среду.

Эксперт – понятие многоликое. Им может быть ученый, за много лет овладевший закономерностями поведения некоторого феномена; экспертом может быть человек, имеющий опыт в определенной области деятельности. Экспертом сейчас становится сетевой коллективный разум [Губанов, 2011].

История экспертных сред своими истоками видит зачатки становления феномена «знание». Десятки тысяч лет назад славянские предания и народные книги начинают славить знания. Для суровой жизни того времени важны были заклинания, носителем которых были знахари. А заклинания те гласили о правилах поведения, создающих условия для выживания.

Появление письменности в конце IV века до н.э. для человечества по значимости соизмеримо в его жизни с покорением огня. Огонь оставил позади время дикости, а письменность дала человеку могущество знания, чтобы идти по дороге цивилизации.

Древние мудрецы («эксперты») выделяли и структурировали ведические знания. Они, например, выделяли четыре уровня сознания: слова, мысли, чувства, медитации. Уже в те времена определили несколько столпов знания. И, конечно, столп исходный – умение различать изменения. Знаниями мудрецы делились с другими людьми, леча болезни, помогая ладить с трудностями, решать проблемы, кормиться, выживать и радоваться.

Прародителем экспертных сред сегодняшнего дня, скорее всего, следует считать того, кто облагородил логику, а именно Аристотеля. Он явно обозначил

разграничение интуитивного и аналитического в мышлении. В изменениях он отделил материю от формы, абстрагировал форму от средств ее представления. Именно это позволяет сейчас моделировать, производить в компьютерах вычисления над формой, и, при этом, не забывать о реальности.

Потом был Ренессанс, были мудрецы (ученые, великие эксперты, архидоки) Маккиавели, Коперник, Галилей, Декарт, Ньютон, Лейбниц и др. Философы Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель, Гуссерль – внесли свою толику в копилку становления феномена знания. Так, Гегель определял знание в контексте таких понятий, как: сознание, дух, логика, формальное, мышление, цель, сущность, предмет, понятие и идея. Он отмечал что формализация мысли допустима, но она не может быть безоговорочно распространена на мышление. Преломляя процессы развития и познания через метод самодвижения понятий и самопреобразования духа, Гегель обосновал ограниченность рационального и эмпирического в процессах познания.

Эксперты, от которых требуют выражения здравого смысла, строят, говоря словами основоположника феноменологии Эдмунда Гуссерля, «мостик над пропастью смысла». Он вводит метод феноменологической редукции, предлагающий совершение актов познавательного (когнитивного) полагания, а затем упорядочения их согласно логике практического опыта. Сознание реализует двойную установку: при одной - познающее чувство достигает предмета исследования, как бы проходя сквозь его постижение; при другой установке – оно рефлексивует само это постижение.

Рефлексивные аспекты управления развивает современная школа рефлексии [Лепский, 1998, Лефевр, 2003]. Рыночные реалии делают рефлексивный подход более прагматичным. Принципиальным становится формализация этики, весомое значение приобретают методы построения стратегических субъектов, в том числе, применительно к сетевой среде.

От экспертов требуют логического обоснования, эксперт же вынужден это обоснование вырывать из хаоса, неопределенностей, нелогичности. В четкую формальную интерпретацию аристотелевская логика переросла относительно недавно, благодаря: Фреге, Расселу, Геделю, Уайтхеду, Булю, Эшеру, Бэббиджу, Тарскому, фон Нейману, Пуанкаре, Брауэру, Гильберту, Гейтингу, Ершову, Арнольду, Тихонову и др. На основе построенной ими формальной интерпретации жизненных феноменов сейчас живут компьютеры, истинные помощники экспертов.

Экспертиза происходит в реальной жизни, где ситуацией правят единство, хаос и логика. Время и ресурсы на экспертизу, как правило, ограничены. В таких условиях именно формализмы могут создать необходимые условия для обеспечения устойчивой сходимости экспертных процессов к заданным целям. Для этого генерируемая в процессе экспертизы информация должна правильным образом структурироваться [Райков, 2009].

Для улучшения качества экспертизы и выработки более надежных экспертных предложений сейчас используют техники групповой и сетевой экспертизы, а также интеллектуальные компьютерные технологии. Эксперты могут работать в территориально удаленных условиях, они могут друг друга не видеть, а только обмениваться сообщениями, они могут даже не спорить, чтобы

«породить истину», но информационные технологии дополняют и преодолевают дефицит контакта. Для этого специальные компьютерные техники, именуемые квантовой семантикой: 1) сначала осуществляют *суперпозицию* вербализованных высказываний экспертов - наложат все высказывания друг на друга; 2) затем осуществляют *когерентный синтез* – все вербализованные мысли специальным образом запутают и найдут резонанс; 3) завершат процедуру *декогерентной интерференцией* полученного результата с внешней средой.

Век информационного общества и прозрачности породил новое явление – «краудсорсинг» (от англ. слова *crowd*, толпа), который подключает открытое гражданское общество к решению государственных и корпоративных проблем. Иногда его называют менеджментом ответственности, транспарентностью. Краудсорсинг, вслед за аутсорсингом, помогает лидерам оптимизировать менеджериальные процедуры, принимать сильные управленческие решения. Прослойкой между властью и обществом выступают общественные организации, институт «принципалов». Последние выражают волю и представляют интересы определенных групп людей. Особым видом принципалов можно считать экспертов, реализующих экспертсорсинг – услуги экспертной среды. Экспертная среда, с одной стороны, предоставляет услуги, а с другой, - развивает свою организацию, ставит менеджмент, совершенствует процессы лоббирования своих интересов и потребностей.

Литература

1. Губанов Д.А., Коргин Н.А., Новиков Д.А., Райков А.Н. Сетевая экспертиза. 2-е изд. / Под ред. чл.-к. РАН Д.А. Новикова, проф. А.Н. Райкова. – М.: Эгвес. 2011. - 166 с.
2. Лепский В.Е. Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. М.: Институт психологии РАН. 1998.
3. Лефевр В.А. Рефлексия. М.: «Когито-Центр». 2003. - 495 с.
4. Райков А.Н. Конвергентное управление и поддержка решений. -М.: Издательство ИКАР.2009. - 245 с.

Работа выполнена при поддержке РГНФ грант № 11-03-00787a

В КАКОЙ СТЕПЕНИ СУБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД СОВМЕСТИМ С ФИЛОСОФИЕЙ РАЗВИТИЯ?

*Д.В. Реут (НИИ общественного здоровья и управления здравоохранением
Первого Московского государственного медицинского университета им.
И.М. Сеченова, Москва)*

Формулировка одного из направлений работы симпозиума «Философия развития (субъектно-ориентированный подход)» мобилизует участников на рассмотрение специфических аспектов проблемы развития, связанных с субъектностью (возможно, ее дефицентностью или даже отсутствием) и рефлексивными механизмами субъектности человеко-населенной системы, под которой подразумевается в первую очередь РФ с ее насущными проблемами. При этом полезно иметь в виду преемственность по отношению к предыдущему симпозиуму [1] и недавно вышедший в ИФРАН сборник [2].

Не отрицая важности этого направления теоретических исследований и их практического воплощения, заметим, что «развитие» занимает не только в российском, но и в европейском менталитете сегодняшнего дня роль само собой разумеющейся предельной онтологии. Необходимость и целесообразность развития не ставится под сомнение. Оно, с одной стороны, неизбежно; с другой стороны, необходимо прикладывать все усилия, чтобы оно осуществлялось, чтобы в своем развитии не отстать от требований века. При этом под развитием обычно понимается линейный рост экономических показателей. Эти экономические шоры не позволяют коллективному субъекту Россия (точно так же как коллективному субъекту Европа, в кильватере которого РФ стремится сегодня следовать), как бы сделать шаг в сторону и посмотреть на себя в сегодняшней ситуации со стороны в контексте внеэкономических параметров. Из этой рефлексивной позиции стал бы очевиден «тяжелый», хотя и сверх-медленный тренд депопуляции всех без исключения развитых стран европейской культуры и примкнувшего к нему славянско-православного культурного кластера, включающего РФ. В «узких кругах» демографов он «широко известен», но понимание важности проблемы не просачивается из него в общественное или хотя бы широко понимаемое научное сознание.

Тридцать лет назад начался новый этап европейского, а вместе с ним и мирового развития, когда коэффициент рождаемости развитых стран европейской культуры закрепился ниже уровня, обеспечивающего простое воспроизводство коренного населения [3–5]. Совокупность национальных социокультурных институтов оказалась не в состоянии переломить ситуацию. Началось масштабное демографическое отступление европейского мира, сопровождаемое экспансией народов соседних стран. Пример Косова достаточно красноречив.

Социокультурный анализ показал, что указанная ситуация явилась отсроченным системным ответом социума на долговременный социальный эксперимент французских энциклопедистов XVIII века, породивших идеологию перемещения центра ответственности за исполнение прокреационной функции с уровня семьи на уровень государства [6] (здесь *прокреация* – воспроизводство жизни, воспроизводство населения).

Европейский мир оказывается не в состоянии отрефлексировать свое положение на демографической «карте мира». Мы полагаем, что он сможет парировать угрозу исчезновения путем самоорганизации социума лишь при сдвиге онтологических представлений - на место онтологии развития поместить онтологию, которая призвана обеспечить хотя бы простое его воспроизводство. Это же относится к России. Мы полагаем, что роль предельной онтологии должна играть онтология человека как двухфокусной категории в трактовке современного французского философа Э. Морена. Он полагает системой не любую часть мира с произвольно назначенными границами, а только такую, в которой удастся выделять два или большее число противостоящих друг другу в некоторых смыслах фокусов. При этом существенно, что фокусы охвачены взаимными рекурсивными связями, обеспечивающими как само их существование (воспроизводство,

функционирование и, возможно, развитие), так и поддержание общей конфигурации системы. Предлагаемая трактовка человека включает фокус единичной ипостаси человека и фокус множественной его ипостаси. Эти фокусы охвачены петлей взаимно обуславливающей связи, определяющей способы их конституирования и взаимного употребления.

Выводы

Рефлексивные процессы связаны с онтологическими представлениями субъекта.

В данном случае субъект (европейский мир, РФ) стремится быть субъектом развития в то время как истощены ресурсы его демографического воспроизводства. Но заниматься развитием без воспроизводства – все равно, что, согласно народной поговорке, «носить воду в решете».

Литература

1. Рефлексивные процессы и управление. Сборник материалов VII Международного симпозиума 15 – 16 октября 2009 г., Москва / Под ред. В.Е. Лепского – М.: Когито-ЦЕНТР, 2009. – 272 с.
2. Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке // рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред.: В.И. Аршинов, В.Е. Лепский.- М.: ИФРАН, 2010. – 271 с.
3. *Ливи Баччи М.* Демографическая история Европы. – СПб.: ALEXANDRIA, 2010. – с. 240.
4. *Реут Д.В.* Прокреационная ситуация и возможности управления ее развитием. Труды 5-й международной конференции "Когнитивный анализ и управление развитием ситуаций (CASC'2005)". Москва, 18-20 октября 2005 г., М.: Институт проблем управления РАН, с. 135-143.
5. *Реут Д.В.* Прокреационная проблема субъектов истории // Проблемы субъектов в постнеклассической науке / препринт под ред. В.И. Аршинова и В.Е. Лепского. – М.: ИФ РАН, 2007. – 176 с. - С. 141 – 148.
6. *Реут Д.В.* Код культурной идентичности как положение в социуме центра ответственности за исполнение прокреационной функции // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы II Всеросс. научн. конф. (Москва, 15 ноября 2007 г.). – М.: Научный эксперт, 2008. – С. 419 – 428.

ДИЗАЙН ИССЛЕДОВАНИЯ РЕФЛЕКСИВНОСТИ ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЦЕЛЕОБРАЗОВАНИЯ СТУДЕНТОВ

И.Н.Семенов (НИУ ВШЭ, Москва)

Важнейшим субъектным механизмом становления самосознания, целеобразования и смыслообразования личности является рефлексия как осознание и переосмысление человеком содержаний своего сознания. В целях выяснения и рефлексии личностью ее жизненных и профессиональных целей был разработан рефлексивный опросник «Рефлексия жизненных и профессиональных целей» [1]. С учетом того, что в динамике жизненных целей выражается развитие различных аспектов личностного роста человека, а в динамике профессиональных целей – ряд аспектов его профессионального развития. В целях изучения рефлексивности развития личностно-профессионального целеобразования студенческой молодежи нами с помощью указанного опросника было проведено исследование, которым

охвачено несколько групп студентов-первокурсников, обучающихся в различных столичных вузах. Выбор первокурсников объясняется тем, что они представляют собой контингент учащейся молодежи раннего юношеского возраста, относящегося к межпоколенческому переходу от школьной к студенческой жизни. Если содержание целеобразования старшекласников определялось необходимостью окончания школы, поступления в вуз и вступления во взрослую жизнь, то для первокурсников оно связано с получением высшего образования, обучением специальности, подготовкой к профессиональной деятельности и к предстоящей самореализации: как жизненной (любовь, брак, дружба, круг общения и увлечений), так и социальной (идентификация, карьера, благополучие, статус, интересы и т.п.). Итогом подобного целеобразования является происходящее благодаря рефлексии в самосознании индивидуальности субъекта личностно-профессиональное самоопределение молодого человека как совершаемый им самостоятельный выбор предстоящего жизненного пути. В результате этого экзистенциально-рефлексивного самообщения и в диалоге с социокультурным окружением у человека формируется его «Я-концепция», выстраивается жизненная стратегия, определяются возможности и намечаются пути ее реализации в современных ему социокультурных обстоятельствах и в конкретных для его социально-экономических условиях. Исходя из типологии современных профессий Е.А.Климова, для психолого-педагогического исследования рефлексивного развития личностно-профессионального целеобразования молодежи были избраны представители двух видов специальностей: будущие психологи и управленцы, т.к. первые относятся к профессиям «человек-человек», а вторые – «человек-общество».

Гипотеза исследования. С учетом разной профессиональной направленности самосознания двух видов наших респондентов первоначально была выдвинута общая гипотеза о том, что содержание их целеобразования, будет, в целом, сходно в экзистенциально-личностном плане и отличаться в социально-профессиональном, а индивидуальные различия при этом будут психологически проявляться не столько в содержании, сколько в самом процессе осуществляемого ими целеобразования – как он задан возможностями и рамками предлагаемого им открытого опросника «Рефлексия жизненно-профессиональных целей» (Семенов, 2000), с помощью которого нами собирался эмпирический материал данного исследования.

Методика исследования. Необходимо сразу же отметить, что данная методика разрабатывалась нами с двуединой целью. Еще С.Л.Рубинштейн отмечал, что исследовательская психологическая методика может использоваться и в педагогическом процессе. Поэтому методика строилась как диагностико-развивающий инструментарий психологического исследования, органично встроенного в педагогический процесс первоначального высшего профессионального образования. С другой же стороны, эта методика в нем применялась на практике как прикладная педагогическая рефлетехнология, используемая на семинарских занятиях по психологии и способствующая актуализации, рефлексии, активизации – а,

порой, и интенсификации – начинающего формироваться личностно-профессионального самосознания студентов-будущих специалистов как самостоятельных субъектов предстоящей личной жизни и социальной деятельности. Эта методика позволяет – в силу своей двунаправленности – как диагностировать, так и развивать рефлексивные способности человека к самосознанию в процессе его целеполагания и самоопределения, осуществляемого в связи с поиском и формулированием ответов на открытые вопросы предлагаемой респондентам анкеты «Цели».

Стимульный материал задавался содержанием открытых вопросов анкеты «Цели» и инструкцией, определяющей деятельность респондентов по поиску и формулированию ответов. В зависимости от психолого-исследовательских или образовательно-педагогических задач вопросы задавались письменно или устно. При этом от респондентов требовалось на каждый вопрос дать минимум три варианта ответа.

Процедуры обработки эмпирических материала строились во всех трех основных для современного психологического познания верификационно-квалиметрических парадигмах: 1) феноменологической – с целью качественного анализа общих характеристик изучаемых феноменов дискурсивного проявления рефлексивности целеобразования у респондентов; 2) параметрической – с целью содержательной градуировки исследуемых параметров (выделяемых на основе соответствующих концептуальных критериев), подлежащих квалиметрическому обсчету, который позволяет получать числовых значения установленных в исследовании закономерностей для их количественного выражения и дальнейшей обоснованной качественной интерпретации; 3) психометрической – с целью применения различных вычислительных средств современной математической психологии в качестве инструментов получения достоверного знания об исследуемых закономерностях. На различных этапах настоящего исследования в зависимости от конкретных исследовательских задач применялся методический инструментарий той или иной парадигмы или их комбинации.

Исследовательские стратегии: одна из них состоит в изучении развития рефлексивных способностей человека, а другая – в диагностике и активизации рефлексивности личностно-профессионального целеобразования у студенческой молодежи. Полученные нами с коллегами данные [2 и др.] свидетельствуют о конструктивности использования в профессиональном образовании предложенного опросника качестве эффективного диагностико-развивающего средства рефлексивного развития профессионального самосознания студентов – будущих специалистов. (При поддержке гранта «Учитель – ученики» N 11-04-0051 «Рефлексивное развитие личностно-профессионального целеобразования студенческой молодежи» Научного фонда НИУ ВШЭ).

Литература

1. Семенов И.Н. Рефлетехнологии психолого-педагогического обеспечения межпоколенческого перехода //Известия АПСН. Вып. XII. Ч. 2. М. 2008

2. Семенов И.Н., Аткишкина Е.В., Елисеенко С.А., Серегин К.С. Исследование рефлексивности личностно-профессионального целеобразования молодежи //Акмеология. 2011 N 3. Приложение.

РЕФЛЕКСИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ КАПИТАЛЕ

И.Н.Семенов, Р.В.Хасямов (НИУ ВШЭ, Москва)

В условиях современного общества человеческий капитал является наиболее важным элементом национального богатства. Инвестирование в человеческий капитал является приоритетом всех развивающихся стран. При этом очевидно, что необходимость инвестирования в человеческий капитал важнее, чем наличие природных ресурсов. Человеческий капитал можно сравнить с фундаментом, на котором строится экономическое процветание и благополучие страны. Среди множества аспектов человеческого капитала важно выделить рефлексивный аспект, связанный с самосознанием личности как саморазвивающегося «Я» и пониманием партнеров по коммуникации в процессе коллективно-распределенной трудовой деятельности. Этот аспект является системообразующим фактором, необходимым для оптимизации взаимодействия всех остальных аспектов человеческого капитала. Этот аспект является наиболее важным для капитализации и профессионализации человека. Нами проведено эмпирическое исследование взглядов на человеческий капитал у современной студенческой молодежи. на фоне их представлений о финансовом капитале и социальном капитале. Человеческий капитал – это сформированные в результате инвестиций и накопленные человеком определенный запас здоровья, знания, навыки, способности, мотивации, которые ведут к росту квалификации работника, целесообразно используются в той или иной сфере общественного воспроизводства, содействуют росту производительности и качества его труда и, тем самым ведут, к росту заработка данного человека. Человеческий капитал следует рассматривать как потенциальные интеллектуально-рефлексивные способности, которые на протяжении определенного периода времени создают продукты и доходы; инвестиции; соответственно понимаются как расходы, направленные на поддержание или увеличение данной способности. Рефлексивный аспект человеческого капитала осуществляет интегрирующую функцию. Посредством рефлексии человек формирует картину себя как саморазвивающейся личности. Благодаря этому человек осознает все свои особенности, навыки, профессиональные компетенции, способность к креативному мышлению и актуализирует их в зависимости от конкретной ситуации. Благодаря рефлексии происходит взаимодействие человека с рабочей ситуацией, отсюда степень развития рефлексивного аспекта влияет на реализацию всех остальных аспектов, соответственно и ценность человека как капитала. Исследование проводилось с тремя группами респондентов: 1) студенты-экономисты 1-2 курсов университета управления, 2) студенты-психологи 2-3 курсов Высшей школы экономики, 3) работники, имеющие среднее или среднее специальное образование. В качестве методического

средства использовался дифференцированный опросник представлений о различных видах капитала: человеческого, социального, финансового (1). Анализ полученных данных выявил две значительные категории трактовки понятия «капитал» и три категории трактовки понятия «человеческий капитал». Согласно первым двум капитал трактуется 1) актуально – как нечто наличествующее, то, чем человек/организация располагает в данный момент, нечто накопленное; 2) потенциально – как нечто возможное, деньги, которые можно получить при помощи каких либо действий с наличествующими ресурсами. Три же категории трактовки человеческого капитала следующие: 1) как ресурсы психики и профессиональные компетенции – основным моментом в определениях этой категории является акцентуация на личных качествах человека, а так же возможность их использования с целью получения прибыли; 2) как финансы, инвестиции в развитие людей как капитала – акцент здесь смещается на финансовое обеспечение развития человека, в рамках семьи, организации и государства; 3) как трудовой ресурс, существующий для выполнения работы в компании – здесь акцентуация на использовании именно людей, а не конкретно их способностей: человек рассматривается как ресурс, отвлеченный от своей личностной составляющей. Оказалось, что среди трактовок термина капитал у экономистов доминирует потенциальная трактовка. Это можно интерпретировать как ориентировку студентов экономистов на выгоду, прибыль. Можно сказать, что студентам-экономистам свойственен предпринимательский склад ума и ориентировка в большинстве ситуаций идет не на текущие события, а на потенциальный исход. Такой склад мышления является наиболее ценным для предпринимательской деятельности. У психологов же выражено преобладание актуальной трактовки термина «капитал». Это можно интерпретировать как ориентировку на текущую ситуацию, оценку того, что имеется в наличии. Такой склад мышления является ценным для аналитической деятельности, что в целом способствует профессиональному росту студентов-психологов. Аналогично преобладание актуальной трактовки термина «капитал» ярко выражено у испытуемых с средним или средним специальным образованием. Это так же можно интерпретировать как преобладание аналитического склада ума. При этом стоит отметить, что у студентов-психологов по сравнению с респондентами со средним или средним специальным образованием в значительной мере выражено проявление потенциальной трактовки. Это явление может быть следствием того, что студенты-психологи Высшей школы экономики наряду с психологическим образованием получают также основы экономического образования. То есть курсы экономики способствуют формированию потенциального взгляда на капитал. Относительно же трактовок термина «человеческий капитал» в процессе исследования были получены следующие результаты: студенты-экономисты в силу того, что термин «человеческий капитал» является в большинстве своем им неизвестным (это происходит в связи с малой осведомленности современного населения о теории человеческого капитала), стараются использовать наличествующие экономические знания для интерпретации данного термина.

Так, понятие капитала, как ресурса способного приносить прибыль переносится на термин «человеческий капитал». Однако в качестве ресурса рассматриваются люди. Важно, что трактовка человеческого капитала как финансов и инвестиций не является доминирующей у студентов-экономистов. Схожая ситуация наблюдается и у студентов-психологов. При трактовке термина «человеческий капитал» они актуализируют полученные психологические знания, интерпретируя человеческий капитал как качества личности. К этому прибавляется общее представление о капитале, как о чем-то ценном, поэтому при трактовке термина «человеческий капитал» означаются лишь ценные личностные характеристики, такие как навыки, способности, умения. Итак, в целях развития интеллектуально-рефлексивных способностей у современной молодежи необходимо формировать научные знания о человеческом капитале как предпосылку успешности профессиональной рефлексии.

Литература

1. Семенов И.Н. Творчество и человеческий капитал: рефлексивно-психологические аспекты взаимодействия //Мир психологии. 2010. N 2
2. Стратегическая психология глобализации: психология человеческого капитала: учеб. пособие /под ред. А.И.Юрьева. СПб.:Logos, 2006.-512 с.

РЕФЛЕКСИВНОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Т.Э. Сизикова (НГПУ, г. Новосибирск)

Обозначая психологическое консультирование как рефлексивное, мы вводим идею саморазвития личности средствами прогрессивной рефлексии.

Предметом рефлексивного консультирования является рефлексия – рефлексия клиентом проблемной ситуации, рефлексия рефлексии (путей поиска решения, осуществление выбора и принятия решения).

Цель рефлексивного консультирования - развитие рефлексивного сознания посредством чего, клиент овладевает способностью вставать над ситуацией, над собой, над другими.

Это достигается при использовании психологом в процессе психологического консультирования метода прогрессивной рефлексии, который расширяет у клиента область осознаваемого, влияет на изменение картины мира, меняет привычное видение ситуации. У клиента появляются новые смыслы, значения и происходит их осознание и анализ. Рефлексивное сознание порождает поступок, который надо найти внутри и построить вовне. Этот построенный поступок необходимо оценить как эффективный или не эффективный. Выбрать эффективный и осуществить его.

Нахождение решения задачи является прямым результатом в процессе использования метода прогрессивной рефлексии. Скрытым, но осознаваемым результатом является саморазвитие личности, которое проявляется в принятии ответственности клиентом на себя за своей проблемы, в овладении способностью к децентрации и через это овладением позицией психолога по отношению к самому себе. Это позволяет расширять уровень своего осознания относительно возникшей проблемы.

Метод прогрессивной рефлексии связан с усложнением материала рефлексии и изменением глубины понимания насущной реальности. В процессе применения данного метода происходит расширение, углубление и накопления знаний, другими словами растет уровень новых знаний, умений, навыков.

Исходя из возрастных особенностей рефлексии, которые достаточно условны, в практической деятельности психолога и консультанта метод прогрессивной рефлексии работает на развитие целостной рефлексии независимо от возраста, позволяет действовать с опережением, начиная с подросткового возраста и исправлять ошибки в рефлексии совершаемые в период до подросткового и юношеского возрастов.

Организация условий для актуализации и развития рефлексивных процессов как клиента так и психолога – консультанта является основным содержанием организационно - технической составляющей содержания рефлексивного психологического консультирования.

Многие психологи искали тот психологический конструкт, с помощью которого в психологическом консультировании происходит трансформация понимания и знания в действие, т.е. мост между желанием и действием. По нашему мнению, рефлексия – мотивация – воля составляют единый механизм, который необходимо запустить во время взаимодействия психолога и клиента. Только тогда психологическое консультирование может быть эффективно.

Для актуализации рефлексивно – мотивационно – волевых сил клиента психолог использует методы и техники, задающие различные виды рефлексии К таким методам и техникам относятся: рефлексивное слушание (вопросы, направленные на осознание, резюмирование, обратная связь, интерпретация, самораскрытие и истории), постановка проблемной ситуации в которой клиент должен осуществить свой выбор и принять на себя ответственность (поиск альтернатив, оценивание, децентрация, разговор на двух стульях и др.).

Этапы рефлексивного консультирования:

1этап - представление о проблеме осмысление представления (ретроспективная рефлексия)

2этап - развертывание поисков решения осмысление вариантов решения (интроспективная рефлексия)

3этап - построение программы действия осмысление ее адекватности (проспективная рефлексия)

Процесс организации рефлексивного консультирования можно рассмотреть через призму двух плоскостей – предметной и собственно рефлексивной. Переход от предметной плоскости к рефлексивной порождает интеллектуальные новообразования (выступающих в виде открытия новых свойств и связей предметного мира, с которым активно взаимодействует субъект, конструируя средства его преобразования) и опосредованно порождением соответствующих личностных новообразований, выражающиеся в изменении человеком представлений о своем месте в социокультурном контексте.

Важной особенностью метода является научение клиента децентрации, клиент может выходить в другую позицию и через это овладевать позицией психолога по отношению к самому себе (целостная рефлексия).

Рефлексивное консультирование это процесс постоянного самоопределения клиента, состоящий из двух этапов: первый связан с восприятием ситуации поглощенного ей человека (фрагментарная рефлексия), второй – с человеком «над ситуацией». Ретроспективная рефлексия на первом этапе способствует воссозданию закрепленных в личностном опыте стереотипов восприятия и стереотипов мышления, которые обнаруживают себя, чаще всего, как неадекватные ситуации. На втором этапе, с помощью рефлексивного анализа, рефлексивного понимания, рассмотрение ситуации выводится в более широкий контекст, что является продуктивным для самоопределения субъекта, т.к. объектами рефлексии являются сама ситуация в ее широких рамках восприятия и определенное место человека в ней.

Интроспективная и проспективная формы рефлексии выполняют функцию соотнесения (согласования) идеального будущего и модели реальной жизни. В результате сопоставления двух планов разрабатываются пути коррекции, изменения ситуации. В результате рефлексивного психологического консультирования клиент овладевает навыками рефлексирования.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ КОГНИТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ СИСТЕМ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЛПР В ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕФЛЕКСИВНЫХ СИСТЕМАХ

В.Б. Силов

(Институт информационных исследований, г. Севастополь, Украина)

Введение. В ряде информационных и телекоммуникационных систем (мульти-агентные системы, нечеткие когнитивные сети, системы принятия стратегических в неопределенной обстановке и т.д.) существуют задачи нечетко-целевого управления, которые описываются *моделью управляемого процесса* и *моделью системы предпочтений лица, принимающего решение* (МСП ЛПР) [1]. Рефлексивные аспекты таких систем предполагают управление уровнем консонанса в условиях многоцелевого нечеткого взаимодействия многих ЛПР. При этом необходимо использовать ряд *структурно различных моделей* для одних и тех же нечетких отображений, но с различным консонансом. Поскольку информационно-рефлексивное управление осуществляется не только по *рефлексивным целям*, но и по консонансу взаимодействующих МСП ЛПР, осуществляющих *информационное давление друг на друга (импакт взаимодействия ЛПР)* [2,5]. В зависимости от структуры взаимодействий модель системы предпочтений каждого ЛПР может структурно изменяться от «целевого» содержания к «импактному», более того МСП ЛПР должны удовлетворять максимуму консонанса при когерентном давлении одного ЛПР на другого. Такое парадоксальное требование к моделям позволяет определиться с классом стационарных нечетких когнитивных динамических моделей, а вернее с

манипуляционным множеством таких моделей. В праксеологическом смысле это противоречит всем известным методам оценивания, да и критериям идентификации [3], потому что, кроме альтернативы: «оценка состояния – оценка параметров» необходимо учитывать структуру МСП ЛПР [1].

Решение задачи идентификации разбивается на две фазы, после выделения всех структур взаимодействующих МСП ЛПР из общей когнитивной модели (холонический анализ по максимуму консонанса):

-интерактивная идентификация всех МСП ЛПР оптимизационным или неоптимизационным методом и вычисление взаимодействующих МСП ЛПР (применение импакт-оператора);

- по оценкам модели синтезировать одну верхнюю и множество нижних границ оценок МСП ЛПР.

Задачи идентификации МСП ЛПР. Нечеткая когнитивная карта является формальным представлением МСП ЛПР. Она задается орграфом $G(E, W)$, где $E = E^+ \cup E^-$ - множество концептов, характеризующих одновременно позитивную и негативную сторону проблемы $e = (e^+, e^-) \in E$; W - множество связей; $w: E \times E \rightarrow [0, 1]$; $e_i^* \in E^*$; $w(e_i^*, e_j^*) \in W$; $* \in \{-, +\}$; $i, j \in \{\overline{1, n}\}$. Когнитивная карта «кодируется» двойной матрицей позитивно-негативных влияний: $[r_{ij}^*] = [w(e_i^*, e_j^*) \vee w(e_i^*, e_j^-)]$, $R = (R^+, R^-) = ([r_{ij}^+], [r_{ij}^-])$. Автономный стационарный когнитивный процесс для (max-T)-композиции примет вид:

$$(6) \quad \left. \begin{aligned} X^+(t+1) &= R^+ \circ X^+(t) \vee R^- \circ X^-(t) \\ X^-(t+1) &= R^+ \circ X^-(t) \vee R^- \circ X^+(t) \end{aligned} \right\}^?$$

где вектор значений концептов $X(t) = (X^+, X^-)(t) = [(x_j^-, x_j^+)(t)]_{n \times 1}$; $x_i^*(t+1) = \bigvee_{k=1}^m r_{ij}^* T x_j^*(t)$; T - норма,

В алгоритмах информационного рефлексивного управления используются показатели воздействия и консонанса [1-3]. При этом существует изоморфизм между представлением в виде позитивно-негативного влияния $(x^+, x^-) \in (0, 1) \times (0, 1)$ (PN-FCM) и представлением в виде воздействие-консонанс $(x^{(i)}, x^{(c)}) \in (-1, 1) \times (0, 1)$ (IC-FCM). Исходные нечеткие данные для идентификации МСП ЛПР можно получить с помощью опроса ЛПР [3].

В результате проведения опросной процедуры создаются данные для идентификации, т.е. массив вопросов и массив ответов: $X_{m \times n}, Y_{m \times n}$, m - число вопросов, n - число концептов. $X = (x_1 \dots x_m)$, $Y = (y_1 \dots y_m)$. Вопрос x_i содержит значения состояний концептов соответствующие i -го вопросу, а ответ y_i отражает мнение ЛПР о будущем состоянии предпочтений. Состояния концептов задаются в виде пары значений в форме «воздействие-консонанс».

Первая фаза идентификации МСП ЛПР. Оптимизационные методы. Для идентификации нечетких матриц используются методы вероятностного спуска, рекурсивно-параметрический, квази-ньютоновский и метод градиентного спуска, нейро-сетевые проекционные методы. Задача заключается в нахождении оценок коэффициентов когнитивной матрицы

$R_{2n \times 2n} = (r_1 \ r_2 \ \dots \ r_{2n}) = [r_{ij}]_{2n \times 2n}$, доставляющей оптимум заданному критерию эффективности $E_R = \frac{1}{2} \|Y - R \circ X\|^2 : E_R(Y, R \circ X) \rightarrow Opt_R$.

Практика показывает, что оптимизационные методы идентификации МСП ЛПР дают перевес в пользу точности оценки параметров в альтернативе: оценка параметров – оценка состояний.

Неоптимизационные методы. Более робастные результаты можно получить при оценивании с помощью композиционных правил вывода [1]. Кроме повышения точности оценок состояния эти методы незаменимы в алгоритмах целевой «когерентизации» МСП ЛПР. Робастные операторы для оценки коэффициентов когнитивной матрицы предлагается искать в 4-х классах операций: 1) Прямая max-t композиция. 2) Обратная min-φ композиция. 3) «Мягкая» max-* композиция. 4) «Мягкая» обратная композиция [1,2,5].

Для исследования сходимости рассматриваемых композиций, на базе 22-х операторов, с помощью эталонной нечеткой МСП ЛПР Хебба [3] идентифицированы 22 модели. Проведены попарные сравнения по евклидовой мере сходства $S(R_i, R_j)$. Для реальных МСП ЛПР с 9-15-ю концептами и объемом выборки $m=20-30$ мера сходства $S(R_i, R_j) = 0,56-0,93$.

Вторая фаза идентификации. Идентификация на основе алгоритма решения обратной задачи. Учитывая соотношение (2) для каждого столбца когнитивной матрицы $R_{2n \times 2n} = [r_1 \ r_2 \ \dots \ r_{2n}]$ и матрицы $X = (x_1 \ \dots \ x_m)$, можно записать:

$$r_i^T \circ X = y_i^T. \quad (7)$$

Идентификация R , в отличие от [4], может быть сведена к решению уравнений вида (7) для каждого столбца матрицы. Система нечетких уравнений (7) имеет верхнее решение $r_i \leq \bar{r}_i$ и множество нижних решений \bar{r}_i [1,2]. Решая систему (7), из столбцов верхних решений, формируем когнитивную матрицу – верхнее решение \hat{R} , а множество матриц \check{R} – нижних решений составляем как комбинацию из различных нижних решений, столбцов $r_i \geq \check{r}_i^k \in \check{r}_i \in \check{R}^k \subseteq \check{R}$.

Рассмотренные алгоритмы идентификации программно реализованы в системе CoSMoS 5.0. Разработка практических когнитивных моделей и тестовых экспериментальных МСП ЛПР подтвердили, что верхнее и нижнее решение обладают различным уровнем консонанса. Типовой график зависимости уровня усредненного консонанса верхней и нижней оценок показан на рис. 1.

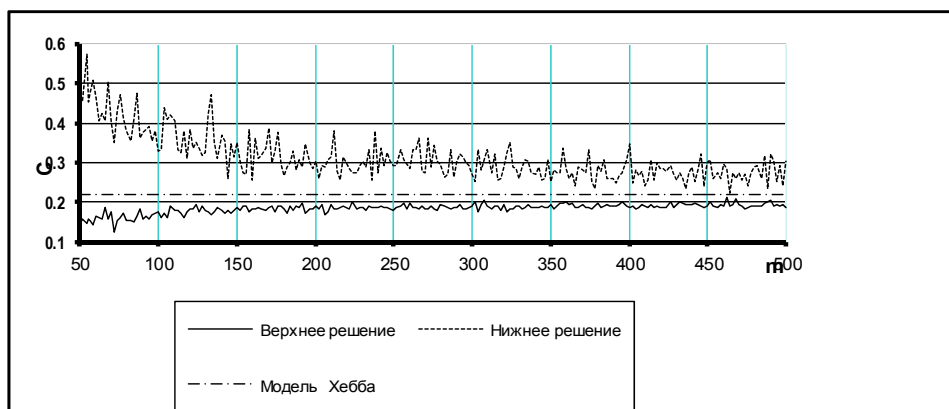


Рис. 1. – Зависимости среднего консонанса модели от длины обучающей выборки.

В психологическом аспекте, только при нечеткой идентификации МСП ЛПР, оценки «границ» модели соответствуют конъюнктивной и дизъюнктивной [2,5] ментальным системам ЛПР. В рамках каждой МСП (в той или иной мере) предоставляются возможности манипуляции консонансом, что открывает широкие возможности исследований рефлексивных психологов по исследованию «лукавых» ЛПР.

Многочисленные практические эксперименты по идентификации МСП ЛПР показывают, что для дизъюнктивных МСП ЛПР можно на практике использовать нечеткие оценки «Хебба» [1,3] и композиции для оператора Ягера, а для конъюнктивных («Инь-Янь» МСП ЛПР) МСП ЛПР – «мягкие» композиции.

Литература

1. *Силов В.Б.* Принятие стратегических решений в нечеткой обстановке (в политике, макроэкономике, социологии, менеджменте, медицине, экологии). - М.: ИНПРО РЕС, 1995. - 228с.
2. *Силов В.Б.* Синтез стратегий для нечетких когнитивных моделей с помощью рефлексивных сигма-нормальных операторов. //Труды III Межд. симп. «Рефлексивные процессы и управление». - М: Изд-во «Институт психологии РАН», 2001, - с. 85—90.
3. *Силов В.Б., Архипов С.Ю.* Построение нечеткой когнитивной модели системы предпочтений лица, принимающего решение//VIII международная конференция «Интеллектуальный анализ информации ИАИ-2008», - Киев, 2008, - с. 431—439.
4. *H.F. Wang, H.M. Hsu,* An alternative approach to the resolution of fuzzy relation equations//Fuzzy Sets and Systems 54, 1992. - p.203—213.
5. *Лефевр В.А.* Рефлексия. - М., «Когито-Центр», 2003. – 496с.

РЕФЛЕКСИВНАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ КРИЗИСНОЙ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

С.А.Смирнов (Институт рефлексивной психологии творчества и гуманизации образования, Москва)

Развитие личности в образовании осложняется рядом негативных факторов, присущих, к сожалению, современному обществу. Одним из них

негативных факторов является наркозависимость части современной молодежи, в т.ч. некоторых школьников и студентов, что свидетельствует о кризисе в развитии их формирующейся личности. В связи с этим актуально рефлексивно-психологическое изучение кризисной личности как необходимой предпосылки управления развитием такой сложной системы, как современное поликультурное образование. Представляется интересным рассмотреть кризисное состояние личности, как результат ее внутренней конфликтности личности, т. е. как результат внутренне, субъективно непродуктивного состояния, создаваемого самой этой личностью. Традиционно в психологической и социологической литературе конфликт принято рассматривать, прежде всего, как объективно обусловленное явление (политически, социально, исторически, экономически). Так, согласно А.Я. Анцупову и А.И. Шепилову: « Конфликт – весьма сложное социальное и психологическое явление» («Конфликтология», М., 2000, с. 80). Однако, хотя конфликт имеет внешнюю форму, внешнее проявление, но всегда обладает внутренней природой именно потому, что порождается личностью. Конфликт является продуктом рефлексивно-оценочной деятельности личности. Вне личности нет конфликта, а то, что происходит в природе или между людьми и понимается как крушение, противостояние, деструкция, антагонизм суть не более, чем восприятие оценки явления, сделанной самой же личностью. При этом мы не подвергаем сомнению наличие природных процессов, способных разрушить личность и, таким образом, прекратить ее оценочную или иную рефлексивную деятельность. Однако, приписывание этому процессу кризисного, трагического, комического и прочего иного смысла, является произволом личности, неким очеловечиванием того, что не является человекоподобным. Такое понимание конфликтности личности и кризиса личности преследует прагматическую цель - рефлексивного осмысления конфликтности, как вполне управляемого внутриличностного процесса. Это открывает возможность исключения (или минимизации) деструктивного кризиса из жизни личности. На практике с явлением конфликтности мы встречаемся всякий раз в случае того или иного невроза или состояния незавершенной адаптации. Вряд ли, найдется человек, не испытывавший дискомфортных состояний по поводу обстоятельств жизни, которые кажутся трагическими, нелепыми, жестокими, странными, неожиданными, трудными и т.д. Хотелось бы показать, как незыблемость «примата обстоятельств» становится причиной фрустрации личности и состояния внутреннего кризиса, препятствующего ее жизнедеятельности. На самом деле, в позиции излишней объективизации природы конфликтных ситуаций и обоснования внутреннего состояния личности внешними причинами присутствует большая доля «искусственного». При этом «искусственным» представляется не корректный процесс «психологического ожидания», возникающий всякий раз после признания (провозглашения) объективности явления. Объективность (процесс, вещь, факт, и.т.д.) для сознания личности имеет два важных свойства: 1) объективность является носителем смысла и 2) смысл объективности не зависит от личности. Следствием этих двух свойств «объективности» является возможность для личности делать всякий раз одну

и ту же вещь: «ничего не делать», так как если смысл «объективности» не зависит от личности, то ей остается только лишь ждать или зависеть от «смысла объективной реальности». Чем более грандиозно объективное событие (война, любовь, бедность, болезнь), тем масштабнее «психологическое ожидание», а по сути, тем значительнее роль времени «психологического бездействия» личности, чреватое ее кризисом. Всякий раз признание зависимости действий личности от объективных обстоятельств переносит ее из сферы (целесообразных) действий в сферу (неопределенно долгого непродуктивного) ожидания. Ожидающий человек всегда прекращает смысл - и целеобразование сам и требует этого смысла - и целеобразования от кого-то или чего-то (объективно существующего). Например: «Я был бы счастлив, если бы моя жена каждый день встречала меня улыбкой», т.е. смысл фразы в том, что «мое» счастье находится в зависимости от того, что делает «моя» жена (для моего счастья). Очевидно, что пока «жена» не улыбается, то «я» ничего не делаю, (чтобы быть счастливым), а ожидаю действий жены и потому несчастен. Именно по причине утраты (приостановки) внутреннего, субъективного адаптационного динамизма целе - и смыслообразования период ожидания этого смысла от объективного явления сопровождается психически дискомфортным состоянием (негативным стрессом): тревожностью, мнительностью, снижением настроения (дисфорией), а при более затянувшихся ожиданиях (дистрессом): депрессией, и другими более грубыми психическими расстройствами. По аналогии с соматической моделью шока: когда наступает (от гр. *synkore*) остановка (или не эффективность) гемодинамики (кровообращения) и происходит недостаточная подача кислорода тканям организма, то человек переживает мучительное состояние шока. Аналогично и в психологии имеет место состояние ожидания или психосинкопальное состояние, то есть состояние неэффективности или остановки психически необходимого динамизма целе и смыслообразования, что сопровождается паническим дистрессовым состоянием личности. С большой долей уверенности можно предположить, что затянувшееся ожидание, как некое психосинкопальное состояние, лежит в основе механизма невротизации и других более тяжелых психических дистрессов, наблюдаемых в психиатрии. Интересно, что феномен психического ожидания особо актуален у больных алкоголизмом и прочими наркоманиями. Отчасти понятие «наркозависимое поведение» означает, что жизнь этих личностей психически и физически оказывается возможной при условии наличия наркотика. Внутренняя жизнь наркозависимой личности вне наркотической интоксикации пребывает в синкопальном (остановленном ожиданием наркотика) состоянии и это невыносимое состояние остановленного смысла - и целеобразования, а также бесконечное ожидание и периодическое получение этого смысла (психодинамического «толчка») от наркотика является причиной бесконечного возврата к наркотизации наркоманов и алкоголиков. Патология длительного ожидания или психосинкопального состояния приводит к остановке адаптационного динамизма личности, к состоянию и тактике ожидания психовспомогательного действия, прежде всего наркотика, хотя и

по отношению к окружающим людям гамма чувств близка наркоожиданию, она также ищет и требует психовспомогательного и психопротезирующего действия. Длительность психологического ожидания (и, следовательно, «внутреннего» бездействия) у такой личности столь велика, что на первый план ее психологического портрета выступает остановка психологического роста, инфантилизм, резонерство, психо- или социо-патия, как итог длительного бездействия адаптационной динамики. Феномен психологического ожидания оказывается столь же печально значим для родных и близких этих больных, то есть для так называемых созависимых личностей, краткой сутью существования которых является формула: «Если бы мой муж (сын, дочь, жена, отец...) не пил, то я была бы (был бы) счастлива». Жизнь этих людей наполнена саморазрушительной тревогой, печалью, тоской, разочарованием и всем тем, что называется «несчастье» из-за состояния ожидания (и получения) проблем, возникающих у пьющего или наркотизирующегося (проблемного) субъекта. Эти люди радуются или отдыхают также, если у наркозависимого (проблемного) субъекта все относительно благополучно. Чем дольше кто-либо занимается решением проблем наркотизирующегося (алкоголика или иного проблемного человека), тем безответственней этот кто-либо относится к собственным проблемам и тем тревожней и печальней (именно из-за нерешенности и неопределенности своих проблем) кажется ему собственная судьба. При этом налицо полная зависимость содержания событий жизни (вплоть до осознания ее как особой судьбы) и внутреннего (субъективного) состояния личности от того, что делает или чего не делает совершенно другой человек. Все психологическое пространство такого родственника заполнено проблемами «пьющего», то есть созависимый родственник не в состоянии заниматься и не занимается целями и смыслами собственной личности. Созависимая личность, переключаясь на «готовые», «объективные» смыслы, исходящие от проблемного человека созависимая личность становится потребителем этого смысла, и сама уже не вырабатывает свои смыслы и цели. Человеку же, оказавшемуся личностью с остановленным смыслом и целеобразованием, достается только тревожно разрушительный процесс зависимого ожидания смысловой и целевой информации, которую даст (или не даст) проблемная личность. Процесс такого «психологического иждивения» часто продолжается десятилетия. Столь длительное и безответственное игнорирование и забвение содержания собственной личности, «жизнь не своей жизнью» приводит к ее неминуемому обеднению и деградации. Кризисное положение созависимой личности злокачественно еще и тем, что желание помочь проблемному человеку у нее всегда оказывается искусственным, как бы искренне к этой ситуации не подходил созависимый человек. Качественное изменение ситуации принципиально угрожает лишить созависимую личность имеющегося, пусть и негативного, источника смысла и цели, а создавать свои цели и смыслы такая личность не в состоянии. Такая зависимость созависимых родственников от «объективно» негативного смысла делает их усилия по выздоровлению проблемной личности бесконечно бесперспективными. Разрешение ситуации мы видим тогда, когда

созависимый человек перестает быть созависимым, разрывает зависимость от «объективного» источника смысла, прекращает ожидание этого смысла извне и начинает производить и искать его самостоятельно, исходя из личного и субъективного начала. Тогда же, после разрыва порочного круга (проблемная личность - созависимая личность), после исчезновения созависимой личности, мы видим определенные подвижки к выздоровлению и проблемной личности. В практике реабилитационных программ (проводимых в нашем реабилитационном наркологическом центре в течение девяти лет) мы уделяем ведущее значение реанимации целе - и смыслообразующей динамики личностей (пострадавших от алкоголя и прочих наркотиков) посредством рефлексивных и экзистенциально-рефлексивных методов этой реанимации, так как именно рефлексия позволяет личности увидеть бездействие, безответственность за результаты в процессе психологического ожидания ведущего личность к кризису. Накопленный нами рефлексивно-психотерапевтический опыт целесообразно использовать для профилактики наркозависимости кризисной личности попавших в беду школьников-наркоманов в целях устранения негативных факторов, осложняющих развитие системы поликультурного образования.

Литература

1. *Беленький А.П., Семёнов И.Н.* Бехтерев Владимир Михайлович. // БСЭ, 3-е издание. М., СЭ, 1970.
2. *Семенов И.Н., Смирнов С.А., Кордубан В.В.* Акмеология, социальная и юридическая психология в междисциплинарном обеспечении наркологических рефлексивных реабилитационных программ.//Акмеология и социальная психология на рубеже XXI века./ Под редакцией Деркача А.А. - М.: Изд-во РАГС, - 2001
3. *Смирнов С.А.* Пропедевтика психологии понятия услуги // Главный врач. 2005. N 5.

РЕФЛЕКСИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ЛАБИРИНТАХ КИБЕРПРОСТРАНСТВА

*Г.Л.Смолян (Институт системного анализа РАН, Москва),
Г.Н.Солнцева (МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва)*

Много раз мы все убеждались в том, что крупные писатели предвосхищают события и смыслы. Вот Виктор Пелевин говорит об интерактивности в Интернете: *«На самом деле никакой интерактивности не бывает – она кажущаяся. Или, скажем так, она допускается в той узкой зоне, где любой выбор не изменит сути дела. Главная проблема как раз в том, чтобы избавиться от свободы выбора, жестко подвести к нужному решению, сохранив уверенность, что выбор свободный. По научному это называется принудительным ориентированием»* [1, стр.80]. Однако 40 лет назад по научному эта ситуация была названа В.Лефевром рефлексивным управлением.

В книге Виктора . Пелевина «Шлем ужаса описываются возможные методы оказания манипулятивного воздействия на человека, погруженного в

виртуальную среду. Допустив (предположив), что в виртуальной реальности имеется площадка с тремя одинаковыми мраморными вазами и задача состоит в том, чтобы подвести человека только к одной из них, В. Пелевин дает следующие яркие метафорические названия этим методам воздействия.

«Липкий Глаз»: при поворотах головы одна из ваз как бы «залипает» в поле зрения и находится там дольше, чем должна.

«Гиря»: когда человек пытается уйти от этой вазы, программа замедляет его движение, а когда приближается к ней, она его ускоряет;

«Павловская Сука»: при взгляде на вазы, которые мы хотим исключить из списка, начинает рябить в глазах, возникает неприятный гул в ушах, бьет током или действует инфразвук, и человек начинает испытывать мрачный мистический ужас перед всеми вазами, кроме нужной. При правильном выборе «нужной» вазы осуществляется стимуляция центра удовольствия в головном мозгу.

«Солнечный Поцелуй»: на «нужную» вазу падает солнечный луч, или раздастся трогательная мелодия, когда ваза попадает в поле зрения. При взгляде же на другие вазы солнце уходит за тучи, спускается серый туман, раздаются неприятные звуки.

«Седьмая Печать»: ваза, которую следует выбрать, выделяется с помощью таинственных знаков, возбуждающих воображение или интерес.

Любая из техник, заключает В. Пелевин, примененная сама по себе может быть легко обнаружена, но если они применяются в комбинации и делается это тонко так, что методы сменяют друг друга постоянно, а интенсивность все время остается на границе восприятия, достигается практически стопроцентная точность манипулирования при его полной незаметности (там же, стр.88).

Вот и произнесено ключевое слово – манипуляция.

Везде и всегда люди были и остаются объектом манипулятивных воздействий. Они легко теряются в лабиринтах киберпространства, зачастую враждебных интересам, ментальности и ценностным ориентациям личности и несущих мощный социальный негатив. Получается, что киберпространство – эта социально-информационная среда (множество информационных источников и потоков подвергающихся многократной переработке и перадресовке), в которую погружен человек, является по своей природе агрессивной. и именно в этом своем качестве порождает серьезные политические последствия, формируя отношение к властным институтам, формальным и неформальным лидерам, вызывая поток событий, во многом определяющих политическую атмосферу в обществе, зачастую ее внезапные изменения. Флэш-мобы и повсеместное в последнее время выкладывание видеороликов в Интернете — таковы самые распространенные и сильнодействующие механизмы политического воздействия на граждан.

Новые краски манипулятивные воздействия приобретают, если их рассматривать через призму рефлексивного управления. В.А.Лефевр, впервые в 1967 г. введший в широкий научный и политический контекст понятие рефлексивного управления, так характеризует его в своей последней книге [2, стр.89].

*Рефлексивное управление это информационное воздействие на объекты, для описания которых необходимо употреблять такие понятия, как сознание и воля. Объектами такого рода являются и отдельные люди, и объединения людей: семья, группа, **страта**, нация, общество, цивилизация. Термин "рефлексивное управление" может пониматься в двух смыслах. Во-первых, как искусство манипуляции людьми и объединениями людей. Во-вторых, как специфический метод социального контроля.*

Рефлексивное управление – это воздействие на субъектов, склоняющее их принять решения, заранее подготовленные управляющей стороной автор различает четыре типа рефлексивного управления:

- манипулирование посредством влияния (прямое воздействие);*
- манипулирование путем изменения отношений (между индивидами в группе);*
- манипулирование порядком значимости;*
- воздействие на неосознанную сферу субъектов [2, с.89].*

Вслед за В. Лефевром несколько иначе, описывает манипулятивные воздействия Е.Л. Доценко

Манипуляция – это стремление прибрать к рукам приручить, превратить в послушное орудие, как бы в марионетку [3, с.47]). Попытка манипуляции тогда лишь имеет шансы на успех, если факт воздействия на адресата им не осознается и конечная цель манипулятора ему не известна. [там же, с.55]. Е.Л.Доценко дает следующее определение манипуляции – это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями [3, с.59]. Манипуляция – это психологическое воздействие, направленное на неявное побуждение общественного мнения или настроение другого к совершению определенных манипулятором действий [там же.с.60). . Под психологическим воздействием этот автор понимает изменения психологических характеристик личности, групповых норм, общественного мнения или настроения. Манипуляция это стремление добиться своего с оглядкой на производимое впечатление. Воздействие скрытое, с опорой на автоматизмы и стереотипы с привлечением более сложного опосредованного давления. Наиболее частые способы воздействия: провокация, обман, интрига, намек (там же, с.102-103).

Для понимания содержания и механизмов манипулятивных воздействий может оказаться полезным представление об инфологемах, которое 30 лет назад развивал незаслуженно забытый сегодня, новосибирский социолог В.З.Коган [4].

Инфологема - это ложная, искаженная или неполная информация, представляющая реальные события артефактами, **идеологическими мифами, политическими пропагандистскими измышлениями.** Инфологемы появляются на свет как результат сознательных, целенаправленных манипулятивных воздействий или, что значительно реже - неосознаваемых заблуждений. Инфологемы способны к расширенному самовоспроизводству,

самоумножению и складыванию в системы. Они формируют картины мира в индивидуальном, групповом и массовом сознании, устойчивые стереотипы индивидуального и социального поведения, ценностные установки и ориентации будущих поколений.

Как и любые идеологические мифы инфологемы активны и агрессивны. Они энергично вытесняют достоверную информацию, оставаясь нередко правдоподобными. Зачастую инфологемы помогают отвлечься от неприятной реальности, снять фрустрацию, уменьшить тревожность и, в конечном счете, обеспечить некоторую толику психологического комфорта. Поэтому так часто успех сопровождается слухи и сплетни.

Нельзя не признать, что производство инфологем всегда носит деструктивный характер. Они ложатся на благодатную почву взвинченной психологии масс, сходу вводятся в информационные каналы и легко перетекают в различные области духовной жизни.

В.З.Коган предложил следующую классификацию инфологем:

1. Аргументирующие.
2. Комментирующие.
3. Провозглашающие.
4. Отвлекающие.
5. Скрывающие.
6. Ложноориентирующие (ориентирующие не в тех направлениях).
7. Дезориентирующие (подменяющие ориентиры

Особенно интенсивна диффузия инфологем в неформальных структурах. В итоге социальное пространство оказывается целиком во власти инфологем, активно засоряющих индивидуальное и общественное сознание артефактами и тем самым серьезно деформирующих его. Производство инфологем, - писал В.З.Коган - означает интенсивную деятельность (неважно, сознательную или бессознательную), носящую ярко выраженный **деструктивный** характер. Инфологемы по своей природе - незалеживающийся товар, они легко перетекают во все сферы общественной жизни. И сегодня актуально звучит замечание В.З. Когана: о том, процесс создания инфологем сопровождается не только поиском врага, но и превращением себя в жертву. Эта модель воспроизводится систематически, как только начинается полоса социально-политических кризисов или конфликтов.

Особое и значительное место в инфологемах занимают факты, не существовавшие до того, как они появились в СМИ, а для нас сегодняшних и в Интернете). Для них американский писатель Норман Мейлер в 1973 г. придумал термин « фактоид» [5]. Фактоид преподносится как то, что произошло на самом деле. И к нему начинают относиться как к истине. В обыденной жизни, это молва, слухи, городские легенды, это может быть клевета, инсинуации, мифы, в общем все то, что составляет содержание манипулятивных воздействий через СМИ и Интернет. Фактоиды оказывают мощное психологическое воздействие. Хорошо известный пример - радиопостановка по роману Г. Уэллса «Война миров» 30 октября 1938 г., в

которой описывался захват Земли, марсианами, породившая массовую панику в США.

В заключение подчеркнем один тонкий момент, обусловленный самим фактом рефлексивного управления. В исходном смысле термина «манипуляция» заложен негативный, провокативный контекст. Отдельные виды манипулятивных воздействий, обращенные к населению в целом или адресованные конкретным лицам, социальным слоям и группам, политическим партиям и движениям, способны серьезно нарушить нормальное функционирование и жизнедеятельность социальных институтов, государственных структур, общественных организаций, объединений граждан и отдельных лиц. Эти воздействия квалифицируются именно как негативные, так как вызывают психоэмоциональную и социально-психологическую напряженность, искажение нравственных критериев и норм, морально-политическую дезориентацию и, как следствие, неадекватное поведение отдельных лиц, групп и масс людей. Если все суммировать, то можно прийти к тяжелым последствиям - глубоким трансформациям индивидуального, группового и массового сознания, изменениям морально-политического и социально-психологического климата в обществе.

Киберпространство — это, конечно, не только новая информационно-коммуникационная среда, но и новая площадка для рефлексивного управления, для массового применения, (по Пелевину) внутренних технологий: «... *Внешние технологии воздействуют на то, что мы видим, а внутренние – на то, что мы думаем* [1, стр.83]

Литература

1. Пелевин В.О. Шлем ужаса: миф о Тесее и Минотавре. М, Эксмо, 2010,
2. Лефевр В.А. Лекции по теории рефлексивных игр. МЮ, Когито-Центр, 2009.
3. Доценко Е.Л. Психология манипуляции. Феномен, механизм и защита. М, ЧеРО, 1997.
4. Коган В.З. Качество информации и мир инфологем. // В сб. « Проблемы инфовзаимодействия. Новосибирск, 1993.
5. Mailer, N. Marilin. New York, Galahad Books, 1973, p. 18.

РЕФЛЕКСИЯ И РЕФЛЕКСИВНОСТЬ НА ФИНАНСОВЫХ РЫНКАХ

О. Б. Соловьёв (Новосибирский государственный университет экономики и управления, г. Новосибирск)

Значение финансовых рынков для социального развития в целом становится очевидным при изучении моделей экономического управления. Великая депрессия в США и вторая мировая война явились главными историческими причинами создания и реализации модели регулируемой рыночной экономики. Отмена государственного регулирования и предоставление рынка самому себе в 1980-х гг. стали главной причиной экономического спада 2008-09 гг. и банкротства американских инвестиционных банков и ряда финансовых институтов как в финансовом

центре, так и на периферии. Это не означает, что финансовый кризис, разразившись, отошёл в историческое прошлое. Есть все основания полагать, что финансовые рынки нестабильны по самой своей природе и без должного регулирования со стороны органов исполнительной и законодательной власти в момент пика спекулятивной активности неизбежно терпят крах. Вместе с тем это не означает и то, что раздаточная экономика эффективнее рыночных отношений, а государственное регулирование всегда разумно. Общество – это система с рефлексией, поэтому любые меры, вовлекающие власть в хозяйственную деятельность, носят временный характер и требуют будущей корректировки в зависимости от того, как изменит своё поведение система. Экономическое управление, учитывающее эту рефлексивность, двустороннюю обратную связь внутри системы, позволяет существенно ограничить масштабы финансовых потрясений как вширь – в количественном исчислении потерпевших потери, так и в глубину – по величине убытков.

Разрабатывая экономическую теорию, К. Маркс опирался на философское понятие практики, не ожидая, когда философы оценят его как неклассическое основание современной науки. По словам П. Бурдьё, не ждали философов, чтобы узнать, что они подразумевают под произвольностью социального факта, лингвистического знака, объяснением социального через социальное, и другие основоположники общественных и гуманитарных наук – М. Вебер, Э. Дюркгейм, Ф. де Соссюр. Вместе с тем современные достижения социологической и философской мысли, в качестве примера можно взять понятия коммуникации и аутопойесиса Н. Лумана, отделены непроницаемой стеной от экономической теории, в том числе от анализа и понимания финансовой системы, по отношению к которой продолжает господствовать классическая теория эффективных рынков. Неклассические и постнеклассические идеалы рациональности, учитывающие роль и место субъекта в системе исследования, получили своё оформление в общеметодологических и философских теориях общественного развития, при этом, однако, дело не дошло до конкретно-эмпирического и теоретического осмысления событий на финансовых рынках, а значит и того, что за ними кроется. Действительность же поставила судьбоносный вопрос: возможно ли посредством экономического управления предотвращать крупномасштабные кризисы, а если да, то какая модель экономического управления отвечает вызовам новейшего времени.

Исследование социальной системы, которая в зависимости от результатов исследования изменяет своё поведение, внутрисистемные связи и характер движения, представляет серьёзную методологическую проблему. В социальных исследованиях зачастую невозможно уйти от участия наблюдателя в изучаемой системе, когда само это участие выступает не ошибкой наблюдения, порождаемой порочной субъективностью эмпирической работы, а необходимым условием эмпирии: действительно, социолог находится в обществе, а историк – в истории. Так, исследования финансовых рынков порождают некоторые ожидания; ожидания, в свою очередь, изменяют курсы валют и ценных бумаг, то есть изменяют всё то, что связано с предметом познания. Нередко эти изменения начинают

происходить ещё в ходе исследования в силу утечки информации либо в силу самого факта изучения, свидетельствующего о повышенном внимании к данному сегменту рынка. Релятивность позиции исследователя в историческом процессе обуславливает недостоверность получаемого знания: мы не можем взглянуть на мир со стороны, увидеть его глазами вселенского разума, наше видение всегда предопределено понятийной системой, уровнем развития науки и техники, потребностями познавательной деятельности – словом, всем тем, что составляет достояние исторического существа.

Социальные науки могут избежать исторического релятивизма, возникающего из-за того, что они суть продукт исторических существ, если смогут подвергнуть историзации самих себя – к такому выводу пришли независимо друг от друга П. Бурдьё и М. Фуко. П. Бурдьё предложил называть это требование принципом «двойной историзации»: опасности релятивизации продуктов речи, претендующей на научность, могут быть ограничены, если мы подвергнем историзации познающего субъекта и познаваемый объект. Это означает, что для адекватного понимания философского ли произведения М. Хайдеггера или ситуации на финансовых рынках нам придётся по-новому расположить познающего субъекта – аналитика – в поле деятельности, внутри которого ведётся анализ, а также по-новому расположить познаваемый объект в поле, где производится знание. Без одновременной историзации аналитика и исследуемого объекта мы будем думать, что имеем дело непосредственно с изучаемым объектом, а на деле – с частной, далеко не полной интерпретацией смысла понятий. Мы будем считать, что знаем причины кризиса и пути выхода из него, а на деле – содействовать рецессии и банкротству. Императив двойной объективации, требующий объективировать наше бессознательное отношение к объекту, тяжело осуществим на практике. По словам П. Бурдьё, наша голова забита историей: будучи усвоенными, слова, категории, дихотомии формируют картину реальности такой, какая только возможна при их посредстве. Их нельзя преодолеть единственно усилием мысли, ибо они, в известном смысле, и есть сама мысль; нужна рефлексия, историческая работа объективации. Средство, которое П. Бурдьё предложил для того, чтобы хотя бы частично снять социальное давление, состоит в объективации субъекта объективации, ведь для знания хотя бы немногого из того, что и как мы мыслим, следует рассмотреть всю совокупность исторической деятельности, в которой формируется наше мышление.

Допустим, мы считаем, что знаем, что такое монетарная экономика: знаем как на практике – экономическая модель монетаризма целенаправленно реализуется, начиная с 1980-х гг. в США и Великобритании и с 1990-х на постсоветском пространстве, – так и в теории, за которую М. Фридман получил Нобелевскую премию. На деле, когда в экономике обваливается каждый элемент: потребление, инвестиции в жилищное строительство, капиталовложения, запасы, экспорт, – всего этого комплекса знаний явно не достаточно, и крахом инвестиционных банков осенью 2008 г. Уолл-стрит также обязана этой половинчатости нашего знания. Для того чтобы знать, что и как мы думаем о монетаризме, нам следует рассмотреть категории

мышления и мыслительные структуры, которые появились задолго до монетаристской теории и стали объектами предварительного конструирования её оснований. Нам нужно учесть достижения в области анализа потребления, истории денежного обращения и кредитной политики, исследовать мотивацию действий правительственных организаций, корпоративных, государственных и международных финансовых институтов, существование которых позволило состояться модели М. Фридмана. Тогда и только тогда обнаружится, что значительная часть из того, что нам известно о монетаризме, в действительности говорится и делается не столько от имени социальных наук в интересах экономического развития, сколько от лица государственных чиновников в политических целях. Задачи инвестиционных программ и решений, принимаемых государственными органами власти, по разным причинам могут быть далеки от реальной экономики, проблем занятости, образования, медицинского и пенсионного обеспечения населения. Тогда и М. Фридману будет придано значение не только учёного, родоначальника Чикагской экономической школы, но и политически ангажированного общественного деятеля, гуру рыночного фундаментализма, хотя и классического либерала.

ВЫБОР ДЕЙСТВИЙ СУБЪЕКТА В КОМПЛЕКСНОЙ СИТУАЦИИ

*В. К. Солондаев (Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова, г. Ярославль)*

В данной работе предлагается интерпретация с позиции теории рефлексивных игр эмпирических данных о выборе субъектом варианта действий в профессиональной проблемной ситуации. Эмпирические данные получены в исследовании выбора тактики ведения врачами-педиатрами [1].

Профессиональные проблемные ситуации педиатров интерпретируются как комплексные. Существенные параметры комплексности сформулированы, например в работе А. Bennet, D. Bennet: «комплексную ситуацию трудно определить, в ней существует значительная вероятность сильных изменений в ответ на какое-то решение, может существовать более чем один «правильный ответ»; есть множество взаимосвязанных причин; нет (или есть несколько) прецедентов; есть много заинтересованных сторон и часты неожиданности» [2; стр. 4]. Как убедительно показано А. В. Брушлинским [3], в подобных ситуациях для субъекта сама формулировка альтернатив является результатом решения одной или нескольких мыслительных задач.

Однако при организации медицинской помощи возникает не только задача понимания психологического механизма построения альтернативных вариантов тактики ведения. Не менее важной является задача предсказания выбираемого варианта и поиск возможностей управления этим выбором, что соответствует цели теории рефлексивных игр, сформулированной В. А. Лефевром [4; стр. 7]. На материале исследования закупок железобетонных изделий совместно с Ю. А. Полетаевым [5] были получены данные о том, что в практике работы объективное многообразие возможностей учитывается не

всегда и не в полной мере. На этом основании мы сочли экологически валидным исследование выбора педиатрами из сформулированных экспертами вариантов тактики ведения.

Заметим, что проблема стандартизации в медицине является одной из наиболее сложных, поскольку требование стандартизации противоречит не менее значимому требованию индивидуализации. Следовательно, выбор педиатром тактики ведения может исследоваться в двух направлениях: как построение вариантов действий и как выбор между существующими для субъекта вариантами. Как будет показано ниже, некоторые особенности выбора субъекта определяются выработанным им множеством альтернатив.

В нашем исследовании группам педиатров и студентов предъявлялись 3 ситуационные задачи и по 3 варианта решения каждой задачи. Испытуемым предлагалось оценить задачи и варианты их решения от 0 до 6 по следующим шкалам: для задач — типичность, сложность, реальность; для решений — типичность, соответствие ходу развития ребенка, правильность, реальность, степень риска отрицательных последствий. После оценки испытуемого просили выбрать единственный вариант решения, который он сам выбрал бы в реальной ситуации.

Обнаружена высокая устойчивость групповых оценок. При этом оценки врачей и студентов соответствовали друг другу настолько, что оказались неразличимы статистическими методами. Другим важным результатом стало отсутствие связи между оценками разных вариантов тактики ведения каждой ситуации и выбором одного из них. В группах студентов и педиатров принципиально разные с точки зрения экспертов варианты получили сходные оценки.

На следующем этапе исследования мы соотнесли оценки испытуемых с их способом сравнения вариантов. Было зафиксировано не менее трех различных способов сравнения вариантов. Но способ сравнения вариантов, оказался статистически независим и от оценок сравниваемых вариантов, и от окончательного выбора варианта тактики ведения.

На первый взгляд попытка эмпирически определить направления оптимизации выбора правильных с точки зрения экспертов вариантов тактики ведения не оказалась успешной. Дело в том, что на основании статистических данных о работе педиатров вероятность выбора правильного для экспертов варианта в реальности значительно ниже, чем в исследовании, а вероятность выбора неправильных вариантов существенно выше. Но если мы используем теорию рефлексивных игр, может быть предложена более эвристичная интерпретация.

Здесь для нас представляет особый интерес следующий момент. Согласно В. А. Лефевру, каждый субъект может иметь свое особое множество действий (в нашем случае - вариантов тактики ведения) с заданным на нем своим особым отношением реализуемости [4; стр. 64]. Тогда влияния других субъектов на выбор определенного субъекта должны представляться на языке его собственного множества альтернатив.

Применительно к анализируемому материалу это означает следующее. Для эффективного воздействия на педиатров в направлении выбора ими

правильного с точки зрения экспертов варианта тактики ведения необходимо учесть не только собственно выбор одного из нескольких вариантов, но и построение субъектом множества альтернатив, как отмечалось выше. Вполне возможна такая ситуация, в которой в силу комплексности ситуации врач не располагает необходимыми профессиональными знаниями для построения объективно правильного варианта тактики ведения. Предпосылкой является наличие неустранимых ограничений возможности жесткой фиксации альтернатив.

В такой ситуации попытка активно воздействовать на врача в направлении выбора им варианта решения, не представленного в его собственном множестве альтернатив, будет интерпретирована субъектом на языке его собственного множества альтернатив. С точки зрения внешнего наблюдателя это будет выглядеть как повышение вероятности выбора неправильной тактики ведения, сопровождающееся ростом субъективной уверенности в ее правильности: «ведь я делаю так как учили».

Принимая предложенную интерпретацию, мы можем объяснить отсутствие значимых различий в вероятности выбора правильного варианта тактики ведения между студентами и педиатрами с опытом работы. Само по себе наличие опыта работы означает сформированность у субъекта множества альтернатив. Однако в силу комплексности клинической ситуации в медицине, происходит достаточно быстрая смена оценок правильности вариантов тактики ведения. Студенты могут располагать меньшим по сравнению с практиками объемом альтернатив, но в их множестве альтернатив уже присутствуют те, которые в настоящее время эксперты считают правильными. А необходимым условием работы по повышению вероятности выбора практическими врачами правильных вариантов тактики ведения является наличие соответствующих альтернатив в их субъективном множестве.

Литература

1. *Мозжухина Л. И., Ратынская Н. В., Солондаев В. К.* Психологические факторы выбора тактики ведения детей на педиатрическом участке // Актуальные проблемы педиатрии : Сборник материалов XV Конгресса педиатров России с международным участием (Москва, 14–17 февраля 2011 г.) - М. : РАМН - С. 5911.
2. *Bennet A., Bennet D.* The Decision-Making Process in a Complex Situation // Handbook on Decision Support Systems 1 International Handbooks on Information Systems, 2008, Vol I, S. 3-20.
3. *Брушлинский А.В.* Мышление и прогнозирование – М.: Мысль, 1979.- 228 с.
4. *Лефевр В.А.* Лекции по теории рефлексивных игр - М. : Когито-Центр, 2009 - 218 с.
5. *Солондаев В.К., Полетаев Ю.А.* Исследование профессиональной позиции в маркетинге // Ярославский психологический вестник. Выпуск 26. - М., Ярославль: Изд-во РПО, 2010 - С.81-84.

РЕФЛЕКСИВНЫЙ ПОДХОД К ВОСПРИЯТИЮ ВРЕМЕНИ (по материалам работ Гуссерля и Канта)

М.А. Солоненко (Институт философии РАН, Москва)

В последние годы в науке и философии актуализировались проблемы, связанные с исследованием рефлексивных аспектов восприятия человеком времени. На наш взгляд, во многом этому поспособствовало все более широкое применение в современной науке и философии синергетических, системно-эволюционных идей, рефлексивного подхода и междисциплинарных когнитивных методов.

Особенно активно рефлексивный подход к исследованию восприятия человеком времени стал применяться в последние годы в эволюционной биологии и медицине, в эмбриологии и нейронауке, в когнитивной психологии, в эволюционной эпистемологии и в ряде других отраслей современной науки и философии. Такие исследования проводятся как в нашей стране, так и за рубежом. Ведущими отечественными и мировыми научными центрами современных рефлексивных исследований времени являются: Международное общество по изучению времени (США), Институт биоритмов мозга (США), Буддийский институт мозга и души, Институт ритмологии Натальи Марченко, Институт мозга человека РАН, Институт сознания РАН и ряд других российских и зарубежных научных учреждений.

Впервые рефлексивный подход к изучению восприятия человеком времени был применен в науке и философии немецким философом Эдмундом Гуссерлем в его работе «Феноменология внутреннего сознания времени». Суть подхода Гуссерля заключается в исключении из науки понятия объективного времени и всех прежних попыток изучения времени объективными научными методами. Потому что время, по Гуссерлю, – это чисто субъективное, феноменологическое понятие. По этому поводу Гуссерль пишет, что мы должны раз и навсегда понять, что «время и сознание времени – это не одно и то же» [1] и что время можно изучать только рефлексивным феноменологическим методом.

Таким образом, согласно Гуссерлю, человек не столько познает время, сколько конструирует его посредством сознания и собственной саморефлексии. Близкую позицию по данной проблеме занимал также немецкий философ Иммануил Кант, который называл время «формой чувственного созерцания» и считал, что человек конструирует время с помощью сознания и что время как независимая от восприятия человека объективная реальность не существует [2].

Из классических и современных отечественных и зарубежных авторов проблемой рефлексивного восприятия и конструирования человеком времени в той или иной мере занимались: Г. Гельмгольц, Р.Л. Грегори, Дж. Гиббсон, Б. Бриджмен, Дж. Норманн, С.П. Курдюмов, Е.Н. Князева, А.Л. Алюшин и др. Однако в данном своем выступлении мы сосредоточим свое внимание главным образом на подходах Гуссерля и Канта.

Опираясь на идеи Гуссерля и Канта, представляется возможным выделить три основных уровня конструирования человеком времени и временных

объектов, которые, на наш взгляд, можно назвать уровнями рефлексивного восприятия человеком объективного времени: 1) восприятие времени через восприятие вещей, данных человеку из личного опыта, 2) восприятие трансцендентального доэмпирического времени и 3) восприятие времени в абсолютном темпоральном потоке сознания.

Рефлексивное восприятие и конструирование объективного времени у Гуссерля и Канта – это, по существу, создание (на основе памяти, фантазии и чувственного опыта) одного из возможных наглядных образов времени. Специфика феноменологического метода Гуссерля и трансцендентального метода Канта, на наш взгляд, заключается в том, что рефлексивное восприятие человеком времени всегда начинается с фиксации его данности сознанию. В случае восприятия внеопытного intersubjectivного времени Гуссерль и Кант не различают данность наглядного образа и процесс формирования его абстракции на уровне сознания. Гуссерль и Кант начинают рассматривать вопрос с того, что фиксируют осознание объективного времени, однако это осознание является у них наглядным образом, который формируется конкретно-исторически, в цепи обыденных представлений о времени.

В целом феноменологический метод Гуссерля и трансцендентальный метод Канта, способствует пониманию того, каким образом формируется наглядное представление об объективном времени при рефлексивном его восприятии человеком. Именно там, где речь идет об интуитивно воспринимаемых предметах и процессах, феноменологические и трансцендентальные описания временных различий обладают самой высокой степенью точности. Однако если речь идет о конкретно-историческом времени, то проблема рефлексивного его восприятия может быть решена, по мнению Гуссерля, только в рамках феноменологического анализа времени. С другой стороны, рефлексивное исследование темпоральности первичных модусов сознания – таких, как восприятие, память и т. д. – обнаруживает проблему ограниченности феноменологического метода, то есть проблему предела научного анализа сознания. Если же проблема рефлексивного восприятия объективного времени указывает на предельные возможности феноменологического метода, то проблема предела научного анализа сознания, которая была поставлена Кантом и которая составляет существенную черту трансцендентализма в целом, по сей день является одной из фундаментальнейших философских проблем, конституирующих саму феноменологию.

Говоря о рефлексивном восприятии человеком времени (восприятии посредством сознания) Кант указывает на целый ряд вопросов, ответить на которые, с его точки зрения, невозможно: «Трансцендентальный объект, лежащий в основе явлений, и вместе с ним то, на основании чего наша чувственность подчинена одним, а не другим высшим условиям, есть и остаются недоступными нашему исследованию, хотя самый факт их существования несомненен (*die Sache selbst gegeben*), но только не постигнут» [2, 532). Таким образом, у Канта речь идет о непознаваемости не только «вещей в себе» как внешних предметов, но и о непознаваемости

абстрагированной от сознания познавательной способности человека к рефлексивному восприятию времени.

В отличие от Канта, Гуссерль исследует при помощи рефлексивного наблюдения осознание человеком времени, и в частности восприятие его длительности. При этом Гуссерль использует ставшую классической свою схему «ретенция-теперь-протенция» в описании осознания последовательности и одновременности в рефлексивном восприятии человеком времени и в описании процесса памяти и фантазии. Это позволяет Гуссерлю выделить основные уровни конструирования человеком времени и временных объектов. Выделение уровней восприятия внутренне осознаваемого человеком времени позволяет Гуссерлю осуществить свою главную цель: создать «модель» субъективности, деятельность которой основывается на осознании человеком внутренней временности. Хотя такая цель явным образом и не ставится Гуссерлем, однако она имплицитно следует из общей логики его рассуждений, ибо осознание времени, согласно Гуссерлю, тождественно внутреннему времени субъекта.

Проделанный анализ позволяет заключить, что именно с Гуссерля и Канта берет начало рефлексивный подход к восприятию человеком времени. Работы этих великих немецких философов сегодня не только не устарели, но и, при новом их прочтении, могут помочь современным исследователям глубже понять суть рефлексивного подхода и поспособствовать более глубокому изучению проблемы времени и его восприятия человеком.

Литература

1. *Гуссерль Э.* Феноменология внутреннего сознания времени // Гуссерль Э. Собр. соч. Т.1. – М.: Гнозис, 1994.
2. *Кант И.* О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира // Кант И. Сочинения: В 6 томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1964.

РЕФЛЕКСИВНЫЙ АНАЛИЗ В ПОЛИТИКЕ: ЯДЕРНЫЙ КРИЗИС В ЯПОНИИ

С.С. Тарасенко (Kyoto University, Kyoto, Japan)

Введение: трагедия Фукусимы

Целью данной работы является применение теории рефлексии к анализу реальных событий.

В марте этого года после сильнейшего землетрясения и цунами в Японии, вышла из строя АЭС "Фукусима-1". Катастрофы такого масштаба представляют реальную угрозу безопасности государства. Задачами правительства с одной стороны является не допустить общественной паники, а с другой - спасение жизней людей в зоне радиоактивного заражения. Однако, как правило, правительство соседотачивает основные усилия на блокировании информации. Между тем ситуация на АЭС "Фукусима-1" складывалась очень сложная - на двух реакторах с разницей в один день, произошли взрывы. Хотя официальные власти отрицали серьезность последствий, на авианосце ВМФ США "Рональд Рейган", который находился в 100 милях от АЭС, за час была зарегистрирована месячная доза радиации

[1]. В тоже время, японское правительство объявило выброс радиации незначительным и определило зону эвакуации в 10 км.

Ситуация в японских СМИ оставалась напряженной, но частной компании ТЕРСО (Tokyo Electric Power Company), управляющей АЭС, и правительству Японии удавалось избегать утечек информации и формировать противоречивую картину относительной безопасности. Выступления премьер-министра Наото Кана были фактором, который мог бы окончательно подорвать доверие. Таким образом, для ТЕРСО и заинтересованных кругов правительства сложилась критическая ситуация.

Политический портрет Наото Кана

Наото Кан является жестким и прямолинейным политиком. Свою репутацию он заслужил в 1996, когда, будучи министром здравоохранения (minister of health and welfare), заставил официальные власти обнародовать документы и признать применение зараженной крови в медицинских целях еще в 80х годах [2]. Тогда Кан также лично принес извинения всем пострадавшим.

В 2011 году, Наото Кан стал премьер-министром Японии от Демократической Партии Японии (DPJ), которая нанесла сокрушительное поражение Либерально-демократической партии (LDP) на выборах осенью 2009 г. До этого момента, LDP была у власти 55 лет.

Еще на посту министра финансов (январь-июнь 2010 г.) Наото Кан начал кампанию по борьбе с высокобюрократизированным аппаратом управления страной. Основной целью кампании является реформирование Касумигасэки¹ (Kasumigaseki)[3]. Бюрократическая система Японии крайне сильна и оказавыет решающее влияние. Еще в книге "Пятнадцатый камень сада Рёандзи", Владимир Цветов писал, что основная часть важных политических решений принимается не в кабинетах чиновников, а в дорогих ресторанах министерского района Токио Касумигасэки по принципу "ниндзё-гири" - "ты мне - я тебе" [4].

Таким образом, Наото Кан - жесткий политик, который бросил вызов сложившемуся более чем за полвека порядку вещей.

Рефлексивное воздействие на Наото Кана

В сложившейся ситуации, Наото Кан и секретарь кабинета министров Юкио Эдано, ежедневно выступали с докладами. Изначально, Кан отвечал за координацию сил самообороны для спасения жертв землетрясения и цунами. Однако, он также докладывал о состоянии на АЭС. В обязанности Эдано входил только отчет об АЭС.

Когда кризис на АЭС усугубился, Наото Кан так же стал больше уделять внимания вопросам, связанным с АЭС. В сложившейся ситуации, во время одной и пресс-конференций, Наото Кан получил информацию по АЭС не

¹ Касумигасэки - центральный район в Токио, где проживают правительственные чиновники, служащие гражданских и военных ведомств. В этом районе расположены здания различных министерств, Верховного суда, Главной прокуратуры, Токийского управления полиции. В СМИ название Касумигасэки часто употребляется как синоним правительства страны.

напрямую от ТЕРСО, как было до этого, а от своего помощника непосредственно перед началом выступления. При этом данная информация уже было обнародована СМИ.

Это вызвало очень резкую критику с его стороны с использованием крепких выражений. Таким образом, Наото Кан дискредитировал себя в глазах общественности и был вынужден перестать выступать с докладами.

Рассмотрим данную ситуацию с точки зрения рефлексивного управления. Обратимся к модели субъекта, представленной в главе Метавыбор книги В.А. Лефевра "Алгебра совести" [5], в которой рассматривается рефлексивная модель субъекта:

$$A = a_1 + \bar{a}_2 x_3 \quad (1)$$

где A - это выбор субъекта, a_1 - давление мира в настоящий момент, a_2 - давление мира в прошлом, x_3 - интенция субъекта.

Мы применим эту модель для объяснения поведения премьер-министра Японии. Обозначим теперь через 1 - достижение некоторой цели, а через 0 - отклонение от заданной цели. Наото Кан известен как жесткий политик, идущий к своей цели. В данном случае цель - это изложить ситуацию вокруг АЭС, поэтому его интенция будет 1, т.е. $x_3 \equiv 1$. Тогда

$$A = a_1 + \bar{a}_2 \quad (2)$$

Теперь расшифруем уравнение (2) в терминах влияний: *если непосредственно перед выступлением, не будет проведено провокации ($a_1=1$), то он достигнет своей цели ($A=1$). Если же провокация произойдет ($a_1=0$), то поведение Кана будет зависеть от его психологической готовности: если провокация будет неожиданной ($a_2=1$, т.е. никаких провокаций в прошлом не было), то он отвлечется от цели своего выступления ($A=0$), если же провокации имели место ранее ($a_2=0$), то он будет говорить на заранее подготовленную тему ($A=1$).*

В сложившейся ситуации, Наото Кан оказался психологически не готов к и поддался на провокацию. Таким образом, некоторые силы смогли его дискредитировать и пресечь возможность "утечки информации".

Заключение

В данной работе было показано на примере анализа воздействия на премьер-министра Японии как модели рефлексивного управления могут эффективно применяться в политике.

Литература

1. America on nuclear alert: Could fallout from Japan explosion reach U.S. West Coast? by DAILY MAIL REPORTER, 14th March, 2011. <http://www.dailymail.co.uk/news/article-1366055/Japan-earthquake-tsunami-America-nuclear-alert-Fukushima-explosion.html> .

2. *Naoto Kan*, Wikipedia. http://en.wikipedia.org/wiki/Naoto_Kan.
3. Japan finance minister Naoto Kan: sharp-tongued and battle-ready by Peter Ford, Staff writer, 7th January, 2010. <http://www.csmonitor.com/World/Asia-Pacific/2010/0107/Japan-finance-minister-Naoto-Kan-sharp-tongued-and-battle-ready>.
4. *Цветов В.Я.* Пятнадцатый камень сада Рёандзи. - М.: Издательство политической литературы, 1986. - 302с.
5. *Лефевр В.А.* Алгебра совести. - М., «Когито-Центр», 2003. - 412с.

ФИЛОСОФСКИЙ СМЫСЛ СОЦИАЛЬНОЙ ПРОЕКТИВНОСТИ ПРАВА

*С.Е. Туркулец (Дальневосточный государственный университет путей
сообщения, г. Хабаровск)*

Современное российское общество находится на «цивилизационном распутье»: налево пойдешь – к западному типу общества придешь («вестернизация», В.Г. Федотова); направо пойдешь – к социализму вернешься; прямо пойдешь – новый путь в развитии общества откроешь. Вот только что это будет за общество – никто пока не знает. Сценарии, прогнозы, предвидения способны лишь наметить контуры этого «прямого», но далеко не простого пути – будущего России. Его реальное воплощение – дело рук активного социального субъекта. Но где найти такого Ивана-царевича (или Иванушку-дурачка?), который бы выбрал этот прямой путь. Кто может выступить таким субъектом, способным осуществить сложный социально-преобразовательный процесс, связанный с созданием и реализацией социального проекта оптимального (наиболее приемлемого) состояния социума?

Ряд исследователей современного состояния российского общества отмечают фактическую бессубъектность российского социума: «Субъект общества – это социальная единица, способная постоянно принимать и реализовывать социально значимые (в масштабах общества), самостоятельные и ответственные решения и действия. У нас есть акторы, действующие лица, статисты, даже личности, но субъектов, кроме Президента РФ и его администрации, нет: все остальные лишь реализуют его волю, и ничего не решают. Бессубъектность общества противоречит демократии и рыночной экономике, следовательно, и гражданскому обществу [1].

В условиях кризиса необходимо использовать рациональный подход к проблеме социальных субъектов. Что касается социальной рациональности, то, как справедливо отмечает В.Г. Федотова, это, по существу, «проблема согласования интересов, в предельном случае – нахождения общего интереса и путей его достижения» [2]. Думается, что наш случай – предельный. Необходимо сделать первый шаг в направлении выбранного пути. Следует найти тот общий интерес, который смог бы интегрировать общество.

Мы видим воплощение общего интереса в желании россиян жить в сильном, успешном, социально-ответственном государстве. Помочь в

реализации этого интереса может такой важный ресурс социального управления как *право*.

Социально-проективный характер права, с одной стороны, лежит на поверхности теоретических рассуждений о его сущности и предназначении, с другой, скрыт из-за отсутствия предметных социально-философских, социологических (и иных социально-гуманитарных) исследований на эту тему. В современных условиях, когда набирает силу тенденция к внедрению инновационных технологий и новых социальных практик, представляется целесообразным обратиться к выяснению того, как можно эффективно использовать указанный социальный потенциал права в процессе управления модернизационными процессами российского общества. Кроме того, данный потенциал может быть весьма полезен и, безусловно, должен использоваться при моделировании сценариев развития российского общества и создании соответствующих социальных проектов.

Под социальным проектированием в социально-философском контексте мы понимаем процесс создания образа будущего состояния социальной системы. Основной целью социального проектирования выступает творческое преобразование социальной реальности в направлении ее оптимального состояния. Есть мнение, что: «Образ будущего собирает людей в народ, обладающий волей. Это придает обществу устойчивость в его движении, развитии. В то же время образ будущего создает саму возможность движения (изменения), задавая ему вектор и цель. Оба условия необходимы для существования сложных систем, каковыми и являются общества и народы» [3, с. 11].

Под социальной проективностью мы понимаем свойство (и конструктивный потенциал) права (и других форм духовно-практического освоения социальной реальности), позволяющее посредством нормативных, аксиологических, интегративных и праксеологических аспектов создавать образ будущего оптимального состояния социальной системы, а также способствующее предметно-практическому преобразованию сферы человеческого существования в направлении достижения данного состояния. Говоря о *проективности*, мы имеем в виду, в первую очередь, способность *преобразования* объективной действительности, которое связано с приданием ей желаемых свойств и черт.

Для обсуждения мы предлагаем концептуальную модель социальной проективности права (Таблица 1).

СОЦИАЛЬНАЯ ПРОЕКТИВНОСТЬ ПРАВА

Аспекты проективности	Базовые составляющие	Уровни социальной организации	Формы реализации
Нормативный	Норма Правило Традиция	Государственный	Нормативно-правовые акты Правовые обычаи
Аксиологический	Ценности Идеалы Принципы	Личностный	Правосознание Правовая культура
Интегративный	Солидарность Целостность Взаимодействие	Гражданский (гражданское общество)	Идеология Национальная идея
Праксеологический	Практичность Эффективность Инструментальность	Институциональный	Механизм правового регулирования

Надеемся, что обсуждение предложенной модели будет способствовать новому уровню рефлексии проблем социального управления.

Специфика социальной философии состоит в том, что она изучает общество «под углом зрения перспектив его наилучшего будущего» [4, с. 8], определяя возможные пути и средства достижения им оптимального состояния. В этой связи весьма актуальным представляется определение права *как вида социальной деятельности, направленной на конструирование оптимального будущего состояния общества, опосредованной системой общеобязательных норм, правотворческих и правоприменительных органов, а также правосознанием и правовой культурой.*

Возвращаясь к проблеме социального субъекта, отметим, что условиями эффективной рационализации системы субъектов управления с использованием проективного потенциала права, по нашему мнению, является развитие гражданского общества, формирование правового государства и объединяющей всю гражданскую общественность национальной идеи.

Литература

1. Состоялось ли гражданское общество в России («круглый стол») // Социологические исследования. 2007 №1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.isras.ru/socis_2007_1.html
2. Федотова В.Г. Рациональность как предпосылка и содержание модернизации общества [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ms-solutions.ru>
3. Кара-Мурза С.Г. Управление развитием: предвидение и проектирование будущего // Управление развитием: от прогнозирования будущего к его конструированию (идеи, методы, институты). Материалы научного семинара. Вып.9. М.: Научный эксперт, 2011.
4. Федотова В.Г. Почему не хочется обсуждать сущность социальной философии и почему мы вынуждены это делать? // Новые идеи в социальной философии / отв. ред. В.Г. Федотова. М.: ИФ РАН, 2006.

РЕФЛЕКСИВНЫЙ АНАЛИЗ И ТЕХНОЛОГИИ СИТУАЦИОННОГО ЦЕНТРА

В.А.Филимонов

(Омский филиал Института математики СО РАН, г. Омск)

Потенциал рефлексивного анализа, как и ряда других фундаментальных достижений в области методологии, логики, математики и т.п., не может быть эффективно использован без создания технологий его изучения и продвижения. Одним из средств освоения и практического применения рефлексивного анализа являются технологии ситуационного центра. В нашей трактовке под этим понимается система из перечисленных ниже компонентов [1, 2].

- Использование всех сенсорных возможностей человека (видео, аудио, кинестетика и т.п. в лево- и правополушарном исполнении).
- Использование эффектов коллективного взаимодействия.
- Использование всех технически доступных возможностей ситуационного центра (полиэкранные системы, интернет, базы данных, системы искусственного интеллекта и т.п.).
- Использование рефлексивных механизмов организации коллективной работы и управления проектами, реализуемое сервисной командой ситуационного центра.

Опыт преподавания фрагментов рефлексивного анализа студентам и школьникам показал, что даже достаточно популярное изложение с использованием учебного пособия [3], презентаций и видеоклипов воспринимается с трудом и далеко не всеми. В связи с этим была поставлена задача создания системы программной поддержки использования и изучения рефлексивного анализа. В соответствии с технологией прототипирования для первоочередной реализации был выбран материал книги [4] с перспективой в дальнейшем дополнить комплекс, названный **КОРА** (КОмплекс Рефлексивного Анализа), материалами других работ В.А.Лефевра.

Комплекс реализуется как интернет-приложение, что обеспечивает максимальную доступность [5]. Это позволяет сделать приложение независимым от операционной системы и программного окружения, используемого отдельным пользователем. Все вычисления и хранение данных происходит на удаленном сервере. Пользователю не требуется устанавливать дополнительное программное обеспечение для работы с приложением. Для того, чтобы начать работу, ему понадобится только имя пользователя и пароль.

Использование комплекса не требует математической квалификации. Ниже перечислены основные этапы действий пользователя.

1. Перечисление (ввод) действующих лиц - субъектов взаимодействия. Результат – список персонажей. Это могут быть люди, организации, страны.
2. Перечисление действий с указанием их свойств (возможность/невозможность совместной реализации). Результат –

список действий, на основе которого формируются наборы действий - альтернативы.

3. Формирование (вычисление) альтернатив, включая пустую альтернативу (иначе, решение выбирать позже) и альтернативу, содержащую универсальное множество действий (полный набор возможных действий/бездействий). Результат – список альтернатив.
4. Перечисление отношений между субъектами («союз» или «конфликт»). Результат – матричное и графическое представление анализируемой группы.
5. Задание для каждого субъекта наборов альтернатив, к выбору которых его склоняет каждый из остальных субъектов, а также и интенция (намерение) самого субъекта. Результат: матрица влияний.
6. Контроль и редактирование введенной информации. Результат: подтверждение пользователем заданной конфигурации.
7. Запрос анализа. Результаты:
 - список альтернатив, соответствующий заданной конфигурации, для каждого субъекта (с комментариями);
 - список альтернатив, допустимых (выгодных) для группы.

Все условия задачи, заданные пользователем, а также решение, полученное в результате обработки этих условий, сохраняются в базу данных. Таким образом, можно быстро повторить эксперимент полностью, или изменить часть условий, например, задать новое множество альтернатив или граф взаимоотношений. Благодаря этому возможно решить также обратную задачу, например, такую: «Что надо изменить в этой группе субъектов, чтобы перевести её в некоторое другое состояние?»

В дальнейшем планируется теоретическое расширение модели с помощью добавления элементов синергетики. Также будут использованы несколько форматов задания исходных данных и представления результатов, ориентированные на сенсорные характеристики соответствующих групп пользователей, в частности, голосовой и графический ввод/вывод.

Прототип комплекса будет продемонстрирован на симпозиуме.

Литература

1. Информационные технологии и ситуационные центры // Анисимов О. С., Берс А. А., Дубенский Ю.П. и др. //под науч. ред. В. А. Филимонова.- Омск : Омский государственный институт сервиса, 2010.- 215 с.
2. <http://www.ofim.oscsbras.ru/~filimono/mono-2/itsc.pdf>
3. *Филимонов В.А.* Технологии ситуационного центра для социальной инженерии // Проблемы управления в социальных системах.- Т. 1. Вып. 2, 2009, с. 63-74.
4. *Филимонов В.А.* Алгебра логики и совести/ Вступительное слово В.А.Лефевра// Учеб. пособие для старших классов общеобразовательных и профильных школ.//Омск: ОГИС, 2006.- 72 с.
5. http://trizkin.narod2.ru/Refleksivnyi_analiz/Algebra_2006_A5_2_PQ.pdf
6. *Лефевр, В.А.* Лекции по теории рефлексивных игр / В. А. Лефевр. – М.: Когито-центр, 2003. – 218 с.
7. *Толстуха С.А., Филимонов В.А.* Прототип реализации теории рефлексивных игр // Ершовская конференция по информатике PSI-11 27 июня – 1 июля 2011 г.,

Секция «Информатика образования// Новосибирск: ООО «Сибирское научное издательство», 2011.

Исследование выполнено в рамках работы «Пилотный проект коллективного управления вузом средствами ситуационного центра», контракт №14.740.11.0994 от 06.05.2011г ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

БЕССУБЪЕКТНАЯ ПАРАДИГМА ВОСПРИЯТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ КАК ПРИЧИНА ЗАМЕНЫ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ИМИТАЦИОННУЮ

Т.В. Хамдамов (Институт мировой экономики и международных отношений РАН, Москва)

Мировая экономика сегодня начинает входить в фазу повышенного риска резкого обрушения экономической системы в состояние структурного общественно-экономического кризиса. Ситуация осложняется тем, что традиционные антикризисные меры со стороны государств в рамках денежно-кредитной и бюджетно-фискальной политики уже не действуют на устойчиво набирающие темпы динамику снижения общего уровня развития мировой экономики. Принятые комплексные традиционные антикризисные меры в 2008 г. ведущими государствами, центральными и мировыми банками по факту лишь отсрочили спад мировой экономики и с высокой долей вероятности усугубили его, придав ему более высокие темпы падения, которые можно будет наблюдать уже в ближайшем будущем (2012-2014 гг.). Если изучить динамику изменения ВВП США в период 2008-2011 гг., то становится очевидным кратковременность эффекта принятых антикризисных мер Правительством США и ФРС. Надежды на тактику ФРС и других центральных банков развитых стран, выраженной в кредитной политике количественных смягчений (Quantitative easing) не были оправданы. Экономика США в 2012 г. вновь может войти в рецессию, увлекая за собой всю мировую экономику.

Природа выхода из текущего общественно-экономического структурного кризиса находится уже не в плоскости финансовой системы – все известные финансовые антикризисные рычаги воздействия на экономику уже не оказывают влияния даже на торможение кризиса, во многом усугубляя его течение, придавая ему со временем ускоренную динамику. Неэффективность денежно-кредитных и бюджетных антикризисных мер демонстрирует их вторичную роль в природе текущего кризиса, выдвигая на ведущую роль структурно-технологическую составляющую природу кризиса. Закономерность появления, развития и угасания подобных кризисов была отмечена ещё в работах Кондратьева Н.Д., посвященных длинным волнам конъюнктуры глобальной экономики [1]. Далее теория была дополнена как зарубежными, так и отечественными исследователями концепцией техноукладов как материальной основы длинных волн Кондратьева [2, 3]. Согласно этой концепции технико-экономическое развитие мировой экономики определяется технологическим детерминированием и сменой

ведущих техноукладов. Процесс смены техноукладов совпадает с участком перехода понижательной фазы волны Кондратьева в повышательную. Данная концепция подтверждается эмпирически историей развития глобальной экономики XIX-XX вв. Но технологический редукционизм и номинализм, которые в настоящее время довлеют над данной концепцией уже не позволяют описывать реальные технико-экономические трансформационные процессы глобальной экономики как с позиции постнеклассической науки, так и с позиции логики синтеза научных знаний. Эта односторонность концепции к настоящему моменту в итоге привела лишь к имитационной деятельности инновационного развития. Ложность технологического редукционизма концепции позволила лоббировать под видом «развития прорывных инновационных технологий» финансовые структуры по перераспределению денежных средств, как правило государственных, в пользу заинтересованных групп. История и развитие National Nanotechnology Initiative (NNI) [4] убедительно доказывает финансовую первопричину создания мифа о нанотехнологиях. Старая парадигма концепции техноукладов наткнулась на собственную же ошибочность описания реальности.

Сегодня существует острая необходимость смены устаревшей редукционистской парадигмы концепции техноукладов на новую, основанной на синтезе методологий, знаний и практического опыта управления экономикой. Неоправданное ориентирование финансовых средств на развитие «прорывных технологий» без глубокого изучения и понимания механизмов диффузии инновационных технологий и смены техноукладов и их комплексных связей с микро- и макроэкономическими процессами – это ложный путь, в котором как национальная, региональная, так и мировая экономика могут легко оказаться под воздействием манипулирования, а значит невозможности самостоятельного субъектного развития. Эта проблема актуальна и для современной России, в которой вся экономическая стратегия (если она вообще существует фактически) сводится к ускоренному расходованию экономического потенциала, унаследованного ещё от СССР, и созданию имитационной «инновационной деятельности» по факту направленной, лишь на перераспределения ренты с добычи топливно-энергетических и минеральных ресурсов между квазиинновационными структурами.

Многофакторный анализ и логика синтеза при внимательном изучении механизма диффузии инновационных технологий позволяют выявить закономерность вероятности появления и становления нового техноуклада от различных комплексных факторов, среди которых наиболее существенную роль оказывает степень развития среднего химического комплекса, включающего весь спектр производственных мощностей, научного, управленческого, конструкторского и рабочего потенциала. Академик В.А. Легасов ещё в 1988 г. заострял внимание на ошибочность и недальновидность восприятия отечественными специалистами и управленцами потенциала технократического предназначения химического комплекса: «Еще один «кит» технологического общества - это увеличение доли химических процессов и процедур, заменяющих механические. Приведу

близкое мне высказывание администратора манхеттенского проекта Л. Гровса: «Химические операции обычно представляются как вспомогательные по сравнению с грандиозной идеей всего проекта. Это далеко не так, ведь, поскольку с химии начинается и химией заканчивается любой процесс разделения урана, эффективность всего производства зависела от химических процессов не меньше, чем от физических». Это относится к промышленности в целом, так происходит и в живой природе, но, к сожалению, понимания этого в нашей стране не обнаруживается в должной мере. Не хватает химиков в большинстве отраслей, да там и не замечают их отсутствия, обходясь устаревшими механическими процедурами. Под химией обычно подразумевают традиционные отрасли, выпускающие удобрения, красители, лаки, полимеры. Но химическая культура должна охватывать практически все виды промышленной деятельности» [5]. Химический комплекс при таком подходе оказывается не просто набором отраслей с реликтовыми технологиями, а стержневым каркасом развития новых техноукладов на базе инновационных технологий, генерируемых и одновременно потребляемых средовым химическим комплексом. Такой взгляд на развитие инноваций и их диффузии делает невозможным переход экономики на следующий техноуклад в отсутствие функционирующего конкурентоспособного химического комплекса и позволяет распознать имитационную квазиинновационную деятельность экономических субъектов.

Редукционизм современной концепции техноукладов позволяет легко заменить серьезные междисциплинарные научные дискуссии, проекты и стратегии выстраивания инновационной экономической модели, учитывающей большинство общественно-экономических, политических, демографических, социально-культурных и прочих значимых факторов для расчета оптимального пути выстраивания модели инновационной диверсифицированной экономики в существующих объективных условиях реальности на имитирование квазиинновационной деятельности, оторванной от действующих факторов, оказывающих влияние на переустройство общественно-экономической модели. Опасность имитационной деятельности заключена в неизбежной потере субъектности, что в свою очередь приводит к потере системного управления и позволяет установить над системой устойчивое внешнее управление через различные технологии, например технологию управляемого хаоса [6]. Для перелома регрессивных общественно-экономических тенденций, наблюдаемых в современной России, необходима новая экономическая парадигма восприятия реальных системных процессов, определяющих степень возможности выстраивания инновационной модели экономического развития. Новая парадигма должна учитывать весь спектр специфики исторических, культурных, географических, климатических и прочих природных и общественно-социальных условий появления, становления и развития субъектности России, как единого общественного организма.

Литература

1. Кондратьев Н., Яковец Ю., Абалкин Л. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. — М.: Экономика, 2002.

2. *Piatier A.* Innovation, Information and Long-Term Growth // Long Waves in the World Economy. L., 1984.
3. *Wallerstein I.* Long Waves as Capitalist Process. Paper prepared for International Round Table on Long Waves. Paris, 1983. March.
4. *Berube David M.* Nano-Hype: The Truth Behind the Nanotechnology Buzz. Prometheus Books, 2005.
5. *Легасов В.А.* Из сегодня - в завтра. – М.: Аврора, Мысли вслух, 1996.
6. *Ленский В.Е.* Рефлексивный анализ технологий управляемого хаоса как оружия разрушения субъектности развития // Рефлексивные процессы и управление. №1-2, январь-декабрь 2010, том 10. М., 2010. С. 5-20.

ПРИКЛАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ РАЗВИТИЯ РИЗОМОРФНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ СРЕД

Л.П.Хохлова (Институт психологии и педагогики , Москва)

Раскручивая маятник инновационного развития страны мы должны осознавать , что коммуникативный уровень обыденной среды находится пока на уровне соборности и мистического соучастия. Управляющее начало личности на проверку оказалось “Пустым Местом”, не имеющим навыка коммуникации в себе, для себя и коммуникации с другими. Известно, что 80% трудностей в продвижении инноваций связано с плохим взаимодействием между участниками инновационного процесса. Такое взаимодействие - есть результат коммуникативной некомпетентности. А суть коммуникации в усложняющейся среде - следовать бесконечной необходимости поддерживать внутреннюю целостность человека и его структурную сопряженность с другими людьми. Проблема состоит в том, что между людьми, социальными и биологическими системами стало происходить своеобразное прокручивание. Знания, умения и навыки потеряли свою производительность, вследствие чего среды утратили свое коммуникативное сопряжение. Между намерением, проектом, планом и исполнением (даже приказа) образовалась пропасть. Именно сопряжение является одновременно как эволюционным (адаптационным) фактором для открытой системы со стороны среды, так и средообразующим фактором для среды со стороны открытой системы. Наличие сопряжения открытой системы со средой свидетельствует об их устойчивом взаимодействии, обладающим определённым коэволюционным запасом прочности, и, наоборот, его исчезновение - первый признак предстоящей катастрофы взаимосвязей. Вместе с тем, необходимо понимать, что человек, живущий и участвующий в создании “человеко-средовых конфигураций”, может принимать весомое участие в той или иной событийности. Уже невозможно смотреть в один бинокль, чтобы что-то разглядеть во внешнем мире и констатировать факты, дабы собрать их потом в теорию. Наблюдатель, как лицо содействующее и взаимодействующее со средствами познания и наблюдаемым объектом, становится исследователем, который умеет оперировать смысловыми переходами от бесструктурности к структуре и устанавливать сопряжение с различными умельцами. Важным условием

восстановления сопряжения в человеко-средовых конфигурациях является введение технологий знаний второго порядка.

Вопрос организации сопряжения в однородно-смысловых гомогенных средах не вызывает трудностей, т.к. они семантически центрированы на “систему-корень”, как пишут Ж.Делез и Ф.Гваттари. В противоположность любым видам корневой организации, ризоморфные среды интерпретируются не в качестве линейного “стержня” или “корня”, но в качестве радикально отличного от корней “клубня” или “луковицы” — как потенциальной бесконечности, имплицитно содержащей в себе “скрытый стебель”. Принципиальная разница заключается в том, что этот стебель может развиваться куда угодно и принимать любые конфигурации, ибо ризома абсолютно нелинейна. Фундаментальным свойством ризомы, таким образом, является ее гетерономность при сохранении целостности. (Ж.Делез и Ф.Гваттари). Эта, отличающая ризому от структуры, полиморфность обеспечивается отсутствием не только единства семантического центра, но и центрирующего единства кода.

Среды инновационного развития, рассматриваемые в континууме сложности и многообразия, проделав исторический путь своего становления, привели субъекта к тому, что он оказался на перепутье выбора в окружающем его соларисе. Множественность генерирующихся смыслов неизбежна еще и потому, что диалог ведут не только разные фигуры сознания, разные умелы и разноуровневые среды. Для наблюдателя теперь необходимым умением является владение кодами - переводчиками смыслов различных субкультур, принадлежащих к различным онтологическим реальностям; наблюдателю необходимо уметь сопрягать смыслы коммуникативных детерминант разноуровневых сред, порождая тем самым их инновационное развитие.

В.Е.Лепский пишет “Рефлексивные площадки используются субъектом для структурирования и переструктурирования своей деятельности, автокоммуникации и коммуникации с другими субъектами через согласование принимаемых ими реальностей.” Каковы же возможности и особенности рефлексивных площадок в случае взаимодействия субъекта с ризоморфной средой? Одна из важных характеристик ризомы - быть всегда истоком для многого. В ризоматических множествах любая точка может быть соединена с любой другой, разрыв линии означает, что ризома продолжается по другой линии. Эти линии постоянно проникают друг в друга. Все точки взаимозаменяемы, определяются только наличным состоянием и всеобщий порядок обеспечивается независимо от центрального органа или центра присутствия (пример - Эргамуль, Многий –персонаж “Бесконечной истории” М.Энде). Такие ризоморфно – активные среды и есть специфическая и новейшая основа для разворачивания инновационного развития общества.

Формальная особенность традиционной рефлексии заключается в том, что она не допускает никакой позиции, которая не была бы включена в собственное (рефлексивное) движение субъективности, приходящей к самой себе, к самосознанию. Подобная рефлексия гарантирует в философии гомогенную и внутреннюю, собственными средствами достигаемую, сферу

существования. Чем чревата социальная гомогенность – тем, что она редуцирует все гетерогенные силы общественного развития. Поскольку научное познание, как функция гомогенности, не исследует гетерогенные элементы как таковые, Ж.Батай считает необходимым учреждение такого типа научного познания, который изучал бы "различия, не поддающиеся объяснению". Гетерогенность, согласно Батаю, указывает на существование элементов, не поддающихся ассимиляции и подрывающих самоидентичность и устойчивость гомогенного общества. Формообразующим центром становятся разные психические функции, используются разные когнитивные коды, с помощью которых выстраиваются совершенно не похожие друг на друга картины мира, отличающиеся даже пространственно-временными отношениями. Самостоятельно гетерогенные структуры редко когда приходят к взаимопониманию. Такие структуры нуждаются в специализированной социо-гуманитарной поддержке, т.к. такая наличествующая полярность в гетерогенных структурах не дает возможности в ризоморфной среде выйти на оптимальную коммуникацию и получить результат.

Возникает вопрос о методах социогуманитарного обеспечения движения и преобразования гетерогенных структур в ризоморфных средах. Знания второго порядка – результаты философии и методологии науки – структурировались в обеспечивающую этот интерфейс буферную дисциплинарную область с точки зрения их приложений – прикладную философию (Аршинов В.И., Буров В.А., Хохлова Л.П.). С позиции модернизации системной организации знания и привлечения в решение актуальных задач нового ресурса знания (знания второго порядка), схватывающего сущностную сложность познаваемого мира в рефлексивные площадки иного уровня входит: работа с управляющими культурными кодами субъекта как наблюдателя, работа с его перцептивными базами; выделение собственных онтологий субъектных миров субъекта знания, производство присутствия и решение отраслевых задач (задач первого порядка) в этих онтологиях, выделение типов идентичности и работа с типами идентичности наблюдателя, сборка наблюдателя и сборка наблюдаемой реальности, формирование многопозиционной сетевой архитектуры знания и многопозиционной сетевой архитектуры идентичности наблюдателя, выделение и перенос структурирующих конструктов из других областей знания для создания новых гуманитарных технологий. Здесь технологии рассматриваются как человеческое искусство раскрытия потаенного в ризоморфных средах и как результат – появление сопряжения и движения в инновационном развитии общества.

Литература

1. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Тысяча плато. М., 2010
2. Лепский В.Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: «Когито-Центр», 2010. – 255 с. http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010a.pdf
3. Батай Ж. Психологическая структура фашизма / Пер. Г. Галкиной // Новое литературное обозрение. 1995. № 13

РЕФЛЕКСИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КОНФЛИКТАМИ

Л.Н. Цой (НИУ ВШЭ, г. Москва)

Социальный контекст, на фоне которого разворачивается жизнь страны и каждого гражданина, представляет собой клубок конфликтов и социальных протестов во всех сферах жизнедеятельности: конфликты в ЖКХ, конфликты в защиту собственности, конфликты обманутых дольщиков, протесты в защиту экологии, протесты в защиту журналистов, протесты против реформ в образовании, протесты автомобилистов, протесты в защиту животных, протесты против реформ в армии и здравоохранении, столкновения фанатов, градостроительные конфликты.

Для развития необходимы инновации, конкуренция и новые ресурсы в разных сферах деятельности, для стабильности важно отсутствие массовых протестов и конфликтов. Большинство работ исследователей, а вслед за ними и взгляд управленцев, сосредоточен на раскрытии технологического аспекта инноваций, из виду упускается такое явление, как «*инновационная недееспособность*». Это невосприимчивость к тем социальным изменениям, за которыми субъект не видит никаких улучшений качества своей жизни.

Основные проблемы, которые предстоит решать власти, в целях перехода страны на инновационный путь развития связаны, с одной стороны, с формированием субъекта развития, с другой стороны, с рефлексивным управлением протестами и конфликтами, как неизменными спутниками социальных реформ и социальных инноваций.

Основные симптомы бессубъектности: блокировка рефлексии; неспособность ценностно самоопределиваться и самоидентифицироваться. [1]

Основные симптомы непрофессионального управления конфликтами: неумение организовать рефлексивно-активную среду инновационного развития, [2] в которой были созданы равные условия для защиты субъектов развития своих интересов.

Главная дилемма, перед которой оказывается власть, заключается в вопросе: как одновременно обеспечить стабильность и создать условия инновационного развития.

Неспособность решения этого вопроса, снижает значимость многих инновационных проектов, а зачастую и тормозит их (даже если они обоснованы с экономической точки зрения), формирует антиинновационный общественный климат.

Социологический смысл инноваций и сущностные характеристики социальных инноваций. Социологический смысл инноваций состоит не в самих технических изобретениях и новшествах, а в отношениях между людьми, в изменении ценностных оснований их взаимодействия. Социологический аспект социальных инноваций заключается в трансформации норм, правил и принципов социального взаимодействия, всей статусно-ролевой системы.

Социальные инновации имеют сущностные характеристики, среди которых главные:

- высокий риск,

- высокая степень неопределенности,
- сложнопрогнозируемый побочный продукт,
- обострение конфликтов и противоречий,
- дефицит методов управления и потребность в разработке новых механизмов управления.

Конфликт – это норма в условиях развития изменений. В обществе необходимо согласие по поводу изменений. Но возможно ли достижение социального согласия в обществе, в котором социальные реформы воспринимаются гражданами, как негативные по своим последствиям и снижают их жизненный уровень?

Социальное согласие возможно в двух вариантах: в тоталитарном и демократическом: и там, и там возможно согласие, но на разной почве. Тоталитарный вариант социального согласия основан на страхе, ненависти, на репрессии. Страх и репрессии ограничивают конфликты и их эскалацию. Демократический вариант основан на добровольности и плюрализме, принятии прав человека, общечеловеческих ценностей. Конфликты являются индикатором демократического механизма и свободы экономической деятельности.

Проблема управления конфликтами - это проблема, прежде всего, институализации культуры конфликта и прогноза последствий его развития. Конфликт – это, прежде всего, рефлексивное пространство субъектов взаимодействия, в котором каждая сторона, используя все возможные методы, приемы, технологии и средства, стремится достичь своих целей. Конфликт может рассматриваться как точка (ситуация) разрыва различных форм активности социальных субъектов в развивающихся полисубъектных средах. [3]

Если целью является победа, то конфликт требует все больших административных, политических, силовых методов и ресурсов для достижения победы. Если целью является решение проблемы в интересах благосостояния граждан и общества, то средствами являются открытые и публичные обсуждения, демократические процедуры и привлечение интеллектуальных ресурсов для решения проблем. Можно признать, что конфликт выполняет несколько функций. Функция - это роль, выполняемая объектом, в определенной сфере деятельности, с наличием установленных заранее правил:

- Интеграционная функция (слияние части с целым).
- Функция активизации социальных связей.
- Сигнальная функция.
- Функция содействия появлению новых идей и творчеству.
- Информационная функция.
- Трансформационная функция (преобразование деловых отношений).
- Профилактическая функция.

Если управленцы признают существование (наличие) конфликта, тогда появляется возможность цивилизованного управления им, открытого

обсуждения проблематики конфликта на территории, в целях перевода его в правовое поле, развивая демократически механизмы их разрешения и одновременного выстраивания культуросообразных отношений со всеми заинтересованными участниками.

Социальные инновации (социальные реформы, модернизация) являются мощным конфликтогеном и провоцируют конфликты, а потому региональная и муниципальная власть обязана выстраивать политику развития региона управления с учетом этой системной и сущностной связи между инновациями и конфликтами. Конфликт не всегда дисфункционален для отношений, внутри которых он происходит; часто конфликт необходим для достижения связей внутри системы.[4]

Рефлексивное управление. Исследователи рефлексивных процессов, моделируя конфликтные ситуации, предполагают, что каждый субъект является локальным центром социального организма и что ценности других членов группы влияют на его ценности. Боль и радость могут усилить и уменьшить, как проигрыш, так и выигрыш. В ситуации конфликта все отчетливей видна своеобразная “внутренняя валюта”, которая может многократно осознаваться субъектами, выявляя многоярусный каскад генерации высших ценностей, которые предопределяют выборы субъектов.[5] Мотивация выбора зависит от этического статуса образа себя у субъекта. Человек, рассматриваемый в своей культуре как достойный, стремится выбрать такое отношение, при котором этический статус образа себя будет выше, т.е. субъект будет лучше выглядеть в собственных глазах

Лефевр В.А. приходит к выводу, что существуют две этические системы. Герой первой системы склонен к жертвенному компромиссу, а герой второй - к жертвенной борьбе.[6]

Моральное сознание ассоциируется с такими категориями как совесть, чувство вины, осуждение, покаяние и пр. Мы интуитивно чувствуем, что моральное сознание до некоторой степени противоположно прагматичному сознанию. Для прагматического сознания полезность и выгода являются решающими факторами в ситуации выбора действия. В эту схему укладываются самые различные человеческие действия, но не нравственный выбор. Лефевр В.А. формулирует две гипотезы:

1. Общество, где реализована первая этическая система, тем более способно к самоорганизации и единству, чем выше этический статус его членов.
2. Общество, где реализована вторая этическая система, тем более способно к самоорганизации и единству, чем ниже этический статус его членов.

В рамках двух моделей нравственного сознания выявляются склонности субъекта осуществить выбор (моральный или прагматический), пойти на компромисс или на конфликт.

В конфликтах ярко проявляется инновационный потенциал, однако, многие, управленцы сегодня не могут его обнаружить, потому что часто видят в конфликтующих сторонах врагов или оппонентов. Однако, не конфликт угрожает равновесию и обществу, а жесткость в управлении и

неспособность власти налаживать конструктивное взаимодействие с теми, у кого есть другие интересы и кто защищает их теми средствами и способами, которые есть в его распоряжении. Конфликт выполняет функцию развития, в центре которого – инновации.

Рефлексивное управление конфликтом связано с планом должностования, в котором выбор обретает конкретный операционально-действенный смысл ценности правильного (правила) и тем самым справедливого в конкретной сфере жизни и деятельности.

Субъект инновационного развития может формироваться только в рефлексивной среде, в которой порождаемый инновациями конфликт реконструируется в контексте согласования ценностей и норм не только субъектов инновационной деятельности, но и тех, ради которых начинаются изменения и осуществляются социальные реформы и инновации.

Литература

1. *Лепский В.Е.* Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // Рефлексивные процессы и управление. Том 2, № 1, 2002. С. 5–23.
2. *Лепский В.Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: «Когито-Центр», 2010. http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010a.pdf
3. *Лепский В.Е.* Доклад: - Понятие «конфликта». Функции конфликта. 16 августа 2010 г. Светлогорск Школа по методологии: «Технологии мышления: Проблематизация».
4. *Козер Л.* Функции социального конфликта. М., Идея-пресс. 2000.
5. *Лефевр В.А., Баранов П.В., Лепский В.Е.* Внутренняя валюта в рефлексивных играх. Известия Академии Наук СССР. Техническая кибернетика, 1969, №4.
6. *Лефевр В.А.* Алгебра совести / Пер. в англ. – М., «Когито-Центр», 2003.

ОСОБЕННОСТИ СБОРКИ СУБЪЕКТА ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

*Д.В. Чайковский (Национальный исследовательский Томский
политехнический университет, г. Томск)*

Власть – явление непрерывно «поставляющее» исследователям пищу для размышлений. Контекст современного информационного (постиндустриального, постэкономического, виртуального, электронного etc.) общества актуализирует в ней новые особенности, на которые стоит обратить более пристальное внимание.

Мы считаем возможным рассматривать власть в современном мире в качестве процесса, и выделять в нем два контура, находящихся в диалектическом единстве [1]. Первый контур - это процесс целенаправленного властного воздействия, связанный с активным изменением окружающей действительности. По сути, он есть управление в его социальном понимании (как деятельность над деятельностью по Г.П. Щедровицкому). Второй контур предполагает ориентацию власти на свое непрерывное становление. Он есть процесс постоянного самовоспроизводства, имеющий в пределе цель мифологизировать, а лучше обожествить власть.

Диадический субъект властного процесса, является комплексным, «сборным» субъектом. Оба его модуса (управление vs воспроизводство) предполагают интеграцию во властный процесс множества действующих лиц. В контексте управленческого модуса речь может идти о сборке в состав субъекта представителей различных уровней управленческой иерархии, рефлексивно принимающих свой субъектный статус. Управление эффективно лишь тогда, когда его цели разделяются всем субъектом, когда каждый его элемент отождествляет себя с целым и действует в логике этого целого. Когда же эта логика теряется в корыстных интересах части, в ее бессубъектности [2], возникает то, что мы, к сожалению, имеем - особое предельно коррумпированное сословие по имени «российское чиновничество». Что касается второго модуса, то здесь комплексность обеспечивается совместным функционированием носителя власти и тем, кого в классических кратологических теориях именуют ее объектом. Власть имущий не может сделать свою власть неотчуждаемой, в силу чего он не является исключительным субъектом ее воспроизводства. Особенно это характерно для политической власти. Власть воспроизводится только тогда, когда она воспринимается, как достойная быть властью, всем своим социальным окружением.

В информационном обществе сборка различных модальностей субъекта власти имеет свою специфику. Субъект управления в современном мире предполагает максимально возможное уплотнение. Символическим воплощением этого тезиса является вертикаль власти, идея построения которой была реализована в практике российского государственного управления. Один из путей уплотнения - исключение отдельных элементов. Однако это не всегда эффективно, и далеко не всегда возможно. Примером является упомянутое ранее чиновничество, которое, являясь составным элементом субъекта управления государственной власти, имеет парадоксальную способность к расширению, не смотря на все попытки этой власти максимально его уплотнить.

Субъект воспроизводства, напротив, имеет тенденцию к максимальному расширению. Одна из ошибок, допускаемая исследователями, заключается в ограничении воспроизводства лишь ролью позитивно настроенной аудитории. Мыслится, что только те, кто разделяет ценности власти, является субъектом ее воспроизводства. Однако этот тезис ложный. В не меньшей, а то и в большей степени воспроизводству власти способствуют ее, так называемые, оппозиционеры. Логика власти – это логика борьбы. Вне этой борьбы пропадает необходимость в контуре воспроизводства. Власти требуется угроза быть утерянной, только тогда она сможет реализовать диалектику двух контуров в едином процессе своего становления. Поэтому субъектом воспроизводства власти является не тот, кто поддерживает данную власть, а тот, кто вовлечен в той или иной степени во властную борьбу, тот кто, становится участником властной игры. Тем более что борьба направлена не против власти как метафизического принципа, а за обладание ее актуальным воплощением. Так для государственной власти самое страшное это аполитичность социальной системы. Избирательные комиссии страшит

не ущерб бюджету при недостаточной явке избирателей, на что нередко делается акцент, а игнорирование самой идеи политической борьбы. Отчужденный от власти индивид становится неуправляемым, так как он перестает участвовать в воспроизводстве власти. Это влечет невозможность реализации другого контура, т.е. рушится весь порядок, вся метафизика власти.

Поэтому основная задача власти максимальное расширение субъекта своего воспроизводства. Это достигается в формировании у социальных агентов устойчивой потребности – быть приобщенным к властным играм. Современный мир предлагает для этого массу возможностей. Простейшим примером является информационное освещение событий власти через СМИ. Информированность о событиях власти вызывает возникновение чувства сопричастности к ней. Множество политических программ, новостных лент и аналитических обзоров призвано не только управлять смыслами (хотя и это имеет место быть), но и поддерживать в активном состоянии сам интерес к власти, удовлетворять и переформировывать потребность соучастия в ее делах. Политической власти это с успехом удается. Примером является блог президента РФ. По данным на 19 марта, на кремлевском сайте (blog.kremlin.ru) было активировано 67315 посетителей, из них 16511 оставили свои комментарии – сейчас в общей сложности 70990 сообщений. Пользователей, которые подписались на блог президента (blog_medvedev) в «Живом журнале» (www.livejournal.com), на данный момент 13303. По состоянию на 6 марта, число опубликованных комментариев составило 10 444. Сообщество в «Живом журнале», которое заработало 21 апреля 2009 года, за время его существования успели посетить 1508279 уникальных посетителей, а количество просмотров блога составило 3776826 [3]. Думается было бы большим заблуждением видеть во всех потребителях данной информации сторонников действующего президента. Но каждый из них вошел в конструкцию именуемую субъектом воспроизводства власти. Еще более ярким примером является инициатива создания в российском политическом поле «Народного фронта» - организации, наделенной символическим значением массового вовлечения населения во властный процесс. При этом инициатор создания Народного фронта В. Путин прямо указывает его предназначение – провести обновление партии «Единая Россия» и обеспечить ее победу на выборах в Государственную думу РФ, т.е. воспроизводство власти [4].

Таким образом, в информационном мире субъект власти уже не может быть ограничен лишь теми, кто реализует властное влияние. Он конструируется, собирается в логике дуальной модальности процесса власти. Включение в субъект власти (его сборка) социальных элементов через которых властная воля будет реализована важнейшее условие успешности всего властного процесса. Только при условии собранного субъекта власть имеет шанс на воспроизводство и эффективное управление.

Литература

1. *Чайковский Д.В.* Власть как процесс (по мотивам философии А. Уайтхеда)// Вестник Челябинского государственного университета. № 2 (217), 2011. С. 39-43.
2. *Лепский В.Е.* Становление стратегических субъектов: постановка проблемы //Рефлексивные процессы и управление. Том 2, № 1, 2002. С. 5-23.
3. Отпостились //Газета.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2010/03/22_a_3341418.shtml (дата обращения: 28.03.2010)
4. Выступление Владимира Путина на форуме «Селигер»//Всероссийский форум «Селигер 2011»[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://media.forumseliger.ru/news/742> (дата обращения: 1.08.2011)

РЕФЛЕКСИЯ В ПРОЕКТЕ СИТУАЦИОННОГО ЦЕНТРА ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ ВУЗОМ

*В.С. Чернявская (Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса, г. Владивосток)*

Рефлексия, став привычным термином, высвечивает, часто разные смыслы и явления. Наиболее близким к рассматриваемой в настоящих тезисах проблеме является ее когнитивный аспект. Основное содержание описываемой рефлексии связано с функцией формирования знаний о способах создания и закономерностях функционирования механизма коллективного управления образовательным учреждением

Особенность современной науки составляют человекообразные комплексные исследовательские программы, в которых принимают участие специалисты различных областей знания. Рефлексия, как когнитивный механизм саморазвития, будучи инструментом гуманитарных исследований, становится присущей все большему числу научных направлений, привнося в них гуманитарный контекст. В.С. Степин предполагает соотнесенность знаний об объекте научных исследований не только со средствами и операциями деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами [1]. Причем связь когнитивных и социальных целей и ценностей предстает в отчетливой форме.

Отказ от технократической модели общественного развития, обращенность к человеку явно выражены в положении о конце эпохи автоматического прогресса и утверждении, что будущее открыто, а история является человеческим делом [1]. Постановка и решение этих проблем неразрывно связаны и с разработкой современной методологии инновационного развития [2,3,4]. Эти идеи находят свое отражение и в управленческой деятельности: рефлексивное управление [4]. В.Е. Лепский показал, что технологические связи возникают в процессе распределения функций и средств, обязанностей и прав, ответственности и полномочий между конкретными должностными лицами (субъектами) в рабочих группах [2,3]. О.С. Анисимов, В.Е. Лепский, В.А. Филимонов констатируют

отсутствие разработки полномасштабной системы подготовки сервисных команд, обеспечивающих работу таких групп [2, 3, 5].

В.А. Филимонов указывает на то, что ключевым дефектом российской системы образования является отсутствие у выпускников навыков комплексного многодисциплинарного подхода к практическим ситуациям. Указанный дефект проявляется на всех этапах работы, начиная от постановки задач, и заканчивая представлением итогов. На устранение этого дефекта ориентированы технологии ситуационного центра (СЦ).

Научная проблема проекта состоит в отсутствии теоретических основ и практических методик создания механизмов коллективного управления образовательными учреждениями с использованием потенциала современных информационных технологий. Под коллективным управлением понимается систематическое взаимодействие персонала образовательного учреждения и представителей социума в процессе определения и реализации стратегии и тактики образовательного учреждения.

Под обучающим ситуационным центром понимается средство групповой подготовки и тренировки специалистов, способных работать в коллективном режиме над решением какой-либо проблемы с учётом влияния своих решений на работу коллег.

В.А. Филимоновым была разработана технология подготовки сервисных команд СЦ. Особенность современной ситуации заключается в отсутствии времени, измеряемого годами, на подготовку сервисных команд, которое необходимо было бы при традиционной организации процесса обучения. Распространение презентационной аппаратуры и Интернет позволяют говорить о перспективах широкого применения технологии СЦ самыми разнообразными организациями и коллективами[5].

Университет всегда был глобальным по своей природе и продолжает набирать силу, объединяя народы, страны и континенты. В обществе нового века высшая школа становится главной движущей силой инновационной экономики, основанной на получении и применении новых знаний и новых технологий. В то же время университет, продолжая традиции, остается основным ядром обучения населения и составляет главное хранилище накопленной веками мудрости. Получив, благодаря стиранию информационных, идеологических и других границ, целый ряд преимуществ от глобализации, высшие учебные заведения во всем мире одновременно столкнулись и с глобальной конкуренцией. Этот факт, наряду с изменившейся финансовой политикой государств по отношению к учебным заведениям, стимулирует их к поиску более эффективных форм развития. В рамках этих форм происходит поиск методов для достижения качественно нового состояния функционирования.

Система коллективного управления образовательным учреждением реализуется как регулярное взаимодействие персонала, учащихся учреждения и представителей социума. Взаимодействие осуществляется по проектному регламенту в ситуационном центре, поддерживается специализированной сервисной командой и документируется- данные этапы (функции) дают дополнительные возможности организованной рефлексии. Результаты

теоретических исследований проходят экспериментальную проверку на прототипе – учебно-исследовательском ситуационном центре.

В качестве метода управления, рефлексивная технология ситуационного центра позволяет вузу реализовать свою стратегию, следуя которой он перейдет в качественно новое состояние с учетом максимального количества аспектов его дальнейшего развития. Таким образом, рефлексивные технологии ситуационного центра позволят перевести сформулированные стратегические цели и задачи вуза в конкретные действия. Планируемый и разрабатываемый творческим коллективом, пилотный вариант системы коллективного управления образовательным учреждением, в который входит автор тезисов, исполнит роль своеобразного катализатора определенных рефлексивных явлений в сфере высшего образования.

Литература

1. *Степин В.С.* Философия науки. Общие проблемы. М.Гардарики, 2007.- 384с.
2. *Лепский В.Е.* Гуманитарные технологии информатизации общества (на примере компьютеризации управленческой деятельности) // Научный альманах высоких гуманитарных технологий. НОВИГУТ №1, 2001. Приложение к журналу «Безопасность Евразии». С.132-146.
3. Рефлексивные процессы и управление. Сборник материалов VII VII Между-Между Международного симпозиума 15–16 октября 2009 г., Москва / Под ред. В.Е. Лепского – М.: Когито-Центр, 2009. — 272 с
4. *Лефевр В.А.* Стратегические решения и мораль // Рефлексивные процессы и управление. Том 2, №1, 2002. С.24-26.
5. Информационные технологии и ситуационные центры/О.С.Анисимов и др.; под науч. ред. В.А.Филимонова Омск: ОГИС, 2010, с. 9-28

Работа выполнена в рамках проекта №14.740.11.0994 от 06.05.2011г Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (мероприятие 1.4 – III очередь)

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА СУБЪЕКТОВ: СИНЕРГИЯ ИНТЕРАКТИВНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Е.И. Ярославцева (Институт философии РАН, Москва)

Современное общество как субъект становится все более сложным по своим характеристикам и в социологии его рассматривают уже не только как некое упорядоченное целое, структурно более или менее отлаженную организацию, но как в большой степени парадоксальное явление, в котором человек постоянно встречается с проблемами.[1] В контексте синергетического подхода здесь можно увидеть процесс постоянного становления сложной структуры субъекта, в которой человек является одной из важнейших фигур. Он своим поведением создает неустойчивость, динамичность социальных структур и одновременно выстраивает рефлексивную протекцию протекающих процессов, пытаясь найти точку баланса социальных и индивидуальных интересов.

Соотношения общественного и личного в социуме не может быть определено каким-то одним показателем, например, хорошими или, наоборот,

неблагоприятными, отношения общества и человека. Это динамичная, постоянно изменяющаяся система, ткань соотношений, удерживающая в обществе как социальный ресурс потенции индивида. В этом социальном пространстве проявляется синергетический, кооперативный эффект, когда соразмерные субъекты вступают во взаимодействие, сотрудничество, подключая свои рефлексивные способности, оценки собственных состояний и перспектив. Суть кооперации заключается в том, что объединение нескольких субъектов не является суммированием их возможностей, но порождает новое качество, давая нередко непредсказуемый результат. По мере возможности взаимодействующие субъекты пытаются управлять перспективой, создавая устойчивые партнерские связи с общей целью и задачами.

Создающие кооперативный, синергетический эффект объединения индивидов, превращаются в функциональную систему, обретающую свои собственные качества, которые могут достаточно долго оставаться вне понимания их участников, являясь, тем не менее, своеобразной рефлексией [2]. Важно заметить, что эти функциональные возможности начинают проявляться только в процессе активности такого субъекта и их невозможно предугадать, прогнозировать. Простейшие социальные группы, как правило, объединяют индивидов, усилия которых направлены на самоосознание, протест против подчиненной роли, существование в качестве живого ресурса определенной социальной группы или социума в целом. Кооперация усиливает возможности индивидов, но вот совместное соразмерное действие всегда остается проблемной областью. Здесь должна быть определенным образом намечена цель, движение к которой должно отличаться гибкостью и нести в себе свойства нелинейности.

Человек, являясь целостным субъектом, существует в пространстве интерактивной коммуникации с внешним миром, в которой по существу рождается личный опыт последовательного освоения и создания оптимальных соотношений. Опыт борьбы меняется на опыт диалога, который является более гибкой системой взаимоотношений, порождающей практику самоизменений, самоорганизации. Очень важно, чтобы человек осознавал свои континуальные соотношения как постоянно углубляющийся синергетический процесс и воспринимал данные знания как относящиеся именно к нему и умел применять такие знания к себе. Тогда человек может избежать ущемления своих интересов в практических отношениях с обществом. Можно заметить, что в определенном смысле человек, понимающий себя только через противопоставление социуму, обнаруживает свой инфантилизм. Он психологически остается в рамках подчинения, умея только отталкиваться от препятствия, но не опираться на него или на самого себя.

Для выхода из инфантильной модели очень важен опыт семьи, неслучайно называемой ячейкой общества. Это локальное, *соразмерное человеку* социальное пространство, в котором он буквально обретает себя. В семье он способен научиться самооценке, сменить зависимое положение на активное, обрести свободу и расширять ее, осознавая свою ответственность. В каком-то смысле семья осуществляет функцию социального вынашивания,

готовя человека к выходу в космос, а возможно и в хаос, социальных отношений. С того момента, когда у индивида развивается более глубокая рефлексия и он способен представлять себя как целостную динамичную систему, соотносящуюся с многообразными социальными структурами, он становится зрелым: он сам определяет свою перспективу и учится оптимальным образом соотносить себя с обществом, достигать положительных результатов, не дожидаясь, пока кто-нибудь сделает это для него. Хотя надо заметить, что зрелое развитие, где доминирующую роль начинает играть согласованное общение, т.е. управляемые синергетические процессы, является более сложным, требуя от человека, специальных усилий.

Человек проявляет себя как становящаяся система, проходящая периоды биологического, а так же социального развития, в которых происходит становление функции самоорганизации целостности. При этом человек всегда остается открытой системой, незавершенной в своем развитии, имеющей выбор. Но одно дело, когда он имеет выбор, но развивается за счет ресурсов родителей, социума, другое дело, когда он развивается, не требуя от них инвестиций. Именно в этом проявляется граница самостоятельности. И она, к сожалению, у современного человека отодвигается по возрасту на все более поздние сроки, хотя это совсем не значит, что человек стал медленнее развиваться. Современный человек в значительно опытнее своих сверстников в прошлом, а нередко, и самостоятельнее. Однако открывающиеся социальные перспективы, системы динамичных цифровых коммуникаций требуют от него гораздо большего опыта. И общество должно изобретать новые способы поддержки человека.

Возможно выделить определенную закономерность: чем лучше освоил человек опыт согласования своих возможностей с обществом, тем больше оно вкладывает ресурсов в построение перспективы, а значит, человек в отношении такой перспективы опять становится незавершенным. Партнерские согласованные отношения коммуникативной пары «человек-общество» становятся аттрактором, порождающим множество открытых свободных как индивидуальных, так и социальных систем. Это сегодня является общей культурной реалией, с которой можно связать идею гражданского общества. Всем членам общества, включающимся в перспективу развития, необходимо быть адекватным, соотнесенным с актуальными процессами развития общества. Достаточный уровень самостоятельности будет ими освоен только при последовательном вхождении в культуру, через приобретение образования.

Возникающая в социуме образовательная система, по существу, является пространством свободных коммуникаций, выборов направлений развития для человека и рождением новых тенденций для общества. Образовательная среда, как и всякая среда, является системным пространством, где человек развивается в определенном направлении. Освоив культурные навыки преобразования, самообучения, человек становится устойчивой рефлексирующей автопоэтической системой, проявляющей свои природные свойства, способной в своих действиях соотносить *возможности внешнего мира и потенции собственной природы*. Она порождает новые

функциональные возможности развития в форме устойчивых исследовательских систем. Развивающаяся таким образом сфера научных подходов превращается в социально значимый инструмент не только исследования внешнего мира как особой реальности, но и как средство прогнозирования. Наука, обладая большим объемом критериев оценок динамично развивающегося мира, способна подсказать, каким образом осуществлять соразмерное взаимодействие, реагировать на вызовы развития.

Современная наука постнеклассического типа становится все больше ориентированной на человека, отличаясь от прежних исследовательских подходов изменениями в сфере методологии, пониманием степени участия человека в сложении самих научных концепций, а так же последующем их практическом применении.[3] Открытия науки, её находки теперь не столько должны быть «поставлены на службу человеку», сколько изначально соотнесены с его потребностями. В постнеклассическом подходе выделяется «человекомерность» научного знания, подчеркивается, что ее эффективность связана с учетом комплекса антропологических факторов, развитием социальной среды и ее интерактивных коммуникаций. Научное открытие фактически уже «в зародыше», в своей потенции должно содержать возможность появления благоприятных перспектив и, следовательно, и может состояться только в том случае, если будет безопасно.

Такие рассуждения обычно вызывают протест, поскольку понятно, что предсказать благоприятность результатов не может никто. В этом случае мы встречаемся с давно сформировавшейся проблемой управления научным развитием, с формированием компетентного экспертного сообщества.[4] Понятно, что возникающие запреты, как правило, не дают в современном, активно живущем социуме, благоприятных результатов, а многообразные, в том числе и небезопасные поиски, уходят в тень, создавая еще большие риски.

Пройдя через серьезные кризисы в своем развитии, научная теория постепенно становится более гибкой, акцент переносится *на процессуальность*, самоорганизацию становящихся сложных системных объектов, позволяющих включить в себя и человека. Современная, – постнеклассическая – наука, поняв мир как человекомерную коммуникативную реальность, стремительно начала расширяться. Антропологическое знание в целом стало точкой роста науки. Так все проблемные сферы исследований, каким-либо образом соотносящиеся с человеком, стали именовать себя антропологией определенной области знания. Например, философская, этническая, религиозная, экономическая, синергичная, интегративная и пр. антропологии. Можно сказать, что сформировалось предметно-антропологическое древо, которое дает все новые ростки, показывая активный процесс самоорганизации науки и обновления ею своих собственных методологических оснований.

Необходимо обратить внимание на высокотехнологичную область сетевых коммуникаций, развивающихся на основе компьютерных систем, которые Обильные обратные связи порождают у действующего индивида устойчивое

ощущение свободы, становятся фактором, формирующие новые *зоны активности*, что очень важно для самостоятельности человека, а так же для систем образования в обществе. Компьютерные технологии, опирающиеся на аудиальные, визуальные и тактильные возможности человека, образуют новое интерактивное пространство, в котором можно сформировать ту систему взаимодействия с человеком, которая востребована его интеллектом, а так же психофизиологическим состоянием организма. Можно говорить, что на основе компьютерных технологий порождается новая образовательная среда, которая на совершенно ином качественном уровне способна откликнуться на потребности индивида. Она может превратиться как бы в его продолжение, стать его инструментом, как и все, что ранее осваивал человек.

При этом все более актуальными становятся *этические основания подобных отношений*. Даже при беглом знакомстве с этическими концепциями, можно сказать, что нравственные критерии, мораль являлись, по существу, системами нелинейной регуляции межчеловеческих коммуникаций, построения и инвариантного воспроизводства соотношений в открытых развивающихся социальных системах. Сегодня они могут явиться наиболее адекватным инструментом самоорганизации, требующими разработки соответствующих ценностных критериев развития для всей сферы науки и техники как инструмента деятельности человека.

Литература

1. *Тощенко Ж.Т.* Парадоксальный человек: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.
2. Проблемы субъектов в постнеклассической науке /Под ред. В.И.Аршинова и В.Е.Лепского. – М.: Когито-Центр. 2007.
3. *Астафьева О.Н.* Постнеклассические практики позиционирования в современном социокультурном дискурсе. – Постнеклассические практики и социокультурные трансформации. – М.: МАКС Пресс, 2009 . С. 109-123.
4. *Ярославцева Е.И.* Коммуникативно-когнитивные параметры информационных технологий и гуманитарная экспертиза. // Культура информационного общества и проблемы модернизации России. М.: МосГУ, 2011. С. 194-204.

Издательство «Когито-Центр»
ИД № 05006 от 07.06.01
Подписано в печать 5.10.11
Формат 60×90/16. Усл. п. л. 18,0.
Тираж 300 экз.
Отпечатано в типографии ООО «Белый ветер»